

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

12/94

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

- Материалы февральско-мартовского пленума ЦК
ВКП(б) 1937 года 3
- Участие СССР в корейской войне (новые до-
кументы) 30

СТАТЬИ

- В. В. Шелохаев — Либералы и массы (1907—1914
гг.) 46
- В. Л. Генис — Первая Конная армия: за кулисами
славы 64

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- И. И. Лещиловская — Карагеоргий 78

ВОСПОМИНАНИЯ

- Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева 91

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- Генерал А. И. Деникин — Очерки русской смуты . . . 114

Выходит
с 1926 года

ТОО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

С О О Б Щ Е Н И Я

- Ю. И. Кирьянов** — «Майские беспорядки» 1915 г.
в Москве 137

П У Б Л И К А Ц И И

- Письма Екатерины II Г. А. Потемкину (Вступитель-
ная статья **М. В. Бабич**) 151

Л Ю Д И . С О Б Ы Т И Я . Ф А К Т Ы

- А. В. Петров** — Марфа Борецкая 163
М. Ц. Арзаканян — Страница истории француз-
ского Сопротивления 168

И С Т О Р И О Г Р А Ф И Я

- В. Г. Косачев** — Книга исторических сенсаций . . 173
Г. С. Усыскин — Т. Э. О'Коннор. Инженер рево-
люции: Л. Б. Красин и большевики. 1870—1926 . 174
И. А. Дьяконова — Немецко-русские экономичес-
кие отношения в 1906—1914 гг. Документы . . 175
А. А. Мурадян — Б. В. Поспелов. Отношения Япо-
нии со странами АТР: социально-идеологичес-
кие аспекты 177
А. В. Гостенков — Место кайзера Вильгельма II
в немецкой истории 179
П. Ю. Уваров — А. Л. Ястребицкая. Европейский
город (Средние века — раннее Новое время).
Введение в современную урбанистику . . . 181

П И С Ь М А В Р Е Д А К Ц И Ю

- О. Ф. Соловьев** — О книге «1 августа 1914»
и ее авторе 183

- Алфавитный указатель материалов, опубликован-
ных в журнале в 1994 году 187

Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года

2 марта 1937 года. Вечернее заседание

Я г о д а. Товарищи, целиком признавая правильным анализ причин, приведших к огромному провалу, позорному провалу работы органов государственной безопасности, сделанный в докладе т. Ежова, со всеми данными в нем оценками, я считаю обязательным для себя сказать, что именно я являюсь виновником того состояния, которое нашел т. Ежов в органах НКВД. Проработав на руководящей работе в ГПУ, приблизительно 18 лет, я с особой остротой понимаю насколько правильно и точно вскрыты ошибки работы органов государственной безопасности.

Совершенно очевидно, что при правильной постановке всего дела в НКВД, мы должны были вскрыть все фашистские банды не только 4 года тому назад, а приблизительно в 1931 г., т. е. с момента начала их формирования. Моя ответственность усугубляется еще тем, что я, которому была поручена эта работа, имел систематические указания по этим вопросам не только в тех документах, которые перечислены в проекте резолюции по докладу т. Ежова, но также и неоднократные личные указания т. Сталина.

Я начну с 1931 года. В письме в «Пролетарскую революцию» в 1931 г. т. Сталин определил троцкизм, как передовой отряд международной контрреволюции. И в этом определении уже лежала целая программа для чекистов — в борьбе с контрреволюцией. Уже в этом определении совершенно точно указывалось, по какому направлению должны были повести эту борьбу с контрреволюцией чекисты, и как они должны вести борьбу. Из указаний т. Сталина также относительно того, что троцкисты действуют, как контрабандисты, т. е. как двурушники, мы должны были тогда, все чекисты, особенно работающие в секретном отделе, сделать совершенно определенные выводы для направления своей оперативной работы.

С особой остротой в 1933 г. т. Сталин на объединенном пленуме 7 января предупреждал, я хочу прочесть эту выдержку, она чрезвычайно сильна: «Надо иметь в виду, что рост мощи советского государства будет усиливать сопротивление последних остатков умирающих классов. Именно потому, что они умирают и доживают последние дни, они будут переходить от одних форм наскоков к другим, более резким формам наскоков, апеллируя к отсталым слоям населения и мобилизуя их против советской

власти. Нет такой пакости и клеветы, которую бы эти бывшие люди не возвели на советскую власть и вокруг которой не попытались бы мобилизовать отсталые элементы. На этой почве могут ожить и зашевелиться разбитые группы старых контрреволюционных партий эсеров, меньшевиков, буржуазных националистов центра и окраин, могут ожить и зашевелиться осколки контрреволюционных элементов из троцкистов и правых уклонистов. Это, конечно, не страшно, но все это надо иметь в виду, если мы хотим покончить с этими элементами быстро и без особых жертв. Вот почему революционная бдительность является тем самым качеством, которое особенно необходимо теперь большевикам».

К сожалению я, который должен был это сделать и быстро покончить с этим без больших жертв, к сожалению, не сделал. (М и к о я н. Не в этом главное, а главное — Кирова потеряли.) О злодейском убийстве т. Кирова скажу ниже. Это давало совершенно точные указания, что должны делать чекисты, почему же все-таки, несмотря на целый ряд указаний, несмотря на целый ряд личных указаний т. Сталина мне, почему все-таки у органов государственной безопасности в борьбе с контрреволюцией, с троцкистскими и зиновьевскими бандами получился провал? Я останавлиюсь на некоторых причинах не для того, чтобы оправдаться, а для того, чтобы все чекисты из этого дела извлекли такой урок, который бы предотвратил, сколько бы не существовала ЧК, повторение совершенных ошибок.

Нужно сказать прямо, что у отдельных работников Управления государственной безопасности в связи с ликвидацией капиталистических элементов города и деревни, появились настроения некоторой успокоенности и благодушия. Это началось примерно три года тому назад. Некоторые чекисты приходили ко мне и спрашивали, о какой-де тут серьезной контрреволюции может идти речь? (Л ю б ч е н к о. Как в 1932 году?) Да, в 1933 году. Я могу назвать фамилии. (К а м и н с к и й. Это самый боевой период.) 1933—1934 гг. (С т а л и н. Должно быть были такие элементы. Успехи есть...) В результате этих настроений, агентурная работа, которая всегда должна быть особенно заострена, начала передоверяться со стороны более ответственных работников менее ответственным. Руководство ею ослабилось несмотря на то, что агентура должна быть ведущей и основной частью работы Управления государственной безопасности. Всегда органы ЧК поддерживали широкую связь с массами трудящихся, но в это время замечается наибольший отрыв органов ГПУ от трудящихся масс.

Массы трудящихся оказывали органам неоценимые услуги постоянной помощью, своей повседневной информацией. Большинство наших дел были открыты не только кадровой агентурой, они открыты целым рядом информаторов — рабочих, шахтеров, которые и открыли нам, по существу, Шахтинское дело. Как оно было открыто? Товарищи, наверное, помнят, что в шахте был целый ряд «неполадок», как тогда называли. Товарищи, здесь выступающие говорили, в некоторые шахты Западной Сибири достаточно было войти, чтобы увидеть чужую, злодейскую руку контрреволюционера. Тогда, т. е. в 1927 г., целый ряд рабочих приходили в Шахтинский отдел ГПУ и говорили об этих «неполадках». Тогда был Орлов-Давыдов, Евдокимов был начальник Сев.-Кав. ПП. (Б а л и ц к и й. Немножко не так.) Нет, это так. К этому времени было довольно материала о неполадках, из которых с очевидностью вытекало, что это не «неполадки», а злостная рука врага. Когда доложили об этом Евдокимову, который вцепился в это дело и начал разматывать не как «неполадки», а как злостную руку контрреволюционеров.

Что происходило в это время с ЧК? Если бы мы не отошли от прямой связи с массами и не перешли бы на кадровую агентуру, а пользовались бы также широко, как раньше, информаторами, мы были бы в другом положении, чем оказались сейчас. Мы не имели бы на сегодняшний день двойную агентуру, благодаря которой не только был разложен аппарат Секретного отдела, но благодаря им — двойникам — мы потеряли связь с врагом и мы плутали среди врагов, как слепые кроты.

Как это ни печально, но вот, когда не работаешь уже четыре месяца

в органах ГПУ, когда обдумываешь все детали, то вспоминаешь и с особой ясностью, с особой полнотой представляешь все то, что можно было бы предусмотреть.

Мы могли бы ликвидировать заговор 1931—1932 г., т. к. основные нити были у нас в руках и т. Киров не был бы злодейски убит. Я приведу один пример, мой разговор с одним двойником, с Мусатовым. Мусатов — это крупный агент СПО по троцкистам, арестованный двойник-террорист, раньше выдавший не мало контрреволюционных групп. Когда я его спросил, почему он стал двойником... (Б а л и ц к и й. Мухин это не двойник, а член террористической группы.) Да, но и двойник. Мусатов ответил, что я одно время искренне работал для НКВД. Как Вы знаете, говорит он, я выдал такие-то и такие-то организации. Но меня передавали 6 раз, т. е. один работник передавал другому, или потому, что он ушел, или потому, что он перешел в другой отдел. И я, видя, что очевидно я не так нужен, видя, что тот чужак, с которым я говорю, недостаточно квалифицирован, он от меня не требует, не дает указаний, в каком направлении действовать, видя это, я решил ввиду того, что я все-таки троцкист и идейный троцкист, я решил, а ну-ка я попробую обмануть его. Попробовал один раз — вышло, а дальше уже стал двойником, давал ложные данные об организации.

Это так, потому что та квалифицированная агентура, которая у нас существует, она требует в свою очередь чрезвычайно большой квалификации от самих работников-чекистов, которые ею руководят, она требует чрезвычайно большого внимания к себе и эту агентуру надо очень умело и крепко держать в руках — начальнику отдела, управления. У нас, несмотря на целый ряд указаний, а в редких случаях начальник управления, а последнее время начальник отдела, имел собственную агентуру. (Б е р и я Без агентуры ОГПУ — это ничтожество.) Хуже, чем ничтожество, — обывательщина... (Б е р и я. Камвольный трест. О б щ и й с м е х.) Я сейчас подчеркиваю и это абсолютно верно, что именно отсутствие агентуры у начальников, было одной из самых больших ошибок. Основа, следовательно, в том, что мы настоящую троцкистскую агентуру потеряли только благодаря тому, что крупные работники не всегда занимались непосредственно этой агентурой. В отношении секретно-политического отдела я буду говорить особо потому, что у меня глубокое убеждение, что Молчанов предатель, потому что то, что говорил Ежов и мои наблюдения за этим делом, товарищи чекисты помнят наши споры относительно Молчанова... (Г о л о с с м е с т а. Чего тут спорить?) споры в отношении его поведения в деле троцкистов.

Но возьмем транспортный отдел. Ведь, если бы мы в работе транспортного отдела подходили к крушениям и авариям не с точки зрения технических неполадок, а брали бы дело глубже, мы — со стороны транспортного отдела — вскрыли бы эти вредительские, фашистские, немецко-японские шпионские организации. У нас всегда были споры с НКПС. НКПС в большинстве случаев говорил, что все эти аварии и крушения — это злой умысел и НКВД должно искать злостных виновников этих дел. Мы говорили: «Нет, это простые аварии из-за вашей невнимательности». Это было очень часто и под этим углом мы вели следствие. Когда мы вели следствие впутывался прокурор, который тоже вставал на ту же точку зрения, что это просто авария. Поэтому, если мы возьмем целый ряд процессов по авариям, то увидим, что там совершенно ясно говорилось не только о злом умысле, а там всегда фигурировал или один стрелочник, или один начальник станции, но целой организации не было. Но мы то, чекисты, должны были сделать вывод? Да, безусловно, т. к. это была основная нить, по которой должны были правильно вести расследование, найти общее в этих делах, во-время вскрыть работу контрреволюционных бандитских организаций на транспорте, а также могли прийти к раскрытию всей контрреволюционной троцкистской, шпионской организации.

Я должен прямо сказать, моя большая и самая главная ошибка заключается в том, что все нити оперативной работы не были сосредоточены у меня в руках, они были рассредоточены в разных руках. И я глубоко

убежден, что если бы я сидел только на УГБ, а не занимался всем аппаратом, всей этой громадиной, конечно, результат был бы другой, и результат был бы другой, если бы я меньше занимался строительством поручаемым НКВД.

Как же все-таки открылся заговор? Я уверен сейчас в том, что Молчанов является предателем. Как он был связан, с кем был связан,— то должно показать следствие. Мне трудно об этом говорить, потому что я его связей вообще не знал. Я не знал даже, что он был в близких отношениях с Фурером. (Шкирятов. Вот и плохо, что ты ничего не знал.) Очень плохо, что я этого не знал. Поэтому я и выступаю, что плохо, если бы было хорошо, я бы не выступал. (Чубарь. Он пользовался у Вас очень самостоятельными правами.) Нет, права были не очень большие. (Голос с места. Как он вообще попал на эту работу?) Молчанов старый чекист, работал в Западной Сибири. (Эйхе. Его из Западной Сибири выгнали.) Да, там было какое-то дело, которое не имело для него никаких последствий. (Эйхе. Вы поищите в делах и найдете. Мы с Плавуневским вспомнили, что его из Западной Сибири выгнали.) После этого он поехал на Северный Кавказ и работал там. После Северного Кавказа он переехал в Иваново-Вознесенск. (Ежов. Вообще, т. Ягода, его только по одному чекистскому стажу уже нельзя было держать на работе, потому что он воспитывался в бандах, которые шли все время против нас.) Я не знал и не знаю в каких бандах он был, так как такие вещи раскрываются при следствии или агентурой. Потом он перешел в наш центральный аппарат. (Голос с места. Сам пришел?) Перевели его в центральный аппарат в 1930 году. (Рындин. Кто-то переводил?) Конечно, кто-то переводил, не сам же он перелетел.

Раскрытие заговора началось с ареста Ольберга в Горьком. Это правильно, что он с 1931 г. был у нас все время на примете. Об этом я докладывал в свое время. После ареста Ольберга одновременно арестовали Гавена, Шемелева и Тарасова и здесь начинается очень интересная история. (Ежов. Какого Тарасова? Трусова.) Да, Трусова. Все сосредотачивается у Молчанова. Юшков и Валович едут в Горький, арестовывают там Ольберга, Федорова, передают их в Москву. Одновременно здесь в Москве ведется дело Гавена, Шемелева, Трусова и вырисовывается Сафонова и целый ряд других членов к.р. троцкистских организаций. Если вы помните, Николай Иванович, здесь чрезвычайно интересная вещь произошла. Ведь Молчанов два раза начинал кончать эти дела, два раза составлял списки, два раза я подписывал эти списки. Два раза с вами говорили об этих списках, два раза их задерживали, считая, что дела далеко не закончены. (Ежов. Да, один я вернул вам, а другой запер у себя в несгораемом шкафу и сказал, пусть постоит.) Теперь эти все дела виднее, а тогда это не было так хорошо видно.

Еще один характерный случай, Заковский его прекрасно знает, это дело «Шакалы» и «Академики». Заковский два раза посылает документы относительно контрреволюционной троцкистской организации, там проходили контрреволюционные террористы — Бусыгин, Кошелев, Карев и др. (Голос с места. Пять раз.) Да, да, пять дел. Помню дело «Академики». (Голос с места. Да не пять дел, а пятый раз.) Потом он, Заковский, прислал ко мне это дело и моей рукой там написано: «Молчанов, немедленно дайте распоряжение об аресте этих лиц». После этого он пришел ко мне и говорил, что для него еще не все ясно и он кое в чем сомневается. Я подтвердил распоряжение об аресте: «Давайте сейчас же распоряжение». Подозрений в отношении Молчанова у меня тогда не было. Я послал Миронова в Ленинград. (Заковский. Не так было дело.) Именно было так. Я послал Миронова по другому делу и сказал ему: посмотрите дело «Академики» и «Шакалы».

В это время Заковский их арестовал. Говорю прямо, подозревать Молчанова, тогда ни в чем не подозревал. (Каминский. Что же с Молчановым получается, не ясно. Жуков. Туман какой-то. Рындин. Как это получилось, что все это шло несколько лет, а вы не заметили этого?

Сталин. Кто его рекомендовал?) Не знаю, это было во время работы в ГПУ т. Балицкого, Акулова. (Б а л и ц к и й. Он был назначен до Акулова. В о р о ш и л о в. Все равно, кем бы он ни был назначен.) Я его не знал, знаю одно, что Молчанова я не назначал. (Ш к и р я т о в. А кто же?) Не знаю, возможно отдел кадров. (Ш у м, много реплик. Б у л а т о в. Вы, вы его назначали.) Я не назначал. (Б у л а т о в. Вы его назначали, вы его вызвали.) Дайте приказ. (Б у л а т о в. И вы его все время поддерживали. В о р о ш и л о в. Не в этом дело.) С Молчановым я лично работал с 1932 года. Я этого вопроса не поднимал, за деятельность Молчанова в органах ГПУ я целиком несу ответственность, никогда ее не снимал, не снимаю и снимать не собирался. (А н т и п о в. С кем спор был у вас в отношении Молчанова.) С рядом товарищей.

Целый ряд товарищей, Миронов в данном случае, видели какое-то странное поведение Молчанова в отношении тех протоколов, которые вел не он, та острота с которой он критиковал их у Миронова, вызывала раздражение. Но самое главное — это то, что Молчанов говорил, те допросы, которые вел Миронов, велись неправильно. Теперь-то видно, что Молчанов был чрезвычайно недоволен, что дело об этом заговоре велось целым рядом ответственных товарищей. Ведение дела контрреволюционной японо-немецкой троцкистской организацией — велось лично мною и мною роздано отдельным товарищам по группам, так как вели его Миронов, Берман, Слуцкий и другие, вело его также Управление Московской области, в том числе в данном случае Молчанов никак не мог смазать этого дела, ни изменить его направление, при всем его желании. Допросы вели Берман, Слуцкий, Димитриев, т. е. ответственные работники нашего аппарата. Таким образом, роль Молчанова в этом деле свелась на нет. Он пытался это дело «закончить», как вы уже видели, но этого не дали, тогда он два раза старается скомпрометировать дело остальных. Это особенно заметно и характерно в борьбе его с СПО ПП.

Я не знаю, чем кончилось дело с Фалихом и остальными, являются ли они правыми. Когда Дрейцер сознался, одновременно с этим сознался и Рейнгольд. Дрейцер сознался у Агранова, а Рейнгольд сознался, кажется у Димитриева. Когда Дрейцер и Рейнгольд сознались, то Молчанов прибегает ко мне с материалами Дрейцера и говорит: «Какой же тут второй центр открывается, как же это так». Я говорю: «Дрейцер показывает, значит это так». В это время дает показания Рейнгольд. Если бы дело было сконцентрировано только у Молчанова, оно было бы также смазано и кастрировано, как был кастрирован целый ряд дел, о которых говорил т. Ежов. Это троцкистское дело — я его вел лично все время. (Я р о с л а в с к и й. А как он мог кастрировать без коллегии Наркомвнудела.) Коллегии Наркомвнудела нет, есть Нарком и его заместители.

Каким образом, я не видел предательства Молчанова, не заметил его работу, каким образом все эти агентурные данные не попадали ко мне? О деле Зафрана я не знал, об этом деле мне сказал Реденс под самый конец его в июне или июле, в том порядке, что его вызывают в КПК по делу Зафрана. Показания Зафрана сейчас полностью подтверждаются. Это было в разгар всей работы. Если бы я ухватился за это дело Зафрана, если бы я его просмотрел в тот момент, конечно, все дело выглядело бы по-иному, мы бы сразу всех захватили. Молчанов же злостно мне этого дела не докладывал и только под самый конец о деле Зафрана мне рассказал Николай Иванович. (Г о л о с с м е с т а. Кто его осудил на пять лет?) Особое совещание. (Г о л о с с м е с т а. Под чьим председательством шло это особое совещание?) Надо посмотреть протокол. В особом совещании председательствуют т. Агранов, или я, или т. Прокофьев. (М о л о т о в. А без наркома такие вещи могут делаться в Наркомвнуделе — могут Зафрана послать в лагеря?) На особом совещании председательствует нарком или его замы. (Г о л о с с м е с т а. Заместитель может без наркома?) Заместитель может, если он председательствовал.

Моя ошибка заключалась в отсутствии в моих руках сконцентрированной всей оперативной работы, она не была сконцентрирована у меня,

а передоверялась моим помощникам, и второе, это то, о чем всегда, всюду и везде, и здесь в том числе, говорили относительно организации проверки исполнения, проверки всей работы так, как это было указано т. Сталиным на XVII съезде партии, где он говорил о правильной организации проверки исполнения: «Правильная организация проверки исполнения имеет решающее значение в деле борьбы с бюрократизмом и канцелярщиной. Проводятся ли решения руководящих организаций, или кладутся под сукно бюрократами и канцеляристами? Проводятся ли они правильно, или извращаются? Работает ли аппарат честно и по-большевистски, или вертится на холостом ходу,— обо всем этом можно узнать вовремя лишь в результате хорошо поставленной проверки исполнения. Хорошо поставленная проверка исполнения — это тот прожектор, который помогает освещать состояние работы аппарата в любое время и выводит на свет божий бюрократов и канцеляристов. Можно с уверенностью сказать, что девять десятых наших прорех и прорывов объясняется отсутствием правильно поставленной проверки исполнения. Не может быть сомнения, что при наличии такой проверки исполнения — прорехи и прорывы были бы наверняка предупреждены. Но, чтобы проверка исполнения достигла цели, необходимы по крайней мере два условия: во-первых, чтобы проверка исполнения была систематическая, а не эпизодическая; во-вторых, чтобы во главе дела проверки исполнения во всех звеньях партийно-советских и хозяйственных организаций стояли не второстепенные люди, а достаточно авторитетные люди, сами руководители организации». (Голоса с мест. Знаем. Ш ум.)

Я г о д а. Очень хорошо, что вы знаете доклад т. Сталина и я его знал, а вот то, что здесь говорит т. Сталин, в органах ОГПУ мною, к большому моему сожалению, лично проведено не было. Если бы у нас был этот прожектор,— это орудие в руках — проверка исполнения,— никогда бы Молчанов не мог покрыть ни одного дела, не мог бы скрыть агентурных дел и пойман, и разоблачен он был бы много раньше. (Голос с места. Кто руководил НКВД?) Последние два года я лично руководил органами НКВД, а этой систематической проверки, несмотря на то, что я передоверял ведение значительного количества дел, я не организовал в такой мере, чтобы это могло предупредить провалы в работе. Что толку, если были хорошие приказы, когда исполнение их не проверяли. В органах ОГПУ была некоторая замкнутость чекистов, они оторвались в некоторой мере от партийных организаций, и эта некоторая замкнутость чекистов, создавала положение, при котором мы варились в собственном соку. (Голос с места. Как это понять? Ш ум.)

Эта замкнутость выражалась в том, что мы с трудом принимаем к себе новых работников. Больше, чем нужно, мы всегда держались за старые кадры, не учитывая того, что изменения методов нашей работы, а это можно было делать на базе новых сил. Старые кадры — блестящие кадры, но не все. Были ПП, которые отошли, разваливали работу, мы их снимали с одной работы, но не отпускали, а назначали на другую. Есть ПП, которых нужно было бы отпустить во-время, мы их не отпускали, мы их берегли. Эта традиция ЧК, хорошая может быть в начале, но очень вредная и очень плохая на сегодняшний день. В этом отношении совершенно правильно замечание т. Ежова о так называемой чести мундира. У нас это чрезвычайно остро всегда воспринималось и защищалось. По-моему, он очень мягко в некоторых местах выражался. (Голос с мест. Не очень. Ш кирятов. В резолюции сильно написано.) Старый чекист, даже при совершении грубых ошибок, всячески выгораживался аппаратческими работниками. Его, что называется, старались не дать в обиду. Совершенно естественно, что такая постановка дела не могла не привести к тяжелым последствиям в той работе, которая была вверена партией нам — чекистам.

Относительно тюрем. Те настроения, которые существовали в ЧК в 1933—1934 гг., они, конечно, отражались и на самой тюрьме. Тюрьма являлась не наказанием в данном случае, а изоляцией. (Ш ум в зале. Голос с места. Как изоляцией?) Да, только изоляцией. Я лично не имел инспекции для того, чтобы мог проверять состояние тюрем. Те товарищи,

которые ездили в тюрьмы, мне не докладывали о том разложении, которое есть, потому что образцом нашей тюрьмы, тем чем она должна быть,— это была внутренняя тюрьма наших органов НКВД. Нужно было создавать такие образцовые тюрьмы и в Верхнеуральске, в Челябинске и в Нижнеуральске. Это положение с тюрьмами является не причиной, а следствием всей постановки работы, которая есть, было в то время. (Е ж о в. Но после убийства Кирова, Генрих помните, т. Сталин говорил специально о тюрьмах.) Видите, т. Сталин меня предупредил однажды насчет Молчанова. Он мне прямо сказал, что Молчанов, что-то Медведем от него пахнет, не похож ли он на Медведя? Я ему сказал, что Медведя в нем нет. И к Молчанову трудно было придаться. Человек работал день и ночь. (С т а л и н. Я сказал: либо он тупица, либо подозрительный человек.) Да, это было в 1935 году. (Д в и ж е н и е в з а л е.) Сосновский это тоже в своем роде плохая традиция ЧК. Сосновский был прислан сюда резидентом от Пилсудского. В 1920 г. он считался комиссаром бронесил. Арестовали его с громадным трудом. Дзержинский взял его на Западный фронт с Мархлевским и другими. Он выпускает воззвание ко всем польским офицерам. Это воззвание производит чрезвычайно большое впечатление на польской стороне. После этого воззвания он приезжает сюда и действительно в качестве консультанта помогает в работе — т. е. работал агентом, но не штатным сотрудником. После этого Мархлевский рекомендует его в партию. Дзержинский меня всегда предупреждал и говорил: Сосновского надо использовать на работе, но на Запад его не посылайте. Я к Сосновскому всегда подозрительно относился. Знаете, есть такое внутреннее чувство. Но очень ценил его. Он крупный, очень знающий работник. Я когда приехал, не помню, кажется я в отпуске был, он был назначен на Западный фронт Менжинским, я его же снял и после этого послал в Воронеж, причем предупредил, чтобы за ним посматривали. После послал его в Саратов и сказал то же самое, чтобы за ним посматривали.

Если Медведь благодаря плохой охране не смог охранить Кирова, то мы здесь также виноваты. (Г о л о с с м е с т а. Какая же охрана, когда вы троцкистов не брали и не арестовывали.) Тем более, что злодей Николаев — убийца Кирова,— заявил, что если бы был один человек при Кирове, он бы не решился стрелять. (Г о л о с с м е с т а. А почему у Кирова не было охраны?) Была, но очень плохая, потому что Киров никогда не брал ее, а в этом моя вина, что я не настоял. Но в данном случае аппарат ГПУ безусловно мог бы предотвратить это убийство. Если бы мы не имели Молчанова на секретном отделе, если мы, мы — чекисты, больше бы контролировали, а все эти агентурные данные, которые были у нас в руках, использовали бы вовремя, этого злодейского убийства С. М. Кирова не было бы, и в этом наша самая большая, ничем не поправимая вина. Тов. Ежов говорил о плохом следствии и это правильно. Тов. Сталин беспрерывно в течение всей моей работы указывал на плохое ведение следствия, о порядке допросов. Если бы следствие по делам контрреволюционной троцкистской банды велось так, как нужно было его вести, то даже по одному следствию можно было своевременно вскрыть этот контрреволюционный бандитский заговор.

Последний вопрос — это вопрос организационный. Организация ЧК не отвечала задачам борьбы с контрреволюцией при той консолидации контрреволюционных сил, которая наблюдается на сегодняшний день. Я этот вопрос о реорганизации не ставил и в этом тоже очень большая моя ошибка. Я, товарищи, хочу, чтобы этот урок, который получили все чекисты и я в первую очередь был и будет, я твердо уверен в том, учтен всеми. Я осознал полностью свои ошибки и только сейчас, перейдя в Наркомат связи, я вижу насколько агентурно бедна была наша работа, в частности и по этому наркомату. Те уроки, которые я получил, никогда не пройдут для меня даром, я их понял целиком. (Ж у к о в. Я с тобой десятки раз говорил на эту тему.) Эти уроки целиком и полностью осознал и они будут мною учтены целиком на новой работе.

А н д р е е в. Объявляется перерыв до 12 часов дня.

3 марта 1937 года. Утреннее заседание ¹

А н д р е е в (председательствующий). Слово имеет т. Заковский, следующий т. Агранов.

З а к о в с к и й. Товарищи, вчера мы заслушали доклад т. Ежова о предательстве и измене в аппарате государственной безопасности. Тов. Ежов вскрыл причины этого явления, дал анализ тому, что принесло нашей партии очень много горя и нанесло удар по экономике нашей страны.

Мы заслушали, я бы сказал, очень невразумительное выступление бывшего нашего наркома внутренних дел т. Ягода, и я думаю, что его выступление пленум ЦК партии удовлетворить никак не может. Во-первых, в выступлении т. Ягоды было много неправильностей, неточностей и, я бы сказал, никакой политики. Неверно, что у Ягоды были связаны руки и он не мог управлять аппаратом государственной безопасности. (Я г о д а. Я этого не говорил.) Именно это вы говорили. (Я г о д а. Я сказал, что не сконцентрировал в своих руках оперативного руководства.) Вы это руководство в своих руках сконцентрировали. Нам всем хорошо известно, что войсками НКВД лучше нас с вами управляет т. Фриновский, всем известно также, что т. Бельский занимался милицией, т. Прокофьев занимался административными вопросами, а Берман неплохо строит канал, так что оперативное руководство находилось в ваших руках. (Я г о д а. А что Агранов делал?)

А н д р е е в. Тов. Ягода, не мешайте оратору, я вас запишу.

З а к о в с к и й. Оперативное руководство находилось в ваших руках и если вы этого не видели, то это тоже минус для вас. Как известно, мало руки иметь. Руки имеют такое свойство, что для того, чтобы ими управлять, надо уметь хорошо работать головой. (В о з г л а с ы о д о б р е н и я.) А для того, чтобы работать головой, необходимо подобрать здоровый большевистский коллектив, к нему прислушиваться, его воспитывать и тогда с таким коллективом можно проделать очень большую работу. Я думаю, что в нашей стране на примере некоторых наркоматов доказано вполне, что если увлекаешься только своими талантами и способностями, то очень трудно управлять, очень трудно руководить, в частности, это относится к НКВД. А у нас с некоторого времени, надо сказать открыто, то, что делалось у нас в аппарате, далеко не похоже было на партийность. В нашем аппарате в течение нескольких лет отсутствовала партийность, большевистские принципы и на этой почве создавались интриги, склоки, подбор своих людей. (Я г о д а. Какие склоки, каких людей? Скажите, какие интриги?) А как вы вышибали т. Евдокимова, Акулова? (Я г о д а. Это не я вышиб, его сняли по директиве ЦК.) Вы очень часто, т. Ягода, в своих директивах ссылаетесь на директивы ЦК. (Я г о д а. И не без оснований). Иногда без оснований. Проводя свои директивы, вы всегда подкрепляли это тем, что они согласованы с ЦК. И поэтому, т. Ягода, вам постепенно мало-помалу удалось создать аппарат, подобрать в управление государственной безопасности своих людей, по существу не самокритичных, так что и формы управления при наличии такого аппарата были не совсем партийные. А что касается руководства периферией, то здесь дело было особенно плохо, здесь осуществлялся своеобразный феодализм. Наши периферийные работники это очень хорошо знают, так как испытали это на своей спине. Если выезжала на места оперативная группа для помощи тому или иному краю, который отставал в работе, это означало не помощь, а избивание младенцев. Вы также знаете, т. Ягода, что люди, которые проваливались по несколько раз, которые сидели на определенных участках по несколько лет и ничего по существу не делали, при вашей поддержке продолжали там сидеть и управлять. (Я г о д а. Так это те же, которые и сейчас существуют.) А вот Алексеев, который в Сибири провалил всю чекистскую работу. Потребовался приезд т. Молотова и его указания, чтобы Алексеев был снят с работы. Так вы держали Матсона. С Урала он был переброшен в Среднюю Азию, затем в Минск и, в конце концов, он провалился на уголовном деле и оставлять его было уже невозможно.

Вот такой происходил подбор безмолвного, не большевистского и даже преступного аппарата, отсутствие партийности в этом самом аппарате, выдвижение своих людей — пусть немножко шпион, как Сосновский, подозрительный немножко, но свой человек, который не выдаст. Пусть немножко дурак, как Матсон, но который тоже не выдаст, будет на вас ориентироваться. (Ягода. Вы же прекрасно знаете, что Матсон и Сосновский не мои люди.) Молчанов, который был в отряде Трофимовского, пусть был арестован, сидел за фальшивые деньги, но он кричит ура в пользу начальства, и таких немало. Вот для периферии вы удачно приспособили Миронова для всех этих экзекуций, для «избиения младенцев». Миронов сам мне говорил: «Надоели мне эти самые карательные экспедиции, эти выезды».

Тов. Ягода, в каждом крае, даже если плохо работали наши уполномоченные, хорошо ли, кое-какой агентурный материал по тому или другому делу имеется. (Голос с места. Мало этого.) Тот или другой материал в крае имеется о контрреволюции, о бандитизме, о должностных преступлениях даже при очень плохой работе. Если приезжает такая комиссия из центрального аппарата, она создает очень много шума и на этом же самом материале, который там находится, а считается, что центральный аппарат вытащил из оперативного прорыва то или другое управление. А результаты какие? Громкий приказ и никаких большевистских, партийных выводов и никакой помощи в дальнейшей работе.

Вопросы структуры аппарата. Ведь мы после XVII съезда партии не раз ставили вопрос, что пора и нам как-то перестроиться. Пора и нам в аппарате, где создалась очень большая неразбериха, где благодаря этому ставилась ставка на так называемые эффективные дела, это значит с участием какого-нибудь консула или просто иностранцев. В погоне за эффектами дела троцкистов и зиновьевцев были заброшены и не разрабатывались. Это было просто глупое увлечение в оперативной работе. Сейчас идет перестройка структуры. В этом аппарат Наркомвнудела уже разобрался.

Об агентуре и следствии. Посмотрите какие невероятные выкрутасы получились с агентурой. Тов. Ягода говорил вчера о психологии агента. Я думаю, что т. Ягода не особенно разбирается с этой психологией, ибо во время вскрытия вредительства в сельском хозяйстве из центрального аппарата была дана директива о том, что агентура — это чепуха, главное — следствие. Было это? (Голоса с мест. Было.) А агентура — основа основ всей нашей оперативной работы. Это для всех было ясно. Об этом также вчера в своем докладе говорил т. Ежов. Но в докладе т. Ежов ясно, красной нитью приводит доказательство, что за последние четыре года, по существу, управление аппарата государственной безопасности совершило большое политическое преступление — им по-партийному не управляли. Люди, руководящие центральным аппаратом управления государственной безопасности, может быть, в том числе и я, работник периферии, мы недостаточно остро, недостаточно крепко ставили вопросы, где следует, о не большевистских порядках в нашем аппарате. Четыре года по существу, вели неправильную линию в своей работе, вели неправильную политику, извращали те директивы, на которые вчера ссылался в своем выступлении т. Ягода, которые он непосредственно получал от ЦК партии и от т. Сталина.

Допустим, что этих директив он не получал. Но ведь сигналы и материалы в нашем аппарате были в достаточном количестве, они ведь красной нитью проходили по ряду дел — было раскрыто в 1930 г. дело Углanova — террориста, в 1932 г. дело террористов Эйсмонта и Рютина и других, если хотите, не только по троцкистско-зиновьевским делам замазывались данные о терроре. Возьмите белорусский национальный центр. Террористическая группа в составе националистической контрреволюционной организации, созданная польской охранкой для какой цели? Для убийства наших вождей в случае возникновения войны. Это давало сигналы для того, чтобы нам главное направление в своей работе взять на террористов, а особенно на троцкистов и зиновьевцев.

Делалось ли это? Не делалось. Были ли у нас сигналы, подбор материалов о троцкистах и зиновьевцах как о вредителях? Были. Вы помните, т.

Ягода, год тому назад я вам написал целую серию докладов. (Ягода. Вспомните свою работу в Сибири.) У вас путаются годы и цифры. Я из Сибири уехал весной 1932 г., к вашему сведению. Несмотря на то, что допустим, по белорусскому национальному центру были связи на Украине, связи на другие области, эти связи были оборваны. Оборваны они были потому, что в связи с этим делом возникли определенные трудности, в каждом деле они могут возникнуть. Центральный аппарат во главе с Ягодой отошел в сторону от этого дела и оставил Заковского объясняться с комиссией ЦК. Ягода наблюдал, выйдет или не выйдет, комиссия разобралась, нашла все в порядке, Ягода тогда нашелся и сказал: «Ну, знаете, у вас замечательное дело, очень хорошо вышло». А связи по полякам в Ленинграде, а материал о Домбале в 1933 г. как о польском шпионе? Почему эти материалы не реализовались? А когда ликвидировалось, допустим, польское контрреволюционное подполье в Белоруссии, приехал тот же самый Сосновский посмотреть, как ликвидируются диверсионные организации, созданные поляками на целом ряде узловых станций железных дорог для взрыва их в начале войны. Сосновский посмотрел, видит, что здесь ничего не поправишь. В Белоруссии кое-какие удары нанесли. Но связи на Украине и в Ленинграде остались нераскрытыми, таким образом, центральный аппарат этот материал зажал, скрыл. Это была работа Сосновского.

Вы помните, т. Ягода, год тому назад я написал вам целый ряд записок о плохой работе наших военных заводов: и по торпедо, и по артиллерии, и по танкам. Эти материалы, которые сейчас реализованы, доказаны следствием, проверены комиссией экспертов, говорят о том, что это было самое настоящее организованное вредительство со стороны зиновьевцев, троцкистов, немцев, поляков и ряда других иностранных контрразведок. Какое восприятие имел этот материал в центральном аппарате? Как Вы лично к нему отнеслись? «Где тут контрреволюция, где тут вредительство?» — Это вы мне говорили. А вот, говорит, что вы прозевали — педагогические извращения в средней школе и т. Жданов поставил этот вопрос, это вам минус в работе в Ленинграде. Так было дело. (Смех. Ягода. Ложь.) Я вам расскажу, как вы мною руководили и как мною руководил т. Жданов. Я, товарищи, хочу привести одну директиву от августа 1934 года. Это доклад т. Ягода на оперативном совещании работников Главного управления государственной безопасности. В этом докладе выдвигаются такие установки в нашей дальнейшей работе, дается направление, в наших ударах по контрреволюции. Первое — это охрана социалистической собственности. Ну, по-моему, теперь понятно из цифр, которые в своем докладе приводил т. Ежов, там говорится, что 80% дел было направлено именно на эту сторону. Второе — это фашистский террор. Террор это для нас не ново, мы знаем десятки лет, что фашисты занимаются террором. Третье — эсеры и меньшевики могут ожить, и четвертое — диверсии на военных заводах будут проводиться во время войны. К этому есть пояснение, что вредительство типа 1928—1929 гг. — это вредительство себя изжило или так потихоньку изживается. Диверсанты будут действовать исключительно в военное время и то они по сравнению с прошлым стали малочисленны. Вот это директивы. Нет ни одного слова ни о троцкистах, ни о зиновьевцах, не говоря уже о правых, кроме одной цитаты из доклада т. Сталина на январском пленуме, где говорится о методах работы классового врага. Я считаю, что в этой и не только в этой директиве дается установка, чтобы не обращали должного внимания на те материалы, которые имелись в наших руках по зиновьевцам и троцкистам, — в этом наша основная политическая ошибка и, если хотите, в этом наше преступление. Я считаю, что такая оперативная установка, она по-существу, прикрывает и террор, и вредительство, и шпионаж.

Так, товарищи, было до убийства С. М. Кирова. Тов. Ягода здесь вчера говорил, что у Кирова была охрана. Как надо понимать, когда имеются десятки террористических групп, то, я считаю, что даже хорошая охрана гарантировать безопасности не может. (Ягода. Неверно. Голос

с места. Охраны не было по существу.) Охрана была чепуховая, но если бы она была усилена в десять раз, то положение можно было бы спасти? Что вы, товарищ Ягода, ссылаетесь на одного Николаева, который в одном случае на вокзале не мог убить С. М. Кирова. Я считаю, что никакая охрана при существовании таких групп не могла давать гарантию полной безопасности. (Г о л о с с м е с т а. Гарантировать могла.) Я хочу говорить о политической линии после убийства С. М. Кирова. У нас считали, что с зиновьевцами покончено, так считал центральный аппарат, которым руководил т. Ягода.

А т. Жданов после убийства т. Кирова изо дня в день, во всех наших разговорах направлял аппарат Ленинградского НКВД на троцкистско-зиновьевское подполье. И я должен сказать, что может быть очень долго, но шаг за шагом, постепенно мы подошли агентурным путем по существу к блоку троцкистско-зиновьевского подполья. В начале 1936 г., наконец, заявил т. Ягода, что ЦК партии разрешил нанести удар по троцкистскому подполью. Удар тогда направлялся только в сторону троцкистов. Заранее было решено, что тех троцкистов, которые замешаны в контрреволюционных действиях выслать на Колыму. Когда в Ленинграде развернули операцию по агентурному делу, еще раз убедились мы, что здесь не только троцкисты, но и зиновьевцы, и по существу подтверждаются наши выводы о блоке. Я тогда, когда разобрался с материалом, сам попал в затруднительное положение — не получается одних троцкистов, тут и троцкисты и зиновьевцы. (С м е х.) И троцкисты, и зиновьевцы были объединены в одно контрреволюционное подполье. Когда я об этом сказал Ягоде, то он тогда заявил: «Какие там зиновьевцы, какие зиновьевцы, у вас все какие-то новости». Тем не менее это подполье состояло из троцкистов и зиновьевцев. И с самого начала мы правильно повели дело. Надо найти ответ, почему так растерялся аппарат центра? Я с Молчановым дела не решал, на это есть особые причины, говорил с ним только несколько раз и по телефону. Ягода говорит, что послал Миронова проверить дела академиков. Это неверное, Миронов занимался делом Гуревича и Быховского. По мнению Миронова дело академиков считалось бесперспективным. Он занимался делом Гуревича и Быховского, а ленинградский аппарат по делу академиков впервые получил указания на террористическую роль Каменева и Зиновьева в убийстве Кирова. Меня вызвали в Москву. Миронов передал мне мнение Молчанова, что надо срочно поставить вопрос о судебном процессе. Я считал, что это неправильно, заявил, что я буду категорически против процесса, так как это не даст нам раскрыть все дела до конца.

Еще одно обстоятельство. Когда Яковлев и Зайдель по делу академиков дали впервые показания на Зиновьева и Каменева, то была такая растерянность в центральном аппарате, как будто бы в аппарате не было агентурных данных для того, чтобы проверить это дело. Чем это объяснить? (Я г о д а. Растерялись-то вы, Заковский.) Растерялся не я, я об этом скажу. Я материалы не скрывал, теряться не от чего. Когда Карев дал показания на Бухарина и вообще на правых, я сообщаю Ягоде, что Карев дал показания на Бухарина. Ягода отвечает: «Какие там показания, какие там у вас правые». (Я г о д а. Неверно! Я считал все время Каменева и Зиновьева виновными в убийстве.) Я не знаю, что вы считали, а говорю как было дело. Вы спрашивали: «Какие там правые?» Я ответил: «Бухарин». Тогда вы сказали: «Вечно у вас такие дела». Я должен сказать, что очень убедительные показания давал Карев о контрреволюционной о работе правых. У нас в Ленинграде никакой растерянности вообще не было. Когда впервые Пригожин дал показания на Радека, вы тоже растерялись. Не верили? (Я г о д а. Я потребовал Пригожина в Москву.) Кого вы потребовали в Москву? Вы меня потребовали в Москву и сказали: «Что у вас такие жуткие документы?» Документы действительно жуткие, но документы оказались верные. Кто здесь растерялся — я или вы растерялись?

О вредительстве. Материалы о вредительстве начали поступать уже в начале следствия, а вы говорили, что никакого вредительства, только террор. По-моему, товарищи, дело не в Молчанове. Наша система

исключает то, чтобы один человек, в аппарате работая, мог бы у себя концентрировать оперативный материал и скрывать его от партии, от руководства НКВД, от страны. Здесь была целая линия контрреволюционных действий. (Голос с места. Это правильно!) Этого не может быть. Сама структура нашего аппарата это исключает. Здесь не один Молчанов виноват, были связи у Молчанова. Это подлежит детальному выяснению. А если допустим, только один Молчанов, если только Молчанов, Сосновский, Венецкий и ряд других шпионов сидели в аппарате государственной безопасности, за это тоже надо ответ держать, ибо за наши преступления наша страна несет большой ущерб в нашем социалистическом строительстве, а наша партия расплачивается жизнью лучших людей.

А н д р е е в. Слово имеет т. Агранов.

А г р а н о в. Тов. Ежов в своем ярком и обстоятельном докладе дал верную и ясную характеристику состояния и работы органов государственной безопасности, с предельной ясностью вскрыл причины провала органов государственной безопасности в деле борьбы с заговором японо-немецко-троцкистских агентов. Надо со всей определенностью признать, что с раскрытием этого заговора органы государственной безопасности опоздали, по крайней мере, на 4 года. Я должен, товарищи, со всей большевистской прямоотой и откровенностью признать, что этот заговор буржуазных реставраторов и фашистских агентов я проглядел.

Я должен заявить, что очень остро чувствую всю тяжесть своей ответственности перед ЦК нашей партии и советским правительством за позорный провал наших органов в деле борьбы со злейшими врагами коммунизма, за все те безобразия в работе наших органов, о которых говорил в своем докладе т. Ежов. Совершенно бесспорно, что если бы органы государственной безопасности проявили необходимую большевистскую и чекистскую бдительность и волю к борьбе с врагами советского строя; если бы они с необходимой остротой реагировали на сигналы агентуры о существовании троцкистского центра, организующего террористические покушения против руководителей нашей партии и правительства,— то заговор троцкистских мерзавцев был бы давно и полностью раскрыт и ликвидирован и гнусное убийство т. Кирова было бы предотвращено. Наша и, в частности, моя ответственность усугубляется тем, что антисоветский троцкистский заговор представлял собою весьма разветвленную организацию, имевшую свои группы на ряде промышленных предприятий, на транспорте и в ряде учреждений; что о составе троцкистского центра и его террористических намерениях знало большое количество людей. Казалось бы, при этих условиях, не стоило особо больших трудов вскрыть троцкистское подполье и своевременно пресечь террористический заговор троцкистской сволочи в корне. Органы же государственной безопасности безмолвствовали и бездействовали, тем самым фактически давая врагу возможность безнаказанно творить его черное дело.

Товарищи! ЦК нашей партии и лично т. Сталин неоднократно указывали нам на ошибки органов государственной безопасности и предупреждали о необходимости повышения революционной бдительности и улучшения методов борьбы с врагами Советской власти. В своем закрытом письме от 18 января 1935 г. об уроках событий, связанных с злодейским убийством т. Кирова, ЦК нашей партии сделал нам следующее предупреждение: «Не благодущие нужно нам, а бдительность, настоящая большевистская революционная бдительность. Надо помнить, что чем безнадежнее положение врагов, тем охотнее они будут хвататься за «крайнее средство», как единственное средство обреченных в их борьбе с Советской властью. Надо помнить, что непонимание этой истины сыграло злую шутку с работниками Наркомвнудела в Ленинграде. Пусть это послужит нам уроком».

Сделали ли мы и, в частности, я все выводы из указаний ЦК нашей партии и правительства? Учили ли мы полностью и до дна тяжкие уроки ленинградских событий? Надо прямо сказать, что те выводы, которые мы должны были со всей большевистской решительностью и быстротой сде-

лать, нами не были сделаны. Было сказано много слов, были изданы соответствующие приказы и циркуляры о перестройке агентурно-оперативной работы, но на деле никакой перестройки мы не произвели. Мы не сумели превратить Главное управление государственной безопасности в подлинно боевой, четко слаженный, бесперебойно действующий аппарат политического розыска, который был бы способен вовремя ухватиться за нужное звено в борьбе с врагом и обеспечить своевременное вскрытие и ликвидацию антисоветских формирований.

Как же, товарищи, могло случиться, что мы — руководители НКВД и, в частности, я, проглядели возникновение и развитие антисоветского троцкистского заговора? Если отвлечься от фактов прямого предательства, о которых говорил в своем докладе т. Ежов, то надо остановиться на следующей основной причине нашего провала. Эта причина заключается в том, что мы были оторваны от партии, тщательно отгорожены от ЦК нашей партии. Аппарат органов государственной безопасности воспитывался старым руководством НКВД в лице т. Ягоды в духе узковедомственного патриотизма. Под предлогом исключительной секретности чекистской работы чекистам в завуалированной форме настойчиво внушалась антипартийная мысль о том, что обращаться в партийную организацию с указанием на недостатки, имеющиеся в органах НКВД, безусловно зазорно, что это является грубейшим нарушением чекистской дисциплины и чекистской тайны и наносит ущерб ведомственной «чести».

Эй х е. Тов. Агранов, почему за последние пять лет ни одного представителя в Западносибирский край не назначили, предварительно не спросив меня или крайком? Почему все они назначались даже без запроса крайкома?

А г р а н о в. Я могу ответить. Не только без опроса крайкома, но и без какого-либо уведомления меня. (Эй х е. Люди назначались, снимались и никого при этом не спрашивали). Тов. Ягода может вам дать по этому поводу точную справку. (Шум в зале. Шкирятов. Не сбивайте его, дайте говорить.) Таким образом в корне подрезывались малейшие намеки на критику и самокритику в наших органах. Органы чека искусственно превращались в замкнутый мир, где нередко грубо, а иногда и под прямой угрозой, заглушалось всякое проявление политической и оперативной инициативы чекистов, которые осмеливались указывать своему начальству на необходимость принять меры против того или иного контрреволюционного формирования. Это, например, вскрылось на днях на партийном собрании в секретно-политическом отделе ГУГБ, где десятки чекистов указывали на практиковавшийся бывшим начальником СПО Молчановым неслыханный зажим самокритики и преступное подавление малейшей инициативы работников под угрозой репрессий. (Жуков. Кому Молчанов подчинялся?) Я скажу об этом дальше. Я особо хочу подчеркнуть, что чекистам, в том числе и руководящему составу, упорно прививалась мысль о том, что чека это свой дом, свое хозяйство, куда, стало быть, не может проникнуть луч партийного света. Вот показательный пример: летом 1936 г. мне пришлось договориться с т. Ягодой о созыве одной междуправительственной комиссии по линии прокуратуры и суда. Когда я ему заметил, что этот вопрос надо согласовать с секретарем ЦК ВКП(б) т. Ежовым, т. Ягода мне резко ответил: «Если вы не хозяин в своем собственном доме, то согласовывайте». Я само собой разумеется этот вопрос с т. Ежовым согласовал и ему об этом рассказал. (Голос с места. Значит, не хозяин.) Должен признаться, что такое откровенно «хозяйское» заявление т. Ягоды меня поразило. Я понял его, как проявление известного раздражения т. Ягоды против того партийного контроля, который осуществлял в отношении НКВД в последние 2—3 года т. Ежов. Меня это поразило потому, что никакого собственного дома, собственного ведомства у меня, как и у подавляющего большинства большевиков-чекистов, нет и быть не может, что мы никогда не противопоставим своих ведомственных интересов интересам нашей партии.

В о р о ш и л о в. Тов. Сталин специально указал Ягоде и вам, чтобы вы возглавили Главное управление государственной безопасности и потом

интересовался вступили ли вы в отправление ваших обязанностей. И вы вместе с Ягодой, мягко выражаясь, немного обманули нас. (К о с и о р. Просто соврали. А г р а н о в. Не так обстояло дело, т. Ворошилов.) А ведь т. Сталин сколько раз вас об этом спрашивал.

А г р а н о в. Действительно, еще в конце 1935 г. по прямому предложению т. Сталина я был назначен начальником Главного управления государственной безопасности. Я ждал выписки из постановления ЦК. Этой выписки не было до конца 1936 года. Когда я спрашивал Ягоду, что означает эта задержка, т. Ягода говорил, что, видимо, ЦК считает правильной точку зрения его, Ягоды, что Главное управление государственной безопасности должно возглавляться самим наркомом. А т. Ягода упорно в продолжение ряда лет сопротивлялся тому, чтобы кто-нибудь руководил ГУГБ помимо него. (М и к о я н. А почему вы не сказали ЦК партии об этом?) Я после решения ЦК заболел и долго отсутствовал. А когда я приехал, то занялся следственным делом по троцкистам. К тому же я должен был проявить в отношении себя немного скромности. Я считал, что если нет постановления ЦК о моем назначении начальником ГУГБ, значит, у ЦК имеются какие-то соображения на этот счет. (Я г о д а. А вы чем ведали?) Я скажу, чем я ведал. Не мешайте мне говорить. Оторванность от партии не могла не проявиться в той политической близорукости, которую обнаружили органы государственной безопасности в деле борьбы с троцкистской банды, правыми, диверсантами, шпионами, террористами. Аппарат секретно-политического отдела ГУГБ, основной задачей которого является борьба с антисоветскими политическими партиями и организациями, воспитывался в последние годы в том направлении, что троцкисты представляют собой сейчас либо разрозненные группы, либо не связанных между собой одиночек, и что поскольку нет открытых проявлений троцкистской активности, стало быть, можно не беспокоиться. При такой постановке дела ясно, что аппарат СПО не мобилизовывался на глубокое проникновение в троцкистское подполье. Я неоднократно в острой форме указывал на это бывшему начальнику секретно-политического отдела Молчанову, который внешне всегда со мной соглашался, саботируя затем все мои указания, прикрываясь при случае указаниями бывшего народного комиссара т. Ягоды.

Я должен сказать, товарищи, что Молчанов был формально подчинен мне, как заместителю наркома. Но на деле, в силу той системы руководства НКВД, о которой я буду говорить дальше, Молчанов непосредственно подчинялся народному комиссару т. Ягоде. Я должен сказать, что в свое время само назначение Молчанова начальником СПО поразило не только меня, но и всех чекистов, так как мы его считали одним из самых отсталых, одним из самых бездарных работников всей периферии. (Я г о д а. Хоть раз вы мне об этом что-нибудь говорили?) Я говорю об этом, товарищи, не для самооправдания. Моя ответственность за работу НКВД и Молчанова ясна. Я говорю это для того, чтобы вскрыть здесь на пленуме ЦК действительное положение вещей, которое привело к ослаблению работы НКВД. (М о л о т о в. Видимо, вы примиренчески относились ко всему этому делу. В о р о ш и л о в. Вы тоже бывали в политбюро очень часто и имели полную возможность переговорить обо всех этих вопросах.) Из дальнейшего будет видно, как это получилось. Я об этом скажу. Тов. Ежов в своем обширном докладе привел целый ряд фактов, свидетельствующих о преступном игнорировании Молчановым прямых сигналов агентуры о террористической деятельности троцкистов и правых. Мне хотелось бы для иллюстрации привести факт сопротивления Молчанова нанесению удара по троцкистам в 1935 году.

В середине 1935 г. т. Ежов сказал мне, что по его мнению и мнению ЦК партии в стране существует не вскрытый центр троцкистов. Тов. Ежов дал мне санкцию на производство операции по троцкистам в Москве. Я дал распоряжение о подготовке к производству этой операции Молчанову и довел об этом до сведения т. Ягоды. Под всевозможными предлогами и со ссылками на то, что подготовительные меры к этой операции еще не закончены, Молчанов к выполнению распоряжения не приступал. Я дал

тогда указание управлению НКВД по Московской области т. Реденсу представить справку о наличии троцкистских подпольных групп в Москве. Я получил от управления Наркомвнудела по Московской области обстоятельную справку, из которой было видно, что в Москве существует несколько десятков активных, законспирированных троцкистских групп, в том числе группа Дрейцера. Ввиду того, что мое устное распоряжение (у нас принято для быстроты давать устные распоряжения) не выполнялось, я отдал письменное приказание Молчанову немедленно представить мне план операции по ликвидации всех контрреволюционных троцкистских гнезд. (Голос с места. Письменный, а почему нельзя было иначе сделать. Почему нельзя было переговорить с Ягодой.) Я этот вопрос ставил и не один раз; ставил и на оперативных совещаниях, где также присутствовали и Молчанов и Ягода.

А н д р е е в. Ваше время истекло.

А г р а н о в. Я прошу дать мне 15 минут. (Голоса с мест. Надо дать А н д р е е в. Сколько дать? Голоса с мест. 10 минут.) Прошу 15. (А н д р е е в. 10 минут.) Молчанов пытался доказать, что активно действующих троцкистов в Москве вовсе не так уж много. Я все же несмотря на это, настойчиво предложил эту операцию провести. К сожалению, я после этого долго отсутствовал по болезни и уже в июне 1936 г. узнал, что операция по троцкистам проведена не была, что Молчанов после моего письменного приказания вызвал к себе ответственных оперативных работников УНКВД по Московской области и грубо выругал их за представленную мне справку, доказывая им, что никакого серьезного троцкистского подполья в Москве нет. Если добавить к этому сознательное игнорирование Молчановым всех сигналов агентуры о террористической деятельности троцкистов и правых, то станет ясно, почему аппарат СПО оказался не способным во-время вскрыть троцкистский заговор. (Б е р и я. А ты бы не приказы давал, а сам организовал.) Аппарат находился в руках Молчанова. (Г а м а р н и к. Получается так, что у Молчанова было больше власти, чем у наркома и замнаркома? Б е р и я. Сел бы вместе с Молчановым и сделал все дело.)

Я должен сказать, товарищи, что конкретная помощь со стороны ЦК нашей партии органам государственной безопасности неизменно спасала нас от провалов и ошибок и выводила нас на верную дорогу в борьбе с врагом. В этой связи я должен рассказать пленуму о том, как при помощи и благодаря указаниям ЦК нашей партии удалось поставить на верный рельсы следствие по делу троцкистско-зиновьевского заговора, вопреки той неправильной линии, которую приводили т. Ягода и Молчанов в этом деле. Молчанов определенно пытался свернуть дело и закончить следствие еще в апреле 1936 г., доказывая, что вскрытая террористическая группа Шемелева-Ольберга-Сафоновой, связанная с И. Н. Смирновым, и является всесоюзным троцкистским центром и что со вскрытием этого центра действующей троцкистский актив уже ликвидирован. Т. Ягода, а затем и Молчанов утверждали вместе с тем, что лично Троцкий безусловно никакой непосредственной связи с представителями троцкистского центра в СССР не имел. Это свое категорическое утверждение т. Ягоды сделал и в своем докладе на июньском пленуме ЦК в 1936 году.

Молчанов особенно старался опорочивать и тормозить следствие по делам террористических организаций, связанных с троцкистским центром, вскрытых управлением НКВД в Ленинграде и управлением НКВД Московской области. Молчанов, получив из управления НКВД по Московской области протоколы допросов троцкистов-террористов М. Лурье и Алина-Лапина, вскрывающие личную связь Троцкого с троцкистско-зиновьевским центром, эти протоколы, без всякого сомнения, забраковал и фактически на 3 месяца следствие задержал. Когда ко мне обратился т. Реденс с жалобой на действия Молчанова, я отстранил Молчанова от следствия по делу М. Лурье, Алина-Лапина и других. При таком положении вещей дело полного вскрытия и ликвидации троцкистской банды определенно было бы сорвано, если бы в дело не вмешался ЦК партии.

В июне прошлого года по возвращении моем после болезни секретарь

ЦК ВКП(б) т. Ежов передал мне указания т. Сталина на ошибки, допущенные следствием по делу троцкистов, и поручил мне принять меры к тому, чтобы вскрыть подлинный троцкистский центр, выявить до конца явно еще не вскрытую террористическую банду и личную роль Троцкого во всем этом деле. Указания т. Ежова были достаточно конкретны и давали правильную исходную нить к раскрытию дела. Именно благодаря принятым на основе этих указаний тт. Сталина и Ежова мерам удалось вскрыть всесоюзный и московский троцкистско-зиновьевские террористические центры и их полную деятельность, которая вам известна по материалам августовского процесса.

Однако, развертывание следствия на основе новых данных проходило далеко не гладко. Прежде всего, глухое, но упорное сопротивление новому действительному развертыванию дела оказал бывший начальник СПО Молчанов, который имел поддержку со стороны Ягоды. Пришлось, посоветовавшись с т. Ежовым, обратиться к весьма важным следственным материалам, которые имелись в управлении НКВД по Московской области, в связи с показаниями Дрейцера, Пикеля и Эстермана. Это дало возможность двинуть следствие на новые рельсы. Должен сказать, что определенное неверие в дело, в особенности в показания Дрейцера, Пикеля, Рейнгольда и Эстермана, давшие основу для раскрытия троцкистско-зиновьевского заговора, проявил и т. Ягода. (Ягода. В протоколах моей рукой все написано, можно прочитать.) Вы на протоколе допроса Дрейцера, где было сказано, что существовал московский центр, написали: «Неверно». В том месте протокола, где было сказано о получении Дрейцером письма от Троцкого, вы написали: «Не может быть». Все это есть, т. Ягода, все это сохранилось и может быть проверено. Как при такой установке т. Ягоды аппарат мог быть мобилизован на действительное развертывание следствия по троцкистам?

Повторяю, дело проходило далеко не гладко. Молчанов также встретил эти протоколы в штыки. Он потребовал, например, от Московского аппарата НКВД, чтобы в протоколе допроса Дрейцера было записано не «московский центр», а «московская группа». Я предложил Молчанову не извращать показания Дрейцера. Если Дрейцер говорит о существовании московского троцкистского центра, то именно так и следует это записать в протоколе. Сопротивление Молчанова мы при помощи т. Ежова сломали. В следствии активнейшее участие приняли тт. Миронов, Люшков, Слуцкий, Берман, Дмитриев и дело было развернуто в полном объеме. К числу тех вредных установок, которые отводили нас в сторону от опасного, активно действующего врага, относится и следующее указание т. Ягоды, которое, мне кажется, было не случайным.

В конце 1935 г. секретно-политическим отделом ГУГБ был арестован в связи с раскрытием серьезной контрреволюционной группы один из активных правых небезызвестный Куликов. Как я впоследствии узнал Куликов дал откровенные показания о существовании активно-действующих союзного и московского центров правых и их террористических установках. Но т. Ягода почему-то дал распоряжение Молчанову показаний Куликова не записывать, больше его не допрашивать и заключить его в изолятор. Дело Куликова было вновь поднято лишь осенью 1936 года. (Ягода. Протокол же был.) Я уверен в том, что если бы дело Куликова в 1935 г. не было таким, по меньшей мере, странным образом сорвано, мы вскрыли бы антисоветскую организацию правых года полтора тому назад.

Я должен сказать, товарищи, что моя вина заключается в том, что в тех случаях, когда указания т. Ягоды казались мне политически сомнительными (а он обычно прикрывался ссылками на указания ЦК), я не обращался в ЦК нашей партии для их проверки. Я сознаю, что это моя ошибка. (Берия. И плохо руководили своей собственной работой.) Я и не отрицаю этого. (Берия. Но вы были начальником секретно-политического отдела раньше, потом стали зам. наркомвнудела, и, казалось бы, работа Наркомвнудела кому-кому, а вам должна быть лучше всех известна, и формально эта работа за вами была закреплена.) Вскрытые сейчас в НКВД безобразия

свидетельствуют, товарищи, о том, что мы и, в частности, я недостаточно конкретно руководили аппаратом, не проявили должной настойчивости в том, чтобы наших оперативных работников, отвечающих за основные участки работы, вовремя и с подобающей силой повернуть в нужном направлении.

У меня лично не оказалось достаточной зоркости и бдительности для того, чтобы вовремя увидеть, что в одном из важнейших отделов ГУГБ — в секретно-политическом отделе свило себе гнездо прямое предательство, сознательно тормозившее и срывавшее борьбу с троцкистскими и правыми изменниками, террористами, шпионами и диверсантами. Если бы Молчанов, выявленный сейчас как предатель и прямой пособник злейших врагов партии и Советской власти — правых и троцкистов, был подвергнут в процессе работы бдительному и настойчивому контролю и конкретной проверке его оперативной работы, я думаю, что его изменческая роль была бы вскрыта значительно раньше. До разоблачения предательства Молчанова мне казалось, что его крайняя нетерпимость к периферийным аппаратам НКВД, проявлявшим инициативу в деле раскрытия антисоветской деятельности троцкистских мерзавцев, и его сопротивление следствию по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра объясняются только его карьеристическими соображениями и его политической ограниченностью. Мне казалось, что это человек тупой, ограниченный, способный на обман и надувательство. (М о л о т о в. Как он ни тупой, но он вас вокруг пальца обвел.) Это верно. Я неоднократно говорил покойному Менжинскому и т. Ягоде, что Молчанов нас приведет к беде. Моя вина в том, что я не довел дела до Центрального Комитета.

При сложившейся с давних пор системе руководства органами государственной безопасности Молчанов имел полную возможность и меня игнорировать, и фактически оставаться бесконтрольным. До прихода в НКВД нового наркома т. Ежова у нас не было единого руководства ГУГБ. Не было у нас единого руководящего штаба, который использовал бы все рычаги и резервы органов государственной безопасности для борьбы с контрреволюцией. Отсюда разноречивость в руководстве разными оперативными отделами ГУГБ. К этому надо добавить тот факт, что бывший нарком т. Ягода поставил дело руководства оперативными отделами таким образом, в полной мере игнорируя своих заместителей, фактически устранив их от действительного руководства оперативными отделами. Надо сказать, товарищи, что у нас ведь не обычный аппарат, у нас аппарат тайный. Если т. Ягода отдавал распоряжение Молчанову, он мог от меня это скрыть, и я мог бы об этом узнать через год. (Г о л о с с м е с т а. Имеете право проверять всю работу.)

Тов. Ягоды здесь заявил, что его ошибка заключается в том, что он не сосредоточил в своих руках руководства ГУГБ. Это неверно. Достаточно сослаться на практиковавшийся т. Ягодой в течение 1935—1936 гг. ежедневные оперативные совещания начальников отделов, которые явились суррогатом руководства ГУГБ, отнимали уйму времени, нас обезличивали и вносили только сумятицу в работу. Ответственные оперативные работники ежедневно по несколько часов к этим совещаниям готовились и тратили свои силы попусту. К этому я должен добавить, товарищи, следующее. Для того, чтобы правильно руководить, надо иметь возможность подбирать и расставлять людей. Но я должен сказать по личному горькому опыту, что при существовавших у нас условиях переставить человека, обнаружившего свою неспособность, с одного места на место, более ему соответствующее, удалить человека гнилого, разложившегося, выдвинуть на ответственную работу партийно крепкого чекиста, обладающего острой инициативой и волей к борьбе с контрреволюцией, мне, например, было совершенно невозможно. Тов. Ягода крепко держал в своих руках работу по кадрам и не давал возможности переставить людей.

Товарищи! Со всей очевидностью ясно, что старое руководство НКВД оказалось неспособным организовать дело охраны государственной безопасности. ЦК нашей партии поступил мудро, поставив во главе

Наркомвнудела секретаря ЦК нашей партии т. Ежова. Возглавлять боевой орган пролетарской диктатуры должен человек, облеченный полным доверием партии Ленина — Сталина. С назначением т. Ежова у нас повеяло крепким, оздоравливающим партийным ветром. Прошло всего каких-нибудь 4 месяца с момента прихода к нам т. Ежова и органы государственной безопасности начали быстро скрепляться крепким партийно-большевистским цементом, вновь набрали наступательную бое-способность и мобилизованы на сокрушение всех врагов коммунизма. Нет никакого сомнения в том, что под руководством и при помощи ЦК нашей партии и нашего вождя т. Сталина, под боевым сталинским руководством т. Ежова нам удастся в кратчайший срок по-большевистски исправить все свои ошибки, поднять боеспособность наших органов на должную высоту, научиться умело и вовремя выявлять врага, научиться, как нас неоднократно учил т. Сталин, доводить свои дела до конца, довести до конца дело полного разгрома троцкистских и других агентов фашизма и выкорчевать без остатка всех врагов советского строя. (М о л о т о в. А главное, не на словах, а на деле.)

А н д р е е в. Слово имеет т. Балицкий.

Б а л и ц к и й. Товарищи, мы все, старые чекисты, слушая обсуждение всех вопросов на пленуме и особенно доклад Н. И. Ежова, безусловно испытывали острое чувство стыда. Каждый из нас знает свою вину вне зависимости от того работает ли он в центре или на местах за тот позорный провал, который имеют органы НКВД в выполнении тех задач, которые на них возложила партия. Товарищи, на всем известных фактах я останавливаться не буду. А хочу сказать, что наша вина еще усугубляется и тем, что ежели хозяйственный или партийный работник виноват в том, что он не досмотрел троцкистов, двурушников, то мы, чекисты, виноваты еще больше, потому что мы в своем распоряжении имели такое острое средство, как агентуру, и эту агентуру мы не смогли как следует использовать и расставить. Мы даже не подобрали настоящей квалифицированной агентуры.

Я хочу, товарищи, остановиться на отдельных моментах работы, в частности, на украинской работе, потому что я почти всю свою сознательную жизнь проработал на Украине в органах ЧК—ГПУ. Я также хочу остановиться на отдельных прорывах и отдельных сигналах, которые шли с Украины. Еще в 1934 г. на Украине была вскрыта большая троцкистская организация, которая возглавлялась Коцюбинским. Коцюбинский, как вам известно, занимал крупное положение, был заместителем председателя Совнаркома, председателем Госплана Украины, членом Оргбюро ЦК КП(б)У. Та группа троцкистов, которую возглавлял Коцюбинский, тоже занимала достаточно видное положение на культурном фронте, в Госплане и т. д. И уже тогда, по показаниям ряда лиц мы имели сигналы как о тактических установках всесоюзного троцкистского центра, так и об отдельных персонах, входивших в его состав. Прежде всего в показаниях профессора Наумова — члена троцкистской организации Коцюбинского. Еще в сентябре 1934 г. были прямые указания на Пятакова. Были указания на то, что Коцюбинский поддерживал до 1932 г. связь со Смилгой и Преображенским, а потом установил связь, поддерживал эту связь и получал руководящие указания непосредственно от Пятакова до самого последнего времени, т. е. до 1934 года.

Конечно, ставить тогда вопрос в отношении Пятакова было трудно. Пятаков занимал, как известно, крупное положение, был членом ЦК. Но уже тогда, если бы наша центральная агентура работала как следует, можно было бы многое выяснить. (Е ж о в. Если бы эта центральная агентура была, Всеволод Апполонович, тогда можно было бы.) Если бы она была, эта центральная агентура и работала, то мы Пятакова могли бы разоблачить значительно раньше.

Второй, очень крупный сигнал. В октябре 1934 г. агентура показала относительно того, что член той же самой троцкистской организации, профессор Раппопорт-Дарнин заявлял: в центре внимания троцкистской организации стоит проблема войны. В связи с возможностью в ближайшее

время войны, троцкисты в их агитации ставят вопрос о необходимости переворота и возвращении Троцкого, то, что они в свое время называли тезисом Клемансо. Как вы видите, эти тактические установки организации были более или менее ясны. И понятно, если бы люди, которые руководили этим делом, обратили бы как следует по-настоящему, по-большевистски, по-партийному внимание на это обстоятельство, мы бы могли скорей разоблачить изменническую деятельность троцкистов.

Теперь дальше еще третий сигнал, тоже исключительно важный. В конце 1934 г. в Харькове была конференция группы троцкистов, которые потом были арестованы, где они приняли решение о терроре. Это была террористическая троцкистская группа, возглавляемая Перацким и Милославским. Собирались они еще до убийства Кирова, до ленинградских событий. Коцюбинский и вся его компания получила 5 лет ссылки. Террористическая харьковская группа получила 10 лет. На этом дело и закончилось. Мы только в 1936 г. вынуждены были вернуть из ссылки Коцюбинского и основательно выяснили роли, какую роль выполнял Коцюбинский в создании и разборе троцкистской организации на Украине. Тогда (1934 г.) по показаниям всеукраинский троцкистский центр выглядел так: Коцюбинский, Наумов, Винокур, Раппопорт-Дарнин, Броннов, Фалькевич, Тун, т. е. это культурная часть, если можно так выразиться, члены организации, работавшие на культурном фронте. Основной центр, руководивший террором в составе Коцюбинского, Логинова и Голубенко тогда еще не был нами открыт. Правда, я должен сказать, что от того же самого Наумова мы получили некоторые сведения о Голубенко. Наумов заявлял, что Голубенко руководит в Днепропетровске троцкистской организацией. Конкретных фактов они не приводили. Но я должен сказать и признать свою вину в том, что я не добился, не настоял у нас в ЦК КП(б)У на аресте Голубенко. Конечно, мы тогда рассуждали о троцкистах другими категориями, это совершенно верно. Многие из нас рассуждали об этом Коле Голубенко, что Коля Голубенко хороший парень, на фронте он сражался, имеет какие-то заслуги, от троцкизма отошел, не может быть, чтобы он продолжал троцкистскую работу. (Е ж о в. Подпольно мы, кажется, с вами называли его на пленуме?) Подпольно называли, совершенно верно. И вот, тогда решили, ни больше ни меньше как перебросить Голубенко на хозяйственную работу, и он на хозяйстве, на крупном строительстве тоже сумел провести кое-какую вредительскую работу. Здесь, конечно, моя вина, в частности, в том, что я не поднял крика по-настоящему у себя в ЦК КП(б)У.

Теперь по вопросу о нашем центральном руководстве. Что я спорил с т. Ягодой, это очень многим известно. (Г о л о с с м е с т а. Да, с давних времен.) В последнее время, принимая во внимание, что он был руководителем, эти споры носили вежливый и деликатный характер. Нужно принять во внимание, что субординация заставляла так поступать. (Г о л о с с м е с т а. Мешала субординация?) Относительно субординации я должен сказать, поскольку речь идет о нашем аппарате, если ты член ЦК, ты должен принять меры, придти в ЦК и сказать. Но субординация в нашем аппарате обязательна. Это не приходится доказывать. Что касается Ягоды, то у него получилась беспомощная, странная речь. Я думаю, что т. Ягода, хотя теперь после выступления Николая Ивановича в отношении того, что было проделано, должен был понять одно, что он наделал кучу политических ошибок, очень много ошибок. Что он оторвался от ЦК и что, наконец, он совсем не оперативный руководитель. Это он должен понять. А он выходит на трибуну и говорит следующее: я виноват в том, что я всех связей не держал у себя в руках. Я думаю, что было бы еще хуже, если бы эти связи он один держал, это было бы еще хуже. Тов. Ягода хотел себя сделать оперативным руководителем, он и сейчас мечтает об этом, как бы он занялся оперативной работой. (М о л о т о в. Неужели вы думаете, что главное — это оперативность или неоперативность. Не в этом главное. Г о л о с с м е с т а. А политическая сторона. М о л о т о в. Где политическая сторона?) Я сейчас как раз хотел об этом говорить. (М о л о т о в. Главное политическая сторона дела, вы — коммунист, а не только чекист.) Я и хотел

сказать, что у Ягоды не было политического лица. Возьмем, например, нашу работу по правым. Ягода не может указать ни одной директивы по этому вопросу. А как дело обстояло с троцкистами, об этом здесь говорилось достаточно. Партийное руководство, политическое руководство, связь с ЦК — в таком аппарате, как наш, это основа из всех основ.

Дальше я хотел несколько слов сказать о засоренности аппарата НКВД. Прежде всего, относительно Козельского. Хотя по показания Лившица связь Козельского с Лившицем относится к 1931—1932 годам. Это ни в коем случае не уменьшает моей вины и вообще все дело о Козельском надо рассмотреть как следует. Мы этим сейчас основательно займемся. Не надо забывать, что Лифшиц на Украине работал в органах ЧК в первые годы советской власти. У него, конечно, оставались и должны были остаться кое-какие связи, потом он опять возвращался на Украину, был на хозяйственной работе. Нужно будет сейчас еще крепче взяться и раскрыть все его связи. Предательская роль Молчанова совершенно мне ясна, на ней останавливаться не буду.

Два слова я хотел сказать относительно Сосновского. О Сосновском не может быть двух мнений, что это враг. Когда у нас, на Украине было вскрыто дело польской военной организации, то тогда уже по показаниям Лапинского — а Лапинский-Михайлов это очень крупный агент, присланный специально Пилсудским на Украину — тогда уже была ясна и понятна роль этого Сосновского. Тогда в Киеве, между прочим, произошел такой случай с Сосновским. Он приезжает допрашивать Михайлова-Лапинского. Михайлов-Лапинский подтверждает ему ряд фактов, разворачивает очень широкую картину подрывной вредительской, диверсионной и шпионской работы поляков. Сосновский в присутствии Лапинского вызывает одного из сотрудников к телефону и называет его фамилию для того, чтобы арестованный слышал, что допрашивает его Сосновский. И как только он произнес свою фамилию Лапинский-Михайлов буквально изменился в лице, не отказываясь от показаний, он стал давать их совершенно иначе, робея перед Сосновским. Затем Лапинского берут в Москву и через некоторое время расстреливают, хотя мы требовали чтобы Лапинского возвратили для дачи дополнительных показаний и для дальнейшего распутывания всего этого дела. Но его нам не вернули и расстреляли, потому что безусловно Сосновский был заинтересован в том, чтобы Лапинский не существовал.

Я по этому поводу говорил с т. Ягодой, но никаких мер предпринято не было, потому что все-таки Сосновский пользовался очень и очень большим вашим покровительством, Генрих Григорьевич. (Ягода. Никаким покровительством с моей стороны Сосновский не пользовался.) Безусловно пользовался, потому что он всегда был на очень большой работе и потому что он имел Ваши поручения по всем важным польским вопросам — и по вопросам о Домбале в 1933 г., и по другим польским делам, — везде мы встречались с Сосновским и всегда я говорил вам, что он предатель. (Ягода. Он был снят, а что он предатель, вы этого никогда не говорили.) Говорил неоднократно.

Я должен заканчивать. Я очень жалею, что не могу остановиться на вопросах о перестройке нашей работы, на том, что все-таки перелом в работе уже начался. Мы опоздали, безусловно, но сейчас и по вопросам агентурной работы, и по вопросам общего разворота работы мы безусловно имеем перелом. Заканчиваю. Сейчас наша задача — перестроившись в своей работе на основе решения ЦК ВКП(б), работать по-большевистски, по-настоящему, для того, чтобы смыть позорное пятно, которое на нас лежит, которое лежит на органах НКВД и восстановить прежний авторитет ЧК — НКВД.

А н д р е е в. Слово имеет т. Каминский, следующий т. Реденс.

К а м и н с к и й. Я взял слово прежде всего для того, чтобы рассказать об одном деле, с которым мне пришлось столкнуться лично в начале 1933 года. Это дело из серии тех, которые полностью подтверждают правильность анализа и выводов доклада т. Ежова. Я говорю в данном случае об одном из сигналов, которые уже в 1932—1933 гг. указывали на наличие

разветвленной террористической организации, действующей по определенной программе и в широком масштабе. В январе 1933 г. ко мне из Свердловска приехал профессор-коммунист т. Я. Лурье. Теперь он директор Свердловского областного института акушерства и гинекологии, орденоносец, это известный деятель по обезболиванию родов. Тов. Лурье обратился ко мне за помощью. Он заявил, что его травят за разоблачение троцкистов. В чем было дело? Лурье рассказал, что 19 сентября 1932 г. свердловский работник Дерябин, в прошлом очень активный троцкист, зайдя к нему на квартиру и будучи навеселе, повел с ним разговоры контрреволюционного, открыто террористического характера. Вначале Дерябин стал подъезжать к Лурье, хвалил его как научного работника, говорил, что такие люди нужны сейчас стране. Потом пошел в открытую. Он говорил, что колхозы провалились, что мужик не дает и не даст хлеба, что страна в безвыходном положении, что единственный способ спасти страну — это убить Сталина, что убить Сталина должен коммунист, иначе скажут, что убил кулак, что это имеет огромное международное значение, что он, Дерябин, думает так не один, а так думают многие большие люди в Москве, с которыми они имеют связи, что у них в Свердловске и на Урале имеется большая организация террористов и что они, уральцы, связаны в своей работе с Москвой. В конце разговора Дерябин спросил, заявив, что так должен поступить «каждый честный человек»: «С кем ты — с нами, или с ними?» Таково было содержание разговора с Дерябиным.

На следующий день этот Дерябин, должно быть очухавшись, прибежал к Лурье вновь с утра и стал отказываться от своих слов, заявляя, что он наболтал все это с пьяна, просил не придавать значения всему тому, что он говорил, никому не говорить. Лурье решил его успокоить и заявил, что он не собирается никому говорить об этом и передавать содержание разговора. Тогда Дерябин пустился в открытую вновь, вторично. Он рассказал, что в июле 1932 г. он виделся с Мрачковским, который думает также, как он, и что Мрачковский не один в этом деле. Мрачковский говорил Дерябину, что после устранения партийного руководства вернется Троцкий и в этом будет спасение. Этот второй разговор был 20 сентября 1932 года. Уже 22 сентября т. Лурье довел об этом до сведения Свердловской областной контрольной комиссии, до сведения члена комиссии Уфимцевой. Затем 23 сентября подал об этом письменное заявление секретарю областной партийной коллегии Моисееву. Уфимцева и Моисеев предложили т. Лурье молчать, не говорить никому, так как дело мол секретное и не подлежит никакому оглашению, сказав, что это дело будет разобрано. Так дело тянулось несколько недель. Через полтора месяца т. Лурье был приглашен в Свердловское управление Наркомвнудела. Следовательно, когда начал опрашивать и разговаривать с Лурье, показал т. Лурье заявление, оно тут же лежало на столе. (М о л о т о в. Кто в то время был начальником управления Наркомвнудела? Г о л о с а с м е с т. Решетов.) Нет, не Решетов. (М о л о т о в. Кто?) Решетова не было, он был в отпуске, а кто был — я не помню. (Г о л о с а с м е с т. Ну, ну, дальше.) Следовательно его подробно не расспрашивал, только задал вопрос: «Это то заявление, которое вы подали?» — «Да, то самое». Следовательно говорит: «Видите ли подобные вещи за Дерябиным не водились, так что дело Дерябина не представляет особого интереса. Кроме того, вы сообщили об этом в Контрольную комиссию». На этом визит т. Лурье в управление НКВД кончился. Как шло дело дальше?

Жена Дерябина — она была директором института акушерства и гинекологии, где работал т. Лурье (она же и познакомила т. Лурье с Дерябиным) — оказалась информированной о заявлении т. Лурье в областную Контрольную комиссию. И тут начинается травля т. Лурье. Его называют лгуном, клеветником, доносчиком, изображают психически больным. Партийная организация института грозит ему исключением из партии. Он подробно мне рассказывал, как тут наматывали одно на другое, вплоть до личных бытовых вопросов т. Лурье. Дерябин дает ему понять, что его убьют, если он не откажется от поданного им заявления. Вот такая обстановка создавалась вокруг Лурье. В таком

состоянии растерянности и подавленности он явился ко мне в январе 1933 года. Он не знал, что делать. В Контрольной комиссии он поддержки не нашел, в Наркомвнуделе дело положено под сукно, травля в местной организации, вплоть до угрозы исключения из партии. Я видел перед собой затравленного, задерганного человека. Он мне сказал: «Я разоблачаю троцкистов и нигде не могу найти правды. Может быть тут ошибка какая происходит?» Дело это было, как я уже сказал в 1932 г., в начале 1933 года. Как ясно теперь, эта троцкистская террористическая организация, орудовавшая на Урале...

Г о л о с а с м е с т. А вы что сделали?

К а м и н с к и й (поворачиваясь к президиуму). Можно говорить?

А н д р е е в. Говори, говори.

М и к о я н. Спрятал это дело.

К а м и н с к и й. И вот это дело, которое ясно было 4 года тому назад, о котором проговорился случайно Дерябин, было вскрыто только в 1936 году... (В о р о ш и л о в. О котором ты так давно знал?) В 1936 г. были арестованы как троцкисты, так и члены областной Контрольной комиссии Уфимцева и Моисеев, которые, как я уже рассказывал, предложили Лурье молчать. Такова фактическая сторона этого дела. Я рассказал это для того, чтобы показать, что вот и этот случай, и этот факт подтверждает полностью все то, что говорил т. Ежов: и порядок следствия, и ход дел, и политическую близорукость Наркомвнудела. (М о л о т о в. Это хуже, чем близорукость.) Хуже. (М и к о я н. Это соучастие). Я тогда же, в январе 1933 г., выслушав т. Лурье — он был у меня на квартире, я долго с ним разговаривал, выяснял все подробности, — выслушав Лурье, я ему сказал, чтобы он, не отходя от меня, полностью все изложил в письменном виде, все как было. Затем я позвонил т. Ягоде и сказал, что у меня есть крупное политическое дело. Я уговорился с т. Ягодой повидаться и передал лично т. Ягоде заявление т. Лурье, обратив его внимание на всю исключительную серьезность дела. (Е ж о в. Нужно сказать, что очень крупное дело вскрылось сейчас именно в связи с этими вещами.) Я сказал Ягоде, что т. Лурье заслуживает полного доверия. Я т. Лурье знаю по студенческой скамье и рекомендовал его в партию. Тов. Ягода, взяв у меня это заявление, сказал, что дело очень серьезное. На мое настойчивое предложение выслушать Лурье лично, который ждет у меня дома, т. Ягоды сказал, что Лурье ему не нужен. После этого, возвратившись домой, я сказал Лурье: «Знаешь что — немедленно уезжай обратно в Свердловск.» Я написал письмо т. Кабакову и предложил Лурье немедленно ехать к Кабакову. (В о р о ш и л о в. Еще поддел одного.) Нет. Я должен сказать, что как только Лурье приехал в Свердловск, тут же с поезда т. Лурье был принят т. Кабаковым и Дерябин был в этот же день арестован. Но несмотря на живейшее участие в этом деле секретаря обкома т. Кабакова, травля т. Лурье продолжалась через областную Контрольную комиссию, а во время чистки Лурье едва не был исключен из партии. (К о с и о р. Значит заступничество Кабакова не помогло Лурье?) Вскрытие троцкистской работы этой самой Уфимцевой и других затянулось. (Г о л о с а с м е с т. Еще один фигурант появляется.) Хотя Дерябин и был арестован в начале 1933 г., этому делу надлежащего хода не было дано. Мрачковский вовсе выпал из этого следствия, никаких связей с «большими людьми» в Москве, о которых говорил Дерябин, не было раскрыто. Троцкисты из областной Контрольной комиссии тоже оставались безнаказанными в течение длительного времени. Вот факт, который дополняет сумму фактов, рассказанных здесь т. Ежовым и другими товарищами. (Б е р и я. А все-таки, что же Ягода сделал?) Вы же слышали здесь, как у них все происходило с завами и замами. Я запрашивал т. Лурье о ходе дела. Он написал, что приняты меры, Дерябин арестован и прочее. Ну, если разобраться в этом деле, что я должен был свой собственный Наркомвнудел открывать? (С м е х. М о л о т о в. По крайней мере в ЦК пару слов сообщить.) Вячеслав Михайлович, я об этом сообщил ЦК. Заявление т. Лурье я передал т. Кагановичу. Тов. Каганович сказал, что это дело очень серьезное и предложил мне немедленно передать его т. Ягоде, что я и сделал. (К а л и н и н. Все сделал.)

В свете всех этих фактов, которые здесь были вскрыты — прямой террор и террористическая организация, связь с Москвой, Мрачковский и прочее — все концы чудовищного заговора врагов народа просились в руки, — это теперь совершенно ясно. Я хочу сказать, только одно, что... (А н д р е е в. Кончай. Г о л о с а с м е с т. Дайте минут пять. Продлить. Для закругления.) Товарищи, о чем свидетельствует этот случай? Этот случай не единичный, как это мы видели из доклада т. Ежова, — этот факт говорит о том, что руководство Наркомвнудела не поняло, не сделало политических выводов из той политической обстановки, которая была в стране в 1932—1933 годах. Эти годы были ответственными и труднейшими годами в истории нашей партии, в борьбе за социализм. Это были годы развернутого наступления в обстановке ожесточенного сопротивления классового врага. В этот период требовалась особая бдительность органов государственной безопасности. Именно в эти годы т. Сталин яснее ясного, с предельной четкостью для каждого, говорил, что враг будет пакостить, что методы его борьбы будут все более скрытыми, все более предательскими. Все вы помните образ нового типа кулака, который был нарисован т. Сталиным, не с обрезом в руках, а в личине мнимой лояльности и подлой работы исподтишка — разве это не был сигнал всем нам и в первую голову чекистам?

Тов. Сталин и ЦК прямо говорили, что неизбежно оживление троцкистской и правой сволочи, что надо быть начеку. Как раз в это самое время троцкисты, правые и другие двурушники начали готовить оружие террора против руководителей нашей партии. Как раз в это время они начали снюхиваться с разными иностранными разведками, подготавливали прямую продажу нашей страны японскому и германскому фашизму. Это надо было понять, почувствовать, уловить чекистам тем более, что сигналы были. Вместо этого налицо оказалась преступная политическая близорукость, ведомственная бюрократизация и засорение аппарата ГУГБ в самое серьезное и опасное время.

Вчерашнее выступление т. Ягоды лишний раз подтверждает это. Вчерашнее выступление т. Ягоды не было большевистским политическим выступлением, он признавался и каялся, но все доказывал, что он не при чем — «моя хата с краю». Это все стоило нам такой горестной потери, как смерть благородного сына партии С. М. Кирова. Я бы, товарищи, сказал, что т. Киров своею смертью как бы загородил дорогу преступным замыслам всей этой продажной сволочи, которая готовила удары нашей стране и нашему народу. Понадобилось, чтобы ЦК, лично т. Сталин, секретарь ЦК т. Ежов занялись вопросами Наркомвнудела, вопросами борьбы с троцкистско-зиновьевскими и другими двурушниками и врагами народа, чтобы раскрылось полностью, чтобы выявился этот провал в работе органов Наркомвнудела и все дело борьбы с врагами народа было поставлено так, как это нужно нашей партии и стране.

Товарищи, только что выступал здесь т. Агранов. Что он говорил? Мы были отгорожены от ЦК, луч партийного света не проникал в органы Наркомвнудела. Где же вы были раньше? Как вы смели молчать о таких делах? Что это такое? (Г о л о с а с м е с т. Правильно. В о р о ш и л о в. Член партии.) Член Центрального Комитета. Знаете, то признание виновности, которое было в выступлениях тт. Ягоды и Агранова — было сделано не по-большевистски. Я также человек доверчивый и делал глупости на своем веку, но, все-таки, если бы по такому делу пришлось выступать, то сколько бы ошибок не сделал, все выложил бы здесь перед своей партией. А вчерашнее выступление т. Ягоды? Оно было позорным для бывшего руководителя НКВД. Тов. Ягода показал себя непригодным для политического руководства таким делом как НКВД. Теперь у нас всех есть твердая уверенность в том, что работа НКВД пойдет и что величайшей важности дело охраны государственной и общественной безопасности будет обеспечено.

Товарищи, я хотел сказать еще два слова по поводу того, совершенно правильного предостережения, сделанного т. Ежовым, что найдутся люди, которые захотят свалить отсутствие собственной прозорливости,

отсутствие бдительности на недостатки работы НКВД. С такими попытками надо бороться самым решительным образом. Ответственность каждого руководителя сейчас не только не уменьшается, а возрастает во сто крат в свете уроков вредительства и ошибок НКВД. Нужно быть совершенно безнадежным человеком, чтобы не сделать для себя этого вывода из доклада тт. Молотова, Ежов и Кагановича. Когда т. Молотов произносил свою речь, то у каждого получилось впечатление, каждый почувствовал, что надо кончить с присущей нам многим политической доверчивостью, благодушием и слепотой. Я лично про себя скажу, про работу органов здравоохранения. Нет сомнения, что только из-за неумения органов Наркомздрава мы не можем открыть таких дел, которые наверное есть и в области бактериологической работы и в области эпидемической. Ясно, что там большая почва для вредительства и диверсий, мы просто еще не добрались до этого, как следует. (М и к о я н. В свое время это было открыто.) Да, в бактериологии. Ну, на этом я, пожалуй, кончу.

А н д р е е в. Слово имеет т. Реденс, следующий т. Евдокимов.

Р е д е н с. Товарищи, я уже не буду повторяться о том, что нам чекистам, сегодня особенно тяжело выступать. Я думаю, что мы все чекисты понимаем, что через нас и по нашей вине, по прямой нашей вине наша партия имеет очень много и наш народ имеет очень много жертв. Самая главная жертва — это наш Сергей Миронович. И дальнейшее то, что вот эти троцкистско-зиновьевские хвосты сумели за это время навредить. Как мы дошли до жизни такой? Почему вот там, в наших органах всегда говорили так, что в органах ЧК — лучшие люди, это зоркие люди, это передовая когорта, вооруженный меч. И как же все-таки мы до этого дела дошли, мы, которым партия оказала такое огромное доверие и такую важнейшую работу? Сегодня на этом пленуме мы должны посмотреть назад и сказать — что же мы наделали.

Вот, товарищи, я вам расскажу. Была тогда такая традиция, когда еще жил т. Дзержинский, что, что бы ни было на месте, с чем бы какой-нибудь начальник не приехал и что бы ни привез, по его мнению, какое-нибудь важное дело, т. Дзержинский всегда шел на то, чтобы с этим человеком поговорить. Он просматривал — какое дело, маленькое-ли, большое-ли дело, он в это дело вникал и он по этому делу давал целый ряд указаний. Он подбадривал работников-чекистов. Он говорил: «Товарищ, это дело у вас очень важное, это дело надо развернуть». Показывал как. Вызывал начальников отделов, помогал, как надо подойти к тому или иному делу. И во всем этом была мысль пытливая. Ну, хорошо; сегодня мы врагов разбили, а что же у нас будет завтра, кто сегодня самый главный враг, который хочет нанести нам, Советскому государству, нашему социалистическому государству, вред? Кто может нанести партии вред? Это были мысли т. Дзержинского. Откуда может партия получить удар.

И вот, товарищи, смотрите. Тут вчера т. Ягода говорил такие вещи, что видите-ли мы потеряли связь с массами и т.п. И вот, Шахтинское дело. Вы, т. Ягода, по-видимому не понимаете того, о чем вы говорите. Дзержинский нам говорил: «Держитесь ближе к массам, массы вам все расскажут, имейте связь с рабочими, они вникают во все, они вам обо всем расскажут». Но, т. Ягода, вы помните, что центр вредительства был установлен не здесь, центр был за границей, в Париже, что это мы огромное вредительство открыли, что мы подошли к низам по ниточке и все дело по цепочке раскрылось, хотя ниточка все время рвалась. И что мы видим, что действительно огромное вредительство было в пародном хозяйстве, только не мы с вами довели это дело до конца, хотя мы с вами имели огромные средства, имели деньги, имели людской состав очень хороший для того, чтобы бороться с нашими врагами. Но этого мы с вами не сделали пока.

Теперь, хорошо, мы имели момент, когда мы разбили кулака. Вот мы в 1930, 1931, 1932 гг. его громили и вот мы в это время, в горячее время, потеряли вкус и желание работать с агентурой. Между тем агентура могла проводить большую работу в городах. (Б е р и я. Кропотливую работу.) Что вы делаете, т. Ягода? Вы начинаете в 1933 г. всех чекистов убеждать в том,

что, вы меня извините, т. Ягода, потому что может быть здесь действительно сегодня неудобно говорить об этом, (Г о л о с с м е с т а. Сегодня только и надо говорить обо всем.) но у вас, в ваших речах тут был жаргон, вы нам разослали речь свою, в которой вы говорите: «Видите, мы контрреволюцию разбили, мы ее уничтожили и сейчас, вообще говоря, контрреволюция пойдет по каким-то невиданным каналам.» Тов. Ягода, если вы хотите, разошлите вашу речь членам пленума, поймут ли они что-либо из этой речи. Вы говорите, что контрреволюция идет по каким-то иным путям, но в этой речи вы ни одним словом о троцкистах, о зиновьевцах, о правых не обмолвились. И вторая такая же речь, где вы говорите, что вредители вконец разбиты, что вредители будут работать не так, как работали, что может быть будут диверсии, что может быть будут вредить во время войны и постараются взорвать некоторые наши заводы. Вот ваши директивы.

Теперь я здесь останавлиюсь также на тех сигналах, которые мы имеем о работе троцкистов и зиновьевцев. Что мы имели? Взять хотя бы дело Зафрана. Николай Иванович о нем вчера говорил подробно. Товарищи, каждый аппарат может ошибаться, но, когда Зафран показал, что есть Дрейцер, который имеет террористические намерения, что с Дрейцером есть кучка людей, что Дрейцер дает деньги на террористические работы, что было сделано? Забрали это дело, освободили Зильберма и Хрусталева. У Хрусталева была явка и главная квартира по слежке, как ходит машина т. Сталина, чтобы отсюда сделать покушение. И он делает вид, что центральный аппарат, Молчанов, выручил московский аппарат, который попал в руки провокаторов и попал в неудобное положение, что мы это дело замяли, а агента осудили. Он говорил, что об этом деле он не знал тогда. Не верно, вы знали об этом деле тогда же. (Я г о д а. Это совершеннейшая ложь, а почему же вы его не освободили, ведь он у вас сидел. Это преступление.) Когда Ягоде говорила центральная агентура совершенно точно и ясно о троцкистах, он говорил, что таких вещей у троцкистов быть не может. Он сказал: «Что вы нам говорите, мы у Троцкого чай пьем». (Г о л о с с м е с т а. Они одно время даже не знали, где Троцкий находится.)

Относительно Дрейцера я не буду себе это дело в заслугу ставить. Но должен сказать, что о Дрейцере мы писали 5—6 записок в центральный аппарат, чтобы его арестовали. И действительно оказалось, что Дрейцер состоял в центре и занимался террористической деятельностью. Вы слышали, что говорил Радек, что он помимо их центра начал разворачивать работу. Я добился постановки вопроса о Дрейцере только в апреле 1936 г., если надо, то у меня имеются документы, я могу доказать, как мы неуклонно ставили вопрос о Дрейцере. Снимает ли это с меня вину, что я не пришел в ЦК? Нет не снимает. Я виноват. Но я здесь на пленуме хочу рассказать, какая была обстановка. Дальше. Мы арестовали эмиссара Троцкого Арина-Лапина, который приехал по специальному заданию Троцкого, был у Троцкого и с Троцким имел разговор. Посылаем 21 марта 1931 г. показания, этот протокол показываем т. Ягоде. Тов. Ягода вызывает меня, вытаскивает этот протокол и говорит: «Что за возмутительный протокол вы прислали?» Я спрашиваю: «В чем?» — «Что вы дурак? Разве Троцкий может с таким человеком разговаривать, что вы думаете Троцкий по вашему артист что-ли?» А потом было решено, что надо пойти на крайние меры.

Тов. Ягода, я там не был, а говорил то, что слышал от Арина-Лапина, которому Седов сказал, что в СССР работает очень крупная троцкистская организация, очень крупную работу террористического порядка несет Дрейцер. Он говорил о том, что там же ведет большую работу Сосновский и целый ряд фамилий приводил. Может быть неправильно, но разве это подход руководителя? (Я г о д а. Это было указание о технике допроса, а не по существу.) Протокол Арина-Лапина до сих пор света не видит. Он у вас, а вы должны рассылать куда полагается, а не я.

Дальше, товарищи. Поступает протокол Лурье. Это профессор, который преподает древнюю историю в МГУ. Что этот профессор говорит? Что он, Лурье, приехал в Москву и имел свидание с Троцким и что он привез от Рут Фишер и Маслова директиву Троцкого о том, чтобы он имел свидание

с Зиновьевым здесь в Москве и передал бы Зиновьеву директиву Троцкого о том, что надо вступать на путь террора, надо с этим делом спешить. Теперь интересный штрих. Об этом же самом Лурье 5 января 1935 г. дает показания Сафаров, что в Москве живет Лурье, кличка его Эмель, что этот Эмель является ближайшим человеком Троцкого, что этот Эмель привез от Троцкого несомненно очень важную директиву. И вот, с января 1935 г. лежит протокол в недрах НКВД, никто по нему никаких мер не принимает. И когда в 1936 г. этот Лурье-Эмель дает показания, тогда, товарищи, я вам скажу такую вещь. Вызываются люди к Молчанову, Молчанов ведет себя совершенно потрясаяще похабно, он к работникам обращается: «Слушайте, что вы здесь несете? Как вам не стыдно? Ну, разве это может быть?» И он ставит так вопрос: «Я вам приказываю, чтобы ни один протокол, прежде чем вы мне не дадите его на согласование, чтобы ни один протокол не был дан на подпись обвиняемому». (Б е р и я. Кто это говорил?) Молчанов.

Теперь дальше, товарищи. Тут т. Ежов очень хорошо сказал о наших чекистах. Это действительно преданнейшие люди, это люди, которые не жалеют ни себя, ни своего времени. (Г о л о с а с м е с т. Правильно, совершенно верно. Ш к и р я т о в. Правильно, хороший народ.) И работают так, что это действительно является украшением нашим. И вот эти люди приходят ко мне и говорят: «Тов. Реденс, что же это делается? Мы плохо ли, хорошо ли, но мы стремимся к чему-то, обвиняемые дают показания, мы пытаемся как-то распутать дела, а кроме матерщины и похабщины мы ничего не видим». Я иду к т. Ягоде и говорю: «Почему Молчанов так себя ведет? Предположим протоколы не сходятся с нашим Шемелевским центром, куда входят Тарусов, Шемелев и другие, предположим, что главное в архиве, а не в терроре, но почему Молчанов позволяет себе такие вещи? Потом, откуда это взялось, что протоколы надо давать прежде всего на согласование этому самому Молчанову?» (Б е р и я. Это безобразие.) Я говорю: «Да это же не следствие будет. Какое мы имеем право, мы же большевики, какое мы имеем право, чтобы я, отбирая протокол побежал бы и сказал обвиняемому: «Я это дело согласую, подождите подписывать». А Ягода говорит: «А в этом ничего плохого нет». (Я г о д а. Я отменил это дело.) Я отменил, а не вы отменили. (Я г о д а. Неверно. Зачем врете?) Тов. Ягода, вы знаете немного меня, мне незачем врать. После этого, услышав ваш такой ответ, я пошел к Агранову и сказал: «Тов. Агранов, делаются совершенно возмутительные вещи: мой аппарат НКВД, который работает неплохо и который дает новые нити подхода к троцкистскому центру, его травят и травят бессовестным образом, травят унижительно». Я говорю: «Вступитесь за это дело, иначе я этому Молчанову морду набью.» (С м е х, шум в зале.) Это верно? Тов. Агранов? (А г р а н о в. Верно.) Зачем же я тогда пошел бы к Агранову? Я был настолько возмущен, что вызвал своих работников и сказал Агранову: «Вы сами разберитесь». А у себя в аппарате я сказал: «Боже вас упаси, какой-нибудь протокол давать на подпись. Что говорит обвиняемый — записывайте, а потом разберемся.» (А н т и п о в. Это в каком году было?) В 1936 году. (И в а н о в. Почему же вы молчали об этом?) Я скажу, почему я молчал. Теперь дальше. Арестовали мы Антонова, крупного зиновьевца. Он дал показания на Тивеля и целый ряд других людей и кроме того показал, что есть правый центр и действует террористическая группа. Протокол идет опять в центр. Мне Ягода говорит... Да, во-первых, он на своем оперсовещании показал, как безграмотно ведется следствие. (Я г о д а. Допрос.) Да, допрос. Он говорит: «Так как Агранову желает скрыть свою зиновьевскую работу, он нас тащит к правым.» И по поводу этого самого протокола, касающегося Агранова, мне т. Ягода говорит: «Тов. Реденс, у вас в аппарате что-то неладно. Давайте я вам пришлю бригаду, которая все проверит.» (Ж у к о в. Во главе с Молчановым?) Да, Штейн и другие. Я сказал: «Вот что, бригаду я вашу к себе не пущу. А что я могу сделать, чтобы чертей не делить, возьмите Антонова к себе, пусть Антонов вам дает показания. А бригаду вашу я к себе не пущу». Так и сказал.

Товарищи, я еще раз повторяю, что аппарат у нас хороший, люди хорошие, прекрасные большевики, которые эти троцкистско-зиновьевские дела вытягивали на себе. Но была такая попытка, хотели их, что называется, по мордасам: куда, мол, лезете. Вот говорят, был партийный дух в аппарате НКВД или его не было. Я скажу, что его не было, и скажу почему. Я приведу один разительный пример, который касается моей персоны. Перед убийством Сергея Мироновича у нас было одно очень яркое террористическое дело, в котором участвовал сын Эйсмонта, Волков и один работник НКВД, который об этом деле знал. Я пришел к Ягоде и говорю: «Вот какие показания даются. Эйсмонт и Волков имели в виду, что т. Сталин приедет в одну лабораторию и собирались или отравить его или убить.» Я предложил арестовать этих людей. Вы знаете, сколько было канители! Не дает арестовать и не дал арестовать! (Г о л о с с м е с т а. Кто не дал?) Ягода. (Я г о д а. Неверно это.) Нет верно, что Блохина и других вы не дали арестовать, а у меня есть факты. Убивают Сергея Мироновича. Я иду к Прокофьеву и говорю: «Арестую я этого Блохина.» Вы были в это время в Ленинграде, а мы арестовали Блохина и других. (Г о л о с с м е с т а. После убийства?) Да. Этот случай стал известен Политбюро. Меня вызывают. Я рассказал своему Политбюро, своему ЦК, как было дело. И вы знаете, что было? Реденс оказался предателем... (Я г о д а. Я с вами даже об этом не говорил.) Во всем аппарате стало известно, что Реденс предатель, он пошел в ЦК и рассказал об этих вещах. Все это знают. Правильно это, товарищи, или нет? (Г о л о с а с м е с т. Правильно. Так было. Я г о д а. Неверно это. Я с вами на эту тему не говорил даже.) И вот, товарищи... (Я г о д а. Мною даны были объяснения по делу Блохина.) Еще один факт, может быть о нем не нужно было бы говорить, но я все-таки скажу. Тов. Ягода, вы всегда и всем говорили, что вы постоянно Медведю твердили о том, чтобы он берег С. М. Кирова. А вот скажите, вы, т. Ягода, который всегда уверял всех и утверждал, что вы дальнозоркий, как охранялся С. М. Киров? (Я г о д а. Очень плохо.) А кто об этом должен был знать? (Я г о д а. Я.) А почему же вы нас, чекистов, всех подводите под удар. Почему вы такой паршивый руководитель? (Я г о д а. А почему же вы мне никогда ничего не говорили.)

А н д р е е в. Кончайте.

Реденс. Что я могу еще сказать. Может быть, тут я не вполне приятно, но как мог, рассказал. (Г о л о с а с м е с т. Ничего, неприятно, но зато здорово.) Товарищи, нашу вину чекистов отрицать нельзя. Она тут налицо. Кто из нас много виноват, кто мало, пусть рассудит наша партия и скажет, что и как, а я могу сказать только одно, когда пришел Николай Иванович, он на первом совещании сказал: «Если я в своей работе допущу что-нибудь неправильное, то вы чекисты — вы члены партии, можете пойти в ЦК, можете пойти в Политбюро... (Е ж о в. Правильно... К о н е ц р е - п л и к и н е у л о в л е н.) Он сказал: «Нет у нас ничего другого, кроме нашей партии, и кто пойдет к нашей партии, честь тому и хвала.» И вот, товарищи, я думаю, что вот это руководство наше в лице Ягоды, мы его смоем. Мы опять заслужим доверие у нашей партии. Я думаю, что больше мы таких ошибок не допустим. Повторяю еще раз, люди любят работу, любят советскую власть, любят нашу партию и любят Сталина. Это залог того, что мы больше нашему ЦК и нашей партии таких неприятностей не принесем.

(Продолжение следует)

Примечания

1. Стенограмма данного заседания пленума в стенографическом отчете не печаталась.

Участие СССР в корейской войне (новые документы)

№ 3

Из доклада начальника штаба 64 ИАК полковника Бережного на летно-тактической конференции по обобщению опыта боевых действий 64 ИАК, проведенной 7—8.02.1953 г. «Краткие итоги боевых действий частей корпуса, анализ воздушной обстановки и тактики действий наших истребителей».

Краткие итоги боевых действий корпуса.

...Наиболее целесообразно остановиться на этапе боевых действий после последней корпусной летно-тактической конференции, которая проводилась в конце августа месяца 1951 года. Весь этап можно разбить на три периода в зависимости от сроков пребывания в составе корпуса тех или иных соединений и частей.

— Первый период — с сентября 1951 г. по январь 1952 г. (5 месяцев). В этом периоде боевые действия вели авиадивизии полковника Кожедуба и полковника Куманичкина.

— Второй период — с февраля по июль 1952 г. (6 месяцев). Боевые действия вели дивизии полковника Шевцова и полковника Корнилова.

— Третий период — с августа по декабрь 1952 г. (5 месяцев). Боевые действия вели соединения и части полковника Комарова, полковника Еремина, полковника Гроховецкого и подполковника Доброва...

Наибольшее боевое напряжение было в первом периоде, в среднем в месяц производилось до 2400 боевых самолетовылетов или 25 вылетов на боеготовый экипаж. Самое высокое напряжение мы имели в ноябре 1951 года, когда за месяц было произведено корпусом около 3500 самолетовылетов или 35 вылетов на одного летчика.

Высокое напряжение в первом периоде и, в частности, в ноябре месяце 1951 г. объясняется большой активностью действий авиации противника в прикрываемом корпусом районе и недостаточной подготовкой частей китайских ВВС, которые боевых действий в тот период почти не вели. Нашими РТС отмечалось севернее рубежа Пхеньян, Гензан до 9000 самолетопролетов авиации противника ежемесячно. Наибольшее количество самолетопролетов противника было также отмечено в ноябре месяце — 9700. При этом, ввиду отсутствия в тот период визуальных постов, часть самолетопролетов противника не была учтена.

В дальнейшем активность авиации противника, вследствие понесенных

Окончание. См. Вопросы истории, 1994, № 11.

больших потерь от наших истребителей, снижалась. Одновременно снижалось и боевое напряжение — во втором периоде до 13 и в третьем периоде до 10 боевых вылетов на одного боеготового летчика. Общее количество боевых самолетовылетов, произведенных корпусом в третьем периоде, возросло за счет значительного увеличения (в два раза) количества боеготовых экипажей. Таким образом, можно сделать вывод, что за последнее время мы работали с небольшим напряжением и при необходимости можем его увеличить в 2—2,5 раза, т. е. можем производить в месяц до 5000—5500 боевых самолетовылетов.

Активность боевых действий наших истребителей можно определить по количеству участвовавших в боях экипажей, количеству встреч без ведения боя и по количеству боевых стрельб относительно боевых вылетов.

В первом периоде в боях участвовало до 50% всех поднимавшихся экипажей, а количество встреч без ведения боя составляло только 12%. Это говорит о высокой активности действий наших частей при выполнении боевой задачи в этом периоде. В дальнейшем мы наблюдаем снижение этой активности особенно в последний период с августа месяца. В среднем в третьем периоде в боях участвовало только 30% экипажей, а количество встреч без ведения боя достигло 50% от общего количества встреч с противником. Большое количество встреч без ведения боя в последнем периоде объясняется, с одной стороны, уклонением самолетов противника от боя и, с другой стороны, снижением активности действий наших частей против штурмовиков и недостаточной активностью летного состава в боях с истребителями противника. Уходящие группы противника, как правило, не преследовались.

Количество экипажей, применявших в воздушных боях оружие, в первых двух периодах было несколько меньше, в основном вследствие действия более крупными группами, чем в третьем периоде.

Активность действий групп наших истребителей в значительной степени зависела от инициативных и смелых действий ведущих групп и их тактической подготовки. Большинство встреч с противником, закончившихся без ведения боя, являются результатом недостаточно продуманного маневра на сближение, а в некоторых случаях и нежеланием отдельных ведущих вступать своей группой в бой с противником. Некоторые командиры частей, подразделений и их заместители мало летают на боевое задание, что не может не сказываться на активности и результатах боевых действий этих частей и подразделений.

Общие итоги боевых действий оцениваются прежде всего по результатам воздушных боев, по количеству сбитых самолетов противника, особенно бомбардировщиков и штурмовиков и наличию своих потерь, что в основном зависит от активности летного состава, его боевого опыта и подготовленности ведущих групп.

Сбито самолетов противника в среднем за месяц: в первом периоде — 74 самолета, в том числе 37 бомбардировщиков и штурмовиков; во втором периоде — 28 самолетов, из них 7 штурмовиков; в третьем периоде — 32 самолета, из них 5 штурмовиков. Таким образом, самые лучшие результаты достигнуты в воздушных боях в первом периоде, когда активность боевых действий истребителей корпуса была наиболее высокая. Особенно примечательно то, что 50% всех сбитых самолетов противника в этом периоде составляли бомбардировщики и штурмовики противника. Понеся большие потери, противник вынужден был в дальнейшем изменить тактику своих действий и сократить свою активность в прикрываемом нашими истребителями районе.

В первом периоде также были наименьшие свои потери. Соотношение сбитых самолетов противника к своим потерям составляло 9,2:1 в нашу пользу. Очень высокая эффективность.

В последующих периодах соотношение потерь было равно только 2,2—2:1 в нашу пользу, т. е. эффективность боевых действий снизилась. Свои потери увеличились в 2 раза. Особенно в этих периодах мало сбито штурмовиков противника (бомбардировщики в 1952 г. днем уже

не действовали). Основными причинами снижения эффективности боевых действий в 1952 г. явились:

— коренным образом изменилась воздушная обстановка и принцип боевого использования родов авиации противника;

— если в первом периоде обстановка была менее сложной, т. е. когда днем действовали Б-29 под прикрытием Ф-84, то во втором и третьем периодах противник в силу понесенных потерь совсем отказался от боевого применения Б-29 днем, значительно усилил свои ВВС в количественном и качественном отношении истребителями Ф-86, которые по своим летно-тактическим данным близки к самолету МиГ-15, что в целом сказалось и на эффективности боевых действий наших истребителей;

— если в первом периоде противник Ф-84 применял как истребитель, то в остальных периодах Ф-84 действует только как истребитель-штурмовик под прикрытием Ф-86;

— усложнением ведения воздушных боев против истребителей Ф-86 по сравнению с бомбардировщиками и истребителями типа Ф-84;

— дивизии, прибывающие на смену, имели ряд серьезных недостатков в подготовке, особенно по боевому применению. Организация поиска, групповая слетанность, полеты на больших скоростях и высотах являлись слабым звеном их подготовки. Летные кадры не имели практических навыков в управлении и руководстве боем частей в сложных условиях воздушной обстановки.

Эффективность боевых стрельб в воздушных боях также была выше в первом этапе, где на один сбитый самолет противника расходовалось 205 снарядов, или 4 человеко-стрельбы. В дальнейшем на каждый сбитый самолет произведено 6 стрельб и расходовалось 340 снарядов. Количество подбитых самолетов в то же время возросло с 20% до 40%. Это говорит о том, что эффективность огня в бою снизилась. Причинами снижения эффективности боевых стрельб во втором и третьем этапах были главным образом те же, которые снизили эффективность действий.

1. Ведение воздушных боев преимущественно с истребителями противника, сблизиться с которыми и поразить их труднее, чем, предположим, с бомбардировщиком или штурмовиком.

2. Недостаточная активность групп, слабая осмоторительность и плохое взаимодействие в группах, в результате чего группы попадали в такое положение, что часто были вынуждены вести оборонительный бой и применять огонь на отсечение. При тщательном анализе воздушных боев можно видеть, что в большинстве случаев первым атакует противник, а не наши группы. Отсутствовало также стремление довести бой до решительного поражения противника путем более настойчивого его преследования, что привело к росту процента подбитых самолетов от числа сбитых.

Одним из факторов, определяющих недостаточную активность наших истребителей, является также количество несостоявшихся встреч с противником. Правда, здесь играет большое значение и качество наведения, но не в меньшей степени возможность встречи зависит и от действий групп, от правильных решений командира группы, от быстрого и точного выполнения команд, передаваемых с земли, и правильно организованного активного поиска противника. Если противник атакует нас первым, это значит, что поиск в наших группах отработан недостаточно, наши летчики противника не видят, и в таких условиях не может помочь и наведение. В первом периоде несостоявшихся встреч было 20% от общего количества вылетов на перехват и свободную «охоту», во 2 и 3 этапах — 33—34%.

По результатам боевых действий частей в третьем периоде, т. е. частей, входящих в состав корпуса в настоящее время ... отмечается постепенный рост эффективности боевых стрельб и воздушных боев. По сравнению с первым периодом этот рост еще недостаточный, а в декабре месяце даже появилась тенденция снижения эффективности действий — уменьшилось количество сбитых самолетов противника, увеличился расход снарядов и количество стрельб на один сбитый самолет противника. Особенно отрицательным фактом явилось то обстоятельство, что мы, увеличив в декаб-

ре месяце боевое напряжение, произведя на 450 самолетовылетов больше, чем в ноябре месяце, активность своих действий снизили. Правда, в январе месяце части корпуса в общем повысили свою активность действий, особенно больших успехов добились по боевым действиям ночью.

Общие результаты и эффективность боевых действий каждой части, входящей в состав корпуса... Более активно действовали дивизии подполковника Еремина и полковника Комарова, имеющие значительное количество боев с противником. Дивизия полковника Гроховецкого и полк подполковника Доброва боев провели меньше. По количеству боевых стрельб, т. е. по активности групп в воздушных боях лучше в частях тт. Гроховецкого и Комарова, где 40% экипажей, участвовавших в боях, вели огонь по самолетам противника. Мало применяли в воздушных боях оружие летчики дивизии т. Еремина — всего 18% от общего количества участвовавших в боях. В части т. Еремина проведено много таких боев, где не стрелял ни один летчик. Например, 7 и 8 декабря 1952 г. частями проведено 6 боев в составе эскадрильи, в которых участвовало 42 экипажа, но не произведено по противнику ни одной очереди. Чем можно объяснить такое положение? Очевидно, или экипажи не могут сблизиться с противником на дистанцию действительного огня, или считают боем каждую встречу с противником, не вступая с ним в бой.

Встреч без ведения боя кроме тех, что засчитаны за бои, было: у полковника Еремина — 48%, у полковника Гроховецкого — 44%, у полковника Комарова — 45%, а у подполковника Доброва — 68%. Большой процент встреч без ведения боя явился результатом недостаточного боевого опыта летного состава и недостаточно решительных действий, о чем я говорил выше.

Какая получается картина? Возьмем части т. Еремина. Из каждых 100 поднимавшихся экипажей встречу с противником имели 88 экипажей, а если взять только те экипажи, которые направлялись на перехват, то процент встреч будет еще больше (около 95%). Из этих 88 экипажей в бой с противником вступили только 46 экипажей, 42 экипажа воздушного боя по тем или иным причинам не вели. В воздушных боях огонь по противнику вели только 8 человек из каждых 100 вылетающих экипажей. Надо прямо сказать, что процент стрелявших экипажей у нас слишком мал. Что значит для истребителей, когда в полку из 24 экипажей огонь по противнику ведут 2 летчика? Это значит, что полк своей задачи выполнить не в состоянии, т. е. эффективность действий истребителей корпуса явно недостаточна. Для успешного отражения налетов авиации противника, согласно существующим оперативно-тактическим нормам, необходимо, чтобы огонь на поражение вело не менее 50% всех экипажей, в полку не менее 12 летчиков...

Из дивизий лучших результатов добилась 133 ИАД, которая имеет 61 сбитый самолет противника при соотношении потерь 3,2:1, процент подбитых самолетов незначительный — 16%, безвозвратные свои потери 35%, т. е. две трети поврежденных в боях самолетов благополучно возвратились на свои аэродромы и восстановлены силами ремонтных органов частей.

Эффективность огня в воздушном бою в большей степени зависит от дистанции и ракурса стрельбы. При стрельбе с больших дальностей (более 600 м.) и особенно под большими ракурсами (более 2/4) меткость огня по таким целям как истребители и штурмовики резко падает...

Из приведенных данных можно сделать вывод:

1. Наиболее выгодными дальностями стрельбы в воздушных боях с истребителями и штурмовиками являются дальности от 200 до 600 м., с которых сбито 80% самолетов противника и на один сбитый самолет произведено только 3 человеко-стрельбы. С дальностей менее 200 м. огонь исключительно эффективный — огонь наверняка (всего 1,6 стрельбы на каждый сбитый самолет), но они в воздушном бою менее выгодны ввиду больших трудностей для сближения на такую короткую дистанцию, поэтому и сбито с этих дальностей только 6% самолетов. В некоторых случаях дает эффект стрельба и с дальностей 600—800 м., но с дальностей больше 800 м. стрельба бесполезна.

2. Наиболее выгодным ракурсом стрельбы в воздушном бою являются 0/4—1/4, при которых сбито 70% самолетов противника, на 1 сбитый самолет в среднем произведено 3 боевых стрельбы. Также достаточно эффективна стрельба и под ракурсом 2/4 — сбито 25% самолетов, но на 1 сбитый самолет приходится уже 6 боевых стрельб, т. е. в два раза больше. Ракурсы более 2/4 совершенно невыгодны, также как стрельбы с дальностей 800 м...

Около 30—40% всех стрельб произведено с дальностей более 800 м. и под ракурсом более 2/4, т. е. при таких условиях, когда возможность сбития самолетов противника мало вероятна. Несомненно, большая часть из этих стрельб велась не с целью поражения противника, а с целью его отсечения. Но это лишний раз подтверждает, что наши группы вели часто оборонительные бои, а не наступательные.

Если проанализировать результаты боевых действий лучших наших подразделений, то можно лишний раз убедиться в значении занятия выгодного положения для атаки. Лучшими эскадрильями в корпусе являются: 2 АЭ 518 ИАП, командир капитан Молчанов; 3 АЭ 147 ИАП, командир майор Афанасьев; 1 АЭ 676 ИАП, командир подполковник Гнездилов; 3 АЭ 415 ИАП, командир майор Петров; 1 АЭ 913 ИАП, командир капитан Бабич; 1 АЭ 726 ИАП, командир подполковник Дегтярев. В этих эскадрильях в среднем произведено стрельб под ракурсом до 2/4 и с дальностей до 800 м. около 80%, т. е. значительно больше, чем в других подразделениях частей. Поэтому и эффективность их действий значительно выше — на 1 сбитый самолет противника произведено по 3—4 стрельбы, а соотношение потерь составляет в среднем 7,5:1 в нашу пользу...

Одновременно я хочу кратко остановиться на боевых действиях частей ОВА ВВС Китая. В интересах более успешного решения боевой задачи, поставленной Военным Министром перед нами, командованием корпуса было уделено исключительно большое внимание оказанию помощи истребительным частям ОВА по вводу их в бой. Боевая задача ОВА выполнялась в тесном взаимодействии с истребителями корпуса на основе плана совместного использования сил. Большая работа проведена по передаче опыта боевых действий, максимально оказана помощь в организации боевого управления. В результате проведенных мероприятий по организации взаимодействия и вводу в бой частей, ОВА в последнем периоде значительно повысила активность и эффективность своих действий. Например, за ноябрь — декабрь месяцы части ОВА произвели 2078 боевых самолетовылетов, провели 51 групповой воздушный бой с истребителями и штурмовиками противника. В боях стреляло 120 летчиков, сбито 32 самолета противника. Свои потери составляют 13 МиГ-15. Таким образом, части Объединенной ВА при активной поддержке истребителей корпуса получили достаточный опыт ведения воздушных боев.

Итоги боевых действий ночью. Боевые действия по прикрытию объектов в темное время суток корпус начал вести с сентября 1951 года.

Вначале действовал 351 ИАП на самолетах ЛА-11. Опыт боев показал, что истребитель ЛА-11 может успешно действовать на малых и средних высотах против бомбардировщиков типа Б-26, но на больших высотах малоэффективен (более 5000—6000 м). Ввиду этого, для действий ночью были подготовлены на самолетах МиГ-15 одна эскадрилья 351 ИАП и одна эскадрилья соединения т. Комарова, которые приступили к выполнению боевой задачи в мае 1952 г. С декабря еще начала действовать одна эскадрилья соединения т. Гроховецкого...

Всего произведено 1487 боевых самолетовылетов, из них 800 вылетов на самолетах ЛА-11 и 687 вылетов на самолетах МиГ-15 бис. Противник в прикрываемом корпусом районе произвел ночью 7592 самолетопрелетов, но из них в прожекторных полях было не более 20%. Отражение налетов бомбардировщиков вне СПП представляет большие трудности вследствие сложности наведения, не позволяющей использовать все силы наших ночных истребителей.

Проведено 55 одиночных воздушных боев, в которых сбито 24 самолета.

та противника, в том числе 18 Б-29, 5 Б-26 и 1 Ф-94. Кроме того, подбито 11 бомбардировщиков противника Б-29 и Б-26. Свои потери составляют 1 летчик и 2 самолета МиГ-15 бис.

Боевые действия истребителей ночью по активности и эффективности можно также разделить на два ярко выраженных периода боевых действий.

Первый период — от сентября 1951 г. по декабрь 1952 г.

Второй период — от декабря 1952 г. по настоящее время.

Коротко эти периоды характеризуются следующими данными. За первый период произведено 1256 самолетовылетов, проведено 38 одиночных воздушных боев, сбито 13 самолетов противника. В среднем на 1 сбитый самолет противника произведено 97 самолетовылетов.

Во втором периоде произведено 231 с/в, произведено 17 одиночных воздушных боев, сбито 11 самолетов противника. В среднем на 1 сбитый самолет противника произведено 21 самолетовылет.

В результате нанесенных противнику потерь последний резко снизил свою активность в районах севернее рубежа Пхеньян, Гензан.

Эффективность боевых действий ночных истребителей в настоящее время достаточно высокая.

Повышению эффективности действий истребителей ночью способствовали проведенные мероприятия командиром и штабом корпуса, в результате чего мы добились:

1. Сочетания слаженной и четкой работы летного состава, боевого расчета и операторов РТС.

2. Использования относительно большого количества ночных истребителей (10—12 самолетов одновременно) для уничтожения бомбардировщиков на дальних подступах вне СПП и в СПП.

3. Разработаны варианты освещения и сопровождения цели по основным направлениям заходов бомбардировщиков противника на объекты по системе «Шоран». Для целеуказаний истребителям направления выхода бомбардировщиков специально выделены прожекторные станции.

4. Расширения светового прожекторного поля за счет прожекторных частей НОА Китая.

5. Проведения летно-тактической конференции ночных экипажей совместно с офицерами ЗА и ЗПр, на которой был обобщен опыт боевых действий ночью и разработаны меры по повышению эффективности действий.

6. Проведения конференции по обобщению опыта и улучшению работы прожекторных подразделений в условиях помех.

7. Повышения помехоустойчивости РТС за счет ввода в действие РТС «Перископ».

8. Проведения специальной подготовки офицеров-руководителей ночными действиями по управлению и наведению с экрана выносного индикатора РТС «Перископ» и двух столов наведения.

9. С летным составом проведено тщательное изучение поиска самолетов противника вне СПП в лунную ночь на фоне луны и при других условиях.

10. Повторного изучения летно-тактических данных самолетов Б-29, Б-26 и их уязвимых мест.

11. Систематического проведения командирами разборов боевых действий за ночь с подробным анализом успешных и неуспешных воздушных боев, проведенных летчиками.

12. Изучения декадных обзоров и обобщения опыта боевых действий частей корпуса и доведения его до летного состава.

13. Улучшения воспитательной работы с летным составом и мобилизации его на повышение боевой активности...

Лучших результатов в боях ночью добились летчики: зам. командира полка майор Карелин, сбивший 5 Б-29 и 1 РБ-29, майор Душин — 2 Б-26, капитан Добровичан — 2 Б-29 и другие.

Соотношение потерь составляет 10:1 в нашу пользу. На 1 сбитый

самолет противника израсходовано 220 снарядов. Но это только начало успешной боевой работы ночью. Мы должны ее развивать и совершенствовать.

ЦАМО РФ, ф. 64 ИАК, оп. 174045, д. 167, лл. 15—32.

№ 4

Доклад Военного Министерства СССР И. В. Сталину о мероприятиях по повышению эффективности боевых действий 64 ИАК, направленный одновременно в копиях Г. М. Маленкову, Л. П. Берия и Н. А. Булганину.
№48321

28.05.1952 г.
г. Москва

товарищу Маленкову Г. М.
товарищу Берия Л. П.
товарищу Булганину Н. А.

Представляем копию доклада, направленного нами товарищу Сталину, о мероприятиях по повышению эффективности боевых действий корпуса т. Лобова и замене авиадивизий, входящих в состав этого корпуса.

Василевский
Штеменко

ЦАМО РФ, ф. 16, оп. 3139, д. 157, л. 28.

Товарищу Сталину

Докладываем о состоянии корпуса т. Лобова и о мероприятиях по повышению эффективности боевых действий этого корпуса и замене авиадивизий, входящих в его состав.

Боевая работа корпуса, состояние авиадивизий, а также причины увеличившихся за последнее время потерь были изучены на месте в период с 23 апреля по 17 мая с. г. С этой целью 21 апреля с. г. нами были командированы к т. Лобову Заместитель Главнокомандующего ВВС Советской Армии генерал-лейтенант авиации т. Агальцов, Командующий истребительной авиацией ПВО страны генерал-лейтенант авиации т. Савицкий и Командующий зенитной артиллерией войск ПВО страны генерал-лейтенант артиллерии т. Горохов, которые 19 мая с. г. возвратились от т. Лобова.

Разобравшись с обстановкой и непосредственно изучив характер боевых действий американской авиации и нашей истребительной авиации, т. т. Агальцов и Савицкий на месте приняли ряд мер по устранению недочетов в боевом использовании наших истребительных авиадивизий и, по возвращении из командировки, доложили свои выводы и предложения по повышению боевой деятельности корпуса т. Лобова.

Из докладов т. т. Агальцова и Савицкого следует, что отмеченная за последнее время повышенная активность американской авиации в районе аэродромов базирования нашей авиации имеет целью обеспечить действия своих штурмовиков над полем боя путем связывания наших самолетов МиГ-15 боем своих истребителей Ф-86 и путем блокирования наших аэродромов в течение всего времени, пока ведут действия американские штурмовики. Противнику это часто удается, так как с воздуха со стороны Корейского залива наши аэродромы Аньдун и Мяогоу, расположенные в 8—14 км от залива, очень хорошо видны.

Несмотря на прикрытие взлета и посадки наших истребителей, американцы со стороны Корейского залива на большой скорости с пикирования атакуют самолеты МиГ-15 бис на взлете и особенно на посадке, когда самолеты возвращаются с боевого задания, имея на исходе горючее. Если есть опасность быть самым атакованными, американцы немедленно уходят

в Корейский залив, полет до которого занимает всего 30—60 секунд. Выход в залив нашим самолетам запрещен, так как если они будут подбиты или сбиты, самолеты и экипажи могут попасть в руки противника, ввиду того, что противник господствует на море, а Корейский залив в ряде мест очень мелок и со дна его легко достать самолет.

Следует доложить также, что китайцы, имея в этом районе пять истребительных дивизий, очень осторожно их используют, действуя главным образом против самолетов Ф-80 и Ф-84, а с американскими самолетами Ф-86 в бой, как правило, не вступают. Корейская истребительная дивизия на МиГ-15 вообще не действует, имея запрет своего Правительства.

Таким образом, из имеющихся в районе Мукден, Аньдун девяти истребительных дивизий, против американской авиации фактически действуют только две наши дивизии, вследствие чего американцы в боях имеют, как правило, численный перевес и наши летчики вынуждены действовать в очень невыгодных для себя условиях...

Вследствие указанных выше недочетов корпус за последние три месяца потерял безвозвратно 48 самолетов МиГ-15 бис и 16 летчиков, из них 23 самолета и 7 летчиков, т. е. около 50% были сбиты американскими истребителями над нашими аэродромами.

В связи с большим напряжением в боевой работе отмечается значительный выход из строя летного состава по болезни.

В целях улучшения боевой работы корпуса т. Лобова, т. т. Агальцов и Савицкий провели на месте следующие мероприятия:

- с летным составом авиадивизий проведен подробный разбор тактики действий американской авиации и нашей истребительной авиации;

- даны указания и летчики уже приступили к ведению боевых действий наших истребителей малыми группами и к повышению слетанности пары и звена; в результате этого наши истребители стали доставать американских штурмовиков и сбивать их;

- улучшена организация обеспечения взлета и посадки наших самолетов;

- командиры истребительных авиаполков начали участвовать в боевых действиях своего полка;

- проведены мероприятия по организации ночных полетов нашей авиации;

- для летчиков установлено не более двух боевых вылетов в день.

В целях повышения эффективности боевых действий наших истребителей против американской авиации, мы, на основании доклада т. т. Агальцова и Савицкого, считаем необходимым провести следующие мероприятия:

1. 97 истребительную дивизию, многие летчики которой уже сделали по 80—90 боевых вылетов и устали, до 15 июня 1952 года заменить 133 дивизией, прибывшей в район Мукдена в апреле м-це с. г., а 97 дивизию вывести во второй эшелон на аэродромы Аньшан, Ляоян и возложить на нее прикрытие взлета и посадки двух наших дивизий в район Аньдун.

В связи с тем, что в район Мукден самолеты противника не летают, нашу авиацию в этом районе пока не базировать.

В июле месяце 97 ИАД вывести в Советский Союз и заменить ее 216 ИАД ПВО Бакинского района.

2. 190 истребительную дивизию заменить до 15 июня 1952 года 37 дивизией ВВС из Порт-Артура, а 190 ИАД посадить в районе Порт-Артура, т. е. поменять дивизии местами.

3. Одновременно с заменой летного состава произвести замену технического состава указанных выше дивизий.

4. Все три истребительные дивизии корпуса т. Лобова (216, 37, 133) иметь в составе двух комплектов летчиков. Второй комплект летчиков направлять за счет истребительных авиационных дивизий ВВС и ПВО страны.

5. Иметь в каждой дивизии корпуса по 10—12 резервных самолетов МиГ-15 бис.

6. Для усиления зенитным прикрытием аэродромов базирования корпуса т. Лобова, нашу 87 зенитную артиллерийскую дивизию, прикрывающую на территории Кореи разбитые американцами аэродромы, в районе Нанси, Тайсен, передислоцировать в июне м-це с. г. в район Аньдун, Мяогоу.

7. Усилить штаб корпуса т. Лобова за счет увеличения штатных должностей ответственных командиров штаба и назначения на руководящие должности более подготовленных офицеров из штабов ВВС и ПВО страны.

8. Перевести все дивизии корпуса т. Лобова на УКВ связь, так как в настоящее время УКВ связь имеется только в 97 истребительной авиадивизии, что не позволяет организовать непосредственное взаимодействие между авиацией в воздухе.

9. Направить в корпус т. Лобова радиолокатор «Перископ» и аппаратуру управления «Ясень» с использованием их только на территории Китая.

10. Через нашего Главного военного советника просить Военное командование Китайской Народной армии:

— для создания условий маневра частям корпуса т. Лобова, дополнительно построить в районе севернее и северо-западнее Аньдун три аэродрома с бетонированными полосами, пригодными для полетов реактивных истребителей с готовностью одного уже строящегося аэродрома — в июле м-це, второго — в сентябре и третьего — в конце текущего года;

— активизировать действия китайской истребительной авиации и обязать ее оказывать содействие нашим дивизиям, ведущим бои в районе Аньдун и на территории Кореи.

11. Одновременно с этим т. т. Агальцов и Савицкий докладывают, что самолеты МиГ-15 бис превосходят американские истребители Ф-86 по вооружению, скороподъемности и незначительно по горизонтальной скорости, но уступают им по дальности и продолжительности полета, по горизонтальной маневренности, по пикированию и по стрелковому прицелу.

Двигатель ВК-1 работает безотказно. Работа двигателя на полную мощность ограничена конструктором временем не более 45%. Летчики же в боевых условиях летают на полную мощность не менее 80%. Поэтому срок работы двигателя на полную мощность необходимо пересмотреть в сторону увеличения.

Замечания, относящиеся к самолету МиГ-15 бис и двигателю ВК-1, сейчас прорабатываются Военным Министерством совместно с Министерством авиационной промышленности и Главным конструктором и необходимые мероприятия по этому вопросу в двухнедельный срок будут доложены Правительству.

Представляем проект Постановления Совета Министров СССР. Просим рассмотреть и утвердить.

Василевский
Штеменко
Жигарев

27.05.1952 г.

к № 48321

ЦАМО РФ, ф. 16, оп. 3139, д. 157, лл. 27—35.

№ 5

Проект Постановления Совета Министров Союза ССР о мерах по повышению эффективности боевых действий 64 истребительного авиационного корпуса.

05.1952 г.
г. Москва

Совет Министров Союза ССР
Постановление

от мая 1952 г.

№

Москва, Кремль

О повышении эффективности боевых действий
частей корпуса т. Лобова

В целях повышения эффективности боевых действий частей т. Лобова Совет Министров Союза ССР постановляет:

1. Обязать Военное Министерство СССР (т. т. Василевского, Жигарева, Говорова):

а) заменить до 15 июня 1952 года 97 истребительную авиационную дивизию 133 истребительной авиационной дивизией.

97 истребительную авиационную дивизию вывести во второй эшелон на аэродромы Аньшань, Ляоян и возложить на нее прикрытие взлета и посадки наших истребительных авиационных дивизий, базирующихся в районе Аньдун, а к 15 июня 1952 года заменить ее 216 истребительной авиационной дивизией ПВО Бакинского района;

б) заменить до 15 июня 1952 года 190 истребительную авиационную дивизию 37 истребительной авиационной дивизией Порт-Артурского приграничного района воздушной обороны.

190 истребительную авиационную дивизию после замены базировать в районе Порт-Артура вместо 37 истребительной авиационной дивизии;

в) одновременно с заменой летного состава произвести замену технического состава 97 и 190 истребительных авиадивизий;

г) личный состав 216 и 37 истребительных авиационных дивизий отправить в советской военной форме, а по прибытии в Китай переодеть в китайскую военную форму;

д) иметь два комплекта летного состава в 37, 133 и 216 истребительных авиационных дивизиях, доукомплектование произвести к 15 июля 1952 года за счет истребительных авиационных дивизий Военно-воздушных сил Советской Армии и истребительной авиации ПВО страны;

е) иметь в 37, 133 и 216 истребительных авиадивизиях по 12 резервных самолетов МиГ-15 бис;

ж) установить срок пребывания летного состава в корпусе т. Лобова не более 6 месяцев;

з) передислоцировать до 10 июня 1952 года 87 зенитную артиллерийскую дивизию из района Тайсен, Нанси (Корея) в район Аньдун, Мяогоу (Маньчжурия) для усиления прикрытия аэродромов базирования авиационных частей корпуса т. Лобова;

и) усилить штаб корпуса т. Лобова за счет увеличения штатных должностей ответственных командиров штаба и назначить на руководящие должности более подготовленных офицеров из штабов ВВС и ПВО страны;

к) направить в июне с. г. в корпус т. Лобова один радиолокатор «Перископ» и аппаратуру управления «Ясень» для использования их только на территории Китая.

2. Распространить на весь личный состав, командиремый в Китай согласно настоящему Постановлению, нормы денежного довольствия, установленные Постановлениями Совета Министров СССР от 16 декабря 1950 года № 4949—2147 и от 1 сентября 1951 года № 3237—1537.

Председатель Совета Министров
Союза ССР

Управляющий делами Совета Министров
Союза ССР

ЦАМО РФ, ф. 16, оп. 3139, д. 157, лл. 36—38.

Директива начальника Генерального штаба СА В. Д. Соколовского Командующему войсками ПВО страны Л. А. Говорову и Главкомандующему ВВС СА П. Ф. Жигареву о порядке замены двух истребительных авиадивизий в 64 ИАК.

№ 48852

2.07.1952 г.

г. Москва

Командующему войсками ПВО страны
маршалу Советского Союза
тов. Говорову Л. А.

Главкомандующему Военно-воздушными
силами Советской армии
генерал-полковнику авиации
тов. Жигареву П. Ф.

Копия: — Начальнику Главного Организационного
Управления Генерального Штаба

Военный Министр Приказал:

Командующему войсками ПВО страны:

1. Для замены 97 истребительной авиационной дивизии, находящейся в спецкомандировке, с 24.00 10 июля 1952 года передать на месте из Бакинского района ПВО в состав ВВС Советской Армии 216 истребительную авиационную дивизию в составе управления дивизии, трех истребительных полков с техническим составом, без материальной части, подразделений и частей обслуживания и обеспечения.

В дивизии иметь 120 летчиков, из них 28 резервных. Недостающих летчиков доукомплектовать за счет дивизий целевого назначения Бакинского района ПВО страны.

2. 216 истребительную авиационную дивизию в указанном составе, не позднее 15 июля с. г. отправить по железной дороге пассажирскими поездами в Мукден в распоряжение командира 64 ИАК т. Лобова. Срок сосредоточения 216 истребительной авиационной дивизии в новом районе не позднее 1-го августа с. г.

Для организации размещения дивизии в новом пункте дислокации и изучения обстановки отправить не позднее 12 июля с. г. самолетами в Мукден передовую группу в составе: от дивизии — командира дивизии, начальника штаба, начальника связи, штурмана, инженера и начальника разведки; от каждого полка — командира полка, штурмана и инженера.

3. При отправке дивизии руководствоваться следующим:

— личный состав отобрать лучший и проверенный. Замену отдельных военнослужащих, которые по разным причинам не могут быть отправлены в спецкомандировку, произвести за счет личного состава дивизий целевого назначения Бакинского района ПВО.

— знамена частей, секретную и несекретную документацию, учебные пособия, литературу, личные дела, печати и штампы с действительным наименованием частей оставить на месте.

— семьи военнослужащих оставить на месте в пунктах дислокации частей дивизии, закрепив за ними занимаемую жилплощадь.

— с личным составом убывающих частей провести разъяснительную работу по сохранению военной тайны и соблюдению воинской дисциплины как в пути следования, так и в новом пункте дислокации.

— своевременно обеспечить пропусками через госграницу старших групп каждого самолета и начальника эшелона.

— всему личному составу, убывающему в спецкомандировку, выдать

на путь следования до госграницы командировочные деньги и оставить их семьям расчетные книжки и доверенности на право получения зарплаты.

— личный состав отправить в советской военной форме. Летному составу взять с собой теплое обмундирование и шлемофоны.

— питание личного состава в пути следования до госграницы организовать через вагон-ресторан, за границей питание будет организовано распоряжением т. Красовского.

4. Для полного обеспечения 216 истребительной авиационной дивизии резервными летчиками к 1 августа с. г. передать в распоряжение Главнокомандующего ВВС Советской Армии 16 летчиков из состава истребительной авиации ПВО страны.

5. Представить Начальнику Главного Управления ВОСО Генерального штаба Советской Армии не позднее 7 июля с. г. заявку на подвижной состав.

Главнокомандующему Военно-воздушными силами Советской Армии:

1. С 24.00 10 июля с. г. принять на месте в Бакинском районе ПВО страны 216 истребительную авиационную дивизию.

2. 216 истребительную авиационную дивизию, после ее сосредоточения в районе Мукдена, ввести в состав 64 истребительного авиационного корпуса. Личный состав переодеть в китайскую военную форму.

3. 97 истребительную авиационную дивизию в полном составе, без материальной части, подразделений и частей обслуживания и обеспечения 1 сентября с. г. вывести из состава 64 истребительного авиационного корпуса и отправить в состав Бакинского района ПВО.

4. В соответствии с настоящей директивой дать все необходимые указания о порядке смены 97 истребительной авиационной дивизии и ввода в бой 216 истребительной авиационной дивизии.

Смену дивизий произвести с сохранением их постоянной готовности для выполнения боевых задач.

Контроль за своевременным и точным выполнением настоящей директивы возложить лично на начальников Главных штабов войск ПВО страны и Военно-воздушных сил Советской Армии соответственно.

Исполнение донести.

п/п Начальник Генерального Штаба

Советской Армии

Маршал Советского Союза

Соколовский

Верно: генерал-майор (Соколов)

ЦАМО РФ, ф. 16, оп. 3139, д. 125, лл. 15—18.

№ 7

Из краткого анализа боевых действий 64 ИАК на Корейском театре военных действий за период с июня 1951 г. по 27 июля 1953 г.

Краткий анализ боевых действий корпуса на КТВД

В ноябре 1950 года, в связи с приближением войск американских оккупантов к китайско-корейской границе, нашим истребительным соединениям (28 и 151 ИАД) была поставлена задача — прикрыть от ударов американских ВВС важнейшие промышленные и административные центры Северо-Восточного Китая и объекты тыла войск народной армии КНДР и китайских народных добровольцев, к числу которых относились: мосты через р. Ялуцзян, аэродромы в районе Аньдун и гидроэлектростанция Сунпун в районе Сиодзио.

Глубина района боевых действий наших истребителей ограничивалась рубежом р. Ялуцзян и береговой чертой Корейского залива.

С продвижением корейских и китайских войск на юг дополнительно была поставлена задача — прикрыть объекты и коммуникации Северной Кореи на глубину до 75 км.

В конце ноября 1950 года был сформирован 64 Истребительный Авиационный Корпус, в состав которого вошли 28,151 и 50 ИАД.

Корпус, как правило, состоял из двух-трех ИАД, одного отдельного ночного ИАП, двух ЗенАД, одного зен. прожекторного полка, однако состав корпуса не был постоянным и периодически изменялся.

После заключения перемирия в Корее 27 июля 1953 г. к концу августа месяца в составе корпуса остались две истребительных авиационных дивизии, один ночной ИАП, две ЗенАД и один зен.прожекторный полк.

До июня месяца 1951 года из-за ограниченности аэродромной сети вблизи китайско-корейской границы и в связи с выполнением соединениями корпуса задачи по переучиванию китайских и корейских летчиков, для ведения боевых действий использовалась часть сил корпуса, состоящая примерно из двух полков с общим количеством до 60 боеготовых экипажей.

И только с июля месяца 1951 года, после ввода в строй аэродрома Мяогоу, представилась возможность увеличить количество привлекаемых сил до пяти полков (120—150 боеготовых экипажей).

С начала военных действий в Корее до конца 1951 г. основной ударной силой американских ВВС днем была бомбардировочная авиация (самолеты Б-29 и Б-26), в связи с этим основные усилия корпуса были направлены на борьбу с ней, в дальнейшем главной ударной силой противника днем стала штурмовая авиация и соответственно против нее направлялись основные усилия истребителей корпуса.

Для того, чтобы прикрыть от бомбардировочных ударов объекты и коммуникации Северной Кореи нужно было вести борьбу не только с бомбардировщиками и штурмовиками, но и с истребителями противника, которые обеспечивали их действия.

Выполняя боевую задачу, части и соединения корпуса с ноября месяца 1950 года по январь месяц 1952 года произвели 19203 боевых самолетовылета...

За указанный период истребителями корпуса проведено днем 307 групповых воздушных боев, из них: парой — 19, эскадрилей — 112, полком — 84, дивизией — 50, корпусом — 42.

В воздушных боях участвовало 7986 экипажей, что составило 43% к общему количеству вылетающих экипажей.

В результате проведенных боев было сбито 562 самолета противника: Б-29 — 48, Б-26 — 1, РБ-45 — 2, Ф-47 — 2, Ф-51 — 20, Ф-80 — 103, Ф-84 — 132, Ф-86 — 218, Ф-94 — 8, «Метеор» — 25, Ф-6, Ф-5 — 3.

Ночью проведено 16 одиночных воздушных боев. Сбито 2 самолета Б-26 противника.

Всего за период с ноября месяца 1950 года, по январь месяц 1952 года в воздушных боях сбито 564 самолета противника.

Свои потери за это же время составили летчиков — 34, самолетов — 71. Общее соотношение потерь составляло 7,9:1 в нашу пользу.

На один сбитый самолет противника было произведено 33 самолетовылета и на один потерянный самолет — 285 самолетовылетов.

Средний расход снарядов на один сбитый самолет противника составил 212 штук.

Продолжительность одного группового воздушного боя в среднем составляла: с бомбардировщиками и штурмовиками — 15 минут, в течение которых выполнялось в среднем 2—3 атаки нашими истребителями; с истребителями — 10 минут, выполнялось в среднем 2 атаки.

Ввод в бой наших истребителей осуществлялся мелкими и крупными группами.

Основными высотами воздушных боев были: с истребителями 8000—12000 м, с бомбардировщиками и штурмовиками — 7000 и ниже.

Характерно, что истребители противника стремились вести воздушные бои на высотах 8000 м и ниже, так как летно-тактические качества самолета

Ф-86 с поднятием на высоту свыше 8000 м резко падали и значительно уступали данным самолета МиГ-15.

Противник, понеся тяжелые потери в бомбардировочной, штурмовой и истребительной авиации, вынужден был спешно пересмотреть вопросы боевого применения своих ВВС, перейти к новым тактическим приемам и усилить истребительную группировку за счет перевооружения с самолета Ф-80 на самолет Ф-86.

В первых воздушных боях противник убедился, что самолеты истребители Ф-80 и Ф-84 по своим качествам не могут быть использованы в дальнейшем в качестве истребителей.

После ряда мероприятий, проведенных американским командованием по линии увеличения авиационной группировки, качественного улучшения самолетов и изменения тактических приемов, воздушная обстановка на Корейском театре военных действий к началу 1952 года стала более сложной как днем, так и ночью.

Выполнение боевой задачи в первой половине 1952 года усложнилось кроме того уменьшением боевого состава корпуса до двух истребительных авиационных дивизий (до марта действовали 324 и 303 ИАД, с марта по июнь — 97 и 190 ИАД).

В 1952 году после того как основной ударной силой ВВС противника днем стала штурмовая авиация, выполнение боевых задач еще более осложнилось, так как она в сравнении с бомбардировочной авиацией располагала примерно четырехкратным количественным превосходством.

Для того, чтобы использовать максимально-возможные силы против штурмовиков противника, борьба с истребителями «заслона» велась преимущественно мелкими группами (звено, аз), эшелонированными по высотам от 8000 до 14000 метров, это позволило сравнительно меньшими силами связывать большие силы истребителей «заслона» на широком фронте и создавать более благоприятные условия ударным группам для действий по штурмовикам.

Если в 1951 году из 18759 боевых самолетовылетов произведено в составе крупных групп (полк, дивизия, корпус) — 14112 или 75%, то в 1952 году из 23539 самолетовылетов днем, произведено в составе крупных групп 12529 или 53% к общему количеству самолетовылетов.

Вылеты крупными группами производились преимущественно частями и соединениями, действовавшими против штурмовиков...

Ночью было произведено 1062 боевых самолетовылета.

За 1952 год истребителями корпуса произведено 868 групповых воздушных боев, в которых участвовало 9014 экипажей.

В результате воздушных боев сбито 379 самолетов противника, из них: Ф-51 — 8, Ф-80 — 13, Ф-84 — 41, Ф-86 — 315, «Метеор» — 1, Ф-4у4 — 1.

Ночью проведено 32 одиночных воздушных боя, сбито 15 самолетов противника (11 Б-29, 3 Б-26, 1 Ф-94).

Всего сбито в воздушных боях днем и ночью в 1952 г. 394 самолета противника.

Свои потери составили: летчиков — 51 и 172 самолета.

Общее соотношение потерь 2,2:1 в нашу пользу. Напряжение боевых действий по сравнению с 1951 г. значительно возросло, количество боевых самолетовылетов в 1952 г. увеличилось ежемесячно в среднем до 600 самолетовылетов.

В результате растущей активности наших истребителей, авиация противника изменила тактические приемы и к исходу 1952 года, понеся значительные потери в истребителях и штурмовиках, перешла от действий крупными группами к действиям мелкими группами на широком фронте, стремясь максимально использовать сложные метеоусловия севернее рубежа Ансю, Кайсен.

Эффективность воздушных боев в 1952 году понизилась по сравнению с 1951 годом.

Снижение эффективности действий наших истребителей произошло по следующим причинам:

1. Воздушные бои велись преимущественно с истребителями противника,

которые по своим летно-тактическим данным незначительно уступали самолету МиГ-15.

Это подтверждается следующими данными, в 1951 г. в воздушных боях было сбито 496 самолетов противника, в том числе 206 истребителей типа Ф-86, а в 1952 г. сбито всего 379 самолетов, в том числе 315 истребителей.

2. Вероятность поражения в воздушных боях с истребителями и истребителями-бомбардировщиками противника значительно меньшая, чем с бомбардировщиками.

3. Одновременно с боевыми действиями корпус в 1952 г. выполнял задачу по вводу в бой истребительных частей ОВА Китая.

До ноября месяца 1952 г. ОВА боевые действия вела преимущественно против мелких групп штурмовиков и истребителей противника во взаимодействии с истребителями корпуса.

С ноября месяца 1952 года командованием корпуса было уделено большое внимание на вовлечение ОВА в активные боевые действия.

Частям и штабам ВВС КНР была оказана большая помощь в организации боевых действий, которая заключалась в следующем:

а) Передаче опыта ведения боевых действий путем проведения совещаний, разборов и изучения вариантов совместных вылетов для ведения воздушных боев с истребителями и штурмовиками противника;

б) Организации управления и наведения.

Ввод в бой частей ОВА производился последовательно: первоначально против мелких групп самолетов противника, в дальнейшем при отражении массированных налетов авиации противника и, в основном, состоял из трех этапов:

Первый этап — совместные вылеты истребителей корпуса и ОВА. При этом, части корпуса принимали основной удар на себя, связывали боем истребительный «заслон» противника на дальних подступах — с рубежа Ансю, Кайсен; части ОВА вводились в бой с рубежа Тэйсю, Бугдин для наращивания сил; выход из боя частей ОВА обеспечивали группы ИАК;

Второй этап — части ОВА действовали в первом эшелоне, а истребители корпуса наращивали силы и прикрывали выход их из боя;

Третий этап — самостоятельные действия, в основном, против истребителей противника. Причем части китайских ВВС действовали на западном побережье; корейских ВВС — на восточном побережье. Части корпуса находились в готовности и в зависимости от складывающейся воздушной обстановки оказывали помощь группам ОВА.

К исходу 1952 года ОВА уже располагала достаточным количеством боеготовых частей и во взаимодействии с истребителями корпуса принимала участие в отражении не только эшелонированных действий, но и массированных налетов авиации противника.

Это позволило усилить противодействие авиационной группировке противника, активизировать действия наших истребителей на дальних подступах и наносить противнику более ощутимые потери.

Постоянно растущая активность боевых действий наших истребителей вынудила противника уже в конце 1952 года перевооружать часть своих авиационных групп с самолета Ф-84 на самолет Ф-86, Ф-30.

Вместе с тем с началом 1953 года американское командование решило активизировать действия своей бомбардировочной авиации ночью по объектам и коммуникациям севернее рубежа Ансю, Канко и таким образом как бы возместить действия днем ША в этих районах.

Истребителями корпуса в первой половине января месяца 1953 года ночными действиями были нанесены тяжелые потери бомбардировщикам противника. В воздушных боях было уничтожено 7 Б-29, вследствие чего противник со второй половины января и до заключения перемирия, применял ночные действия бомбардировщиков в Северной Корее только с использованием сложных метеорологических условий.

Боевые действия корпуса в 1953 г. в отличие от 1951—1952 гг. велись в более сложных условиях воздушной и метеорологической обстановки.

Американское командование в качестве штурмовика стало применять

самолеты Ф-86, Ф-30, которые с марта месяца 1953 г. активно действовали в прикрываемом корпусом районе мелкими группами в сложных метеоусловиях.

Основная тяжесть выполнения боевой задачи легла в основном на корпус, так как из-за неподготовленности к действиям в сложных метеоусловиях, части ОВА использовать для ведения боевых действий не представлялось возможным.

В связи с этим напряжение боевых действий корпуса, начиная с января месяца и до заключения перемирия, было очень высоким. Об этом свидетельствуют следующие данные: если в 1952 году днем было произведено за 12 месяцев 23539 самолетовылетов, а за месяц в среднем — 1961, то в 1953 г. за 7 месяцев боевых действий произведено днем 18152 самолетовылета, а за месяц в среднем 2600. Среднемесячное количество боевых самолетовылетов в 1953 году возросло на 650, или на 33%.

С целью создания более благоприятных тактических условий ударным группам для действий по штурмовикам противника, истребители корпуса, предназначенные для ведения борьбы с истребителями «заслона», стали вводиться в бой мелкими группами. Из 18152 боевых самолетовылетов за 7 месяцев 1953 года в составе пары, звена, аз произведено 13009 самолетовылетов, или 72%.

Истребители противника, встречая активные действия наших истребителей, вступали в бой только при наличии выгодных тактических условий или при явном превосходстве в силах.

Американское командование, несмотря на численное превосходство, не сумело разрешить в открытых воздушных боях вопроса обеспечения действий своих штурмовиков и активизировало с этой целью действия «охотников» в районе аэродромов Аньдунского аэроузла с навязыванием нашим истребителям воздушных боев в явно невыгодных тактических условиях.

В 1953 году днем проведено 508 групповых воздушных боев, в которых участвовало 3713 экипажей. Воздушные бои велись на всех высотах, начиная от малых и кончая практическим потолком самолета МиГ-15.

В проведенных воздушных боях сбито 126 самолетов противника, из них: штурмовиков типа Ф-80, Ф-84 — 12, истребителей — 114.

Результаты воздушных боев показывают, что истребители корпуса в основном вели бои с истребителями противника и в очень редких случаях со штурмовиками, действия которых в прикрываемом корпусом районе носили эпизодический характер.

Ночью произведено 1373 боевых самолетовылетов, проведено 59 одиночных воздушных боев, сбито 13 самолетов противника, из них: 1 РБ-29, 6 Б-29, 1 Б-26, 2 Ф-84, 2 Ф-94 и 1 Ф-3Д.

Всего днем и ночью за 7 месяцев 1953 года в воздушных боях уничтожено 139 самолетов противника. Свои потери составили: летчиков — 25, самолетов МиГ-15 бис — 76. Общее соотношение потерь за 1953 год 1,9:1 в нашу пользу.

В 1953 году, в отличие от 1951—1952 гг. боевая задача выполнялась, кроме вылетов из положения дежурства на аэродромах в готовности № 1 и 3, способом патрулирования на подступах к основным прикрываемым объектам и над объектами, так как вылеты из положения дежурства и на аэродромах в сложных метеоусловиях не гарантировали своевременный перехват противника.

Всего за время войны в Корее истребителями корпуса сбито 1097 самолетов противника. Свои потери составили: 110 летчиков и 319 самолетов. Общее соотношение потерь за время войны в Корее 3,4:1 в нашу пользу.

Вывод:

Активные и напряженные боевые действия истребителей корпуса с начала военных действий в Корее и до заключения перемирия, несмотря на явное превосходство в силах ВВС США, не дали им возможности разрушить основные прикрываемые объекты и нанесли противнику значительные потери во всех родах авиации.

ЦАМО РФ, ф. 64 ИАК, оп. 174045, д. 186, лл. 21—32.

Либералы и массы (1907—1914 гг.)

В. В. Шелохаев

В литературе имеются лишь фрагментарные сведения о путях и эффективности воздействия либералов на массы после революции 1905—1907 годов. Между тем исследование этой проблемы даст возможность ответить на вопрос о социальной базе русских либералов и степени влияния либералов на традиционное массовое сознание.

Одним из наиболее мощных каналов такого воздействия была периодическая печать, впрочем, сократившаяся по сравнению с периодом революции, особенно у октябристов. В феврале 1910 г. прекратилось существование органа думской фракции октябристов — газеты «Голос правды», а в декабре — также и органа их московского клуба «Известий Союза 17 октября». Хронические финансовые затруднения испытывал «Голос Москвы», центральный орган партии. Число провинциальных газет октябристского направления сократилось с 30 до трех—четырех ¹.

Уменьшилось и число мирнообновленческих изданий. В июле 1909 г. прекратился выпуск газеты «Слово», в мае 1910 г. — журнала «Московский еженедельник». С декабря 1912 по август 1913 г. просуществовала прогрессистская газета «Русская молва», издававшаяся тиражом 1300—2600 экземпляров. Более прочным было положение «Утра России».

У кадетов в феврале 1908 г. «умер, — по выражению П. Н. Милюкова, — от отсутствия материальной поддержки читателей» орган ЦК «Вестник партии народной свободы». Редактор журнала «Русская мысль» П. Б. Струве ввиду падения подписки вынужден был обратиться за поддержкой к московским миллионерам В. П. и П. П. Рябушинским ². Хронические финансовые затруднения испытывала «Речь», которую в 1909—1913 гг. содержали В. Д. Набоков и И. И. Петрункевич. Судя по отчетам редакции, газета выходила в 1909—1913 гг. тиражом в 16—17 тыс. экз.; убытки от издания за январь—октябрь 1913 г. возросли в семь раз и превысили 24 тыс. руб. в месяц. Прибыльной была массовая газета «Современное слово» (тираж в 1909—1913 гг. 20—25 тыс. экз.) ³.

В 1907—1914 гг. многие кадетские газеты были запрещены, и в 1908—1911 гг. в провинции имелось не более 30 газет собственно кадетского направления. В июле 1907 г. ЦК партии создал бюро провинциальной печати, услугами которого в 1909 г. пользовалась 21, в 1911 г. — 26 газет

Шелохаев Валентин Валентинович — доктор исторических наук, профессор (Российский независимый институт социальных и национальных проблем).

с количеством подписчиков 75—100 тысяч. С ноября 1911 г. наметилась тенденция к сокращению связей бюро с провинциальной прессой. В феврале 1913 г. ЦК выяснил, что некоторые его члены вместо того, чтобы снабжать своими статьями это бюро, сотрудничали с московским бюро «Пресса», являвшимся типичным коммерческим предприятием. Несмотря на принятое ЦК решение активизировать работу бюро печати, дело с места так и не сдвинулось. В ноябре 1913 г. ЦК кадетов констатировал, что по сравнению с 1911 г. связи бюро печати с провинциальными газетами сократились в два раза — с 26 до 13 газет.

Потерпели неудачу попытки кадетов приступить к изданию газет непосредственно для народа. На V съезде партии было принято решение об издании на паях крестьянской газеты. В 1908 г. на средства члена ЦК А. А. Свечина было организовано издание «Сельской газеты», однако дальше первого номера дело не пошло. В феврале 1913 г. на совещании с представителями местных комитетов А. И. Шингарев поставил вопрос о создании в Москве, Киеве, Одессе, Риге и других крупных городах дешевой прессы, специально рассчитанной на рабочих, крестьян, торговых служащих. «Пример создания в Санкт-Петербурге двух социал-демократических газет «Луча» и «Правды», — заявил он, — говорит за возможность существования подобных органов без больших затрат и при самых жесточайших преследованиях»⁴.

Вместе с тем в распоряжении либеральных партий все же оставалось значительное число газет и журналов. Кадеты в 1907—1914 гг. издавали более 70 их наименований, октябристы — около 30. Кадетам также удалось создать довольно разветвленную сеть печатных органов профессионального характера. Издавалось кроме того огромное количество книг, брошюр, воззваний к избирателям.

Основной упор либеральная печать делала на критику марксистских объяснений революции, доказывая, что события 1905—1907 гг. привели к «ослаблению и разъединению нации», к расколу «единого фронта общенационального освободительного движения», а в конечном счете — к «торжеству реакции». По мнению либералов, до 17 октября 1905 г. революция в России имела внеклассовый и общенациональный характер, что и дало «принципиальное коренное преобразование сложившегося веками политического строя», тогда как последующие революционные события были лишь «политической судорогой» и «пароксизмом революции»; вместо того, чтобы после 17 октября «пестовать и воспитывать политическое сознание народа», создавать для него «гранитное ложе конституционных навыков», радикальная интеллигенция принялась «обострять и уничтожать это вновь родившееся политическое сознание»⁵.

Являясь, по словам Н. А. Бердяева, «нервами и мозгом гигантского тела революции», радикальная интеллигенция, просмотрев «факт объективного завершения революции 17 октября 1905 г.», продолжала «разжигать стихийные инстинкты и аппетиты масс», сеять кругом «ненависть и разрушение». Подобная позиция радикальной интеллигенции и привела к расколу общенационального фронта борьбы, а царизм, когда на него стало готовиться «вооруженное нападение», получил «моральное право защищаться». Анализируя действия царизма в октябре—декабре 1905 г., Струве писал: «Тем, что правительство вернулось к старому, на то место, откуда оно вышло, к старой психологии и тактике, мы обязаны не гг. Дурново и Дубасову, не козням и вероломству отдельных людей, мы обязаны этим консерватизму русской радикальной интеллигенции»⁶. Политический авантюризм социал-демократов и эсеров в декабре 1905 г. привел, по его мнению, к торжеству сил реакции.

Либеральная печать призывала массы к решительному и бесповоротному отказу от самой идеи революции, от насильственных методов борьбы против царизма. Рабочих призывали отказаться от «стачечного азарта» и сконцентрировать свою энергию на создании легальных профессиональных союзов и больничных касс, а крестьян — отказаться от «трудоувицкого духа» и мирно ожидать решения земельного вопроса Думой. Радикальной

интеллигенции настоятельно рекомендовалось пересмотреть «основы мирозерцания», выбросить за борт социалистические и революционно-демократические идеи, отказаться от «народолюбия» и «пролетариатолюбия», проникнуться «духом русской государственности», «здорового эгоизма», национализма и патриотизма, пропагандировать не социальное равенство, а конституционализм, реформизм и политический компромисс с исполнительной властью.

Для либерализации массового сознания использовались также доклады и лекции. Октябристы предпочитали выступать перед «цензовой» общественностью. В сентябре 1907 г. в Москве открылся клуб «Союза 17 октября», где к концу апреля 1908 г. был прочитан 21 доклад. Вот некоторые из тем этих докладов: «Идеи конституционной монархии» (Л. А. Комаровский), «О введении всеобщего образования» (В. К. фон Анреп), «О реформе местного суда» (Н. П. Шубинский), «Чего можно ждать от третьей Государственной думы» (А. И. Гучков), «Наша финансовая политика» (А. В. Еропкин), «Вопросы свободы совести в III Государственной думе» (П. В. Каменский), «О морских силах России» (В. Н. Никольский). Затем эти доклады публиковались. Не менее деятельно велась лекционная пропаганда в 1910—1914 годах. Осенью 1913 г. ЦК октябристов начал издавать журнал «Державная правда» и выпустил сборник речей о трезвенническом движении.

Кадеты предпочитали обращаться к городской демократии, причем рабочие и мелкие служащие платили за посещение лекций 10 коп., в то время как остальные слушатели втрое дороже. Московское Общество народных университетов, в руководстве которого состояли кадеты, провело циклы лекций для рабочих (по 42 часа). В 1907 г. в Москве на фабричных окраинах открылись для рабочих отделения Народного университета (плата 5 коп. за два лекционных часа)⁷. В 1908—1910 гг. московские кадеты выступали с лекциями перед рабочими и служащими Симоновского района, Курской железной дороги, подмосковного села Алексеевского. За 1909/1910 учебный год московское Общество народных университетов организовало около 600 лекций, которые прослушали свыше 66 тыс. человек. Перед московскими рабочими, служащими, ремесленниками выступали члены ЦК кадетов А. А. Кизеветтер, Н. М. Кишкин, Г. Ф. Шершеневич и другие.

Петербургское Общество народных университетов во втором полугодии 1910 г. организовало в центральных аудиториях столицы 102 лекции (70.021 слушатель). В течение 1910 г. на окраинах, в Нарвском, Василеостровском, Петербургском и Лиговском районах Милюков, Струве, Д. Д. Протопопов и другие кадеты прочитали 50 лекций (7184 слушателя)⁸.

Столичные общества народных университетов проводили лекции также в Самаре, Саратове, Смоленске, Нижнем Новгороде, Баку и других городах. Такую же работу вели и местные общества народных университетов⁹. В 1912—1914 гг. количество прочитанных кадетами лекций возросло. В январе 1914 г. при Московском отделе (МО) кадетского ЦК было создано специальное лекционное бюро.

В отличие от октябристов и прогрессистов кадеты имели детально разработанную программу агитационно-пропагандистской деятельности, рассмотренную на заседаниях МО ЦК 23 и 30 января, 6 февраля и 19 апреля 1908 года. Пропагандировались следующие задачи: 1) вернуть земское самоуправление в руки прогрессивно настроенных элементов и объединить их на основе специально разработанной платформы; 2) организовать общества прогрессивных избирателей, домовладельцев, квартиронанимателей, благоустройства городов и т. п.; 3) шире развернуть кооперативное движение, создание ссудосберегательных касс и промышленных товариществ, объединяя их в районные и областные союзы, создавать специальную кооперативную прессу; 4) содействовать организации разного рода обществ: просветительных (народные университеты, курсы, библиотеки, воскресные школы и чтения, кружки самообразования, распространения знаний, книг, газет), экономических (взаимопомощи, потребительские, сельского хозяйства), культурно-эстетических (народные дома, клубы, чайные, обще-

ства трезвости, литературные, музыкальные, гимнастические) и объединить их посредством Общества народных университетов, Московского общества грамотности, Московского общества сельского хозяйства; 5) содействовать организации профессиональных и специальных клубов (торгово-промышленных служащих, женщин) и прессы для этих категорий населения; 6) содействовать созданию студенческих землячеств; 7) всемерно участвовать в проведении всероссийских легальных съездов учителей, торговых служащих, народных университетов, потребительских обществ и т. д.; 8) захватить в свои руки книжный рынок и библиотечную сеть в масштабе всей страны, открыв с этой целью в Москве книжный склад, а в провинции книжные и писчебумажные магазины, библиотеки и т. п.; 9) развернуть агитационно-пропагандистскую работу среди крестьян, мещан, ремесленников, торгово-промышленных служащих, духовенства, учителей, молодежи; 10) организовать материальную помощь безработным и содействовать их трудоустройству ¹⁰.

В 1912—1914 гг. кадетское руководство разработало новую программу агитационно-пропагандистской и организационной деятельности. Основные направления ее сводились к следующему: 1) проникновение в рабочую и ремесленную среду; 2) усиление работы среди торговых служащих, издание для них специальной газеты, брошюр, организация собеседований, лекций и т. д.; 3) привлечение сельской интеллигенции и ее организация при содействии уездных партийных комитетов; 4) укрепление связей с вероисповедными и координация действий с национальными группами; 5) сплочение избирателей и укрепление их связи с думскими гласными на основе специально разработанной муниципальной программы, объединение городских и земских деятелей в масштабе страны; 6) широкое участие в экономических и просветительных организациях; 7) организация мелкой провинциальной прессы и устройство съездов и частных совещаний ¹¹.

Сравнение этих программ показывает, что кадеты, чутко улавливая изменения в политической ситуации, довольно оперативно меняли акценты в своей агитационно-пропагандистской деятельности. В 1907—1909 гг. кадетское руководство уделяло основное внимание думской работе, хотя и не исключало возможности «параллельной деятельности демократического конституционализма с непосредственными выражениями желаний народных масс». В этот период внедумская деятельность кадетов имела по преимуществу культурнический характер. В 1912—1914 гг. кадеты перенесли центр тяжести с думской работы на деятельность в массах. «Законодательствовать мы сейчас не можем,— заявил Милюков в январе 1913 г.,— остается лишь пропагандистская работа». На заседании ЦК 15 мая 1913 г. Милюков вновь подчеркнул, что задачи кадетов не должны ограничиваться только Думой и надо «работать и вне Думы, усиливая оппозиционное настроение в стране» ¹². Поэтому в 1912—1914 гг. агитационно-пропагандистская деятельность кадетов вновь, как и в 1905—1907 гг., приняла более интенсивную политическую окраску.

Учитывая опыт революции, либеральные партии, по существу, отказались от организационной деятельности среди рабочих и свели свою деятельность в фабрично-заводских районах к минимуму. Октябристы вплоть до лета 1913 г. практически не проявляли интереса к рабочим. И лишь летом — осенью 1913 г. состоялось несколько заседаний ЦК «Союза 17 октября», на которых обсуждался рабочий вопрос и положение приказчиков. 5 октября 1913 г. ЦК октябристов направил в местные отделы специальный циркуляр, в котором подчеркивалось, что «красный призрак революции уже ясно поднимается над Россией и, может быть, недалеко то время, когда повторятся события 1905 года». ЦК призвал местные отделы «парализовать влияние разрушительных элементов» и не допустить, чтобы надвигающиеся события привели к «пагубным последствиям» ¹³. Призывая общественные силы к объединению для отпора рабочему движению, октябристы добивались от правительства разрешения организовывать профсоюзы, которые, по их мнению, направили бы энергию рабочих в мирное русло. Однако каких-либо практических усилий среди рабочих октябристы, как и прогрессисты, не предпринимали.

В 1912—1914 гг. повышенный интерес к стачечному движению и озабоченность судьбой «партии городского пролетариата» стали проявлять кадеты. Они выступали за «единство» РСДРП, осуждали «раскол», стремились во что бы то ни стало примирить думскую большевистскую «шестерку» и меньшевистскую «семерку». Признавая, что «наиболее развитыми элементами рабочей массы владеют социал-демократические идеи», кадеты представляли дело таким образом, что ведущей тенденцией развития стачечной борьбы в 1912—1914 гг. являлось «стремление к планомерной организации профессиональной и классовой борьбы по европейскому образцу».

Борьбу между большевиками и меньшевиками они объясняли тем, что за первыми якобы идут «массовые рабочие, легко поддающиеся толчку со стороны», а за вторыми — «подлинно сознательные рабочие». На этом основании делался вывод о том, что «гидра ликвидаторства» в России так же неистребима, как и «гидра ревизионизма в Германии», что рабочим в конечном счете удастся преодолеть «болезнь стачечного азарта» и начать «защищать законными способами свои интересы»¹⁴. Кадеты прекрасно понимали, что если «напору реакции не будет положен предел, если конституционных сил в России окажется недостаточно для широкого государственного преобразования, то большевизм несомненно будет победителем и загонит ликвидаторов в задний угол»¹⁵.

Высказывая сомнение в способности ликвидаторов направить пролетарское движение в реформистское русло, кадетское руководство стало изыскивать пути проникновения в рабочую среду. 11 февраля 1913 г. на заседании ЦК партии был заслушан организационный доклад А. М. Колюбакина. Указав на слабость «партийных связей с широкими слоями населения», он привел весьма характерный пример: рабочие Путиловского завода и с Васильевского острова просили его приобщить их к рабочим организациям кадетской партии, но Колюбакину «пришлось ответить отрицательно, так как организацией рабочих никто еще не занимался». Однако приведя этот прискорбный для кадетского самолюбия пример, докладчик ограничился заявлением о необходимости начать «проникновение» в рабочую среду. Выступивший на этом же заседании Шингарев предложил приступить к созданию партийной прессы для рабочих. Через несколько дней, на этот раз на партийной конференции, Шингарев посоветовал активно использовать для проникновения в рабочую среду кооперативы, профсоюзы, биржевые артели и т. п.

Начиная с осени 1913 г., рабочий вопрос уже не сходил с повестки заседаний ЦК и партийных конференций кадетов. 20 октября 1913 г. для разработки мероприятий по проникновению в рабочую среду была создана комиссия ЦК в составе Д. И. Шаховского и П. А. Садырина. 17 февраля 1914 г. в ЦК возникла дискуссия. Н. В. Некрасов заявил, что «можно не верить в мускулистый кулак пролетариата, но нельзя игнорировать, что рабочие в высшей степени активная сила. К.-д. предоставляют в рабочем вопросе монополию с.-д., и за два года не успели внести в Думу даже приказчиный законопроект, а между тем необходимо поставить в число основных лозунгов партии моральную, а может быть, даже материальную поддержку рабочего движения».

Рекомендация Некрасова «перекраситься в более яркий цвет», чтобы войти в доверие к рабочим, была встречена другими членами ЦК скептически. Шингарев сказал, что «рабочим элементам к.-д. надолго останутся чуждыми», а поэтому предложение о моральной и тем более материальной поддержке рабочих представляет собой «такой вексель, по которому партия вряд ли может когда-нибудь заплатить». Подводя итоги полемики, Милюков признал, что в «рабочем вопросе партия за с.-д.-ками не может угнаться. Она понемножку теряет даже городских приказчиков».

Месяц спустя рабочий вопрос стал предметом обсуждения на партийной конференции кадетов. В своем докладе Некрасов вновь подчеркнул необходимость начать без промедления проникать в рабочую среду, ибо «мы как-то слишком легко предоставили монополию в этом вопросе с.-д.». Бездеятельность кадетского руководства в рабочем вопросе была подверг-

нута критике со стороны делегатов местных партийных комитетов. Представитель из Нижнего Новгорода заявил, что «к.-д. ничего не делают по рабочему вопросу. Они совершенно устарились от забастовочной волны». Киевский депутат призвал ЦК быть готовым «к подъему стачечного движения» и «взять руль» руководства им в свои руки. Согласившись с критикой, Милюков констатировал: «От этого вопроса мы несколько отвыкли, а последние забастовки застigli нас врасплох. В этом пробеле нам надо исправляться, но рабски следовать за левыми нельзя»¹⁶. Однако «исправиться» и тем более справиться с рабочим вопросом кадетскому руководству оказалось не по силам.

Учитывая неудачу попыток повести за собой крестьянские массы в 1905—1907 гг., либеральные партии в последующий период фактически отказались от агитационно-пропагандистской и организационной работы в деревне. Деятельность октябристов, по существу, ограничилась следующими мероприятиями: в феврале 1908 г. в Москве было создано Общество содействия хуторскому хозяйству; на протяжении 1907—1912 гг. московские октябристы от случая к случаю пытались гальванизировать работу «Союза крестьян, объединенных на основе манифеста 17 октября»; в марте 1913 г. Верхне-Никульский (Ярославская губ.) отдел октябристов организовал три крестьянских учреждения: кредитное товарищество, сельскохозяйственное товарищество и вольную пожарную дружину¹⁷.

Кадетское руководство предприняло попытку разобраться в том, почему деревня оказалась «наглухо закрытой» для партии. Выступая на ноябрьской партийной конференции 1909 г., Милюков говорил: «Что касается крестьянства, то было бы хорошо, если бы нам мешала действительно лишь невозможность общения с ним, но возможность говорить с крестьянами у нас была, и все же они не могли нас понять. И до тех пор, пока в крестьянстве будут бродить только темные классовые инстинкты, нас забьет правая и левая демагогия. Весьма желая расширить базис в этой области, нельзя скрывать от себя объективного факта, что эта часть базиса является проблематичной даже при более благоприятных условиях, чем нынешние». Подчеркивая, что в настоящее время доступа к крестьянам «у нас нет» и «организация на местах элементов крестьянского населения невозможна», Милюков, а вслед за ним и большинство других кадетских руководителей предлагали ждать того времени, когда столыпинская аграрная реформа уничтожит в деревне «старые основы социального быта» и создаст «недостающий социальный базис» для буржуазного конституционализма¹⁸.

Однако отдельные члены ЦК кадетов (Шаховской и Колюбакин) и представители местных партийных комитетов считали, что следует продолжать вести агитационно-пропагандистскую работу среди крестьян и устанавливать с ними организационные связи «через земских учителей, фельдшеров и студентов». Но это были лишь благие пожелания. Сохранившиеся в фонде ЦК кадетов письма свидетельствуют об отсутствии у местных комитетов каких-либо связей с крестьянскими массами. В марте 1909 г. Вышневолоцкий уездный комитет (Тверская губ.) сообщил в ЦК: «Связи с уездами и крестьянской средой у нас теперь нет совершенно»¹⁹. В 1911 г. председатель курского губернского комитета В. И. Долженков писал: «На крестьян лишены всяких способов воздействовать». На заседании ЦК 17 февраля 1914 г. представители с мест в один голос заявили, что с «крестьянами связей на местах нет, и они являются совершенно неизвестным элементом».

Кадетское руководство пересмотрело свою позицию по отношению к думским крестьянским депутатам. Известно, что в самом начале работы III Думы кадеты предприняли попытку снять для них квартиру и создать специальную крестьянскую газету «Сельская жизнь». Обе попытки закончились неудачей: крестьяне категорически отказались селиться в кадетской квартире, а газета «Сельская жизнь» сразу же прекратила свое существование. В ноябре 1907 г. кадетская фракция поручила налаживать контакты с левыми фракциями Колюбакину и О. М. Пергаменту. В период первой

сессии III Думы на заседаниях кадетской фракции изредка присутствовали трудовики, но подобного рода контакты не выходили из рамок обычной парламентской процедуры.

В декабре 1907 г. крестьянские депутаты обратились к кадетам с просьбой оказать им помощь в разработке аграрного законопроекта. После длительного обсуждения этого предложения в ЦК и комитете фракции кадетские лидеры решили «не принимать организационного участия в подготовке крестьянского проекта». На совещании с представителями местных комитетов, состоявшемся 1—2 июня 1908 г., позиция кадетского руководства была подвергнута критике как со стороны отдельных делегатов с мест (Долженков, Вторых, Ромм, Соболев), так и думских крестьянских депутатов. «Многие крестьяне,— сказал К. И. Молодцов (Тобольская губ.),— пошли бы теперь во фракцию к.-д., но я боюсь их звать, потому что к ним, может быть, будет так же мало внимания, как к нам до сих пор было. Я, повторяю, был в разных фракциях и остался в к.-д. фракции потому, что здесь ума много: но получил я от этой фракции очень мало».

Крестьянские депутаты А. А. Лунин (Казанская губ.) и И. С. Томилов (Астраханская губ.) заявили, что кадетская фракция вообще забыла о крестьянах. «Здесь,— подчеркнул Томилов,— с одной стороны, говорили: надо крестьян привлечь, а с другой — говорили: мы лучше не будем руку прикладывать к крестьянским проектам. Конечно, можно действовать на крестьян и речами в Думе, но это путь медленный. Мы, крестьяне, видя, как интеллигенция двигала все революционное движение, думали и здесь, в наиболее богатой интеллигентными силами фракции, обретаť свой ум. До сих пор мы нужны только как балласт для голосований. В Трудовой группе мы чувствуем себя свободнее».

Однако кадетское руководство отказалось изменить свое первоначальное решение. «Сейчас же открыто говорить в защиту крестьян,— утверждал Милюков,— мы можем только по тем вопросам, осветить которые с точки зрения крестьянских интересов мы хотим по собственному почину. Тактика временного воздержания правильна: она принесет впоследствии свои результаты». Действительно, подобная тактика дала свои результаты, но они были диаметрально противоположны тем, на которые рассчитывало кадетское руководство.

Создавая невозможность подчинить своему влиянию широкие массы рабочих и крестьян, либералы, и прежде всего кадеты, продолжали питать надежду на то, что им рано или поздно удастся привлечь на свою сторону средние городские слои. После революции 1905—1907 гг. кадетским идеологам казалось, что им удастся оторвать новую «смену» студенческой молодежи от политики, воспитать ее в духе академического автономизма. Но уже студенческая забастовка 1908 г. нанесла ощутимый удар по этим надеждам. Начавшись на академической почве, она постепенно приобрела политический смысл. Октябристы и кадеты повели борьбу за прекращение забастовки. Под непосредственным влиянием думской фракции «Союза 17 октября» октябристские студенческие фракции Московского и Петербургского университетов обратились к студентам с воззванием о немедленном прекращении забастовки. По инициативе Гучкова в Петербурге была создана студенческая группа «Союза 17 октября», которая вместе с группой беспартийных студентов образовала противозабастовочный комитет. Со своей стороны студенты-кадеты, входившие в состав коалиционных советов, вели такую же агитацию как бы изнутри.

Сразу же после окончания студенческой забастовки октябристские и кадетские студенческие фракции приступили к выработке собственной платформы. 3 ноября 1908 г. октябристская студенческая фракция Московского университета разработала и приняла специальную академическую программу, суть которой сводилась к следующему: 1) университеты должны быть вне политики; 2) студенческие забастовки «вредны и недопустимы»; 3) необходима свобода студенческих организаций. Выступая против предоставления студенческим сходкам права решать вопрос о забастовке, фракция подчеркивала, что будет считаться только с результатами студенческого

референдума, причем для положительного решения о начале забастовки требовалось 2/3 голосов, а для решения остальных вопросов — простое большинство. Судя по этой платформе, студенты-октябристы в принципе не отрицали возможности своего участия в забастовке, но рассматривали ее как крайнее средство борьбы²⁰. После принятия платформы фракция «Союза 17 октября» вышла из состава общестуденческой организации Московского университета.

21—22 ноября 1908 г. в Москве состоялась первая конференция делегатов студенческих кадетских фракций. Повестка дня конференции включала два вопроса: 1) сообщения о положении студенческих фракций в высших учебных заведениях и 2) выработка основных принципов студенческой тактической платформы. Кадеты, как и октябристы, выступали против предоставления студенческой сходке права решать вопрос о забастовке, откладывая его до подведения итогов студенческого референдума. Вслед за октябристами кадеты стали рассматривать забастовку как «крайнюю меру борьбы». В принятой конференцией платформе устанавливалось, что «организованное студенчество как целое может выступить лишь в академической, но не в политической борьбе». Конференция приняла решение о создании в Москве постоянного Информационного бюро²¹.

Выработанные октябристами и кадетами платформы по отношению к забастовочному движению не встретили сочувствия в основной массе студенчества. Об этом свидетельствуют данные анкетирования студентов петербургского политехнического института в ноябре 1909 года. Из 1000 студентов, ответивших на вопросы анкеты, 39,2% высказались за левые партии (за социал-демократов — 25,3, эсеров — 12,4, энесов — 0,8 и за трудовиков — 0,7). Кадетам отдали симпатии 20,7, а октябристам лишь 2,3% студентов. Согласно сведениям о партийной принадлежности, из 510 студентов Харьковского университета 213 (41,8%) являлись социал-демократами, 113 (22,2%) — эсерами, 87 (17%) кадетами, 74 (14,5%) — членами Украинской громады. Среди членов студенческой комиссии было пять социал-демократов, три кадета и два члена Украинской громады²².

В октябре 1910 г. (в связи с похоронами председателя I Думы кадета С. А. Муромцева) и в ноябре (в связи со смертью Л. Н. Толстого) студенты совместно с рабочими приняли участие в политических демонстрациях. Однако этот их шаг пришелся не по душе октябристам и кадетам. Когда студенты Петербурга приняли решение провести 11 ноября 1910 г. демонстрацию протеста против смертной казни, то кадеты направили все усилия к тому, чтобы отговорить их от этого «опрометчивого» шага. Ночью 10 ноября состоялось заседание думской кадетской фракции, на которое были приглашены представители от фракций прогрессистов, мусульман и беспартийных. Единогласно было принято решение обратиться к студенчеству с воззванием: «Гг. учащиеся высших учебных заведений Петербурга! Мы, представители упомянутых выше оппозиционных групп Государственной думы, считаем своим нравственным долгом обратить к вам нашу горячую просьбу не устраивать предполагаемой демонстрации. Мы считаем ее вредной, нежелательной. Мы призываем вас всячески воздерживать и ваших товарищей от опасных шагов, идущих в руку врагам студенчества и высшей школы. Пусть скорбные дни национального горя не омрачатся необдуманным порывом молодого чувства. Пусть ваш призыв не послужит поводом для торжества врагов свободы. Не поддавайтесь голосу увлеченных и остановитесь вовремя»²³. 11 ноября «Речь» опубликовала воззвание 37 депутатов к студентам и передовую статью с осуждением демонстрации.

Однако в Петербурге, Москве и ряде других городов состоялись демонстрации студентов и рабочих под лозунгом «Долой смертную казнь!» В декабре 1910 г. студенты выступили против избиений политических заключенных в тюрьмах. В ответ правительство усилило репрессии против студентов. В январе—марте 1911 г. студенты провели общероссийскую забастовку. Правительство ответило репрессиями. В марте 1911 г. полиция разгромила общегородские коалиционные студенческие советы в Петербурге и Москве, произвела аресты руководителей забастовки из числа студентов социал-демократов.

Всероссийская студенческая забастовка 1911 г. подверглась резкой критике со стороны октябристов и прогрессистов. ЦК октябристов выпустил декларацию, в которой это выступление оценивалось как «преступление перед родиной». 11 февраля 1911 г. 66 прогрессистски настроенных московских капиталистов опубликовали открытое письмо, в котором заявляли: «Мы являемся убежденными сторонниками необходимости настойчивой и непреклонной борьбы со студенческими забастовками». В унисон с октябристами и прогрессистами осудили забастовку правые кадеты. Н. А. Гредескул писал о том, что забастовку как средство борьбы нельзя одобрить даже в том случае, если она направлена против нарушения академической автономии, оправдывая ввод полиции в здания университетов; А. С. Изгоев писал, что «всякая университетская забастовка есть зло, духовное самоубийство». Студенчество, по его мнению, должно идти «путем культурной борьбы, путем создания литературных, научных кружков, студенческих организаций, товарищеской братской взаимопомощи»²⁴.

Позиция кадетов в отношении студенческой забастовки была двойственной. Еще 25 января 1911 г. на заседании их думской фракции выявились два мнения. Большинство (13) считало, что центральные партийные органы вправе дать студентам-кадетам директиву принять участие в забастовке, если в результате референдума за нее выскажутся 2/3 студентов. Обосновывая эту точку зрения, Шингарев сказал: «Надо помнить, что может наступить и такой момент, когда мы будем советовать студентам идти на забастовку». Меньшинство (9) категорически высказалось против того, чтобы давать студентам-кадетам какие бы то ни было советы. Характерно, что два члена фракции. Милюков и А. И. Никольский, высказали особое мнение, суть которого сводилась к тому, что в студенческое движение руководящим органам партии вообще не следует вмешиваться.

15 февраля 1911 г. кадетская фракция вновь обратилась к рассмотрению вопроса о студенческой забастовке. Однако и на этот раз прийти к какому-либо определенному решению не удалось. Одни, например, Гредескул, высказались за решительное осуждение забастовки, другие, признавая забастовку «фактом нежелательным», тем не менее считали, что «вовлечение университетов в политическую борьбу при существующих условиях неизбежно»²⁵. В известной мере двусмысленная позиция кадетского руководства явилась отражением подобного же поведения кадетских студенческих фракций.

После уничтожения 12 января 1911 г. университетской автономии студенты-кадеты, хотели они того или нет, самой логикой вещей стали втягиваться в забастовку. Они послали своих представителей в студенческие коалиционные советы, надеясь направить движение в академическое русло. Однако эту линию самым решительным образом отвергло подавляющее большинство студентов. Проакадемическую позицию кадетов поддержало лишь около 5% петербургских студентов. Потерпев неудачу в попытке удержать студенческое движение в академических рамках, кадетские студенческие фракции в начале февраля 1911 г. отозвали своих представителей из коалиционных советов, руководивших всероссийской студенческой забастовкой²⁶.

После окончания забастовки кадетское руководство неоднократно возвращалось к обсуждению студенческого вопроса. На майской партийной конференции 1911 г. были заслушаны сообщения представителей студенческих фракций Петербурга и Москвы об участии студентов-кадетов в забастовке. Ими же был поставлен вопрос об урегулировании отношений между центральными органами партии и студенческими организациями. Но это пришлось не по вкусу кадетским лидерам, которые не любили давать каких-либо определенных ответов. В этом плане перлы кадетской казуистики продемонстрировал Милюков: «Или совершенное закрытие студенческой фракции к.-д. как таковой, или предоставление ей действовать на свой собственный страх и риск без всякого руководства и ответственности со стороны партии».

Исходя из концепции «параллельных действий», лидер кадетов катего-

рически выступил против того, чтобы центральные органы партии давали какие-либо директивы студенчеству, которое, по его мнению, должно быть «само ответственно за свои поступки». Теоретически обосновывая эту идею, Милюков говорил: «Та студенческая фракция, которая подчинится директивам извне, тем самым теряет авторитет как самостоятельная. И мы вынуждены сказать студентам, что раз им приходится существовать и действовать в условиях внеконституционных, пусть каждый из них несет ответственность на себе и действует так, как подсказывает ему своя совесть».

Милюковская идея воздержания от руководства студенческим движением и, естественно, уход от ответственности за него получила поддержку со стороны Шаховского. «Нелегко в трудную минуту говорить студентам: действуйте на свой страх,— рассуждал он.— Но правда должна быть выше всего, а правда заключается в том, что ЦК фактически не может руководить студенческими выступлениями... Поэтому надо определенно решить и заявить, что брать на себя руководство студенческими выступлениями центральные органы партии к.-д. не могут». Выступая за признание студенческих фракций автономными, Шаховской тем не менее считал, что закрывать их все же не следует, ибо они «занимаются подготовкой партийных деятелей и имеют связи со студенческими массами».

Точка зрения Милюкова на студенческие фракции кадетской партии и движение учащейся молодежи в целом встретила критику со стороны Некрасова, который настаивал на том, что кадетам все же следует занять определенную позицию в студенческом вопросе, ибо нельзя «открыто порицать, а втайне сочувствовать забастовке». «Чего-то не договаривают,— считал он.— Это умолчание как бы скрывает противоречие между этими понятиями — лояльность и нелояльность. Было время, когда партия стояла на ультралояльной позиции и даже вотировала кредиты на тюрьмы, подчиняясь нормам действовавшего закона о бюджете; но времена эти ушли, не по нашей воле, конечно, и мы стали занимать несколько иные позиции. Впрочем, забастовку мы никогда в принципе не отвергали, помня, что она дала нам конституцию. У студентов же и совсем нет методов для борьбы, кроме забастовок. Профессора говорят, что этот метод губелен для нашей науки, для культуры, но это не точка зрения партии: партия не высказывалась принципиально и против студенческой забастовки». Ф. Ф. Кокошкин считал, что центральные органы кадетов должны давать студентам лишь директивы общего характера. Для более внимательного обсуждения студенческого вопроса он предложил созвать специальную конференцию. Близкую точку зрения высказал и П. Д. Долгоруков, заявивший, что «ответственность за действия студентов центральные органы принять на себя не могут, но они не должны уклоняться от общения со студентами, когда те будут обращаться к ним». Подводя итоги дискуссии, Милюков высказался против «всяких нелегальных действий» центральных партийных органов по отношению к движению учащейся молодежи. Одновременно он согласился с предложением Кокошкина созвать осенью 1911 г. партийную конференцию по студенческому вопросу. Но, выполнить это решение не удалось.

11 октября 1911 г. вместо конференции состоялось заседание МО ЦК, на котором рассматривались следующие вопросы: 1) желательно ли существование кадетской фракции в университете? 2) каковы должны быть взаимоотношения между центральными органами партии и студенческими фракциями? 3) допустимы ли забастовки? 4) нужно ли совещание ЦК со студентами? В ходе длительной дискуссии удалось выработать ряд компромиссных положений. Во-первых, было признано необходимым существование в высших учебных заведениях кадетских студенческих фракций, ибо они важны для «воспитания молодежи в духе партии» и для «приобретения политических adeptов». Одновременно подчеркивалось, что студенты не должны «вносить политику в университеты», а заниматься ею следует вне стен учебных заведений. Во-вторых, признавалось, что студенческие фракции могут иметь организационную связь с центральными органами партии, но те в свою очередь не могут руководить деятельностью этих фракций.

Поэтому фракции признавались автономными в решении общестуденческих дел. В-третьих, студенческие забастовки в принципе признавались недопустимыми, хотя и отмечалось, что «при ненормальных условиях жизни могут быть такие случаи, при которых они являются неизбежными и необходимыми». Что же касается созыва совещания со студентами, планировавшегося на ноябрь 1911 г., то никакого решения по этому вопросу принято не было.

Половинчатые решения МО ЦК привели к ослаблению связи кадетов с демократическим движением студенческой молодежи. На заседании ЦК 17 февраля 1914 г. Изгоев признал, что партии не следует браться за подготовку молодежи. Милюков также считал, что «на молодежь надежд мало»²⁷. Подводя итог деятельности кадетов среди молодежи, А. В. Тыркова в своих воспоминаниях писала: «Молодежи у нас почти не было... студенты в профессорскую партию не шли»²⁸.

Известных результатов кадетам удалось добиться в создании студенческих научных кружков и организации землячеств. В 1908/09 учебном году в Московском университете функционировало научное общество памяти князя С. Н. Трубецкого. В Петербурге студенческий кружок по философии права (110 человек) вел член ЦК кадетов профессор Л. И. Петражицкий, а кружком по политэкономии (180—206 человек) руководил М. И. Туган-Барановский²⁹. В январе 1908 г. при МО ЦК появилась комиссия специально для организации студенческих землячеств (Н. М. Кишкин, В. С. Муралевич, А. Д. Журавлева). В феврале 1908 г. комиссия разработала платформу деятельности землячеств, которые должны были объединить не только студентов, но и рабочих, служащих и приказчиков. По замыслу организаторов, тем самым создавалась бы «благоприятная почва для сближения молодежи с разнообразными демократическими элементами» и в будущем условия для влияния на них³⁰. Такое, например, смешанное по своему составу Владимирское землячество было создано в Москве. Кадеты поддерживали также контакты со студенческим обществом «Помощь».

Предпринимались кадетами и попытки привлечь на свою сторону учителей. По инициативе Лиги образования в летние месяцы для них устраивались курсы; в Петербурге, Москве и Киеве в 1908—1911 гг. их посещало около 2,5 тыс. слушателей. Учительские курсы, организованные земскими самоуправлениями в Саратове, Харькове, Полтаве, Пензе, Екатеринославе, Луганске, Ветлуге, Юхнове, Данилове, Сапожке, Ярославле, Владимире, Ельце, Пскове и Камышлове, посещали до 4,5 тыс. слушателей. Кадеты стремились установить с учителями и прямые организационные связи. В 1911 г. совещания с учителями были проведены во время съезда по народному образованию в Москве. Однако надежды на подобного рода совещания не оправдались, ибо, как отмечено в отчете МО ЦК, учителя, обещавшие поддерживать связи с партией, в огромном большинстве случаев этого не исполнили³¹. Если учесть, что летом 1908 г. МО располагал лишь 27 адресами народных учителей, то ясно, что речь идет о неудаче; между тем лидеры кадетов рассчитывали использовать учителей для пропаганды своих идей среди крестьянства.

По сведениям Департамента полиции, в конце 1909 — начале 1910 г. московские кадеты предприняли попытку восстановить на беспартийной основе Всероссийский союз учителей. Войдя в Комитет взаимопомощи учителей, они «возродили это общество и направили его деятельность на организацию союза и сбор пожертвований на Учительский дом». Члены бюро комитета кадеты Н. В. Тулупов и П. А. Барянов установили связи с провинцией и возглавили центральный орган Комитета взаимопомощи учителей — журнал «Народный учитель»³². Московское общество грамотности, возглавляемое членом ЦК кадетов Долгоруковым, оказывало материальную помощь безработным учителям; члены местных комитетов партии входили в состав обществ взаимопомощи учителей. Однако скудность и фрагментарность подобных сведений³³ говорит о том, что кадеты не пользовались популярностью в этой среде.

В 1907—1914 гг. либералы не оставляли надежды привлечь на свою

сторону различные категории служащих. Октябристы, отказавшись от непосредственной пропагандистской работы среди них, фактически ограничились созданием (в декабре 1907 г., декабре 1910 г. и августе 1913 г.) специальных комиссий для выяснения нужд приказчиков и разработки законопроектов об условиях найма, страхования и продолжительности их труда. От случая к случаю на заседания этих комиссий приглашались представители торговых служащих ³⁴.

Кадеты действовали гораздо активнее. Во время избирательной кампании в III Думу петербургские кадеты создавали специальные комитеты для агитации среди торгово-промышленных и банковских служащих. Комиссии при Петербургском и Московском отделах ЦК разрабатывали законопроекты об условиях найма и продолжительности рабочего дня торговых служащих. В 1908 г. в обеих столицах действовали клубы приказчиков, в Петербурге открылся клуб для коммерческих служащих, где кадеты выступали с лекциями, обсуждали правительственные и собственные законопроекты о положении приказчиков. Кадеты входили в состав обществ торговых служащих в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Туле, Нижнем Новгороде, Самаре, Симбирске, Воронеже, Тамбове и других городах.

Однако по сравнению с 1905—1907 гг. деятельность и влияние кадетов среди служащих сократились. На V съезде кадетской партии Л. А. Кроль (Екатеринбург) отметил, что «из городской организации ушла вся группа приказчиков». «Во всех профессиональных союзах, равно и в обществе приказчиков и конторщиков,— сообщили в ЦК из Астрахани,— руководящую роль играют исключительно левые; только среди приказчиков наблюдается незначительное к.-д. течение, которое при известной энергии можно было бы расширить, но нет людей — в этом наше горе». Из Вологды писали о полной утрате местными кадетами связей с торговыми и железнодорожными служащими ³⁵.

О падении влияния кадетов в этой среде свидетельствуют материалы IV Всероссийского съезда торгово-промышленных служащих (29 июня — 3 июля 1913 г.). Попытки кадетов взять в свои руки руководство съездом и направить его деятельность в реформистское русло ни к чему не привели. «Марксистская группа», возглавлявшаяся большевиками, провалила избрание члена кадетского ЦК Н. Н. Щепкина в председатели съезда и на всем протяжении его работы блокировала любые кадетские предложения. Стремясь извлечь урок из поражения на этом съезде, ЦК партии 20 сентября 1913 г. создал комиссию для установления постоянных связей со служащими (Щепкин, Шаховской, Ночевкин, Губарев, Олендзенский, Иорданский), деятельность которой ничего не дала. На заседании ЦК 17 февраля 1914 г. Милюков констатировал, что партия «понемногу теряет даже городских приказчиков».

Прилагались также усилия, чтобы установить контакты со священниками и старообрядцами. Летом 1908 г. МО ЦК провел совещание со священниками, в результате которого получил 16 новых адресов. Но, как и учителя, священники, давшие обещания поддерживать связи с кадетами, «в огромном большинстве случаев их не исполняли». В октябре 1909 г. МО ЦК завязал связи с прогрессивным кружком псаломщиков и ассигновал 200 руб. на издание брошюр по церковному вопросу; в 1910 г. провел совещание со старообрядцами (участвовал член ЦК В. А. Караулов) ³⁶. Но кадетам все же не удалось привлечь на свою сторону ни священников, ни старообрядцев.

Сознавая слабость своих связей с массами, либералы активизировали деятельность в социально родственной им среде. В конце 1910 и начале 1911 г. ЦК октябристов провел совещания суконных и хлопчатобумажных фабрикантов, членов общества лесопромышленников, хлебной биржи и вязниковского комитета торговли и мануфактур, в ходе которых обсуждались вопросы об отношениях названных обществ с военным интендантством. Всего состоялось шесть заседаний, на которых присутствовало 56 участников и было заслушано 18 докладных записок ³⁷. С сентября 1907 г. по инициативе кадетов и при активной поддержке мирнообновленцев в городах стали создаваться общества обывателей и избирателей. К концу 1908 г.

такие общества возникли во всех 12 районах Петербурга; были созданы и Союз квартиронанимателей и Клуб домовладельцев. В сентябре 1908 г. созданное кадетами в Москве совещание прогрессивных земских деятелей избрало постоянно действующее бюро во главе с кн. С. Д. Урусовым.

Благодаря этим усилиям влияние кадетов и мирнообновленцев в земской среде окрепло; в ходе выборов в городские самоуправления (в Москве и 39 других городах) явился рост удельного веса прогрессивно настроенных гласных ³⁸. Воодушевленные успехом, кадеты при содействии мирнообновленцев начали издавать журналы «Городское дело» и «Земское дело». Опубликованная ими муниципальная программа была направлена на демократизацию и децентрализацию городского самоуправления. Согласно программе, избирательное право должны были получить все лица, достигшие 21 года, прожившие в данном городе полгода и уплачивающие налоги ³⁹.

В мае 1909 г. по инициативе МО ЦК в Москве состоялось совещание «прогрессивных городских гласных», на котором предполагалось создать постоянно действующий центральный комитет прогрессивных гласных. После майского совещания активизировался процесс создания обществ обывателей и избирателей. Летом 1909 г. они возникли в ряде уездов Петербургской губернии (Петербургском, Царскосельском, Петергофском, Шлиссельбургском), в Туле, Смоленске, Томске, Иркутске, Красноярске, Чите, Кургане, Благовещенске и Барнауле. Столичные кадеты попытались объединить общества обывателей и избирателей в масштабе всей страны, для чего в 1910 г. провели новое совещание «прогрессивных деятелей».

Созданный с этой целью легальный центр официально именовался Отделением по городскому и земскому самоуправлению московского отдела Русского технического общества ⁴⁰. Конец этой деятельности положило правительство. Циркуляром от 25 июля 1910 г. губернаторам предписывалось закрыть все провинциальные общества обывателей и избирателей. 24 августа были закрыты и все 15 обществ в Петербурге ⁴¹. Но кадеты и мирнообновленцы все же закрепились в земской среде. В 1911 г. самарские кадеты сообщали ЦК, что «последние земские выборы дали возможность войти в состав земских собраний уже довольно значительному числу членов партии и даже членов губернского комитета» ⁴².

Кадеты участвовали в проведении различных легальных съездов и обществах культурно-просветительного и экономического характера. Организационная комиссия МО ЦК собирала уставы существующих легальных обществ, разрабатывала новые уставы (Московского музея содействия труду, кооперативных и потребительных обществ, кружка для самообразования, Общества взаимопомощи лицам интеллигентных профессий и т. п.), изучала порядок открытия воскресных школ, организации просветительных учреждений при тюрьмах, порядок устройства народных чтений и публичных лекций. В Петербурге под кадетским влиянием находилась Лига образования (председатель Г. А. Фальборк, секретарь Н. И. Милюков). При Лиге действовали пять всероссийских и 17 местных обществ образования, справочное педагогическое бюро, включавшее в свой состав членов ЦК кадетов Шаховского и Челнокова ⁴³. С октября 1908 г. по инициативе Лиги в Петербурге была открыта Педагогическая академия, а при ней созданы учительские курсы.

В Петербурге кадеты возглавили общество «Образование» (председатель — член ЦК Гессен), Юридическое общество, Вольный университет им. П. Ф. Лесгафта, в Москве — Общество грамотности (председатель кн. Долгоруков, член правления Кишкин), Лигу равноправия женщин, Лигу борьбы против смертной казни, Юридическое общество, Общество распространения технических знаний, Народный университет имени Шанявского. В Киеве под влиянием кадетов находились Общество грамотности, Павленковская библиотека, Народный дом, Педагогическое общество им. К. Д. Ушинского, Общество народных детских домов, Общество распространения образования в народе, Польское общество любителей искусства; в Харькове — Комитет грамотности; в Оренбурге — Народный дом и Педагогическое общество; во Владимире — Общество содействия учащимся, Союз

лиц частного труда, городская публичная библиотека, Общество трезвости, Народный дом; в Иваново-Вознесенске — Общество трезвости; в Воронеже — Общество народного здоровья; в Курске — Общество содействия начальному образованию; в Самаре — Комитет общеземской организации помощи голодающим, фельдшерское общество ⁴⁴.

Под довольно сильным идейным влиянием кадетов находилась значительная часть народных университетов ⁴⁵. Кадеты участвовали в подготовке и работе I Всероссийского съезда деятелей обществ народных университетов, состоявшегося 3—7 января 1908 года. В состав оргбюро съезда вошли фон Рутцен, М. И. Петрункевич и от партии демократических реформ М. М. Ковалевский. Фон Рутцен и А. С. Милюкова были избраны председателями секций. В числе делегатов на съезде присутствовали И. И. Петрункевич, А. И. Каминка, Д. Д. Протопопов, А. А. Свечин и В. Д. Набоков. Под влиянием либералов съезд отверг резолюцию рабочей группы с требованием ввести в правления народных университетов представителей от рабочих организаций, признать за ними право определять программы занятий, наметать лекторов по общественным дисциплинам, а также признать право преподавания на родном языке для каждой национальности. После отклонения этой резолюции рабочая группа покинула съезд.

Аналогичную позицию занимали кадеты и во время работы съезда по народному образованию, состоявшегося в январе 1914 года. Оргкомитет съезда, в котором большинство принадлежало кадетам и октябристам, отказался допустить на съезд представителей от профсоюзов металлистов, печатников, портных, булочников и трактирных служащих.

Кадеты предпринимали настойчивые попытки распространить свое идейное влияние на женское движение. Они поддерживали организационные связи с Лигой равноправия женщин, женским клубом в Петербурге, председателем правления которого являлась жена лидера партии Милюкова. Кадетские руководители участвовали в подготовке и работе I Всероссийского женского съезда, состоявшегося 10—16 декабря 1908 г. в Петербурге. В оргбюро съезда вошли члены ЦК кадетов М. М. Винавер и Тыркова, избранная председателем юридической комиссии. 12 декабря на соединенном заседании секций с докладами выступили пять членов ЦК кадетов: Шингарев («О правовом положении женщин в земельных законопроектах правительства и в проектах реформ местного самоуправления»), Караулов («О разводе»), Гессен («Влияние законодательства на экономический строй и нравственное положение женщин»), фон Рутцен («Законодательные предложения партии народной свободы»), Петражицкий («Законы развития права и правовое положение женщин») и член думской фракции В. А. Степанов («Рабочее законодательство в III Государственной думе»).

В основу докладов и других выступлений кадетов был положен лозунг: «Женское движение не должно быть ни буржуазным, ни пролетарским». Подчеркивая его «внеклассовый» характер, кадеты стремились направить женское движение в мирное парламентское русло. Их призывы к «классовому миру» встретили на съезде резкий отпор со стороны представителей большевиков. А. М. Коллонтай изложила позицию своей партии и призвала женщин к единству действий с рабочим классом. Чтобы ослабить впечатление от ее речи, слово сразу же взяла Милюкова. «Мы собрались сюда не для разъединения, а для объединения. Для нас, женщин,— заявила она,— имеется общая платформа, на которой мы можем объединиться все, без различия направлений и партий. Это наше требование широкого избирательного права и равенства всех перед законом. В этом вопросе мы можем идти все нога в ногу. Не будем затрагивать классовых вопросов, а будем солидарно бороться за наше право» ⁴⁶.

Выступление Милюковой было встречено в штыки рядовыми работницами и радикальной интеллигенцией. Работницы призывали женщин бороться в одних рядах с рабочими-мужчинами, говорили о том, что освобождение женщин от нищеты и бесправия возможно только при социализме. Под давлением работниц съезд принял резолюцию об охране труда женщин

и детей, о положении женщины-крестьянки, о промысловой кооперации, о равноправии евреев и о борьбе с алкоголизмом. Но президиум съезда категорически отказался огласить проект резолюции работниц, в котором содержалось требование всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права для женщин. После этого делегатки-работницы в знак протеста ушли со съезда.

То же произошло на I Всероссийском съезде фабрично-заводских врачей и представителей фабрично-заводской промышленности 1—6 апреля 1909 г. в Москве. Проповедуя идею классового мира между рабочими и капиталистами, кадеты старались направить выступления рабочих депутатов в реформистское русло. Однако эта попытка была сорвана большевиками, которым удалось объединить вокруг своих лозунгов подавляющее большинство рабочих делегатов.

С особенной настойчивостью кадеты добивались влияния в кооперативных и потребительских обществах. 6 февраля 1908 г. на заседании организационной комиссии МО ЦК Садырин сделал доклад о задачах партии в отношении кооперативного движения. Подчеркивая, что оно должно носить «внепартийный» характер, Садырин тем не менее считал, что кадеты не только должны содействовать возникновению кооперативов, но и руководить этим движением идейно-политически. После заседания комиссия приступила к выработке уставов для кооперативных и потребительских обществ.

Кадеты приняли участие в подготовке и проведении I Всероссийского съезда представителей кооперативных учреждений (Москва, 16—21 апреля 1908 г.). 824 делегата съезда представляли 384 кооператива. С докладом «Кооперация в деревне» выступил Туган-Барановский. На съезде был поставлен вопрос о создании Народного банка, который, по этому замыслу, должен был стать не только «финансовым центром русской кооперации», но и одним из каналов идейно-политического воздействия на массы и установления организационной связи с ними.

При активном участии кадетов проходили также съезды деятелей по кустарной промышленности (1910 г.), по мелкому кредиту и сельскохозяйственной кооперации. На II Всероссийском съезде по кооперации (Киев, 1—7 августа 1912 г.) товарищами председателя съезда были избраны Шаховской и Садырин; присутствовали учредители Московского народного банка, видные киевские кадеты. Давая общую оценку итогов работы съезда, Шаховской на заседании МО ЦК 20 сентября 1913 г. заявил: «Это движение чисто к.-д.-ское, так как выполняет программу к.-д. Через кооперативы мы можем ближе подойти и к рабочим». Для усиления кадетского участия в кооперативном движении Шаховской предлагал развернуть специальную кооперативную прессу. Кадетскому руководству удалось поставить издание двух журналов «Вестник кооперации» (редактор Туган-Барановский) и «Кооперация» (редактор Шаховской).

В Москве был создан книжный склад «Кооперация». Учредители Московского народного банка во главе с его председателем Перелешиним приступили к разработке проектов кооперативного закона, создания Всероссийской лиги кооперации, кооперативного института и музея. При университете имени Шанявского были открыты постоянные курсы для подготовки руководителей и организаторов кооперативного движения, которые вели кадетские профессора. В ряде мест кадетам удалось захватить руководящее положение в правлениях обществ сельского хозяйства, пчеловодства, садоводства, касс взаимопомощи. В Симбирске в их руках находились общества садоводства и пчеловодства; в Корчеве (Тверской губ.) — касса взаимопомощи; в Самаре — общества сельского хозяйства, садоводства и пчеловодства; в Вологде — общества сельского хозяйства ⁴⁷.

Одним из важнейших объективных показателей для суждения о степени влияния либералов на различные слои населения являются результаты выборов в III и IV Государственные думы.

Наиболее существенные изменения претерпело представительство партии октябристов. Во время выборов в III Думу они провели 154 депута-

та. На выборах в IV Думу октябристы потерпели полное поражение в 10 губерниях и областях, а в 26 губерниях количество их депутатов уменьшилось. Правда, они одержали победу в трех новых губерниях. Количество октябристских депутатов сократилось по всем избирательным куриям. Всего же октябристы потеряли 56 депутатских мест. Наиболее ощутимые поражения они потерпели в городах. Наметившаяся еще в ходе дополнительных выборов (1909 и 1911 гг.) тенденция к падению престижа октябристов среди городского «цензового» избирателя в 1912 г. привела их к полному поражению в городских куриях Петербурга, Москвы, Риги и других городов. В Москве, считавшейся цитаделью октябризма, на выборах в IV Думу был забаллотирован даже лидер партии Гучков, получивший всего 1297 голосов.

В свою очередь результаты выборов показали неуклонный рост по всем избирательным куриям числа прогрессистских депутатов. На выборах в III Думу прогрессистам удалось провести своих депутатов в 22 губерниях и областях: от крестьянской курии — 4, от общего состава выборщиков — 12, от первой городской курии — 4, от съездов городских избирателей — 1, от землевладельческой курии — 4. На выборах в IV Думу прогрессистам удалось удержать за собой 9 губерний, в которых они провели своих депутатов в III Думу, и одержать победу в 10 новых губерниях. Особенно крупных успехов прогрессисты добились в городских куриях, что отражало процесс консолидации прогрессистских и кадетских сил в городском самоуправлении. Характерно, что на выборах в IV Думу в городах прогрессисты провели депутатов в два раза больше, чем на выборах в III Думу. Им удалось одержать победу в первой курии в Петербурге.

Что же касается кадетов, то им на выборах в III Думу удалось провести 54 депутата в 33 губерниях и областях: от крестьянской курии — 6, от общего состава выборщиков — 8, от городской курии — 8, от второй городской курии — 10, от съездов городских избирателей — 7, от землевладельческой курии — 5. На выборах в IV Думу кадеты провели 50 депутатов от 26 губерний и областей. По сравнению с выборами в III Думу они полностью утратили свое представительство в 11 губерниях, сохранили его в 22 губерниях и одержали победу в 4 новых губерниях и областях. В итоге кадетам удалось увеличить число депутатов от крестьянской и городских курий. Своих депутатов кадеты провели от первой городской курии Петербурга и Москвы. Отвернувшись от октябристов, крупная буржуазия во время выборов в IV Думу оказала поддержку прогрессистам и кадетам.

В результате выборов в III и IV Думы выявились две взаимосвязанные тенденции. Первая выразилась в том, что, несмотря на довольно острую конкурентную борьбу между собой, либеральные партии в ходе избирательных кампаний выступили единым фронтом против левого радикализма и экстремизма. Суть второй тенденции состояла в том, что произошло полевение рядовых городских избирателей, отдавших свои голоса за социал-демократов во второй городской курии. Если на выборах в III Думу в Петербурге за социал-демократов было подано 11,7% голосов, то на выборах в IV Думу — 22,6%. В Москве на выборах в III Думу социал-демократы получили 8,3% голосов, а на выборах в IV Думу — 29,7%⁴⁸. В результате кадетские лидеры убедились, что довольно значительная часть демократических элементов «от них отступила», перейдя к социал-демократам⁴⁹.

Идейно-политическая консолидация либеральной оппозиции в рассматриваемый период усилилась, что выразилось прежде всего в сближении между прогрессистами и кадетами, в укреплении позиции этих партий в городском и земском самоуправлении, т. е. в социально родственных им слоях населения. Это были так называемые цензовые элементы, составлявшие ядро средних городских слоев, владевших собственностью. В России они были крайне незначительны и не могли стать массовой опорой для русского либерализма.

Несмотря на довольно интенсивные попытки распространить свое идейно-политическое влияние среди рабочих, крестьян, служащих,

студенчества, демократической интеллигенции, либералам так и не удалось привлечь их в массовом порядке на свою сторону. Более того, еще задолго до 1917 г. проявилась тенденция не только к непониманию, но и резкому отчуждению между либеральной оппозицией, стремившейся придерживаться строго парламентской тактики, и широкими массами, предпочитавшими методы прямого насильственного действия для решения жизненно важных проблем. Все попытки либералов, с одной стороны, уговорить исполнительную власть добровольно пойти на реализацию широкомасштабных демократических реформ, а с другой — убедить массы в неэффективности насильственных действий закончились безрезультатно.

В российских условиях того времени, когда социальная напряженность и политическая конфронтация в стране достигли высочайшего обострения, призывы либералов к благоразумию и компромиссу не были услышаны и радикально настроенной интеллигенцией, традиционно являвшейся генератором ультрареволюционных идей и транслятором ультрареволюционных настроений. Аккумулируя вековую ненависть масс к своим угнетателям, радикальная интеллигенция оказалась одним из самых последовательных противников либеральной модели общественного переустройства России, настаивала на самых решительных и беспощадных методах борьбы против существующего режима, на проведении радикальных социальных экспериментов. В конечном счете либералы оказались между несколькими жерновами: исполнительной властью, радикальной интеллигенцией и революционно настроенными массами, предпочитавшими выяснять свои отношения с властью не в парламенте, а на баррикадах. Именно в этом и состояла одна из глубинных причин трагедии русского либерализма.

Примечания

1. Известия Союза 17 октября. М., 1910. Вып. 5. 2-я серия, с. 216.
2. В. П. Рябушинский 8 октября 1910 г. перевел редакции 1100 рублей за подписку, а 13 октября согласился дать в ссуду на издание журнала 2 тыс. рублей. Дом Плеханова, ф. 753 (П. Б. Струве), оп. 1, ед. хр. 94, л. 12, 13.
3. Правда, в феврале 1914 г. удалось их сократить до 7 тыс. рублей. Там же, ф. 482 (П. Н. Милуков), оп. 363, ед. хр. 10, 38. Подсчет автора.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 523, оп. 1, д. 1, л. 91; д. 30, л. 107, 82; д. 31, л. 45; д. 14, л. 58.
5. Русская мысль, 1907, № 7, с. 175—176.
6. Вехи. М. 1910, с. 25; Русская мысль, 1907, № 7, с. 176, 174.
7. Труды первого Всероссийского съезда деятелей обществ народных университетов и других просветительных учреждений частной инициативы. С.-Петербург. 1908, с. 58.
8. Русская мысль, 1911, № 8, с. 30—32.
9. В аудиториях самарского общества в 1910 г. было прочитано 59 лекций (29600 слушателей), в Кутаиси — 56 лекций (13251 слушатель), в Казани — 27 лекций (1895 слушателей), в Майкопе 47 лекций (12600 слушателей). Там же, с. 32—33.
10. ГАРФ, ф. 523, оп. 1, д. 247, л. 17—21; д. 256, л. 9 об., 20.
11. Там же, д. 15, л. 24 об.; д. 31, л. 113 об.; д. 245, л. 94—95.
12. Фракция народной свободы в период 10 октября 1909 г. — 5 июня 1910 г. Ч. 1. Отчет фракции, с. 10; ГАРФ, ф. 523, оп. 1, д. 31, л. 23—24.
13. ГАРФ, ф. 115, оп. 14, д. 179 об.
14. Русская мысль, 1913, № 8, с. 1—2; № 6, с. 121—126; Речь, 13.XI.1913.
15. Там же, № 6, с. 121—126.
16. ГАРФ, ф. 523, оп. 1, д. 31, л. 39 об., 104—106, 109 об.; д. 14, л. 17 об., 58; д. 16, л. 9—12.
17. Голос Москвы, 19.IX.1907; 3.III.1908; Отчет ЦК Союза 17 октября о его деятельности с 1 сентября 1912 г. по октябрь 1913 г. М. 1913, с. 66.
18. ГАРФ, ф. 523, оп. 1, д. 5, л. 36; Фракция народной свободы в период 10 октября 1909 г. — 5 июня 1910 г., с. 11.
19. ГАРФ, ф. 523, оп. 1, д. 29, л. 62; д. 388, л. 10 об.
20. Там же, д. 6, л. 88—89, 93—94; д. 28, л. 14, 41; д. 29, л. 57; д. 245, л. 32 об.; оп. 2, д. 10, л. 10.

21. В конференции приняли участие: от Москвы 9 делегатов, Петербурга — 10, Харькова — 1; делегат из Киева не приехал, но отчет студенческой фракции был прислан (там же, ф. 579, оп. 1, д. 857, л. 1 об.— 2 об.).
22. Запросы жизни, 1910, № 1, с. 647; Звезда, 12.II.1911; ГАРФ, ф. 523, оп. 1, д. 277, л. 10 об.
23. ГАРФ, ф. 523, оп. 1, д. 3, л. 103.
24. Обзор деятельности ЦК «Союза 17 октября» в 1910—1911 гг. М. 1911, с. 14; Русская мысль, 1911, № 8, с. 103, 141, 143, 149; Запросы жизни, 1911, № 8, с. 461—462.
25. ГАРФ, ф. 523, оп. 1, д. 3, л. 192—193, 194 об., 200—201 об.
26. БОРИСЕНКО М. В. Студенчество Петербурга в 1907—1911 гг. Канд. дисс. М. 1984, с. 118; ГАРФ, ф. 523, оп. 1, д. 11, л. 32—33.
27. ГАРФ, ф. 523, оп. 1, д. 11, л. 33 об.— 38, 42—44; д. 31, л. 108 об., 109 об.; д. 245, л. 24—30.
28. ТЫРКОВА-ВИЛЬЯМС А. На путях к свободе. Нью Йорк. 1954, с. 404.
29. Социологическая мысль в России. М. 1978, с. 72.
30. ГАРФ, ф. 523, оп. 2, д. 5, л. 10 об.
31. Русская мысль, 1911, № 10, с. 40; ГАРФ, ф. 523, оп. 1, д. 245, л. 21.
32. ГАРФ, ф. 102, 1910 г., д. 27, ч. 46, л. 1—3, 10.
33. В 1908 г. в Корчеве (Тверская губ.) Общество взаимопомощи учителей наполовину состояло из кадетов, а в Тамбове кадеты возглавляли правление Союза учителей народных школ (ГАРФ, ф. 523, оп. 1, д. 277, л. 12; д. 247, л. 9 об.; оп. 2, д. 3, л. 54 об.).
34. Голос Москвы, 11.XII.1907; ГАРФ, ф. 115, оп. 1, д. 107, л. 12; Отчет ЦК «Союза 17 октября» о его деятельности с сентября 1912 года по октябрь 1913 года. М. 1913, с. 36.
35. Вестник партии народной свободы, 1907, № 48, стб. 2095; ГАРФ, ф. 523, оп. 1, д. 170, л. 44; д. 193, л. 21 об.; д. 277, л. 25—26.
36. ГАРФ, ф. 523, оп. 1, д. 31, л. 108 об.; д. 245, л. 21, 83.
37. Известия Союза 17 октября, вып. 5, серия 2. М. 1910, с. 214.
38. ДЯКИН В. С. Самодержавие, дворянство и буржуазия. 1907—1911. Л. 1978, с. 112, 113.
39. Городское дело, 1909, № 2, с. 579, 1.
40. ДЯКИН В. С. Ук. соч., с. 177—178; Речь, 11.VII.; 4.IX. 1910.
41. Речь, 11.X.1910.
42. ГАРФ, ф. 523, оп. 2, д. 10, л. 7 об.
43. Российский государственный исторический архив, ф.749 (Лига образования). Подсчеты автора.
44. ГАРФ, ф. 523, оп. 1, д. 177, л. 24; д. 198, л. 11—12; д. 247, л. 21 об.; д. 277, л. 22—23; оп. 2, д. 3, л. 63; ф. 102, 1910 г., д. 27, ч. 46, л. 11 об.—12.
45. В России действовало 46 народных университетов (Городское дело, 1910, № 24, стб. 1840).
46. Труды первого Всероссийского женского съезда при русском женском обществе в С.-Петербурге 10—16 декабря 1908 г. СПб. 1909, с. 744.
47. ГАРФ, ф. 523, оп. 1, д. 193, л. 21 об.; д. 245, л. 88; д. 277, л. 12; д. 329, л. 2, 9 об.; оп. 2, д. 3, л. 56 об., 69 об.
48. См.: Проблемы гегемонии пролетариата в демократической революции (1905—февраль 1917 г.). М. 1975, с. 217; ЛАГОВСКАЯ О. В. Политические партии и городская демократия на выборах в III и IV Государственные думы. В кн.: Большевики и непролетарские партии в период Октябрьской революции и в годы гражданской войны. М. 1982, с. 115.
49. ГАРФ, ф. 523, оп. 1, д. 14, л. 6 об.

Первая Конная армия: за кулисами славы

В. Л. Генис

В «Очерках русской смуты» А. И. Деникин сетовал, что волны страшных насилий и грабежей, равно творимых красными, белыми и зелеными, пронесли по всему российскому театру гражданской войны, «наполняя новыми слезами и кровью чашу страданий народа, путая в его сознании все «цвета» военно-политического спектра и не раз стирая черты, отделяющие образ спасителя от врага»¹. Незаконные реквизиции и стихийное стремление к самоснабжению, оправдывавшиеся недостаточным обеспечением войск всем необходимым, сплошь и рядом перерастали в мародерство, погромы (этот ужас еврейских местечек), изнасилования и другие бесчинства, характерные в большей или меньшей степени для армий всех воюющих сторон. И хотя для борьбы с этими явлениями командованием отдавались строгие приказы, а военные трибуналы порой безжалостно карали попадавших с поличным бандитов смертными приговорами, эксцессы продолжались, ибо кровавая междоусобица не располагала ее участников к гуманности по отношению к тем самым несчастным обывателям, во имя свободы и благополучия которых она якобы и велась.

Среди красноармейских соединений особенно дурная молва в этой связи шла о бойцах Первой Конной армии под командованием С. М. Буденного, прославившейся не только своими победами на полях сражений, но и бандитизмом. В прошлом старший унтер-офицер, почти всю жизнь прослуживший в армии, полный Георгиевский кавалер, Буденный был выходцем из обосновавшихся на Дону безземельных крестьян — иногородних, издавна мечтавших о земельном и имущественном «поравнении» с казачеством. Советскую военную карьеру он начинал в качестве предводителя одного из многочисленных в ту пору краснопартизанских отрядов, а с июля 1918 г. состоял помощником командира 1-го Донского крестьянского социалистического карательного кавалерийского полка Б. М. Думенко². В сентябре полк был развернут в 1-ю Донскую кавбригаду, которая в свою очередь стала ядром сформированной в ноябре 1918 г. Сводной (позже 4-й) кавдивизии 10-й армии Южного фронта. Именно с этой, набранной почти целиком из добровольцев-крестьян Дона и Кубани, дивизии, которую в марте 1919 г., в связи с назначением Думенко помощником начальника штаба 10-й армии по кавалерии, возглавил Буденный, и началась история Первой Конной.

Как вспоминал Л. Д. Троцкий, «глубокий антагонизм между казаками

Генис Владимир Леонидович — литератор.

и крестьянами придал в южных степях исключительную свирепость гражданской войне, которая здесь забиралась глубоко в каждую деревню и приводила к поголовному истреблению целых семейств»³. 10-я армия (в октябре — декабре 1918 г. ею командовал К. Е. Ворошилов, членом ее Реввоенсовета был С. К. Минин, а особоуполномоченным Реввоенсовета — Е. А. Щаденко, в будущем ближайшие соратники Буденного по Конармии), в составе которой дивизия Думенко — Буденного принимала участие в боях с белоказаками атамана П. Н. Краснова, состояла в основном из крестьян — бывших партизан, отступивших под напором белогвардейских войск к Царицыну, а также, по свидетельству члена Реввоенсовета армии А. И. Окулова, из элементов «деклассированной вольницы, для которых ничего не нужно, как только «немножко резать», — кого, за что — это решительно безразлично». Хотя малограмотные, а в политическом отношении почти безграмотные, бойцы называли себя большевиками, говорить об их сознательной приверженности программе РКП(б) не приходилось, так как в их массе нередко звучали разговоры: «Вот разобьем казаков, а потом примемся за коммунистов», и даже начдив Думенко предупреждал своих политработников: «Если будете агитировать о коммунизме, вас убьют».

Командный состав красноармейских частей, докладывал Окулов в ЦК РКП(б) 22 декабря 1918 г., «до сих пор являясь выборным, зависит от настроения массы, для поддержания своего положения нередко прибегает к демагогии, льстит массе и попустительствует многому, что разлагает армию. Громаднейшие обозы некоторых частей, где скрываются тысячи мародеров, дезертиров и лодырей, как саранча опустошают окрестности, пожирают снабжение, сеют панику и разложение... Частью в силу того, что творит 10 армия среди мирного населения, и может быть больше всего именно по этой причине, мы ведем войну среди неприятельской страны. В некоторых дивизиях... мародерство носит массовый характер и принимает очертания правильно организованного промысла, деятельность этих хищников не различает ни социальных положений, ни пола, ни возраста... В результате при приближении наших войск мирное население нередко вооружается, оказывает нам отчаянное сопротивление, а при поражении повально бежит, захватывая с собой все, что можно, а остальное пряча или уничтожая».

В июне 1919 г. из 4-й кавдивизии и 1-й Ставропольской, переименованной в 6-ю, кавдивизии под командованием И. Р. Апанасенко был сформирован Конный корпус, командование которым поручалось Буденному. «В корпусе, — отмечал секретарь Реввоенсовета Конармии С. Н. Орловский, — большое влияние имели элементы с явно анархическими уклонами, которые отрицательно относились к попыткам подтягивания частей. В частях были элементы с антисемитским настроением и обычными были случаи грабежей противника». Впрочем, грабили не только его. «Нет ни одного населенного пункта, в котором побывали буденновцы, где не раздавался бы сплошной стон жителей, — сообщал в декабре 1919 г. военком 42-й стрелковой дивизии 13-й армии В. Н. Черный. — Массовые грабежи, разбой и насилие буденновцев шли на смену хозяйничанию белых. Кавалеристы частей конкорпуса отбирали у населения (без разбора у кулаков и бедняков) одежду, валенки, фураж (иногда не оставляли и фунта овса), продовольствие (кур, гусей и пр.), не уплачивая ни копейки. Взламывая сундуки, отнимали женское белье, деньги, часы, столовую посуду и проч. Поступали заявления об изнасиловании и истязании. Кони вводились в комнаты. Из кооперативов Старого Оскола и Чернянки было забрано продуктов на десятки тысяч рублей и не уплачено... Крестьяне спрашивают — в чем разница: грабили белые — теперь грабят красные?!».

Заведующий политотделом 6-й кавдивизии рассказывал Черному, что «Буденный разрешил кавалеристам грабить, но так, чтобы не попадались, и одного, уличенного, велел расстрелять». Подчеркивая, что дифирамбы в адрес комкора и «ореол спасителя», создававшийся вокруг его имени советской прессой в связи с поражением, которое нанесли буденновцы белогвардейским конным корпусам в ходе Воронежско-Касторненской опе-

рации войск Южного фронта, «не могли не одурманить человека с такими индивидуальными качествами и свойствами, как у Буденного», твердо уверовавшего в свою вседозволенность и безнаказанность, Черный описывал эпизод, участником которого был сам:

«В день переезда штадива-42 в Ст[арый] Оскол т. Буденным, бывшим в состоянии сильного опьянения, был избит стеклом начсвязьдив-42 т. Вольский и разогнаны все телеграфисты из аппаратной. Когда в связи с этим я вместе с тов. Пятаковым (по личной просьбе только что назначенным политкомдивом-42) пошли в штаб для выяснения обстоятельств избиения и представились ему как старшему по команде, т. Буденный обрушился на нас матерной бранью. Т. Пятаков заявил ему, что о таком его поведении он будет принужден сообщить в Реввоенсоветарм-13, в ответ на что получил мгновенный удар по голове стеклом, разломившимся надвое; второй удар был предупрежден мною, но я был тотчас же отброшен в противоположный конец комнаты двумя лицами, бывшими вместе с Буденным, также пьяными. Бросившись обратно, я увидел как Буденный в упор стрелял из маузера в т. Пятакова, но благодаря, очевидно, неправильной сборке курок не давал спуска. Порываясь все время расправиться с т. Пятаковым, Буденный кричал: «Я уничтожил Шкуро, Мамонтова и Улагая, ты будешь меня судить?!». Обещал всех нас с начдивом и наштадивом расстрелять, потом перепороть, потом арестовать и послать в центр. Смысл его пьяных речей был таков: «Я все могу». Об этом своевременно отдельно доносилось начдивом, наштадивом и мною в Реввоенсоветарм-13. Тот же заподив 6-й кавдивизии мне говорил, что был случай избиения политкома кавдивизии. Все это вместе служит первой (основной) причиной того, что создается «личный» отряд — корпус Буденного, но не красной кавалерии Республики... В штаб корпуса (после инцидента с т. Пятаковым) направился наштадив для доклада Буденному и застал следующее: в помещении штакора, в комнатах рядом с аппаратной происходила пьяная оргия, были дамы, оркестр. Раздавались тосты: «да здравствует диктатура пролетариата и наш вождь Буденный!»⁴.

Обжегшиеся на григорьевщине и махновщине, напуганные недавним своевольным выступлением на фронт Донского казачьего корпуса Ф. К. Миронова, большевистские руководители не могли игнорировать тревожные предупреждения об «опасности новой авантюры — буденновщины», и председатель Реввоенсовета Республики Л. Д. Троцкий строго требовал «привлечь к ответственности некоторых командиров и комиссаров, виновных в грабежах и пьянстве», «установить в корпусе надлежащий режим и тем спасти его от разложения»⁵. Увы, хотя Реввоенсовет Южного фронта был предупрежден о необходимости избежать в Ростове-на-Дону «повторения эксцессов буденновцев, допущенных ими при взятии Воронежа», когда были зарегистрированы многочисленные жертвы грабежей и насилий, худшие предположения оправдались. Как вспоминал Г. К. Орджоникидзе, Конармия, созданная в ноябре 1919 г. на базе конкорпуса, по занятии в январе 1920 г. Ростова изрядно пограбила его. «Город,— писал Р. Б. Гуль,— задохнулся в убийствах и насилиях дорвавшихся до солдатской радости мародерства буденновцев. Тут бы самого Маркса повесила на фонарном столбе кверху ногами эта мужицкая, пугачевская конница». А корреспондент газеты «Красный кавалерист» И. Э. Бабель в своем конармейском дневнике пометил: «У всех есть золото, все набрали в Ростове, перекидывали через седло мешок с деньгами и пошел»⁶.

«В первые дни,— вспоминал один из свидетелей грабежей С. Н. Ставровский,— громили главным образом винные магазины, которых в Ростове было множество. Можно было то и дело встретить буденновского казака или красноармейца с кучей бутылок за пазухой и в обоих карманах. Вино растаскивали целыми ведрами. Пьянство и буйство были невообразимые (обилие вина, найденного в Ростове, было объявлено... «провокацией белых»). Несколько человек, даже из числа командиров полков и политкомов, было расстреляно. Но грабежи и пьянство не утихли до тех пор, пока не осталось ничего, что можно было бы грабить, и пока не распили послед-

нюю бутылку вина. Главные торговые улицы представляли плачевное зрелище... Лужи во многих местах издавали ароматный запах коньяка. Вся буденновская армия рассыпалась по ростовским домам и дворам. Во многих домах были совершены в эти дни безобразнейшие насилия, зверские убийства и грабежи»⁷. О пьяном разгуле и бесчинствах буденновцев сообщала Ленину ездившая в Ростов секретарь Совнаркома Л. А. Фотиева. О том же докладывали главкому С. С. Каменеву командующий войсками Кавказского фронта В. И. Шорин и член Реввоенсовета фронта В. А. Трифонов, которые подчеркивали, что командование Конной армии не только не боролось с грабежами, но и само стремилось «в наикратчайший срок захватить в свои руки магазины, заводы, склады, набрасывалось на все без разбора и начало вывоз предметов подчас совершенно ненужных и малоценных».

«После занятия Ростова,— писал Ф. Э. Дзержинскому назначенный полномочным представителем ВЧК на Северном Кавказе Я. Х. Петерс,— белые бежали в панике, ушли дальше, за Батайск, но армия Буденного вместо того, чтобы преследовать бежавшего противника, начала заниматься грабежами, пьянством в Ростове. О погромах буденновцев местные товарищи рассказывают ужасы. Но это еще не так важно, как поведение самого Буденного — он ни с кем не может больше разговаривать и страдает манией величия. Необходимо, чтобы перестали его расхваливать и чтобы в Реввоенсовете назначили других лиц, может, временно оставить Ворошилова. По этому вопросу наверное много писали в Центр товарищи Сокольников [командующий 8-й армией, участвовавшей в овладении Ростовом.— В. Г.] и Александров [помощник командарма-8 по политчасти.— В. Г.], которых Буденный на глазах своих военспецов объявил контрреволюционерами. При этом в штабе армии, несмотря на то, что приказом т. Троцкого строго воспрещено иметь в прифронтовой полосе жен, всегда происходит тот печальный факт, что приводят в штаб разных женщин, вплоть до уличных».

В телеграмме в ЦК РКП(б) от 11 февраля Петерс и член коллегии Наркомпути Ю. В. Ломоносов отмечали, что Буденный перестал считаться с кем-либо, а бесчинства, творимые его армией на железной дороге, невероятны: непрерывные захваты топлива, паровозов, вагонов, экстренных поездов, причем за каждой частью следует хвост вагонов, наполненных женщинами и награбленным имуществом. Число таких вагонов, по оценке помощника начальника военных сообщений фронта по политчасти И. Н. Миронова, составляло около 120. В рапорте от 18 февраля Миронов дословно привел один из разговоров по прямому проводу с Буденным, который закончился таким характерным для командарма пассажем: «Пошлите Реввоенсовет-8 к... (матерная брань), также и комфронта — предателя революции и вас посылаю к... (матерная брань), а если хотите, пристрелю». Как жаловался Миронову начальник военных сообщений Конной армии, каждый раз он получал приказания от Буденного, подкрепляемые угрозами расстрела.

«Возложенная на меня (8 армия) приказом Комфронта охрана революционного порядка в Ростове,— информировал главкома командарм Г. Я. Сокольников,— оказывается невозможной вследствие поведения Буденного. По его приказанию части Конной производят вооруженные нападения на наши караулы. Буденным заявлена также угроза вооруженной силой уничтожить полештарм-8. Вопреки приказу комфронта Буденный отказывается покинуть Ростов и выехать к своим частям. Вопреки приказу комфронта Буденный вывел из Ростова и отправил в Таганрог 2300 человек Ростовского полка, назначенных комфронтом для пополнения дивизий 8 армии. Штарм Конной заявил о непризнании приказов Шорина ввиду его контрреволюционности и о своем решении вести вооруженную борьбу со сторонниками контрреволюционного Шорина, т. е. с 8 армией. Неисполнение Буденным даже распоряжений административного характера, исходящих от фронта, создало обстановку, полную анархии. Отвечать в таких условиях за удержание участка армии я не имею возможности.

К уменьшению наших сил от боев и особенно болезней прибавляется моральное разложение, ибо взаимное озлобление в частях растет, подстрекаемое провокационной пропагандой на тему о контрреволюционном заговоре, слепым орудием которого является 8 армия. В чудовищной провокации принимает прямое участие Ревсовет Конной в составе Ворошилова и Щаденко. Ворошилов заявляет, что он не допустит установления опеки над Конармией». Сокольников считал, что «партизанско-махновские формирования Конармии представят в будущем еще больший военный и политический минус, чем в настоящем, и явятся если не прямым орудием политической авантюры, то во всяком случае рассадником бандитизма и разложения»⁸.

Хотя радевший за Конармию И. В. Сталин добился тогда отставки Шорина и убеждал новое командование фронта и Ленина, что командарм-8 «создал вокруг Конармии атмосферу вражды и злобы», состоявшееся 28 февраля в станице Среднегорлыкская совещание военкомдивов и ответственных политработников Конармии под председательством помощника заведующего ее политотдела А. М. Бодрова констатировало еще более мрачную, по сравнению с информацией Соколового, картину: «Грабежи, насилия, бандитизм, самоуправство, разбой и убийства бойцами и комсоставом политкомов, расхищение трофеев остаются безнаказанными. Раздевание и расстрел пленных укрепляют разложившегося и готового сдать противника, затягивают ликвидацию Кавфронта. Во всем участвует низший комсостав, лучшая часть комсостава бессильна. Продвижением вперед Конармия уничтожает контрреволюцию, но своим поведением в занимаемых местностях способствует возрождению контрреволюции». Совещание постановило «принять решительные меры к ограждению личности комиссаров и политработников, прекратить грабеж трофеев, крестьянского имущества, расстрел и раздевание пленных, самовольный обмен лошадей, хаотический набор добровольцев, кумовские отношения комсостава, подтянуть тыловые учреждения».

Впрочем, хотя новый комфронта М. Н. Тухачевский убедил главкома, что «ростовский скандал» был вызван отсутствием такта у всех собравшихся в городе ответственных лиц, что «начались препирательства, перешедшие в дразги», и что «Конармия в смысле боеспособности выше всяких похвал», тем не менее буденновцы продолжали свои бесчинства. «В силу ряда причин,— признавался Ворошилов в письме Щаденко от 4 марта 1920 г., — у нас по-прежнему процветают бандитизм, горлохватство и даже разбой. Нужны работники и еще многое, чтобы избавиться от этих кошмарных явлений. Та обстановка, в которой находилась все последнее время армия, конечно, была неподходящей для духовного возрождения... Я все-таки не теряю уверенности, что нам в конце концов удастся переработать наших ребят и обратить их на истинную дорогу». Вопреки оптимизму Ворошилова, в резолюции, принятой очередным совещанием политработников Первой Конной 30 июня 1920 г., в разгар боев с польскими войсками, вновь указывалось на «увеличивающийся развал армии», растущий бандитизм, грабежи и пьянство. «Все это,— отмечалось в политсводке, подписанной заместителем начальника политотдела армии С. Н. Жилинским,— делается открыто и не одними красноармейцами, но подчас также и комсоставом, и военками. Вообще громадная доля бандитизма берет свое начало благодаря попустительству и поощрению комсостава».

О состоянии частей Конармии Жилинский сообщал следующее: 4-я дивизия: «Сильно развит бандитизм, военнопленных раздевают донага, антисемитская агитация ведется почти открыто. Комсостав и политработники в большинстве не соответствуют своему назначению и с вышеуказанными явлениями борются слабо». 6-я дивизия: «В дивизию всосался вредный элемент, под влиянием агитации которого наблюдается усиленная травля евреев, рост бандитизма и насилий по отношению к мирному населению. Военнопленных раздевают, изрубили 150 пленных, захваченных в Новоград-Волынске». 11-я дивизия: «Пополнение из казаков-кубанцев, военнопленных и перебежчиков от Деникина склонно к грабежам и бан-

дитизму и разлагающе действует на остальных красноармейцев дивизии. Политработниками ведется усиленная борьба с мародерством и насилиями над населением, но не всегда успешно. Часто натыкаешься на противодействие со стороны представителей комсостава, которые сами производят грабежи имущества и реквизиции продуктов у крестьян». 14-я дивизия: «Состоит главным образом из перебежчиков Деникина и военнопленных, политически неразвитых и настроенных бандитски. Снаборганы бездействуют, обмундирования нет, бойцы самоснабжаются, большой недостаток в лошадях, на почве чего происходят реквизиции лошадей у крестьян. Реквизиции эти происходят неорганизованно и являются по существу простым грабежом... Комсостав же не только с этим не борется, но и сам поступает подобным же образом: пьянствует, грабят вместе с красноармейцами, приказывают ординарцам своим доставить для них кур, гусей, одежду, а иногда и золото и другие драгоценности».

В результате, подытоживал Жилинский, население прифронтовой полосы «запугано различными налетами и дебошами нашей кавалерии, к Красной армии относятся с недоверием, а подчас и со злобой, благодаря постоянным реквизициям лошадей, подвод и различных продуктов». Примечательно, что, поплатившись за свою объективность, Жилинский был изгнан из Конармии, поскольку, как заявляли ее руководители — Буденный, Ворошилов, Минин и начальник политотдела И. В. Вардин (Мгеладзе), «подписал политсводку Поконарма, которая представляет собой смесь лжи, обывательских сплетен и пасквиля».

Признавая, что Первую Конную называют «бандитской», «хулиганской» и «антисемитской», а «значительная часть — едва ли не большинство — наших товарищей искренне убеждено, что в Конной армии, например, еврею появиться невозможно, что в ней комиссаров и коммунистов бьют, что она в свободные от боев часы обязательно грабит, насилует, истязает», члены Реввоенсовета Конармии объясняли «такие дикие взгляды» отражением ненависти к ней как к «наиболее яркой выразительнице силы и мощи Советской России» со стороны «буржуазно-мещанско-интеллигентских элементов». Убеждая Москву, что Конармия олицетворяет «крестьянскую стихию, поднявшуюся против русских помещиков и донско-кубанского богатого казачества», ее руководители оправдывались тем, что армия вынуждена самоснабжаться и производить «необходимый грабеж», хотя, конечно, имеет место и грабеж «не необходимый», но в какой армии нет этих явлений? «Следует подчеркнуть, — почти грозил Москве Реввоенсовет Конной, — что если тыл не особенно любит Конную армию, то и Конная армия питает к нему солидную нелюбовь. «Наши коммунисты, — говорят иногда бойцы, — славные ребята, но там, в тылу, там нужна чистка»... Чистку же они понимают немного проще, чем секретари парткомов».

Ознакомившись с письмом Буденного и его соратников, секретарь ЦК РКП(б) Н. Н. Крестинский написал Троцкому: «Никакой вины за Жилинским я не усматриваю. Тон же, в котором выступает РВС, кажется мне излишне нервным и не особенно подходящим к деловой переписке». Поскольку в индულгенции руководителям Конармии было отказано, приехавший в сентябре 1920 г. в Москву на IX партконференцию Минин обратился в ЦК с очередным протестом: «До последнего времени целый ряд работников-коммунистов, иногда очень солидных и заслуженных, обрушиваются тяжелыми обвинениями против Первой Конной армии: это-де армия по преимуществу бандитская, хулиганская, антисемитская, антикоммунистическая и т. д., в этой армии, говорят они, коммунисту необычайно трудно работать, а работники весьма выдающиеся, но не русской национальности, находясь в этой армии, определенно рискуют головой». Минин утверждал, что «указанными недостатками» страдают все советские армии, поскольку они состоят в основном «из мелких производителей, разобщенных в процессе производства и лишенных культуры, тем более коммунистической»; снабжение войск «скудно и не успевает за потребностями»; а «кровавое дело войны, даже революционной, связанное с риском для жизни и с уничтожением человека, срывает нервную систему».

Конармия, считал Минин, имеет еще больше законных причин к бандитизму, чем пехотные армии, ибо «она рекрутировалась из наиболее отсталой юго-восточной окраины», «потребности ее выше, так как она складывается из бойцов и коней, между тем удовлетворение отстает больше при ударном и рейдовом характере операций», и, наконец, «степень напряженности и темп срабатывания (нервов) уступают разве только тому же у летчиков». Минин решительно протестовал против нападков на Первую Конную армию — «оригинальное, крупное историческое явление, могучее драгоценное оружие в руках Республики». Характерно, что, когда на партконференции в прениях Минин попытался снова затронуть тему «несправедливо обижаемой» Конармии, делегаты, хорошо наслышанные о художествах буденновцев, не дали ему говорить⁹.

Не теряя надежды рассеять «вредную атмосферу», которая, с точки зрения Реввоенсовета, незаслуженно создавалась вокруг Конармии, ее политотдел издал брошюру «Политическое состояние 1-й Конной Красной Армии (15 июня — 15 августа 1920 г.)». Автор брошюры Вардин доказывал, что, хотя «случаи грабежей нередки, но массового характера они, конечно, не носят» и уже приняты достаточные меры, в результате которых «грабежи и насилия будут сведены к нормальному для всякой армии минимуму». Основным же аргумент руководителей Конармии заключался в том, что вспышки бандитизма, будучи явлением нормальным, понятным, естественным и неизбежным, никогда не имели массового характера, ибо «армия с нездоровыми уклонами не могла бы побеждать, а если бы и побеждала, то при первой неудаче она развалилась»¹⁰.

Касаясь другого больного для Конармии вопроса, Вардин признавал, что в первый период войны с Польшей пленных буденновцы почти не брали, зато «сейчас, как общее правило, пленных наша армия берет. Но бывают такие случаи, когда пленных уничтожают». Между прочим, один из подобных эпизодов, ярко рисующий нравы буденновцев, запечатлел 18 августа 1920 г. в своем дневнике служивший в 6-й кавдивизии Бабель: «Ездим с военкомом по линии, умоляем не рубить пленных, (начдив) Апанасенко умывает руки. (Начштаба) Шеко обмолвился — рубить, это сыграло ужасную роль. Я не смотрел на лица, прикалывали, пристреливали, трупы покрыты телами, одного раздевают, другого пристреливают, стоны, крики, хрипы... Ад! Как мы несем свободу, ужасно. Ищут в ферме, вытаскивают, Апанасенко — не трать патронов, зарежь. Апанасенко говорит всегда — сестру зарезать, поляков зарезать... Сведения об обороне Львова — профессора, женщины, подростки. Апанасенко будет их резать — он ненавидит интеллигенцию, это глубоко, он хочет аристократического по-своему, мужицкого, казацкого государства».

По поводу отношения буденновцев к евреям Вардин уверял, что «активного, действенного антисемитизма в армии нет. Есть антиеврейские предрассудки, есть чисто крестьянская, безотчетная, пассивная нелюбовь к еврею и только. Злостного, погромного, хулиганского отношения к еврейству почти не замечается»... Не прошло и полутора месяцев, как буденновцы учинили такие погромы, каких, по оценке современника, «не видывали евреи ни при царе, ни при белых»¹¹.

«Доношу,— сообщал 2 октября 1920 г. начальник 8-й кавдивизии Червоного казачества В. М. Примаков,— что вчера и сегодня через расположение вверенной мне дивизии проходила 6-я дивизия 1-й Конной армии, которая по пути производит массовые грабежи, убийства и погромы. Вчера убито свыше 30 человек в м. Сальница, убит председатель ревкома и его семейство; в м. Любар свыше 50 человек убито. Командный и комиссарский состав не принимают никаких мер. Сейчас в м. Уланов продолжается погром... Ввиду того, что в погроме принимает участие и командный состав, борьба с погромщиками очевидно выльется в форму вооруженного столкновения между казаками и буденновцами. Вчера я говорил с начдивом-6 (Апанасенко). Начдив сообщил мне, что военком дивизии и несколько лиц комсостава несколько дней тому назад убиты своими солдатами за расстрел бандитов. Солдатские массы не слушают своих

командиров и, по словам начдива, ему больше не подчиняются. 6-я дивизия идет в тыл с лозунгами «бей жидов, коммунистов, комиссаров и спасай Россию», у солдат на устах имя Махно как вождя, давшего этот лозунг».

Получив из штаба Юго-Западного фронта копию донесения Примакова, Троцкий и главком Каменев телеграммой от 3 октября приказали одному из членов Реввоенсовета Конармии выехать в район погромов и «в случае правдоподобности донесения немедленно привести 6-ю кавдивизию в порядок и, если бы понадобилось применить вооруженную силу, то опереться на 8-ю кавдивизию». Тем не менее Буденный и члены Реввоенсовета Конармии не торопились выполнить этот приказ и появились в расположении 6-й кавдивизии лишь неделю спустя. Более целесообразным они посчитали отправиться сначала в дисциплинированную Особую кавбригаду, которую позже использовали для ареста погромщиков, а 5 октября — в родную для Буденного 4-ю кавдивизию, мотивировав это необходимостью принятия строгих мер против одного из его полков, освободившего арестантов из Бердичевской тюрьмы. В 6-ю же кавдивизию была послана Чрезвычайная следственная комиссия под председательством Г. Н. Мельничанского, профсоюзного деятеля, приехавшего в Первую Конную для распределения политработников и налаживания партийной работы.

В рапорте в Реввоенсовет Конармии комиссия докладывала, что с первых же дней отхода частей с фронта в отдельных группах бойцов начали проявляться такие настроения: «Идем почистить тыл от жидов», «идем соединиться с батькой Махно», «бей жидов — комиссаров и коммунистов». Командный и комиссарский состав не принял никаких мер к локализации этих настроений. Накануне убийства военкома 6-й кавдивизии Г. Г. Шепелева в м. Полонном в течение всей ночи происходил погром. Как установило следствие, 28 сентября Шепелев со своим секретарем остановился в Полонном, чтобы прекратить погромы и выдворить из местечка отставших конармейцев: «При следовании из м. Полонное в Новое Место, которое состоит исключительно из еврейского населения, крики доносились почти из каждого дома. Когда т. Шепелев вошел в один из домов по просьбе одной пострадавшей гражданки, он натолкнулся на следующую кошмарную картину: на полу лежал старик лет 60-ти, старуха и сын, страшно изуродованные ударами палашей, на кровати лежал израненный мужчина. Тут же в квартире красноармеец фельдшер 3 эскадрона 33 кавполка Рудых с сестрой милосердия того же полка (М. Ф.) Чумаковой нагружали сумки награбленным имуществом. При виде военкома красноармеец выскочил из дома и хотел бежать. При преследовании, несмотря на окрик остановиться, Рудых продолжал бежать и был убит военкомом».

Арестовав Чумакову, Шепелев направился догонять дивизию, но по пути медсестра передала бойцам, что он застрелил красноармейца; это, как вспоминал председатель выездной сессии Реввоен трибунала Конармии Л. Я. Плавнек, «разожгло страсти (военком защищал жидов, надо его убить и пр.). В результате разъяренная толпа уже на окраине села Любомирка на реке Случь учинила самосуд над Шепелевым. Первоначально бойцом 3-го эскадрона 32 кавполка Князевым Михаилом Шепелев был ранен выстрелом в плечо, а затем, уже раненый, бойцом 4 эскадрона того же полка Кузьменко Степаном убит».

««Ни комбриг и никто из командного состава,— сообщал Мельничанский,— не принял никаких мер, чтобы найти застрельщиков и убийцу. При дальнейшем следовании частей в местечке Любар был устроен форменный погром, причем, по рассказам, там было убито около 60 евреев, но опять-таки командным составом не было принято мер к ликвидации погрома и к вылавливанию погромщиков. Затем уже при нашем пребывании в 6-й кавдивизии в местечке Прилуки и Вахновке были разгромлены винные заводы, были погромы. В Прилуках убито 21 человек, 12 раненых и много изнасиловано женщин и детей. По рассказам обывателей, женщины насиловались на улице на глазах у всех, многие из девушек покрасивее взяты в обоз. В Вахновке 20 убито, количество раненых и изнасилованных неизвестно и сожжено 18 домов.

При погроме в Прилуках вся комиссия целиком являлась непосредственным свидетелем разложения частей 6 кавдивизии и полного бездействия, если не сказать попустительства, командного состава. Погром начали квартирьеры 2 бригады в присутствии оставленного для охраны взвода эскадрона штаба 6-й кавдивизии, который не охранял, так как он стоял, спешенный в стороне, и отдельные бойцы сами грабили. Военком эскадрона лично пытался уговаривать толпу, но безрезультатно. Комиссия в полном составе бросилась к месту погрома и разогнала бандитов, задержав двух — задержанные были сданы военкому эскадрона, затем будто отбиты бойцами. Настоящий погром разгорелся к ночи. По приезде на место стоянки штадива нами было послано предложение начдиву-6 за его личной ответственностью послать части для ликвидации погрома, но хотя последний и отдал приказ коменданту послать части, но по опросу нам стало ясно, что предписание осталось на бумаге. По допросу начдива-47, занимающего местечко Прилуки, выяснилось, что начдив-6, заехав к нему, предупредил, что в случае, если кавалеристы будут шалить, то чтобы 47-я их не трогала «во избежание конфликтов»¹².

Проходя через м. Самгородок, 6-я кавдивизия также учинила там погромы. «В этот день,— свидетельствовали очевидцы,— под лозунгами: «Бей жидов, коммунистов и комиссаров», «Анархия — мать порядка» — громилы рассыпались по местечку и стали громить еврейское население, не встретив никакого сопротивления, ибо мирное население было бессильно что-либо делать, а представители власти, как то райвоенком и милиция, еще за день до этого оставили местечко». Расположившись в ближайших селах, пьяные буденновцы продолжали группами в 10—15 человек совершать налеты на местечко: разбойничали, насиловали женщин, поджигали дома. «В ту ночь [на 5 октября 1920 года.— В. Г.], когда был второй поджог, они забрали четырех девушек в ближайшее село, где их держали для своей прихоти в течение двух суток. Не щадили также и старых женщин. По достоверным сведениям, число изнасилованных более 50-ти. Ими были также убиты 2 женщины. В течение их пятидневного разгула были ограблены все еврейские дома, и в холодные осенние ночи многие родители с малолетними детьми прятались в полях и рвах».

Требуя воздействовать на буденновцев, руководство Киевской губернии направило 14 октября телеграмму председателю Совнаркома Украины Х. Г. Раковскому: «Последнее время непрерывно сыплются жалобы на бесчинства, творимые проходящими частями Первой Конной армии. В Тарашанске ...ограблению (подверглись) все жители, совработники и даже совучреждения. Общая (численность) убитых — 150. 10 октября устроили еврейский погром, избиение коммунистов, открыли тюрьму, сожгли 4 дома, убитых 30, ранено 4... Из Сквири доносят, что после прохода частей Первой Конной из 16 волвоенкомов остались 5, остальные пропали без вести. Разграблен Ходорковский токарный завод, много убитых мирных селян. Бердичев телеграфирует — проходящие части Первой Конной грабят евреев, боимся погрома. Киевский губвоенком доносит: проходящие части Первой Конной расстреляли на станции Бородеянка состав комиссии по закупке лошадей и семь красноармейцев».

Из Кременчуга также сообщали, что части Конармии, проходящие через Черкасский уезд, «терроризируют власть», грабят и расстреливают жителей и даже семьи служащих в рядах Красной Армии, а весь скот угоняют. «С криками «бей жидов и коммунистов»,— говорилось в телеграмме губначтыла от 15 октября,— носятся по селам и деревням, есть убитые и много раненых, в числе которых много советских работников. Семьи красноармейцев, совработников, волвоенкомов, предревкомов подвергаются полному разграблению и избиению до полусмерти. Есть также факты убийства и расстрела евреев-совработников. Власть и население в паническом ужасе бегут, скрываясь в лесах и полях. Результаты бесчинств уже сказываются: те села, которые были на стороне соввласти и были далеки от участия в бандитизме, теперь, наоборот, питают страшную ненависть к Красармии и соввласти».

И в 1920 г., и позже (в своих мемуарах) Буденный винил в погромах

проникших в его армию белогвардейских агентов-диверсантов, хотя командующий Южным фронтом М. В. Фрунзе телеграфировал Троцкому и в ЦК РКП(б), что «новые факты подтверждают переданные сообщения о контрреволюционных настроениях в частях армии Буденного». В докладе Ленину от 6 октября Фрунзе обращал внимание на необходимость серьезных мер по приведению в порядок в политическом отношении Первой Конной армии, представляющей «большую угрозу для нашего спокойствия в ближайшем будущем», а в разговоре с главкомом сообщил, что ожидает «больших осложнений с 1 Конной, особенно в части организации тыла». Впрочем, предлагая учитывать неизбежность соприкосновения буденновцев с махновцами, Фрунзе считал в то же время, что «относительно позиции самого Буденного и его преданности Советской власти ни при каких условиях не могут возникать сомнения»¹³.

9 октября 1920 г. Реввоенсовет Первой Конной подписал приказ о расформировании замешанных в преступлениях полков, аресте и предании суду «всех убийц, громил, провокаторов и их сообщников». Согласно телеграмме Минина, адресованной Ленину и Троцкому, всего было арестовано 387 человек, «почти исключительно из 6-ой кавдивизии». В результате работы Чрезвычайной выездной сессии Реввоен трибунала, открытые судебные заседания которой проходили 21—23 октября 1920 г. в Елизаветграде, погромщики — 141 человек, в том числе 19 представителей комсостава, — были приговорены к расстрелу, а другие подсудимые осуждены на разные сроки лишения свободы. 31-му приговоренному высшая мера наказания была заменена заключением, остальные расстреляны.

По свидетельству Плавнека, через трибунал прошло не менее 300 бандитов, причем «по первой группе судилось свыше 200 человек, из коих 110 приговорены к расстрелу, по второй — 57 — расстреляно, затем были группы менее значительные, в том числе и группа комсостава». Тем не менее, как вспоминал Буденный, «принимая во внимание добровольное вступление в ряды РККА в первые дни ее создания всех виновных в происшествии, их исключительные заслуги перед пролетарской революцией и в ознаменование трехлетней годовщины Октябрьской революции», сессия Реввоен трибунала смягчила меру наказания, и осужденные к лишению свободы направлялись в распоряжение штаба Южного фронта для зачисления в кавалерийские части «на должности со значительным понижением». Начдив Апанасенко отделался легким испугом и, возвратившись в Ставрополь, возглавил губернское управление милиции, а позже писал в автобиографии, что хотя и судился Реввоен трибуналом Первой Конной армии, однако был оправдан, ибо «виновным я, конечно, не был, но политическая сторона требовала этого для принятия соответствующих мер»¹⁴.

Параллельно с карательными акциями, для поднятия «революционного духа» буденновцев, в Конармию, по настоянию Фрунзе и Раковского, выехал пользовавшийся там доверием председатель ВЦИК М. И. Калинин и вместе с ним бригада видных большевистских функционеров — П. П. Горбунов, Г. Е. Евдокимов, Д. И. Курский, А. В. Луначарский, Е. А. Преображенский, Н. А. Семашко. Кстати, еще до получения известия о погромах, прочитав сообщение Раковского от 22 сентября о том, что фронт 12-й армии прорван польскими войсками, а «Конармия в самые решительные моменты совершенно бездействовала, отчасти вследствие обычной сепаратистской психологии», причем не только не оказала просимой помощи, но и своим отходом вызвала дополнительную панику, Ленин написал Троцкому: «Необходимо, по-моему, послать и Каменева и Зиновьева тотчас на Югофронт (и в особ. в Конармию-1). Цель — инспекция политработы, подтянуть, оживить ее, ускорить весь темп. Иначе не переломим настроения».

В Конармию выезжал Л. Б. Каменев, обнадеживший Москву, что порядок в 6-й кавдивизии восстановлен и прибытие армии на Южный фронт будет выполнено в назначенный срок. Однако 23 октября Троцкий обратился к Каменеву с просьбой вторично съездить в Первую Конную «для серьезного нажима», поскольку ее Реввоенсовет «непростительно капризничает и запаздывает... Избежать в дальнейшем серьезных конфликтов,

могущих тяжело отразиться на деле, можно, только заставив Буденного и Ворошилова понять, что Реввоенсовет Республики, Цeka партии не потерпят никаких дезорганизаторских и самостийных действий».

Несмотря на принятые меры по борьбе с отрицательными явлениями в армии, уже в декабре 1920 г. поработавший в политотделе Конармии сотрудник политинспекции Юго-Западного фронта П. Я. Виталин отзывался о буденновцах так: «Настроение частей, как выразился один из ответственных партработников, боевое: бей жидов и коммунистов и спасай Россию. И, действительно, переплетаются эти два элемента. Армия боевая, но антикоммунистическая. Нередко можно было слышать: покончим с Врангелем, пойдем воевать с коммуной, пойдем «чистить тыл». Полоса погромов и насилий, грабежей на время замолкла или, вернее, они слились с военными операциями и стали незаметными. При новом длительном отдыхе все эти антисоветские, антикоммунистические силы проявят себя. Барахольство процветает. В ячейках появился даже целый ряд ответственных товарищей со следующими за ними тачанками с лисьими шубами и другим барахлом. Сметанники — обычное явление. Население, где проходили части 1 Конной, было в буквальном смысле терроризировано».

Переведенная после разгрома Врангеля на Екатеринославщину, Конармия использовалась там для борьбы с махновцами. Примечательный разговор на эту тему, характеризующий политическое состояние Конармии, произошел 20 января 1921 г. между членами ее Реввоенсовета и Фрунзе. Приказ комфронта о выступлении 4-й кавдивизии в район Богодухова в связи с возможным движением махновцев в этом направлении вызвал бурный протест командования Первой Конной. Члены ее Реввоенсовета требовали совершенно освободить армию «от работ на внутреннем фронте», причем в ответ на попытки Фрунзе урезонить их заявили о своей коллективной отставке. «Вы, братцы, кажется, спятили там,— недоумевал Фрунзе.— Я решительно не пойму, в чем тут собственно дело, и прошу сейчас сообщить мне не в порядке официальном, а в порядке партийности». Отвечая Фрунзе, Ворошилов объяснял ему, что в условиях постоянных погонь за бандитами «армия не только не перевоспитается и политически не вырастет, но окончательно разложится» и когда она потребуется для отражения возможного нападения с Запада, сама, «может быть, нападет на нас». Первая Конная, признавался Ворошилов, «переживает серьезнейший кризис, и ее нужно лечить радикально и спешно и к этому нужно приступить немедленно».

Уже в апреле 1921 г. председатель Всеукраинского ЦИК Г. И. Петровских категорически возражал против перевода Конармии с Украины в Донскую область, объясняя это тем, что в ее частях по-прежнему часто слышится лозунг: «бей жидов и комиссаров, спасай Россию». «Громили наших продотрядовцев,— сообщал Петровский в Москву,— не давали заготавливать хлеба, брали все себе, говоря, что жидов и коммунистов кормить не надо. Это было в Лубнах Полтавской губ. и в Елизаветграде Николаевской губ. Затем последний инцидент на ст. Харьков показал, что армия чрезвычайно сыра и вспыльчива. В Харькове чуть ли не было вооруженного столкновения. Два эшелона буденновцев вмешивались в распоряжения местной власти, дошло до острого столкновения. Если принять во внимание отделившиеся от Красной Армии две группы, превратившиеся в бандитов, то вся картина будет ясна, что еще время не пришло отправлять эту армию в свои места».

Упомянув о дезертирах из армии, Петровский имел в виду присоединившегося к банде Бровы командира 1-й бригады 4-й кавдивизии Г. С. Маслакова, который увел с собой почти весь личный состав 19-го кавполка. Крестьянин Манычско-Балабинской слободы Богаевской станицы, бывший вахмистр Маслаков предводительствовал с февраля 1918 г. одним из краснопартизанских отрядов, затем еще под началом Думенко возглавлял эскадрон, полк и 1-ю бригаду 4-й кавдивизии, одно время исполнял обязанности начдива, а в феврале — марте 1920 г. командовал 14-й кавдивизией; вместе с Думенко и Буденным был награжден орденом Красного Знамени. «Революционной дисциплины не признает,— говори-

лось о Маслакове в информационном бюллетене Политуправления Реввоенсовета Республики от 22 марта 1920 г., — питает склонность к самостийности и неорганизованному приобретению хозяйства. К комиссарам и политработникам Маслаков относится безразлично, иногда даже недоброжелательно». Несмотря на такую характеристику, в июне комбриг был принят в ряды РКП(б).

А еще через полгода, выступив против «несправедливостей органов советской власти», он ушел к махновцам. «В первых числах марта (1921 г.), — извещал Махно анархиста П. А. Аршинова, — Брова и Маслак были выделены мною из армии, которая находилась при мне, в самостоятельную донскую группу и отправлены на Дон и Кубань». Получив телеграмму от руководителей Астраханской губ., что банда Маслакова вошла в калмыцкую степь и ведет наступление в направлении Царицын — Черный Яр, Ленин 19 марта написал Троцкому: «Надо нажать изо всех сил и разбить Маслакова». Захватив ряд населенных пунктов в степях Манычского улуса, маслаковцы 29 апреля овладели Элистой, где расстреляли 75 взятых ими в плен красноармейцев и 25 советских работников. Банду удалось разгромить лишь в июле, а сам Маслаков погиб в бою ¹⁵.

Учитывая, что в присоединившемся к мятежному комбригу 19-м кавполку в рядах РКП(б) состояло 90 чел., нельзя не вспомнить о многократных заверениях Реввоенсовета Первой Конной насчет необыкновенно высокого авторитета большевистской партии среди конармейцев: «Коммунистов считают чуть ли не святыми». Хотя осенью 1919 г. при посещении буденновцев Троцким ему, по словам Щаденко, было заявлено, что «в корпусе коммунистов не было и не будет», а военком Черный в цитировавшемся выше докладе писал, что «не один, а многие комиссары, командиры и красноармейцы нашей 42-й дивизии слышали из уст буденновцев: разобьем белых, тогда начнем бить коммунистов», — после оформления в декабре 1919 г. Буденным своей партийности число коммунистов в Конармии стало быстро расти, а вступление в партию превратилось чуть ли не в своеобразную моду. «Заподив 6 кавдивизии, — отмечал Черный, — говорил мне, что в одной бригаде, кавалеристы которой отличались не особенной приязнью к коммунистам, после того, как комбриг записался в партию, почти все стали коммунистами из любви к комбригу и подражания ему; что теперь он, заподив, стремится «обратить» в «коммунистическую веру» и другого комбрига для массового уловления в этой бригаде коммунистов». Следует опасаться, предупреждал военком, что такое «подражание» может дать неожиданный результат: комбриг захочет бить коммунистов (случай с Маслаковым!), будет бить вся бригада.

В июле 1920 г. в Конармии насчитывалось почти 3000 членов партии и более 1000 кандидатов, однако коммунистическая убежденность основной их массы была фикцией. Виталин сообщал, что «бюрократизм свил теплое гнездышко как в поарме, так и в подивах», «ячейки превратились в пустой звук или, в лучшем случае, в отдел и канцелярию военкома», а «созываемые партконференции носят чисто казенный характер, да и созываются, чтобы по приказу вотировать доверие или послать приветственную телеграмму (перед Всеукраинской партийной конференцией был разослан секретный приказ, где ввиду «политических соображений» предлагалось избрать на конференцию Вардина, Минина, Ворошилова...)».

Ту недобрую славу, которую завоевали буденновцы на Украине, косвенно признал и Буденный, жаловавшийся в письме Ленину от 6 апреля 1921 г., что на Конармию клеветают все, «начиная с самого маленького военного и гражданского учреждения и кончая центром», «армия с бандита и партизана не вылезит». «Все наши партийные товарищи, — негодовал командарм, — прикладывают все усилия, чтобы при удобном случае, на самом ответственном собрании, что бог на душу положит, но на армию болтнуть нужно. Это, я укажу, даже на Восьмом Всероссийском съезде Советов. Обсуждая вопрос о водном транспорте, туда же вклеили и Конную армию. На 10-м партийном съезде при выборах тов. Ворошилова в ЦК туда же примазали и Конармию. На 5-м Всеукраинском съезде (Советов) некоторые товарищи бегали по сцене и потрясали бумажками, в которой какой-то

дурак написал ложь, но ею старались объяснить, что творит Конармия». Убеждая Ленина, что «тот живой материал, какой мы имеем, это еще хорошо», Буденный призывал «дружными силами сознательных товарищей эту толщу тьмы воспитать, а не сеять розни».

Для рассмотрения многочисленных жалоб на конармейцев со стороны губкомов Политбюро ЦК КП(б)У (в состав ЦК входили Ворошилов и Минин) создало специальную комиссию. В подготовленном ею проекте резолюции отмечалось, что сложность условий, в которых действовала Конармия, и обусловленные этим затруднения в деле политработы среди ее бойцов «неизбежно порождали отдельные случаи поступков неорганизованных и идущих в ущерб интересам местного населения», но они «не могут быть рассматриваемы как характеризующие общее состояние Конной армии и ее политическую недоброкачественность». Поэтому все случаи противозаконных действий буденновцев предлагалось считать ликвидированными, а претензии, предъявленные по этому поводу, исчерпанными. Но поскольку переход на мирное положение армии, «привыкшей к боевой обстановке и имеющей в своем составе кулацкий элемент», мог осложниться и «дать нежелательные результаты, что уже имело место с переходом на сторону бандитов Маслакова с отрядом», проект резолюции предписывал реорганизовать армейский политаппарат и усилить работу низовых партячеек, изъять из тыловых учреждений «белогвардейские элементы», а из частей, особенно из неблагополучной 4-й дивизии, «кулацкие элементы» и перетасовать там низший комсостав. 28 мая 1921 г. Политбюро ЦК КП(б)У приняло решение проект резолюции утвердить, но в печати не оглашать.

Хотя Буденный убеждал Ленина в необходимости перебазирования Первой Конной с Украины, руководство Донского комитета РКП(б) предупреждало Москву, что «несовершенство советского аппарата» оставило неизгладимые следы на семьях бойцов и «пребывание буденновской армии на Дону создаст условия большого развития бандитизма за счет не только населения, но и частей буденновской армии, что мы видели в момент возврата демобилизованных». Тем не менее, Реввоенсовет Конармии доказывал, что она не будет «помощницей повстанцев», а родственники и близкие бойцов не смогут оказать «какое-либо дурное влияние» на конармейцев, поскольку «в данное время вопрос о продразверстке не носит такого острого характера, как прежде».

Буденный и Ворошилов уверяли Ленина, что их «армия политически выросла», прежнюю продполитику вполне одобряет и на Украине «занимается сейчас выколачиванием продразверстки и эту работу ведет весьма успешно». Тем не менее, утверждения руководителей Конной, выдававших желаемое за действительное, опровергались не только информацией Петровского, но и телеграммой из Харькова от временно исполнявшего должность начальника штаба войск Украины А. Д. Шуваева, который докладывал 12 мая, что частями 4-й кавдивизии в Оржицкой, Денисовской и Велико-Селецкой волостях была «сорвана работа продорганов по выполнению продразверстки, причем конармейцы дивизии агитировали не выполнять разверстки и все, подлежащее вывозу, роздано конармейцами селянам».

И хотя Фрунзе еще 15 апреля сообщал Ленину, что считает политически вполне возможным перевод армии на Дон, поскольку «никаких данных к повторению событий, подобных маслаковской истории, не отмечается», 24 апреля в той же 4-й кавдивизии были проведены аресты среди начсостава 12-го полка, командир которого агитировал бойцов присоединиться к Маслакову. Впрочем, вопрос о перебазировании Конармии в район Маныча был уже решен положительно постановлением Политбюро ЦК РКП(б) от 20 апреля 1921 года.

Несмотря на то, что Троцкий неоднократно упрекал руководителей Первой Конной за их «крайний сепаратизм» и недисциплинированность и требовал от них более внимательно наблюдать за своей армией, «дабы не было повторения того распада и тех преступлений, свидетелем коих была советская республика», преступления повторялись, а Буденному и его сподвижникам фактически сходило все с рук. И это при том, что осужденный по

ложному обвинению командир Конно-сводного корпуса Думенко 11 мая 1920 г. был расстрелян (показания Реввоенсовета Первой Конной способствовали вынесению комкору смертного приговора), а заключенный по клеветническому доносу в Бутырскую тюрьму командарм Второй Конной Миронов 2 апреля 1921 г. без суда был застрелен охранником ¹⁶.

Очевидно, что в «непотопляемости» Буденного не последнюю роль сыграли боевая мощь Первой Конной и ее вклад в разгром белогвардейцев, поскольку, как свидетельствовал Тухачевский, «в России никогда не было конницы, равной Конармии по смелости и умению действовать исключительно в конном строю». Немаловажное значение имело и то, что в состав ее Реввоенсовета входили видные большевистские функционеры, прежде всего Ворошилов, у которых был такой влиятельный заступник, тесно связанный с ними еще по обороне Царицына в 1918 г., как член Политбюро ЦК РКП(б) и Реввоенсовета Республики Сталин. Наконец, сам Буденный, этот, по определению Тухачевского, «исключительного таланта самородок» и «самый способный командарм» ¹⁷, не представлял опасности для большевиков, ибо, несмотря на все свои выходки, своеобразие и военное честолюбие, был предан советскому режиму и в политическом отношении ни на что особенно не претендовал. Именно поэтому в ответ на тревожные сообщения о бандитизме буденновцев Орджоникидзе успокаивал Ленина, что «крики о разложении (Конармии) в смысле потери боеспособности неосновательны», ибо «пьянство и грабежи у них старое явление». Увы, не только громкими победами, но и отвратительным «красным» бандитизмом вошла Первая Конная армия в историю гражданской войны.

Примечания

1. ДЕНИКИН А. И. Очерки русской смуты. Т. 4. Брл. 1925, с. 94–95.
2. ПОЛИКАРПОВ В. Д. Трагедия комкора Думенко.— Дон, 1988, № 11, с. 144.
3. ТРОЦКИЙ Л. Д. Моя жизнь. Т. 2. М. 1990, с. 175.
4. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), ф. 17, оп. 65, л. 153, л. 25, 29, 40; ф. 74, оп. 1, д. 406, л. 88; оп. 109, д. 73, л. 2—2 об.
5. Цит. по: ВОЛКОГОНОВ Д. А. Троцкий. Кн. 1. М. 1992, с. 238.
6. ГУЛЬ Р. Ворошилов, Буденный, Блюхер, Котовский. Б. м. Б. г., с. 46–47; БАБЕЛЬ И. Э. Сочинения. Т. 1. М. 1990, с. 403.
7. СТАВРОВСКИЙ С. Н. Черные годы. В кн.: Минувшее. Т. 14. М. — СПб. 1993, с. 87.
8. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 109, д. 73, л. 91, 11, 17, 8.
9. Там же, оп. 65, д. 475, л. 2; ф. 74, оп. 1, д. 91, л. 2 об.; оп. 109, д. 73, л. 49–49 об., 51–52, 56; ф. 2, оп. 1, д. 15461, л. 1—3; Девятая конференция РКП(б), сентябрь 1920 года. Протоколы. М. 1972, с. 104.
10. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 475, л. 45, с. 33–34.
11. БАБЕЛЬ И. Э. Ук. соч., с. 416—417; РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 475, л. 45, с. 35; ГУЛЬ Р. Ук. соч., с. 66.
12. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 109, д. 73, л. 60; ф. 74, оп. 1, д. 408, л. 153, 151; ф. 17, оп. 109, д. 73, л. 96—97; БАБЕЛЬ И. Э. Ук. соч., с. 391.
13. РЦХИДНИ, ф. 272, оп. 1, д. 84, л. 18; оп. 109, д. 73, л. 62; ф. 17, оп. 109, д. 73, л. 65—666; ф. 5, оп. 1, д. 2435, л. 12; Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922 гг.). Сб. док. Т. 3. М. 1974, с. 420, 474.
14. БУДЕННЫЙ С. М. Пройденный путь. Кн. 3. м. 1973, с. 38—48; РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 109, д. 73, л. 67; ф. 74, оп. 1, д. 408, л. 152.
15. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 25389, л. 1; ф. 17, оп. 109, д. 73, л. 75, 67, 93; ф. 74, оп. 1, д. 91, л. 8; л. 385; ф. 5, оп. 1, д. 2435, л. 28; ф. 5, оп. 1, д. 2535, л. 4; ф. 2, оп. 1, д. 26129, л. 1; ГЕРАСИМЕНКО Н. В. Батько Махно. М. 1990, с. 119; ГОЛИНКОВ Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн. 2. М. 1980. с. 90.
16. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 109, д. 73, л. 3. 52, 74, 79, 80, 82, 86; л. 15, л. 180; ф. 74, оп. 1, д. 91, л. 17; д. 408, л. 96; ф. 5, оп. 1, д. 930, л. 1; д. 2435, л. 24, 25.
17. БУДЕННЫЙ С. М. Пройденный путь. М. 1958, с. 403; РЦХИДНИ, ф. 558. оп. 1, д. 4433, л. 1; ф. 17, оп. 109, д. 73, л. 52, 19.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Карагеоргий

И. И. Лещиловская

Широкоплечий, крепкого сложения мужчина в национальной одежде, с кинжалом и двумя пистолетами за поясом, крупные черты лица, волевой подбородок и печальный взгляд — таким предстает на полотне русского художника В. Л. Боровиковского Карагеоргий — верховный вождь сербов в лихое десятилетие всенародной борьбы за освобождение от пятисотлетнего османского ига. Первое сербское восстание 1804—1813 гг. положило начало новой эпохе в истории Сербии — эпохе возрождения независимого государства.

Георгий (Джордже) Петрович по прозвищу Черный (от турец. — кара), вошедший в сербскую историю под именем Карагеоргия, родился в 1768 г. в гористой лесной местности — Шумадии, которая составляла сердцевину сербской земли¹. Его родное село располагалось вблизи Константинопольского тракта, связывавшего Малую Азию с Центральной Европой. Торговые караваны были приманкой для гайдуков, которыми буквально кишели непроходимые леса и темные ущелья. То были полуразбойники, не гнушавшиеся грабить окрестных крестьян, и полумстители, вымещавшие на богатых турках народные беды. В те времена жизнь человека ничего здесь не стоила. Турок убивал серба, потому что тот был райя — подвластное христианское стадо, серб убивал турка, потому что для него нестерпимыми были постоянные насилия османов. Но и между собой сербы случалось решали личные конфликты с помощью оружия. Сербское село тех давних времен — мир страдавший, патриархальный и жестокий.

Георгий был воспитан в народных традициях, пронизанных неукротимой ненавистью к угнетателям-туркам. А природа щедро одарила его физической силой, крепостью духа, решительностью и бесстрашием. Бедность вынудила Георгия рано пойти в пастухи по найму. Он прекрасно владел оружием, пуская его в ход против обидчиков и насильников. Судьба привела юношу в гайдуцкий отряд легендарного Станое Главаша. Но недолгой была вольная бурная молодость гайдука — Карагеоргий женился на красавице Елене и вернулся к крестьянской жизни.

Беспредельный произвол османов заставил молодую семью, как и многих других сербов, покинуть в 1787 г. родной край и бежать в австрийские пределы. Здесь тоже жили сербы, но жили в ином мире, нежели райя в Турецкой империи. Они пользовались церковно-школьной автономией, не

Лещиловская Инна Ивановна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

опасались за собственность, поддерживали степенные отношения с людьми другой веры и разных званий, хотя и испытывали тяготы существовавшего в монархии Габсбургов общественного строя и национального неравноправия. Здесь Карагеоргий узнал иной образ жизни, другие нравы, новую цивилизацию.

Пробыв недолго лесником в православном монастыре, Карагеоргий вступил в один из добровольческих отрядов (фрайкоров), которые австрийские власти формировали на своей территории из сербов накануне войны с Турцией. Но удалую натуру стесняла крутая дисциплина. Карагеоргия влекли риск и необузданная свобода. Он вернулся в Сербию и вновь стал гайдуком. Когда же в 1788 г. началась австро-турецкая война и Сербию охватило народное движение в поддержку австрийской армии, Карагеоргий стал одним из видных его участников. Отличившись в боевых действиях, он получил чин унтер-офицера и в награду — золотую медаль.

Эта война стала для Карагеоргия школой военного искусства. В то время австрийская армия считалась одной из лучших в Европе. Карагеоргий обрел опыт строительства укреплений, осады и штурма крепостей, познал цену дисциплины и порядка в войсках. Он непосредственно познакомился с турецким войском, его вооружением, методами ведения боя, полководческими способностями его военачальников. Он лучше узнал Сербию с военной точки зрения, открыл наиболее удобные места для обороны и нападения.

Война с Турцией 1787—1791 гг. была неудачной для Габсбургов. Австрийские войска покинули Сербию. Добровольческий корпус был распущен, и масса сербов, опасаясь мести со стороны турок, переселилась в австрийские владения. Но согласно Систовскому миру 1791 г. Порты (правительство Османской империи) объявила амнистию воевавшим против нее сербам. Султан Селим III, предприняв ряд реформ с целью предотвращения распада своего государства, предоставил Белградскому пашалыку внутреннюю автономию. Сербь почувствовали некоторое облегчение в результате расширения прав местных сербских властей и вывода из пашалыка янычарского войска. Некогда грозная военная сила, оно к концу XVIII в. полностью разложилось, превратившись в анархическую вооруженную массу, постоянный источник смуты и междоусобиц. Сербия занялась восстановлением разрушенного войной хозяйства. Народ, в который уже раз заново обустроивал села, возрождал церкви, налаживал расстроенные торговые связи.

Карагеоргий привез свою семью из австрийских пределов в с. Топола неподалеку от Белграда. Здесь он построил дом, мельницу, загон для скота; познав переменчивость судьбы, серьезно занялся хозяйством. Двенадцать пастухов пасли стада его свиней. Карагеоргий развернул большую торговлю, установив личные и деловые связи с крупными сербскими купцами в Земуне. Разделенные границей Белград и Земун были ключевыми торговыми центрами при впадении Савы в Дунай. Они соперничали и дополняли друг друга в торговле между Западом и Востоком. Карагеоргий активно участвовал также в охране пашалыка от мятежных янычар и в совместных сербо-турецких действиях против сепаратистских сил.

Но недолгим был мир на сербской земле. В 1801 г. власть в Сербии захватили четыре янычарских предводителя — дахии, установившие кровавый режим насилия и произвола. Были ликвидированы автономные привилегии сербов. Янычары жгли и оскверняли православные церкви и монастыри, истязали и грабили райю. Непосильная эксплуатация, беспредельный разбой и жестокости побудили влиятельных сербов, получивших навыки организованных действий в годы австро-турецкой войны, к тайной подготовке восстания против янычар. Карагеоргий был главной фигурой в Шумадии. С лета 1803 г. он редко бывал в Тополе, налаживая повстанческую сеть.

Напряженность ситуации между тем нарастала. Социально-психологическая атмосфера в среде сербов характеризовалась смещением привычных настроений и нового осмысления действительности². Сознание сербов всегда было тесно связано с народной песней, сопровождавшей жизнь крестьянина и монаха, гайдука и торговца с колыбели до смерти. Эпическая устная

поэзия, наиболее характерная часть сербского фольклора, с ее героическими идеалами борьбы за веру и справедливость, неприятием османского господства и живой памятью о былом величии Сербского государства отражала чаяния и формировала нравственные установки народа. Патриархальные нравы сербского села удивительным образом уживались с героикой духа крестьян.

Местная православная церковь бережно хранила национальные реликвии и традиции сопротивления угнетению, восходившие к трагическому событию на Косовом поле в день Св. Вида 1389 г., когда объединенные сербские войска дали сражение многотысячной турецкой армии и потерпели поражение. С этого времени начался отсчет многовекового турецкого ига.

В конце XVIII в. важнейшими центрами сербской культуры были Сремски-Карловци и Нови-Сад, находившиеся в пределах Австрийской монархии. Расположенные в непосредственной близости от Белградского пашалыка, они оказывали большое влияние на духовную атмосферу в Сербии. Неустанная борьба Карловацкой митрополии, олицетворявшей и реализовывавшей церковно-школьную автономию сербов в Австрийском государстве, за чистоту и незыблемость православия, за права сербов как особого народа в монархии Габсбургов, перемежалась с оптимистическими воззваниями деятелей сербского Просвещения к светлому разуму. Волны духовного движения за Савой докатывались и до Сербии.

В то время умами и душами мыслящих сербов владел Досифей Обрадович. В юности экзальтированный монах, он благодаря тяге к знаниям, длительным путешествиям, знакомству с русской и западноевропейской литературой достиг европейской образованности и стал одним из самых ярких и значительных представителей Просвещения на Балканах. Писатель, мыслитель, педагог, Обрадович всем своим творчеством был обращен к «земледельцам и пастухам». Он был захвачен мыслью путем интеллектуального подъема и облагораживания сердец соплеменников с помощью литературы на родном языке создать общество по законам «здравого разума». Досифею Обрадовичу были чужды насильственные действия, но его сочинения были проникнуты верой в высокое предназначение человека на земле и его способность изменить жизнь.

Вместе с тем Досифей Обрадович занимал непримиримую позицию в отношении османского «варварства». Он приветствовал победы русского и австрийского оружия над турками. Однако, идеализируя внутреннюю и балканскую политику австрийского императора Иосифа II, он в дальнейшем уразумел корыстность интересов Австрии на Балканах, ее предательство в отношении сербского народа и стал последовательным приверженцем ориентации Сербии только на Россию.

Сочинения Досифея Обрадовича были широко распространены среди сербов в Австрийской монархии, проникая также и в балканские владения Турции. Живой характер имел и личный обмен информацией между сербами по ту и другую сторону Савы и Дуная. Соплеменники поддерживали тесные деловые, родственные, дружественные связи.

Безрезультатность австро-турецкой войны и уход австрийских войск из освобожденного в 1789 г. Белграда нанесли удар по иллюзорным надеждам сербов на Габсбургов. Еще в конце войны три сербских духовных лица обратились с воззванием к народу, чтобы он просил австрийского монарха предусмотреть в мирном договоре с Турцией внутреннюю автономию Белградского пашалыка. Однако Систовский договор молчаливо обошел сербский вопрос. В умах сербов стали крепнуть отчаянные и смутные планы решения своей судьбы собственными силами в опоре на Россию. Опыт освободительного движения, с одной стороны, и традиционная поддержка Петербургом христиан на Балканах, — с другой, внушали надежду и благоприятные ожидания.

В 80—90-х годах XVIII в. сербы в Османской империи и Австрийской монархии, а также находившиеся на русской службе высказывали в разных вариантах идею создания на Балканах славянского государства¹. На рубеже XVIII и XIX вв. сербы в Османской империи психологически были

готовы к широкому выступлению против существующего режима за обновление своей жизни. Извечная мечта о воскрешении Сербского царства получила выход в конкретных наметках государственного обустройства Сербии.

Тем временем в Белградском пашалыке подготовка к восстанию шла полным ходом. Карагеоргий вел переговоры с земунскими торговцами о поставках пороха и оружия. Начало восстания было намечено на март 1804 года. Но планы сербов стали известны дахиям. Они учинили жестокую резню. Были убиты наиболее известные и уважаемые сербские старейшины, священники, торговцы. Погибло более 70 человек из числа тех, кто выделялся образованием, состоянием и авторитетом. По традиции их головы были отправлены в Белград. Это трагическое событие вошло в сербскую историю под названием «сеча кнезов».

Карагеоргий, известный как человек состоятельный, решительный, с военным опытом, был в списке тех, кто подлежал уничтожению. Дахии организовали несколько нападений на него. В последний раз они пытались взять его в Тополе. Карагеоргий рубил и стрелял в одно и то же время. Отбившись, он скрылся в лесу, где встретился со Станое Главашем.

Результаты кровавой расправы над сербами оказались прямо противоположными: райя вместо того, чтобы смириться, поднялась с оружием в руках против своих поработителей. Карагеоргий первым начал действовать. С отрядом он переходил из села в село, призывая народ к восстанию. Запылали турецкие ханы — постоянные дворы, где располагались небольшие янычарские команды. Крестьяне повсюду стекались в четы. В начале февраля в с. Орашце собралась скупщина авторитетных в Шумадии сербов. Она избрала Карагеоргия «верховным вождем» восстания. Участники скупщины поклялись на верность вождю, целуя крест и евангелие как главные символы своей веры. Шумадия стала колыбелью восстания и возрождения Сербии.

К концу марта в повстанческих отрядах насчитывалось уже 25 тыс. человек. Они осадили крепости Шабач, Смедерево, Пожаревац и Белград. Неоспоримый авторитет Карагеоргия распространился на весь Белградский пашалык. В мае в с. Остружнице близ Белграда состоялась первая скупщина старейшин и представителей духовенства пашалыка. Она выразила стремление сербов добиваться восстановления автономных прав, упраздненных дахиями⁴. Карагеоргий был признан верховным военным руководителем повстанцев.

На первых порах Порты как бы со стороны наблюдала за действиями сербов против своевольных янычарских гарнизонов. Однако конфликт в Белградском пашалыке угрожающе разрастался. Хотя повстанцы постоянно подчеркивали, что они не выступают против «добрых турок», но воюют с мятежными янычарами, очень скоро в их сознании забрезжила мечта об освобождении от власти Порты. В начале восстания сербское руководство металось в поисках союзника и допускало вхождение Сербии на условиях автономии в государство Габсбургов. Не встретив понимания со стороны Австрии, повстанцы направили осенью 1804 г. депутацию в Петербург. Она поставила перед правительством России вопрос об основании сербского государства под верховной властью Порты и под покровительством России⁵. В этих планах слились воедино и неумная жажда свободы, и непонимание международных противоречий на Балканах. Официальные лица в Петербурге сочли радикальный поворот событий преждевременным, но обещали повстанцам всемерную поддержку.

Весной 1805 г. Карагеоргий и протоиерей Матия Ненадович от лица сербского народа направили прошение Порте о предоставлении Сербии автономии. Летом 1805 г. турецкое правительство, напуганное размахом восстания и ободренное позицией Австрии и Франции в сербском вопросе, отказалось от выжидательной позиции и приняло решение о вооруженном подавлении восстания. На Белград по главной константинопольской дороге двинулась 16-тысячная турецкая армия. Однако повстанцы отразили это наступление, одержав убедительную победу при с. Иванковце. Действиями

сербских войск руководил пожаревацкий воевода Миленко Стойкович. Эта победа, одержанная над султанской армией, имела принципиальное значение. Сербское восстание вошло в открытый конфликт с Портой, означавший радикализацию его целей. Карагеоргий развернул строительство укреплений для защиты освобожденной территории.

1806 г. был годом предельного напряжения сил повстанцев, кровопролитных сражений с турецкими войсками и убедительных военных побед. И именно тогда австрийское правительство закрыло наглухо границу. Повстанцы получали оружие, боеприпасы и продовольствие контрабандным путем, оплачивая втридорога товары и услуги. Турецкие воинские силы не раз возобновляли наступление на Сербию. Но всякий раз были остановлены. В это время в полную силу проявился полководческий дар Карагеоргия. Он формировал национальную армию, занимался ее снабжением, руководил строительством укреплений, разрабатывал планы военных операций, храня их в тайне даже от своих ближайших соратников. Сам он отправлялся с войском в наиболее опасные и ответственные места сражений.

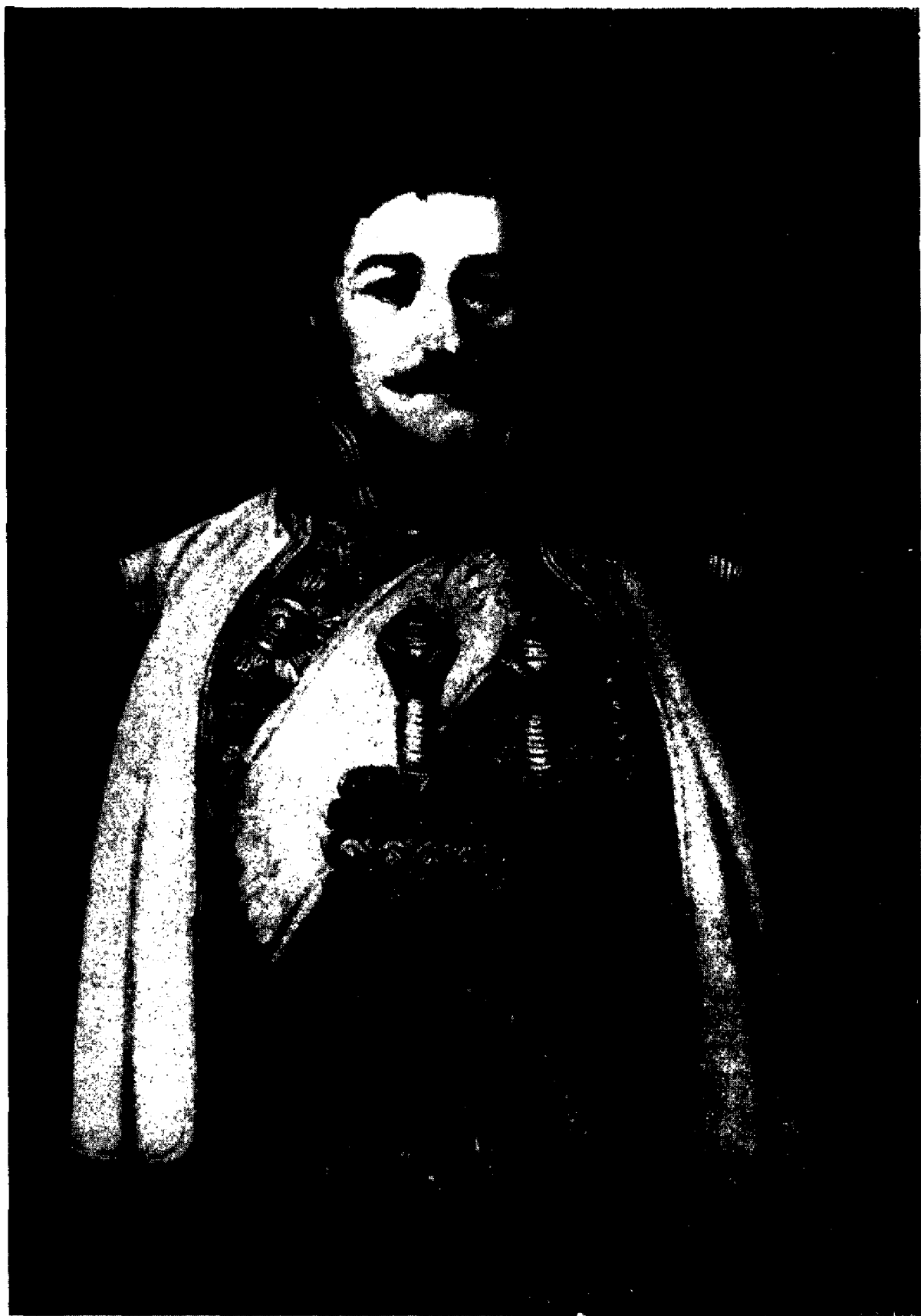
Карагеоргий не однажды являл чудеса личной храбрости. С малочисленным отрядом нападал он на многотысячные турецкие войска и разбивал их. Превосходный наездник, он, получая известия о приближении турок, садился в седло и во главе отряда с саблей бросался на неприятеля. Стремительность его действий неоднократно решала исход сражений. Одним из самых крупных его успехов стала победа над султанским войском при Мишаре близ Шабаца 1(13) августа 1806 года. Карагеоргий разместил пешие сербские части численностью в 10 тыс. человек в укреплениях, сооруженных в виде прямоугольника по всем правилам военной фортификации. Конницу же в 1500 сабель он укрыл в ближайшем лесу для нанесения внезапного удара по врагу с флангов и тыла.

День ответственного сражения начался в сербском лагере с заутрени. Отряды получили четкие задания, в войсках был полный порядок и дисциплина. Карагеоргий лично обошел части. Он был в крестьянской одежде — узких штанах, куртке из грубого сукна, черной меховой шапке, на ногах — опанки (простая крестьянская кожаная обувь), с двумя пистолетами за поясом и саблей на боку. Сопровождавший его боец нес ружье вождя. Карагеоргий был недосыгаем по объему власти и в то же время близок каждому повстанцу. Он приказал открывать огонь только по его знаку, был спокоен, уверен и предельно собран.

Вскоре начался беспорядочный обстрел турецкой артиллерией сербских укреплений. Молодые турки на разгоряченных арабских скакунах лихо гарцевали на поле, упражняясь в бросках копья и воодушевляя свои войска. Во главе наступавших двигались богатые боснийские беги в разукрашенных одеждах на резвых конях и паши из разных краев Боснии и Герцеговины, окруженные знаменосцами и многочисленной свитой. За ними, как черная туча, двигалась 20-тысячная турецкая армия — пехота, артиллерия, конница. Когда турки подошли почти вплотную к сербским укреплениям, грянул выстрел Карагеоргия, и началась жестокая битва. Ее исход, как и задумывал сербский полководец, решила конница. Он сам во главе пешего отряда до темноты преследовал бежавших турок. Мишарское поле превратилось в месиво из вздыбленной пушечными ядрами земли, трупов, людской и конской крови. Сражение закончилось таким разгромом турок, какого они не знали за все время восстания. Карагеоргий принял меры, чтобы перекрыть дорогу на Боснию отступавшим османским частям.

После славной победы на западных рубежах у Шабаца сербы одержали верх и на юге у Делиграда, где в течение шести недель они вели изнурительные оборонительные бои. В сентябре 1806 г. между повстанцами и командованием турецких войск было заключено перемирие.

Тем временем Карагеоргий готовился к штурму Белграда. Он сосредоточил в округе 12 тыс. бойцов, но этого было мало для взятия укрепленной столицы. Смелость военной мысли и быстрота Карагеоргия принесли и на этот раз победу сербам. 30 ноября 1806 г. город был взят,

в начале января сдалась и крепость. Вскоре постанцы вошли в Шабан. Белградский пашалык был полностью в руках восставшего народа.

Несмотря на военные успехи, попытки сербов достигнуть соглашения с Турцией не удавались. В июле 1806 г., когда над Сербией нависла зловещая опасность, Карагеоргий послал в Константинополь торговца и искусного дипломата Петра Ичко, чтобы в последний раз попытаться договориться с Портой. Миссия Ичко не сразу принесла результаты. Но под влиянием кризиса русско-турецких отношений, внутренних распрей и поражения у Мишара султанское правительство согласилось удовлетворить просьбы сербов. Они предусматривали статус Сербии как вассального государства, поддерживавшего связь с Портой через представителя турецкой власти, финансового чиновника — мухасила в Белграде. Это соглашение получил название «Ичков мир». Но оно не вступило в силу, так как началась русско-турецкая война, кардинально изменившая судьбу восстания.

Сербы одерживали убедительные победы на западе и на юге страны. А на освобожденной территории закладывались основы национальной государственности, опиравшейся на довольно развитую систему местного самоуправления. Для решения важнейших вопросов (отношения с иностранными государствами, раскладка налогов, финансирование армии, закупка вооружения и др.) Карагеоргий созывал скупщины, на которые собирались представители духовенства, предводители восстания, местные старейшины, купцы. В подчинении Карагеоргия находился и другой центральный орган власти — Народный совет, созданный в 1805 году. Но государственное строительство сталкивалось с неимоверными трудностями, в частности из-за отсутствия грамотных людей. «Не имея между нами даже начальников, кои бы имели просвещение,— писал позднее Карагеоргий,— весьма были озабочены»⁶. Кадровая помощь пришла от соплеменников, проживавших в Австрийской монархии. В Сербию переехал ряд видных образованных людей.

С развитием военной и политической ситуации и усилением веса и влияния вождя постепенно возрастали его авторитарные притязания. Это вызывало недовольство и противодействие со стороны ряда воевод-организаторов восстания и местных старейшин, в свою очередь стремившихся стать полновластными, а скорее, бесконтрольными, правителями подчиненных им областей. В руководящих органах восстания шла непрерывная сложная борьба группировок и отдельных лиц за влияние и доходные статьи. На местах дела вершили старейшины. Еще первая скупщина в Остружнице постановила ввести институт судей. Но Карагеоргий походя вершил недолгий суд над местными старейшинами, уличенными в содействии турецким войскам, в снабжении их продовольствием и снаряжением. Имя Карагеоргия очень рано было окружено легендами. Так, согласно одной из них, он приказал своего родного брата, замеченного в разбоях и грабежах, повесить, и сам присутствовал при казни.

Сельская жизнь пришла в движение. Местные власти, завладев турецкой собственностью, распродавали жилые дома, хозяйственные постройки, сады. В качестве покупателей выступали в основном сельские торговцы. Крестьяне освободились от повинностей в пользу турецких феодалов и государства. Но теперь они должны были обеспечивать военные нужды восстания, содержать 50-тысячную армию и бесплатно трудиться на землях новоявленных владельцев — предводителей восстания. Повстанческая Сербия столкнулась с новым родом противоречий.

Сербы нуждались в поддержке великих держав. Еще весной 1804 г. они обратились за помощью к соседней Австрии, выражая готовность присоединить Белградский пашалык как автономную единицу к монархии Габсбургов. Казалось, территориальные приращения на Балканах отвечали исконным вождениям венского двора. Но международное положение государства Габсбургов в те годы было столь сложным, а сербская политическая автономия столь опасной для внутренней стабильности их монархии, что Вена не могла позволить себе принять желанный подарок. Неизменная участница антифранцузских коалиций, Австрийская монархия терпела одно поражение за другим. В этих условиях она была заинтересована в стабильности своих юго-восточных границ.

Разрастание сербского восстания представлялось крайне опасным для состояния умов сербов в самой монархии Габсбургов. Поэтому австрийское правительство отказало в военной и материальной помощи повстанцам, провозгласило политику «невмешательства», соглашаясь лишь на посредничество в примирении сербов и Порты. Тщетно сербское руководство взывало к Вене. Тем не менее австрийское правительство, стремясь ослабить влияние России на сербов и предотвратить недовольство его позицией со стороны православного населения в пограничных с Турцией краях монархии, не всегда придерживалось жесткого режима на границе.

В руководстве восстанием шла борьба по вопросу о внешнеполитической ориентации Сербии. Часть воевод и купцов, связанных торговыми интересами с Австрией, настаивала на проавстрийском курсе внешней

политики восстания. Карагеоргий, испытывая колебания в зависимости от военной ситуации и не всегда понимая позицию Петербурга, в конечном итоге придерживался идеи военно-политического союза Сербии с Россией. В этом его убеждала неизменная готовность ее правительства содействовать сербам.

Определенное влияние оказывал на Карагеоргия и Досифей Обрадович. Получив первые известия о восстании, он приветствовал его «Песней об инсурекции сербов». В 1806 г. он вошел в тайный контакт с руководителями восстания, а в следующем году переехал из Триеста, где жил в последние годы, в Сербию. Старый и больной писатель, прошедший жизнь в европейских центрах — Вене, Лейпциге, Париже, Лондоне, он на склоне лет перебрался со своей библиотекой в охваченную войной страну. Стремясь быть в суровые годы вместе со своим народом, он мечтал просвещать и воспитывать его. Но судьба распорядилась иначе: он стал ближайшим советником Карагеоргия.

Сербский вождь доверял Досифею и в государственных, и в личных делах. Он возложил на писателя воспитание своего сына Алексы. Обрадович советовал отправить мальчика для получения образования в Петербург, и Карагеоргий склонялся к этому. Однако развитие событий помешало осуществить этот замысел. А пока Алекса жил у Досифея Обрадовича, который сам едва сводил концы с концами. Карагеоргий нередко брал с собою Досифея в Тополу. Он прислушивался к доводам и советам образованного человека; разбиравшегося во внешнеполитической ситуации не хуже, чем в литературной.

С помощью Обрадовича неискушенный в дипломатических тонкостях Карагеоргий вел официальную переписку. Досифей «растолковывал» ему получаемую корреспонденцию. Писатель, остававшийся приверженцем духа Просвещения, облагораживающе действовал на своенравную, крутую, не знающую пределов власти натуру вождя. Это он в 1809 г. удержал Карагеоргия от разгрома дома русского дипломатического представителя К. К. Родофиникина, покинувшего Белград вместе с панически бежавшими в Австрию сербами после прорыва турецких войск. Карагеоргий бушевал в ярости, но уступил просьбам и увещаниям оставшегося в столице Досифея.

В первые годы XIX в. политика правительства России, традиционно оказывавшей покровительство православному населению на Балканах, требовала большой осмотрительности. В результате военных успехов Наполеона возникала угроза его вторжения на Балканы, что могло бы привести к утрате влияния России в этом регионе. Россия и Турция являлись союзниками по антинаполеоновской коалиции, и Петербург в условиях нестабильности обстановки в Европе был заинтересован в поддержании с Портой добрососедств. Поэтому, соглашаясь на просьбу сербов осенью 1804 г. оказывать финансовую и дипломатическую помощь восстанию, правительство России стремилось действовать в рамках союзнических отношений с Османской империей. Однако русско-турецкое сотрудничество оказалось недолгим. После поражения русских и австрийских войск под Аустерлицем Порта изменила внешнеполитический курс и под нажимом Франции решилась на войну с Россией.

В декабре 1806 г. началась русско-турецкая война. Отныне судьбы сербского восстания были связаны с ее исходом. Отвергнув Ичков мир, повстанцы полностью порвали с Турцией и приняли решение вести борьбу вместе с Россией до полного освобождения Сербии от власти Порты. Русско-турецкая война открывала для сербов реальную перспективу достижения независимости⁷. В начале 1807 г. возобновились военные действия между повстанческими силами и султанскими войсками. Карагеоргий стал символом свободной Сербии.

Пришло время, и верховный вождь проявил свои дипломатические способности. В июне 1807 г. он провел четырехчасовые переговоры с эмиссаром российского МИД маркизом Ф. О. Паулуччи об условиях участия сербов в войне на стороне России. Конечно, Карагеоргий ожидал от нее быстрых успехов, не учитывая при этом сложности международного положения России в разгар наполеоновских войн.

Сербо-русский военный союз вовлек Сербию в сферу европейских

противоречий и в войну против Наполеона. Этим определялось первоначальное направление (южное) наступательных операций Карагеоргия. Однако неудачи сербских войск на востоке страны вынудили его поспешить со своими отрядами к ним на выручку. На помощь пришел и двухтысячный отряд русских войск под командованием генерал-майора И. И. Исаева. Совместными действиями русские и сербские войска разбили турок при Штубице и осадили крепость Неготин. Это был крупный успех.

В августе 1807 г. после встречи Александра I и Наполеона в Тильзите Россия и Турция заключили перемирие в Слободзее. Турки обязались не беспокоить и сербов. В Белград для упрочения русско-сербского сотрудничества прибыл Родофиникин, наделенный широкими полномочиями. Карагеоргий постоянно поддерживал с ним тесные контакты. Россия расширила помощь Сербии деньгами, вооружением, военными специалистами.

Затишье на фронтах открыло простор для хозяйственной деятельности. В Сербию начали прибывать переселенцы из соседних турецких и австрийских областей. Благодаря приливу купцов и ремесленников оживились города. Свобода торговли открыла новые источники дохода, хотя привычным оставался архаичный обмен. Быстро возобновилась пограничная торговля, особенно скотом. Деловые люди открывали мастерские. Города все заметнее заявляли о себе в хозяйстве, политике и культуре. Но основой всей жизни страны оставалось село. Благодаря этим сдвигам десятилетиями сдерживаемая хозяйственная энергия народа давала стране заряд для экономического подъема.

Одновременно продолжалась организация нового, национального управления Сербии: разрабатывались концепции государственного устройства, появились наметки законодательства, укреплялась судебная власть и учреждались суды, выявлялись финансовые источники, закладывались основы налогообложения, разграничивалась компетенция военных и гражданских властей. Страна медленно и с трудом обретала европейский политический облик. Создавалась национальная школа. Накануне восстания в Сербии на сто сел едва приходился один грамотный. Перерыв в военных действиях позволил создать в стране сеть начальных школ. В 1808 г. в Белграде была открыта Великая школа — первое в Сербии высшее учебное заведение. Священников готовила Клерикальная школа, или Школа богословия. Сербия начала наверстывать упущенные возможности в развитии национальной культуры.

Внутренние неурядицы в Османской империи придали уверенности Карагеоргию. «Видя разваливающимся дом врагов своих», он в конце 1808 г. провозгласил себя наследственным «верховным предводителем» сербского народа. Сербская депутация направилась в Россию, чтобы просить ее правительство о предоставлении Сербии «непременной и совершенно безусловной независимости» при заключении мира с Турцией⁸. Однако в начале 1809 г. международная ситуация в очередной раз круто изменилась. Турция заключила союз с Англией против России. Началась подготовка к войне.

Карагеоргий в мае 1809 г., не дожидаясь генерального наступления русской армии, двинул сербские войска против турок в восточном и южном направлениях. Он лично возглавил части, наступавшие на юге. Были достигнуты крупные военные успехи, что открыло возможность соединения с Черногорией. Однако, пользуясь отсутствием русских войск (они были выведены из Сербии по условиям перемирия) и пассивностью русской армии на Дунае, турки предприняли контрнаступление на Белград. Город был охвачен паникой. Лишь успешное наступление Молдавской армии под командованием П. И. Багратиона вынудило турок срочно отвести свои войска от Белграда.

Обстановка в Сербии постепенно приходила в норму. Но перед угрозой катастрофы сербское руководство стало метаться в поисках поддержки у других держав — Австрии, Франции. Все это было безрезультатно, оставалась одна надежда — на Россию. Вскоре Карагеоргий получил от нее материальную и военную помощь. В Сербию был направлен крупный русский отряд. В 1810—1811 гг. русские и сербские части совместными

усилиями одержали ряд важных побед над турками. Кровавое сражение развернулось в октябре 1810 г. на Дрине у с. Лозницы. По своим масштабам и последствиям оно было равнозначно мишарской битве 1806 года. Александр I в знак признания заслуг Карагеоргия наградил его орденом Св. Анны первой степени и осыпанной алмазами саблей. Сербскому вождю был пожалован чин генерал-лейтенанта. В результате успешных боевых действий освобожденная сербами территория значительно расширилась.

Ослабление военной опасности позволило Карагеоргию провести государственные преобразования. Он ввел централизованное управление, сконцентрировав всю власть в своих руках. В начале 1811 г. скупщина повстанческих старейшин в Белграде подтвердила его полномочия в качестве главы Сербии и главнокомандующего ее армии. Власть воевод-оппозиционеров была сломлена, но народ не получил демократических прав. Ввиду нарастания социальных конфликтов внутренняя обстановка в Сербии оставалась сложной и напряженной. Позднее о своем правлении Карагеоргий напишет: «Получив власть над прочими моими соотчичами, для сохранения единства в правлении и отвращения всякой опасности быть поработенну через интриги, столь свойственные в народе словенском, я долженствовал быть грозным»⁹.

Между тем началось новое обострение внешнеполитической ситуации. Над Россией нависла угроза войны с Наполеоном. В этой крайне тревожной международной обстановке она остро нуждалась в мире с Турцией. 17(20) мая 1812 г. в Бухаресте был подписан мирный договор. Согласно его VIII статье, Турция должна была предоставить Сербии автономию, о конкретном содержании которой сербам и туркам следовало заключить особую конвенцию.

Весть о подписании Бухарестского мира и отводе русских войск из Сербии привела ее руководство в замешательство. Главное, что представлялось Карагеоргию неприемлемым, была сдача туркам крепостей и орудий. Однако по совету России, находившейся в критическом положении в результате агрессии Наполеона и лишенной возможности оказывать сербам действенную помощь, Карагеоргий все же согласился направить сербскую депутацию в Константинополь для переговоров о заключении конвенции с турками. 15(27) августа в монастыре Врачевшнице состоялась скупщина, на которой была дана торжественная клятва сербов соблюдать условия VIII статьи Бухарестского договора.

Но международная обстановка оставалась крайне неблагоприятной для сербского народа. Вступление Наполеона в Москву ободрило Порту в ее планах пересмотра условий Бухарестского мира. В свою очередь и сербы настаивали на включении в сербо-турецкую конвенцию дополнительных статей. Но в начале июля 1813 г. турецкая армия с трех сторон двинулась на Сербию. Карагеоргий обратился с прокламацией к народу, призывая его дать решительный отпор врагу. «Опасность общая видеть себя истреблену и народная гордость не преклонить голову на закланье себя, когда имеем еще оружие в руках, заставили нас защищаться»¹⁰, — так определил Карагеоргий настроения сербов. Однако силы были неравны: турецкая армия в течение года готовилась к восстановлению османской власти. Тщетно Карагеоргий пытался добиться перемирия с турками, просил о вооруженной помощи Австрию.

В октябре 1813 г. Карагеоргий «с растерзанным сердцем»¹¹, как и многие воеводы, оставил Белград и перебрался в Австрийскую империю. Узнав об этом, толпы простого народа со скарбом и скотом в панике ринулись через границу. Все, кто не смог бежать в Австрию, скрылись в горах. Турецкая конница вступила в обезлюдивший Белград. В упоении победой турецкие власти разрешили войскам в течение 12 дней грабить, убивать и обращать в рабство сербов. В один из дней в Белграде было предложено на продажу 1800 рабов! Трое суток в Константинополе гремели пушечные залпы, возвещая миру о покорении райи. Сербия была залита кровью. Дороги в Боснию были забиты рабами и скотом, перегонявшимися на юг. Но турецкий феодальный режим полностью все же не был восстановлен.

Бежавшие в австрийские пределы Карагеоргий и другие руководители

восстания были интернированы. Они оказались без средств к существованию и в полной изоляции. Лишь в октябре 1814 г. Карагеоргий покинул Габсбургскую империю, чтобы с разрешения правительства России поселиться в Бессарабии. Ему была определена пенсия и выделен дом в г. Хотине.

Но легендарный вождь сербов не почил в бездействии. Его не покидала надежда на вмешательство возвысившейся после побед над Наполеоном России в решение судьбы Сербии. По прибытии в Бессарабию Карагеоргий и другие старейшины направили письмо Александру I, который в то время находился в Париже. Сербские представители развили также активную деятельность в Вене, где проходил конгресс великих держав. Русская дипломатия, встретив сопротивление западных правительств попыткам поставить сербский вопрос в повестку дня конгресса, перешла к самостоятельным энергичным действиям. Она настаивала перед Портой на выполнении VIII статьи Бухарестского мира.

В ожидании благоприятных времен Карагеоргий жил в Хотине. Его маленький дом, состоявший из сеней и двух комнат, был обставлен сурово и бедно: грубый стол, сундук и широкая кровать, покрытая простым ковром. Сам хозяин, высокого роста статный мужчина, уже почти весь седой, продолжал носить национальную одежду. Единственным богатством в доме была его соболья шуба с аннинской звездой. Жена Елена сама ходила по воду с коромыслом через плечо. Карагеоргий имел свиту в 30 человек из своих бывших боевых сподвижников. Следы ранений остались свидетельством их бесстрашия и отваги ¹².

Верховный вождь сербов казался хладнокровным и равнодушным к окружавшим его людям и происходившим событиям. Но, по словам русского литератора П. П. Свиньина, то был «погасший вулкан, готовый ежеминутно вспыхнуть». В «Письме к брату из Хотина», опубликованном в журнале «Сын отечества» в 1816 г., Свиньин сообщал: «Но тронь слабую сторону его,— заговори о его отечестве, о славе сербского народа — и сей хладный человек восплачет огнем, который показывал он посреди битв кровавых, сей немотствующий человек сделается велеречивым, каковым был он в пылу сражений: его черные неподвижные глаза заблестят светом гения — и ты узнаешь необыкновенного человека. Так! Только с сею любовью к отечеству производятся великие люди! Только сей огонь имеет власть рождать восторг, воспламенять народ посреди бедствий и опасностей, вести его от побед к победам» ¹³.

В мае 1816 г. Карагеоргий был приглашен в Петербург. Рассчитывая вовлечь Россию в военно-политические акции в поддержку сербов, он составил пространное «Представление» о событиях в Сербии в 1804—1813 годах. С гордостью писал он о храбрости и неустрашимости сербских воинов, о неистребимом стремлении народа к независимости. «Я был десять лет вождем и теперь пролью до последней капли мою кровь, жертвуя сам лично собою, лишь бы возвратить любезному моему отечеству потерянную вольность»,— заявлял он ¹⁴. То была клятва верности Карагеоргия своей родине.

При дворе был проявлен интерес к сербскому вождю. Александр I удостоил его аудиенции. В теплой полуофициальной обстановке Карагеоргий был представлен царской семье. По велению царя придворный художник, знаменитый представитель романтической живописи В. Л. Боровиковский написал его портрет. Он передал доминантное состояние души Карагеоргия — трагическую печаль. Видевший в ноябре 1816 г. сербского предводителя Н. И. Тургенев записал в своем дневнике впечатление от этой встречи: «Лицо его весьма печально. Горько смотреть на таких людей, любящих свое отечество так, как он, и так, как он, ему служивших в нещастьи или в изгнании» ¹⁵.

Петербургская знать стремилась обласкать сербского героя. Пышный демонстративный прием, оказанный царским двором верховному вождю сербских повстанцев, должен был показать намерения России при всех ее добрососедских отношениях с Турцией и далее покровительствовать хри-

стианским подданным Порты. Однако о новой войне с Турцией в то время не могло быть и речи.

Посещение Карагеоргием Петербурга, его общение в столице с представителями различных общественных кругов побудило русскую публицистику вновь вернуться к событиям русско-турецкой войны 1806—1812 гг., сербского восстания и рассказать своим читателям о жизни его выдающегося руководителя. Русские журналы запечатлели облик этого необыкновенного человека. «Жизнь его,— писал П. П. Свиньин,— принадлежит к числу тех редких феноменов, которыми ознаменован конец 18 и начало 19 столетий; он может уподобиться тем ужасным метеорам, которые являются иногда на лице земли для выполнения какого-нибудь предопределения Всевышнего Творца, которые, родясь из праха, составляют чреватые бурями тучи, причиняют ужасные ураганы, приводящие в трепет вселенную, и — погасают в воздухе»¹⁶. Русская печать с уважением и восторженной симпатией писала о Карагеоргии, особенно выделяя его преданность своей родине и неистребимое желание свободы соплеменникам. Все это отвечало настроениям русского общества, находившегося под впечатлением Отечественной войны 1812 года.

Между тем, убедившись в том, что правительство России не намерено воевать с Портой, Карагеоргий искал пути возвращения на родину. Он вошел в контакт с тайной греческой организацией «Филики Этерия» (Дружеское общество), которая, действуя в основном на территории России, вынашивала планы освобождения балканских народов от турецкой власти. Общество было заинтересовано в привлечении Карагеоргия как человека, пользующегося авторитетом на Балканах и имеющего опыт военных действий. В мае 1817 г. недалеко от г. Яссы на встрече с деятелями «Филики Этерии» Карагеоргий принес клятву верности делу освобождения христиан от османского ига.

За два года до этого весной 1815 г. в Белградском пышальке началось новое восстание против турок. Его возглавил бывший сподвижник Карагеоргия Милош Обренович. Одержав ряд убедительных побед над турецкими войсками, повстанцы обратились за помощью к великим державам. И вновь, как это было в годы Первого сербского восстания, только Россия предприняла в пользу сербов действенные меры, что заставило Порту пойти на переговоры с повстанцами. В августе 1815 г. было заключено устное соглашение между белградским пашой Марашли-Али и Милошем Обреновичем об определенных правах населения Белградского пашалыка. Фирманы 1816 г. признали самоуправление сербов. Однако статус Сербии был весьма шатким.

На этом этапе политика России в сербском вопросе состояла в том, чтобы удержать Сербию от обострения отношений с Турцией, добиваясь в то же время от повстанцев твердости позиции. Российское правительство надеялось дипломатическим путем заставить Порту узаконить автономию Сербии согласно VIII статье Бухарестского договора.

Новый предводитель сербов был личностью весьма противоречивой. Участник двух восстаний, он в то же время находил взаимопонимание с видными турками благодаря подкупам и услугам. В декабре 1815 г. народная скупщина признала его верховным князем и правителем Сербии. Оттесняя турецкие органы от власти в Сербии, Милош был одержим мыслью о законодательном закреплении Портой княжеского достоинства за его потомством. На этом пути он жестоко и коварно расправлялся с возможными соперниками. Поплатились жизнью наиболее авторитетные воеводы. Но оставался недоступным в России самый главный претендент на княжеский престол — легендарный Карагеоргий.

При поддержке «Филики Этерии», которая снабдила его паспортом и деньгами, он без ведома русских властей покинул Бессарабию, пересек границу Австрийской империи и вступил на территорию Сербии. Он и гетеристы полагали, что пришло время начать новое восстание против Турции. Официальные лица в России отрицательно отнеслись к тайному возвращению Карагеоргия в Сербию в преддверии русско-турецких переговоров по

сербскому вопросу, полагая, что его появление приведет к обострению ситуации в княжестве и сербо-турецких отношений.

По прибытии в Сербию Карагеоргий предложил Милошу встретиться для обсуждения вопроса о действиях против турок. Однако Милош коварно направил к нему убийцу, который и лишил Карагеоргия жизни во время сна. Это случилось 13(25) июля 1817 года. Милош послал голову Карагеоргия сначала в Белград, а потом в Константинополь в знак верности султану и как доказательство того, что не стало главного бунтаря против Порты.

Коллизия Милош — Карагеоргий была не только столкновением конкурентов в начавшемся государственном строительстве Сербии. Это был конфликт личностей, характеров, судеб, наконец, основателей династий. На протяжении всего XIX в. фамилии Карагеоргиевичей и Обреновичей боролись между собой за княжеский престол.

«В последних числах июля похищено со сцены мира одно из достопамятнейших лиц новой истории, Георгий Черный, бывший вождь сербский», — так откликнулся журнал «Вестник Европы» на гибель Карагеоргия. Его имя и дело оставили след и в русской литературе. А. С. Пушкина вдохновило пребывание в Бессарабии, где оставались сербская эмиграция и семья Карагеоргия, и знакомство с сербской народной поэзией. Воображением поэта был создан грозный и трагический портрет этого человека. Стихотворение «Дочери Карагеоргия» (1820 г.) начиналось словами: «Гроза луны, свободы воин, // Покрытый кровию святой, // Чудесный твой отец, преступник и герой, // И ужаса людей, и славы был достоин»¹⁷.

Семья Карагеоргия еще многие годы находилась в России. Его сын Александр вернулся в Сербию только в 1839 г. в возрасте 33 лет. В 1843 г. он был избран князем Сербии. Однако в 1858 г. по решению Свято-андреевской скупщины, отразившей общественное недовольство бюрократическим режимом, был свергнут с престола. Александр эмигрировал в Австрию, где и оставался до своей кончины в 1885 году.

Примечания

1. См. ВУКИЋЕВИЋ М. Карађорђе. Књ. I—II. Београд 1907—1912; ЋОРОВИЋ В. Карађорђе и Први српски устанак. Београд. 1937; СТРАНЌКОВИЋ Д. Карађорђе. Београд. 1938; Стопедесетогодишњ ина устанка у Србији 1804—1954. Београд. 1954; Историја српског народа. Књ. 5. Т. 1. Београд. 1981; Первое сербское восстание 1804—1813 гг. и Россия. Кн. I. 1804—1807. М. 1980; Кн. II. 1808—1813. М. 1983.
2. Первое сербское восстание 1804—1813 гг. и Россия. Кн. I, с. 6.
3. Формирование национальных независимых государств на Балканах. Конец XVIII — 70-е годы XIX в. М. 1986, с. 97.
4. ВУКИЋЕВИЋ М. Карађорђе. Књ. II, с. 199—220; Формирование национальных независимых государств, с. 98—99.
5. Цит. по: БАЖОВА А. П. Карагеоргий в России. В кн.: Југословенске земље и Русија за време Првог српског устанка 1804—1813. Београд. 1983, с. 296.
6. Формирование национальных независимых государств, с. 104.
7. Там же, с. 107.
8. Цит. по: БАЖОВА А. П. Ук. соч., с. 296.
9. Там же, с. 297.
10. СВИНЬИН П. П. Письмо к брату — из Хотина. Сын Отечества, 1816, № 30, с. 148.
11. ЗАБЛОЦКИЙ-ДЕСЯТОВСКИЙ А. П. Граф П. Д. Киселев и его время. Т. IV. СПб. 1882, с. 6.
12. Сын Отечества, 1816, № 30, с. 141—142. В 1818 г. Свиньин напечатал свое «Письмо» и в журнале «Отечественные записки» (Ч. 1, с. 45—58).
13. Цит. по: БАЖОВА А. П. Ук. соч., с. 298.
14. Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1816—1824 годы. Пг. 1921, с. 9.
15. Сын Отечества, 1816, № 30, с. 140—141.
16. Вестник Европы, 1817, ч. 95, № 20, с. 287. (Материал был заимствован из немецкого журнала); ПУШКИН А. С. Собр. соч. Т. I. М. 1974, с. 120.

Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева

Дела сельскохозяйственные

Часто и знакомые, и незнакомые, даже случайно встретившиеся со мной люди задают мне вопросы о моих взглядах на развитие сельского хозяйства. О сегодняшнем дне мне трудно говорить, ибо прошло уже пять с половиною лет, как я питаюсь лишь газетными статьями и сообщениями радио. Могу поэтому рассказать о прошлом, а о настоящем высказать лишь некоторые суждения.

В детстве я какое-то время жил в деревне и полюбил крестьянский быт. Но в основном детские годы я провел на рудниках с отцом, который работал на угольных копах. Особенно в моей памяти сохранилась его работа на шахте Успенской, в четырех верстах южнее Юзовки. Сам я трудился в юности на машиностроительном заводе, потом на руднике, потом служил в Красной Армии. Непосредственно же по работе я столкнулся с сельским хозяйством, когда, как говорится, нужда заставила. Это произошло после окончания мною рабфака в 1925 году. Местный партийный комитет направил меня в качестве секретаря уездной парторганизации в Петровско-Марьинский уезд, смешанный по профилю. Это выражалось в том, что собственно Марьинский уезд был сельскохозяйственным, а угольные копи назывались Петровскими рудниками (бывшие Карповские), в честь Григория Ивановича Петровского, который, еще будучи депутатом IV Государственной думы, как-то приезжал туда. Я не могу сказать, выступал ли он, но к выступлению готовился. Меня пригласили на это собрание рабочих, которое созывалось нелегально. Потом его отменили. Подробности я не знаю, поскольку не входил в число организаторов. Мне просто сказали, что полиция пронюхала о месте собрания, и Григорий Иванович сообщил, что раз так, то оно не состоится. Я уже шел к месту сбора, а там специально выставленные люди предупреждали, что собрания не будет. Приехал же туда Петровский потому, что был избран в Думу от Екатеринославской губернии, в состав которой входили данные рудники.

Когда я принял дела первого секретаря укома партии, мне пришлось заниматься всем, включая сельское хозяйство. Уком располагался в поселке на шахте Трудовская № 5. Она и сейчас действует. Тогда это была маленькая шахта с поселком, расположенным в степи, рядом с большим и богатым селом Марьинка. Неподалеку находилось село Григорьевка, а еще

Продолжение. См. Вопросы истории, 1990, №№ 2—12; 1991, №№ 1—12; 1992, 1—3, 6—9, 11—12; 1993, №№ 2—10; 1994, №№ 1—8, 10—11.

ближе к рудникам — большое село Кременная. Назвался груздем — полезай в кузов! То есть, раз избрали секретарем укома, я должен был давать универсальные руководящие указания. Так я стал человеком, облеченным ответственностью и за состояние сельского хозяйства в уезде, и за добычу угля рудниками, и за деятельность Красногоровского завода керамических изделий. В Донбассе это был тогда единственный завод, вырабатывавший огнеупорный кирпич для облицовки доменных и мартеновских печей. Мои же функции заключались не в обеспечении производства сельскохозяйственных продуктов, а в выколачивании этих продуктов из крестьянских дворов.

После моего секретарства, года через полтора, на партийной окружной конференции меня избрали заведующим орготделом Окружного партийного комитета. Организационная структура была такой: заведующий орготделом являлся заместителем первого секретаря. Единственным секретарем в окружке был тогда Моисеенко. Позже мы с ним разошлись, так как не сработались. Он трагически кончил свою жизнь, будучи расстрелян в результате произвола 30-х годов. Я убежден, что он был честным человеком. В окружке мы тоже занимались сельским хозяйством. Оно тогда поднималось, как на дрожжах. Стимулятором послужила ленинская политика нэпа, ставшая двигателем частной инициативы. В результате сельское хозяйство быстро восстановилось до дореволюционного уровня, а кое в чем его превзошло. Продуктов в 1925 г. у нас было сколько угодно и по дешевке. После 1922 г. с его голодом и людоедством теперь настало изобилие продуктов.

Потом, когда я работал на следующих партийных должностях в Харькове и Киеве, мы занимались сельским хозяйством сугубо директивно, тонкостей его не понимали. Как бывший рабочий я знал свое слесарное дело, немного разбирался в металлургии, особенно в производстве кокса. Но мы обязаны были вникать в сельское хозяйство, чтобы кормить города и армию. Сельскохозяйственное же производство шло само по себе, стимулятором еще оставался нэп. Колхозов тогда не было, существовали тозы, а также коммуны, но единицами. В Петровско-Марьинском уезде, кажется, имелась всего одна коммуна в большом селе Максимилиановке. С 1929 г. я учился в Промышленной академии и от проблем сельского хозяйства отошел. В основном имел к нему отношение лишь как потребитель. Когда в 1931 г. я стал секретарем Бауманского, потом Краснопресненского райкома партии в Москве, а с 1932 г. вторым секретарем Московского горкома ВКП(б), то тоже занимался промышленностью и городским хозяйством, а не сельским. В 1935 г. меня избрали первым секретарем Мосгоркома и обкома партии. Вот здесь-то на мои плечи и свалилась ответственность за сельское хозяйство в Московской области.

Эта область имела небольшой удельный вес в производстве сельскохозяйственных продуктов. Уровень сельского хозяйства главным образом определялся тогда через производство зерна. Московская область производила зерна мало, как и сейчас производит его мизерное количество. Посевные площади в ней небольшие, урожаи тоже очень низкие. Правда, она давала много картофеля и овощей — капусты, свеклы, моркови, но и этими видами сельхозпродуктов потребности столицы удовлетворялись не полностью. Мы завозили необходимое из Белоруссии, с Украины, из других областей РСФСР. А когда в начале 1938 г. я был откомандирован на работу на Украину, то там мне пришлось уделять гораздо больше внимания сельскому хозяйству. Сталин меня специально предупредил, чтобы я придерживал свою слабость и не столь тянулся к рудникам и заводам, а побольше занялся сельским хозяйством.

Украина в этом смысле находилась на особом положении как житница, дававшая стране зерно и сахар. Ее удельный вес в обеспечении СССР продуктами питания был очень большим. Все земли на Украине давно освоены. Люди, приезжавшие из России, увидев, в каких условиях живут украинцы, где многие села не имеют выпасов для скота и крестьяне выпасают собственных коров на веревке и по межам, очень удивлялись. В РСФСР имелись большие луга, леса и широкие возможности для содер-

жания личного скота. В 1938 г. коллективизация осталась в прошлом, но практически требовалось внимание к сельскому хозяйству несколько не меньшее, чем во времена, когда колхозов еще не было.

К началу Великой Отечественной войны сельское хозяйство окрепло, деревня стала получать в большем количестве трактора и другую технику, хотя и не в тех размерах, которые требовались для правильной организации сельскохозяйственного производства. Украина по-прежнему поставляла стране пшеницу и особенно мясо, молоко, сахар. Производила она также овощи и технические культуры — лен и коноплю. Когда для авиации потребовались смазочные масла, стали выращивать касторник, то есть клещевину, ибо касторовое масло содержит много рицинолевой кислоты. Именно на Украине я впервые встретился со словом «рицин» и познакомился со способом выращивания рицинки, как называют украинцы клещевину. Хлеба мы тогда производили больше, чем потребляли. Помню частые звонки из Москвы от наркома финансов Зверева в связи с тем, что пополнение денежного сундука страны зависело и от продажи хлебных продуктов, особенно сдобы. Она продавалась по повышенным ценам, а это определяло поступление денежных средств. Зверев требовал от нас расширить изготовление сдобных хлебобулочных изделий.

Многое зависело от погоды. Резервов же у нас почти не имелось. Мы не могли их создавать из-за большой потребности страны в валюте. Если накапливалось какое-то количество хлеба, его сейчас же выбрасывали на европейский рынок, а потом валюту тратили на закупку промышленного оборудования. Проводился курс на индустриализацию, а мы далеко не все могли выпускать сами. Поэтому всячески изыскивали, что можно продать за границей, чтобы получить взамен валюту. Продавали главным образом сельскохозяйственные продукты, так как наши промышленные изделия были невысокого качества и не интересовали капиталистический рынок, что вполне понятно: мы только еще учились настоящему делу и часто «выезжали» на продаже сельскохозяйственных продуктов за счет втягивания животных и подтягивания ремней. Вплоть до 1935 г. это и не скрывалось, а иной раз руководство даже с некоторой гордостью заявляло, что мы ведем скромную жизнь во имя светлого будущего и ради победы социализма сознательно идем на жертвы.

Надвинулась война. Наш народ никогда не забывал голод, который он переживал во время войны и после нее. На Украине, только что освободившейся от оккупации, были развалены и промышленность, и сельское хозяйство. Республика понесла огромные людские потери, лишившись самых трудоспособных кадров, имевших знания и опыт. Все приходилось воссоздавать. Это было необычайно тяжелое время. Трудно себе представить, как наш народ выжил. Но выжил! Да еще и работал с энтузиазмом. Самым тяжелым для Украины был 1946 год. Приходилось принимать экстренные меры для спасения людей. Занимался этим и я как первый секретарь ЦК КП(б)У.

На местах, в республиках, парторганизации чувствовали себя чуть посвободнее, чем в Москве и Ленинграде, если принимать во внимание те антинормы партийной жизни, которые установил Сталин. У нас собирались областные партконференции и съезды КП(б)У, регулярно проводились выборы в парторганизациях, более или менее соблюдался партийный устав. В начале 1947 г. Сталин объявил о созыве Пленума ЦК ВКП(б) на тему «О подъеме сельского хозяйства» и предложил мне сделать заглавный доклад. «Доклад поручим Хрущеву», — сказал он, когда члены Политбюро собрались у него на ближней даче. Я буквально взмолился, прося не поручать мне доклад. Сталин возмутился отказом. «Товарищ Сталин, поймите меня, — убеждал я, — не могу я сделать такого доклада, я знаю более или менее сельское хозяйство только Украины, но совершенно не знаю сельского хозяйства Российской Федерации, Белоруссии и Закавказья, не говоря уже об азиатских республиках. Какой же я докладчик? Я стану пересказывать то, что в мой доклад сунут чиновники. Говорить о вещах, которые я не прочувствовал, не могу. Перед залом появится чтец-декламатор, а не

докладчик по актуальным вопросам, о которых нужно доложить с умом, заострить внимание на главном, для чего надо понимать это главное. Прошу освободить меня от доклада». «Ну, что же,— буркнул он,— можно поручить доклад Маленкову (он тогда в составе ЦК занимался вопросами сельского хозяйства), но ведь он толком даже сельскохозяйственных терминов не знает»,— размышлял вслух Сталин. Так при всех и сказал. Маленков потом долго переживал это. Но Сталин правильно сказал: Маленков, действительно, в сельском хозяйстве не разбирался. «Давайте поручим доклад Андрею Андреевичу Андрееву»,— решил Сталин.

Я считал, что Андреев как прежний нарком земледелия, конечно, может сделать такой доклад. Еще на XVI съезде партии в 1930 г. он блеснул знанием деревенских дел, и с того времени о нем сложилось соответствующее мнение. Я тоже так полагал. А пленум созвали в феврале. Андреев и делал доклад как член Политбюро. Я сидел в Президиуме рядом со Сталиным и внимательно слушал докладчика. Андреев и его помощники, не поднимая новых проблем, хорошо обработали официальный материал, последовательно и логично изложив его пленуму, чье заседание проходило в Малом Кремлевском (Свердловском) зале. В перерыве Сталин обратился ко мне: «Какое ваше мнение о докладе?» — спросил он, как всегда, коротко.

Я ответил: «Хорошее». «Я вас толком спрашиваю, какого вы мнения о докладе?» — начал он сердиться. Я опять ответил формально. «Но вы же совершенно не реагировали на него, я следил за вами»,— давил на меня Сталин. Пришлось расширить ответ: «В докладе все сказано правильно, только ничего нового. Поставленные в нем вопросы известны». Я больше не мог уходить от честного ответа. Сталин отреагировал нервно. Видимо, и сам пришел к такому же мнению. А Андреев, больной, полуглухой, уже отставал, как выяснилось, от активной жизни, хотя оставался в принципе подготовленным к работе и умным человеком.

После пленума мы ощущали тот же недостаток в сельскохозяйственных продуктах, хотя промышленность восстанавливалась бурными темпами. Народ работал с исключительным прилежанием, но что можно было поделывать в деревне, где не хватало ни техники, ни рабочих рук? Да и средства вкладывались преимущественно в развитие индустрии. Максимальное количество зерна, заготавливаемое в то время в СССР, составляло 2,2 млрд пудов, обычно же собирали 1,8 млрд пудов. Сталин придерживался старого порядка, исчисляя заготовки зерна не в тоннах, а в дореволюционных пудах. Мы все привыкли к этому исчислению, конкретнее представляли себе величины и легче сравнивали полученное с прошлыми годами. Хотя хлебом мы себя постепенно обеспечили, но резервов по-прежнему не оставалось. А без них жить нельзя. Сельскохозяйственное производство — капризная отрасль. Природа каждый год вносит свои поправки, то позволяя чуть-чуть поднакопить зерна, то создавая такие трудности, что приходится нормировать хлеб.

Почему, имея столь необъятные просторы, Советский Союз ощущал недостаток в сельскохозяйственных продуктах? У нас имелось мало машин и совсем мало минеральных удобрений, к тому же последние были невысокого качества, с бедным содержанием полезных веществ. Порой они содержали лишь 10% необходимого, а остальное являлось балластом. В тоннах их производится много, а пользы от них — на грош. И даже то минимальное количество минеральных удобрений, которое завозилось на железнодорожные станции для колхозов и совхозов, сгружалось под открытым небом, под откосами железнодорожных путей. Нередко удобрения лежали там по два-три года, часть их погибала. Мальчишки зимой катались по ним на санках, как с горок. Удобрения слежались и превратились в камень. Даже если бы их захотели использовать, то потребовалось бы приступить в этих кучах к их разработке. Полезные же вещества вообще вымылись из них дождями.

Такое отношение к удобрениям свидетельствует о тогдашней культуре земледелия. И колхозники, и их руководители больше ценили навоз и не хотели тратить усилия на завоз минералок. Только отдельные передовые

колхозы и совхозы умели пользоваться ими и завозили их себе больше, чем положено. Там получались хорошие урожаи. Иное отношение к минеральным удобрениям имелось в колхозах, которые занимались производством технического сырья — льна, конопли, хлопка. Там крестьяне не только ценили минералку, но и боролись за ее поставки.

К 1953 г. Украина производила товарного зерна для государства примерно 500 млн пудов. Черниговская область, граничащая с Белоруссией и Россией, заготавливала примерно 19 млн пудов, а вся Белоруссия, имея в несколько раз бóльшую площадь под зерновыми, заготавливала 15 млн пудов зерна и при этом себе почти ничего не оставляла. В целом же у нас оставались очень низкие урожаи по сравнению с западноевропейскими. Издавна в стране существовала возможность расширения посевных площадей за счет распашки целинных земель, но этого не делалось, не знаю, почему. Сталин был категорически против, запрещая производить дополнительную распашку земель и вводить их в севооборот. Возможно, он хотел сосредоточить внимание на культуре земледелия, получив увеличение производства зерна за счет роста урожайности, более интенсивного ведения хозяйства. Это правильный путь, но сложный, трудоемкий, а по времени длительный. Необходимых знаний должны набраться и агрономы, и зоотехники, и крестьяне, научившись применять передовые методы на практике. С другой стороны, требуются иная техника и много минеральных удобрений. Одними же речами, приказами и постановлениями нельзя добиться повышения урожайности. Если нет материальной базы и необходимых знаний, то ждать повышения урожайности придется очень долго.

Умер в 1953 г. Сталин, новое руководство страны перераспределило внутри себя обязанности. Мне поручили заниматься сельскохозяйственным производством. К тому времени я уже пользовался соответствующим признанием, поскольку на Украине работа колхозов и совхозов была организована лучше, чем в других местах. Хочу оговориться. Я вовсе не приписываю это моему руководству, многое объясняется историческими причинами. На Украине культура земледелия выше, чем в других районах Советского Союза, и там было легче руководить, потому что народ уже накопил знания и опыт. Кроме того, Украина обладает хорошими климатическими условиями и черноземом. Правда, недостаток осадков порой наносил большой ущерб. Все мы зависели от дождя. Если судить по урожаям, то на юге в какой-то один год можно прослыть гением, а на следующий год оказаться круглым дураком. При дождях там получали по 30 центнеров пшеницы с гектара, что тогда считалось у нас высоким показателем. Если осенью или в апреле озимые подсушит, будет по 5—10 центнеров. Так мы были зависимы от климатических условий. Только если очень хорошо обрабатывать землю, можно добиться меньших колебаний в урожайности.

Промышленность же работала более организованно, чем сельское хозяйство. Ее руководство и рабочие были лучше подготовлены, а заводские машины уже отвечали требованиям времени. Но сельское хозяйство очень хромало. Мы вынуждены были мобилизовывать любые возможности для повышения производства зерна, мяса, молока, шерсти, сахарной свеклы. С техническими культурами, правда, дела обстояли не столь трагически. Хотя наша урожайность сахарной свеклы (по 150 центнеров с гектара) была низка по сравнению с чешской и польской. Продуктивность молочного скота оставалась в СССР сверхнизкой. Я уже не говорю о жирности молока, которая в среднем достигала лишь 3%, а удои — по 1100 литров на корову. Несопоставимая цифра по сравнению с голландскими или датскими показателями.

Урожаи картофеля мы тоже получали плохие. Эта культура хорошо реагирует на обработку почвы и правильную постановку семенного дела. В Московской области имели в среднем по 60 центнеров с гектара: немыслимо низкий урожай для картофеля! Это говорит и о запущенности хозяйства, и о плохой организации производства. В дореволюционное время крестьяне Курской, Орловской и Черниговской губерний получали гораздо более высокие урожаи, а картофель там был отличным по вкусовым

качествам и по размеру клубней. Подобное положение с картофелем объяснялось также падением трудовой дисциплины в связи с отсутствием крестьянской заинтересованности, особенно низкими ценами на него. Сталин приказал платить колхозам 3 копейки за каждый сданный государству килограмм. Стоимость подвоза на заготовительные пункты и то обходилась дороже. Затраты труда на картофель не оправдывались, пропадала всякая заинтересованность, когда колхозник на трудодень получал копейку. Тогда в деревне говорили: «Работаю за палочку». Палочку поставят в ведомости, то есть отработал трудодень, получи копейку. Некоторые же колхозы, а таких было немало, вообще ничего на трудодни не давали. И крестьяне старались избежать работы в колхозе, живя за счет производства на приусадебных участках или добывая средства жалкого существования какими-то другими способами.

Пришлось пересмотреть цены и изменить систему заготовок. В совхозах их рабочие еще имели какие-то гарантированные ставки, а в колхозах распределение велось по трудодням. Правда, у нас тогда имелись ограниченные возможности, мы были бедны. Но главное заключалось в том, что Сталин приучил нас смотреть на крестьян без уважения, как на быдло, не ценя крестьян и их труд. Он знал только одно средство работы с деревней — нажим, выколачивание сельскохозяйственных продуктов. Цены на них устанавливались ниже их себестоимости. Очень мало было тогда колхозов, которые в результате более высокой культуры ведения сельского хозяйства могли как-то себя обеспечить. Абсолютное их большинство влачило убогое существование.

Картофель — трудоемкий продукт. До того, как мы ввели квадратно-гнездовой способ его посева и обработки полей трактором в двух направлениях, он требовал много ручного труда. С нововведениями производство картофеля увеличилось, затраты труда сократились, но стоимость, по которой он заготавливался, продолжала оставаться 3 копейки за килограмм. Мы пересмотрели закупочные цены на картофель и овощи. Правда, даже новые цены тоже не очень-то стимулировали производство. Но они хотя бы улучшили экономическое положение тех колхозов, которые вели производство на более приличном уровне. Толковые руководители, знающие дело, могли теперь получать более высокие доходы.

Мы стали искать новые возможности увеличения производства сельскохозяйственных продуктов, прежде всего зерна. Наметился единственный выход — ввод дополнительных площадей в севооборот через поднятие целинных и залежных земель. Таких земель у нас обнаружилось очень много, да и сейчас они еще остались. Правда, теперь остались в основном земли, заросшие кустарником или заболоченные, которые могут быть введены в севооборот только после мелиорации. На первом же Пленуме ЦК КПСС после смерти Сталина товарищи предложили мне сделать доклад по сельскому хозяйству. Особенно на меня нажимал Маленков. Но я пока был не подготовлен к тому и отказался: ответил, что не хочу выступать без конкретных предложений, которые нужно подкрепить убедительными доводами. Просто неприлично выступать перед собравшимися по такому важному вопросу, каким является производство сельскохозяйственных продуктов, без серьезной подготовки. Тогда условились, что в сентябре 1953 г. я выступлю с докладом на специальном пленуме, посвященном сельскохозяйственным вопросам. Этот сентябрьский пленум долгое время считали у нас поворотным пунктом в развитии сельскохозяйственного производства.

Я был наслышан о необъятных просторах Казахстана и очень небольших площадях, находившихся там в сельскохозяйственной обработке. Начал знакомиться с проблемой, расспрашивая секретаря ЦК Компартии Казахстана. В ЦК он пришел из органов внутренних дел, где отвечал за деятельность милиции. Являясь казахом, он, безусловно, знал свой родной край. Я допытывался: какое количество земель находится в распахке? Какие площади пригодны под распахку, но не распахиваются? Какие там снимают урожай? Каковы перспективные возможности земель, которые

могут быть распаханы? Из беседы с ним я понял, что он со мной говорил неискренне, занижал возможности и доказывал, что земель, пригодных к распашке, там очень мало или даже совсем нет: все уже распаханно, перспективы отсутствуют. Какие-то площади распашать можно, но не столько, сколько стране нужно. Не помню, на какой цифре он остановился: что-то в пределах 3 млн гектаров. Конечно, это тоже большая площадь, но не та, которая нам требовалась. Однако я и ей был рад. Если 3 млн га засеять пшеницей и получить по 5 центнеров с га, то это полтора десятка миллионов тонн товарного хлеба. Если даже один миллион соберем, это составит примерно 60 миллионов пудов. По тем временам довольно ощутимая прибавка в закрома. Конечно, без учета прокорма людей, занятых возделыванием новых полей.

Потом я поговорил с секретарями обкомов партии Казахстана. Они тоже казахи, но глубже знали местные возможности. Они говорили более искренне и со знанием дела докладывали о возможностях освоения целинных земель. Сообщали, что на некоторых землях при хорошей их обработке и высоком качестве семенного материала там получают до 20 центнеров пшеницы с гектара, а в лучших хозяйствах и побольше. Правильно высказывались, что урожай в Казахстане особенно зависит и от метеорологических условий, как от зимних осадков в виде снега, так и от летних в виде дождя. В большей же степени он зависит там от летних осадков. После этих бесед у меня появилась уверенность, что мы сможем получить заметную прибавку в зерне за счет введения в оборот новых посевных площадей.

Затем работники Министерства сельского хозяйства СССР и Госплана СССР представили сведения о наших возможностях в других районах страны. На Алтае, в Оренбургской области, иных регионах имелись большие площади, занятые под пастбища, которые никогда не распахивались. Был подготовлен цифровой материал, который подавал надежды. На сентябрьском пленуме встал вопрос не только о целинных землях. Тогда же решали проблемы заготовок, цен, другие актуальные для села вещи. После смерти Сталина люди получили возможность свободнее высказывать свои мнения, стало легче изыскивать возможности экономического стимулирования производства. И мы договорились об увеличении оплаты труда в сельском хозяйстве, чтобы материально заинтересовать людей.

Вскоре после этого пленума приняли решение о первом этапе освоения целинных земель, сначала в масштабе до 8 млн гектаров. Эту цифру мы изыскивали с помощью секретарей обкомов партии, хотя вышеназванный секретарь ЦК продолжал отстаивать меньшую цифру. Я потом проанализировал его позицию и установил, что он знал о всех возможностях Казахстана. Почему же секретари обкомов заняли другую позицию? У меня сложилось впечатление, что здесь имели место политические мотивы. Тот секретарь понимал, что если увеличить площади под зерно, то обработать их казахи сами не смогут. Зато в Казахстане жило много людей других национальностей, главным образом украинцев и русских. Он понимал, хотя никто этого и не скрывал, что придется звать на помощь добровольцев, желающих поехать на освоение целинных земель. Мы-то были уверены, что их найдется нужное количество, а он этого вовсе не хотел, ибо тогда еще сильнее снизится удельный вес коренного населения в Казахстане. Секретари же обкомов как коммунисты смотрели на этот вопрос с более правильных позиций, не отрывая интересов казахского народа от интересов всех советских людей.

И когда началось освоение целины, пришлось того секретаря заменить. Пленум ЦК Компартии Казахстана выдвинул на его место в 1954 г. Пономаренко, который имел большой опыт государственно-партийной работы в Белоруссии и в масштабе всей страны. Пономаренко не только хорошо знал сельское хозяйство, но имел также широкий политический кругозор. Вторым секретарем ЦК КП Казахстана выдвинули Брежнева, раньше работавшего секретарем ЦК Коммунистической партии Молдавии. Так мы укрепили руководство Казахстана, исходя из того, что там предстоит большая работа. Нужно было выдвинуть людей, обладавших соответ-

вующими размахом и подготовкой. Ведь Казахстан — очень большая республика. Впрочем, его возможности и сейчас далеко не исчерпаны.

Тогда же решили вопрос о приусадебных участках, освободив от налога колхозников, имевших фруктовые деревья. Сталин придумал закон, по которому каждое фруктовое дерево на приусадебном участке облагалось налогом. Я еще тогда рассказывал Сталину, как посетил свою деревню и заехал к двоюродной сестре в село Дубовицы. Она сказала, что осенью вырубит свои яблони. Перед ее окном стояли очень хорошие яблони. «Замечательные деревья», — пожалел я. «Да, — ответила она, — но я плачу высокий налог, а мальчишки все равно срывают яблоки. Осенью все срублю». Сталин носился с идеей обязать каждого колхозника посадить какое-то количество фруктовых деревьев. А тут даже плодоносящие деревья собираются вырубать. Он на меня очень зло посмотрел, но ничего не ответил. Конечно, и налог не отменил. Сталин рассматривал и колхозы, и приусадебные участки как место, где можно с крестьян стричь шерсть, как с баранов. Мол, новая отрасли. Мы, отменив этот налог, как бы открыли шлюз. Затем вообще сняли все налоги с приусадебных участков и отменили с них обязательные поставки продукции. Раньше владельцы приусадебных участков поставляли государству молоко, яйца, мясо и прочее.

Однажды, когда мы с Маленковым отдыхали в Крыму, я предложил ему поехать в крымские колхозы, но не в виноградные возле морского берега, а в степные, где и зерно производят, и сады выращивают. Он согласился. Мы приехали в какой-то колхоз, побеседовали. Один колхозник стал хвалить упомянутые решения пленума ЦК, но потом сказал так: «Запоздали вы со своим решением, вот если бы вы его пораньше приняли». «А в чем дело?» — не понял я. «Да перед самым пленумом я вырубил все свои фруктовые деревья на приусадебном участке. Тогда нас налог душил. Теперь налог сняли, был бы мне доход. Ладно, посажу новые». Он говорил о персиковых деревьях, очень выгодных.

Но встал вопрос, каким способом привлечь людей на целинные земли? Имелся способ столыпинского правительства при царе. Оно тоже занималось заселением свободных сибирских и казахских земель. Переселенцы получали льготы по налогам, а переезжали за свой счет. В наше время об этом не было даже речи, людей поднять с семьями невозможно, тем более за свой счет. Земля давно потеряла ценность в глазах крестьян. Собственность на нее отменили, земля превратилась в национальное достояние. Естественно, люди за свой счет не поедут ни на какие земли. Сняться с обжитого, оставить погосты и уехать неизвестно куда? Мы таких надежд на крестьян не питали, считая, что это нереально. Переселение за счет средств государства было единственной возможностью.

Следующий вопрос: какие хозяйства организовать на целине? Колхозы или совхозы? На первых порах мы хотели и того, и другого. Позже остановились на совхозах как более прогрессивной системе, чем колхозы, поддающейся большему влиянию государства. Да и производство зерна там в несколько раз дешевле, чем в колхозах. Но об этом мы в деталях подумали позже, а тогда только приступали к освоению целинных земель. На первом плане пока стояли колхозы, мы стали организовывать новые и расширять те, которые уже имелись там, пополняя их состав за счет приезжих работников. Однако самый основной вопрос заключался в том, через сколько лет освоенные земли дадут желанный результат. Ответ на него означал: призывать ли туда людей немедленно, с 1954 г., или же начинать освоение земель с постройки жилья и прочего. Конечно, сначала следовало бы создать нормальные условия жизни, а потом приступать к переселению людей, создав им необходимые условия. Но кто будет строить? Там же никого нет. Значит, надо мобилизовать строительных рабочих. А зерно нужно немедленно. Мы попали в заколдованный круг.

«Товарищи, давайте обратимся с призывом к советской молодежи, к комсомолу, — предложил я. — Пусть возьмутся за освоение новых земель. Попросим их сознательно отнестись к потребностям страны. Я убежден, что мы встретим горячий отклик и поднимем сотни тысяч

людей. Вспомним былые времена, когда люди вынуждены были жить не только в палатках, а и в окопах, жертвуя своей жизнью. Несмотря на тяжелые условия, в которые попала наша страна в первые годы войны, народ мобилизовался и сумел преодолеть все трудности. А освоение целинных земель — это труд, который будет оплачен, получат к тому же люди моральное удовлетворение от того, что они, осваивая новые земли, приумножают богатство страны. Я убежден, что найдутся энтузиасты. В армии из резерва возьмем палатки. Выделим трактора и временно перестанем давать трактора другим регионам, ведь невозможно за один раз увеличить их выпуск. В обжитых местах опытные трактористы как-то сумеют на старой технике работать до трех лет. А за это время мы постараемся увеличить количество выпускаемых тракторов, чтобы удовлетворять запросы как старых колхозов и совхозов, так и новых на целинных землях».

В Президиуме ЦК партии разгорелись споры, появились сомнения, особенно у таких консервативных людей, как Молотов. Он совершенно не понимал сельскохозяйственного производства. На первых порах он не возражал против освоения целины, но уже «пускал пузыри»: без конца выдвигал те или другие вопросы, которые ему казались непонятными и требовали разъяснений. И все они сводились к одному: берется слишком большой размах, дело еще не созрело, а может быть и вообще ошибочно, затраты себя не оправдают. Сейчас все видят, что целина окупилась за считанные годы. Но тогда мы далеко не были убеждены в этом. Проблема ставилась довольно робко, поскольку мы понимали, что надо что-то делать, однако решение осваивать целинные земли приняли только в последний момент, на пленуме ЦК. Там Молотов вместе со всеми проголосовал «за».

Мы поговорили с руководителями ВЛКСМ, рассказали им о цели освоения целинных земель и посоветовались о методе привлечения туда молодежи. Комсомол, как всегда, горячо отозвался на призыв. Сначала вызвались разведчики, которые поехали наметить участки под пахоту и провести подготовительные работы. Были мобилизованы руководители, инженеры и агрономы совхозов и колхозов для организации новых совхозов и колхозов. Начали агитировать опытных трактористов, составили списки лиц, изъявивших желание поехать на целину. Думаю, сохранится добрая память о том времени и тех людях, которые отказались от удобств на обжитых местах и поехали в неизведанные края жить по-походному и терпеть все невзгоды, которые приносит неблагоустроенное место. Они пошли туда во имя блага народа, это было действительно самопожертвование. Эти люди ехали на целину по личному убеждению, стремясь сделать все, чтобы обеспечить народ сельскохозяйственными продуктами.

Перед молодыми добровольцами я выступил с коротким призывом и объяснил предстоящие задачи. Сказал, что партия возлагает на них большие надежды. Затем собрание призвало молодежь всей страны откликнуться на новое дело. Протекало оно интересно, ребята выступали с энтузиазмом. До сих пор в моей зрительной и слуховой памяти сохранились некоторые лица и речи. Молодые люди буквально светились, их глаза горели. Я глубоко верил в молодежь, она более подвижна и способна на подвиг. Так оно и оказалось.

Первые добровольцы убыли на целину, когда в степях еще лежал снег. Трактора тянули сани с первоочередными припасами и материалами, а люди шли рядом. Потом пришла весна и развернулась великая эпопея освоения новых земель. Вот и пахота. Люди по-прежнему жили в палатках. Я решил съездить в Казахстан, поскольку, являясь инициатором дела, конкретно не представлял себе степных условий Казахстана в деталях. Хотелось на все посмотреть самому. Президиум ЦК одобрил мою поездку, и я вылетел в Казахстан. Это было мое первое пребывание в нем. Раньше лишь по литературе и по рассказам я знал о жизни в СССР восточнее Урала. А тут я сам попал в эти края и получил возможность как бы осязать происходившее.

Мне было приятно смотреть в глаза новоселам. Там собрались не только мужественные, но и личностно интересные люди. Казахские просторы огромны, из одного района в другой я перелетал на самолете. Вначале видел сверху чистое поле, потом вдруг белели палатки. Подлетаешь, смотришь, а борозды уже проложены. Неотрывно хотелось смотреть, как движется по степи трактор: казалось, этому полю нет конца и края. У целинников ходила поговорка: на одном конце поля тракторист завтракает, на другом обедает, а вернувшись, ужинает. Хотя переселенцам трудно было привыкать к сравнительно изолированной жизни, но они шли на нее с гордостью и достоинством, сыпали шутками-прибаутками, всегда сопровождающими палаточное существование. Как-то я, приехав в одну бригаду, увидел там единственную девушку, остальные были молодыми задорными парнями. Один из них, балагур, говорит: «Товарищ Хрущев, скучно тут жить, только одна девушка среди нас. Мы все за ней ухаживаем, а она от нас отворачивается. Просим, пришлите сюда девушек».

Посмеялись. Но его слова отражали реальность. И когда я вернулся в Москву, где рассказал о своих впечатлениях, то посоветовал комсомолу призвать на целину девушек, для них найдутся и работа, и женихи. Это очень хорошо, что на новых землях сложатся семьи, появятся дома и дети, заведется местное оседлое население, затем окажутся старожилы. ВЛКСМ обратился с призывом к девчатам, и немало их уехало на целину. Там я побывал несколько раз. Мне было радостно: едешь по полю и видишь уже не палатки, как прежде, а белые опрятные домики. Рядом росли первые молодые деревца. Люди стали обживать эти земли, создавать для себя уют и начальный комфорт. Казахстанская степь оживляла во мне картины моего детства. Еще мальшом родители увезли меня в рудничный поселок Донбасса, мы жили там в казармах. Шахта Успенская, на которой работал мой отец, занимала тогда самое западное место из освоенных в Донбассе земель, где добывался уголь. Выскочишь из квартиры, кругом тянется бескрайняя украинская степь. Не видно ни построек, ни деревьев, если смотреть на юг, а повернешь голову на север — сплошные трубы. В Казахстане же просторы еще шире, степь еще бескрайнее. Даже сейчас, вспоминая то время, я переживаю радостное волнение. Пахотные земли продолжали расширяться, стали осваиваться сибирские, оренбургские, приволжские степи. Вокруг целины поднялся всенародный шум, все искали залежь или целину. Секретари райкомов и обкомов партии объезжали свои регионы, местные жители им подсказывали, где прячутся еще не распаханые уголья.

Вторично я побывал в Казахстане во время уборки. Меня жгуче интересовало, что там вырастили и какова будущность новых пашен? Целина содержала много питательных веществ. Там сеяли яровую пшеницу. Первые годы получали хорошие урожаи, получали и по 20 центнеров с гектара, хотя все зависело от конкретных обстоятельств: почвы, наличия дождей, работоспособности переселенцев. На первых порах встречалось много неизвестного, пока не налачился какой-то трудовой ритм и научились определять лучшие условия для пшеницы. Местных ее сортов не хватало, а районированных вообще не имелось, их следовало создавать. Семена завозили из других районов, но чужие сорта не всегда приживались. Столкнулись с трудностями и при уборке. Потребовалось дополнительно послать людей. Пришлось обращаться с призывом к комбайнерам Украины и РСФСР, главным образом Ростовской области и краев Северного Кавказа. Свой урожай там убирают довольно рано, и если умело организовать работу, то после окончания тамошней уборки можно успеть погрузить комбайны с людьми на транспорт, чтобы до созревания пшеницы в Казахстане они успели туда прибыть. Так мы и поступили. Но и этого оказалось недостаточно, пришлось часть комбайнов вообще перебросить на целину из обжитых районов страны.

При освоении новых земель, естественно, далеко не все шло гладко. Туда попадали и люди, которые приехали за «длинным рублем». Иные хотели просто переменить обстановку, потому что плохо зарекомендовали себя в старом коллективе. Попадались работники с плохими характерами,

неуживчивые. И в Казахстане они не ужились, сбежали оттуда. Ну и что же? Разные люди есть и будут везде и всегда. В основном же там собрались замечательные советские граждане, которые хотели хорошо работать. Возникло много различных вопросов транспорта: о железной дороге, о шоссе. Ничего такого там пока не было. Когда убирали хлеб, то ссыпали зерно буквально на землю, при перевозке происходили большие потери. Люди стали бить тревогу, писать письма и в ЦК партии, и в газеты. Они правильно делали. Мне было очень тяжело читать на первых порах письма: люди проявляли государственную заботу о сохранении зерна, а мы сделать еще почти ничего не могли, только слали призывы насчет бережного к нему отношения. Даже мешков не доставало, автомашины навалом засыпали зерно, и на всех поворотах и колдобинах зерно разлеталось, дороги были усыпаны пшеничной лентой. Птицам же было блаженство, они жирели на глазах. Но, несмотря на все утраты, целинное производство оказалось выгодным.

Возникла проблема и строительства жилья. Государство завезло туда лес, целинники строили сами, конечно, примитивно, но все-таки создавали для себя какой-то уют. На рудниках рабочие возводили обычно подсобные помещения около квартир, сарайчики. В таких сараях обитали тогда многие целинники. Потом мы столкнулись и с другими проблемами. О многом подсказывали сами труженики. Во время очередной поездки на целину я беседовал с агрономом местной МТС Савченко, опытным и умным работником, попавшим туда еще до освоения новых земель. Там чередовались и старые, и новые совхозы и колхозы, которые МТС обслуживала. «Товарищ Хрущев,— сказал он,— наша МТС обеспечивает главным образом колхозы. Хочу спросить: «За что мы отдаем колхозникам зерно, собранное на целинных землях?». Я удивился: «Как за что? За то, что они трудятся». Он улыбнулся: «Ну, нет, колхозы на целинных землях — сплошная фикция. Государство завезло сюда тракторы и другие машины, МТС пашет, сеет, а если надо, то дает и минеральные удобрения, хотя их тут мало. Потом посевы созревают, мы их убираем и затем ищем колхозников, чтобы развезти им по домам зерно в оплату за трудодни».

То была не схема, а реальная действительность. В колхозах возделывались полевые культуры с вложением большого количества ручного труда, там для работы нужны люди. Чисто зерновое хозяйство на целинных землях почти полностью механизировано, на полях трудятся рабочие машинно-тракторных станций, а не колхозники. А что делали там колхозники? Если говорить о новых землях, то почти ничего. Агроном открыл мне очевидную истину. Мы-то мыслили по схеме, подходя к оценке деятельности колхозников, как в средней полосе России, и схему эту переносили на целину. Я согласился с Савченко, что целинные колхозы следует преобразовать в совхозы. Государство выплачивает рабочим совхозов их долю, а само получает больше зерна. Агроном оказался наделенным государственным умом.

Вернувшись в Москву, я поделился очередными впечатлениями о поездке, и руководство СССР вместе с общесоюзными и местными казахстанскими начальниками пришло к заключению, что в Казахстане нужны именно совхозы. К тому же колхозы создавать труднее, чем совхозы. Последним что нужно? Земля, постройки, техника и люди. Людей нам хватало, теперь на целину охотно ехали. Следовало подобрать только трактористов, комбайнеров и мастеровых по ремонту техники. Трудиться стало проще, потому что к работе приступает не колхозник без квалификации, а специалист. Стоимость совхозной пшеницы тоже была значительно ниже, чем колхозной.

Когда мы уже распахали большое количество гектаров целины, в Казахстане случились страшные пыльные бури. Поднимались в воздух тучи земли, почва выветривалась. Если хозяйство в степных условиях вести культурно, то применяются давно известные средства борьбы с эрозией, апробированные на практике, в том числе посадка защитных полос из древесных насаждений: трудное и дорогое дело, но оправдывающее себя.

Есть и определенные агроприемы. Людям приходится считаться с природными процессами и приспосабливаться к ним, противопоставляя свою выдумку дикой природе. Но, что бы там ни случилось и несмотря на все трудности, целинный хлеб оставался самым дешевым. Это объясняется еще и тем, что там можно было использовать мощные машины. Былой ДТ-54, необходимость выпуска которого я отстаивал перед Сталиным, давно устарел, сейчас заводы выпускают ДТ-75. Но этого недостаточно. Нужен набор тракторов различных мощностей, а для целины с ее просторами — самых мощных.

К концу моей деятельности Кировский завод в Ленинграде создал трактор марки К-700. С его внедрением резко возрастет производительность труда, станет выше и оплата за вложенный труд. Конечно, хозяйствам с небольшими площадями К-700 не выгоден. А для технических культур вообще нужна другая техника. Все это входит в жизнь постепенно, но неуклонно, подкрепляя собой освоение залежи и целины. Эти земли издавна влекли к себе. Недаром царское правительство тоже хотело заселить их и использовать. Мои родственники из соседней деревни выехали в Сибирь в 1908 г. вместе с другими переселенцами из ряда деревень Курской губернии. Многие из них потом возвращались, но не в свои деревни, потому что землю и дома там уже продали и хозяйство ликвидировали, а шли в батраки или на заводы, бросали крестьянский труд. Тогда переселялись бедняки и середняки.

Теперь целинная эпопея приобрела иные очертания. Государство выделило десятки тысяч машин, помогло добровольцам осесть на новом месте и стало снабжать их необходимым. Поэтому и результаты оказались другими. Но аппетит приходит во время еды. В ходе освоения целины у партийных и советских руководителей тоже разгорелся аппетит. К 1960 г. заново освоенных земель набралось свыше 60 млн. гектаров. Повысился общесоюзный сбор зерна. Но это потребовало больших капиталовложений на жилищное строительство, строительство машинно-тракторных станций, создание совхозов. Деньги окупались с лихвой даже с учетом того, что там урожайные, малоурожайные и неурожайные годы чередуются. В аналогичных условиях работают канадцы, которые свою засушливую зону называют районами рискованного земледелия. Да и у нас наличествовал риск. Однако даже в неурожайные годы целинный хлеб был не дороже того, который выращивался в обжитых районах. В целом проведенное в жизнь грандиозное мероприятие оказалось экономически выгодным.

Потом мы развернули на целине строительство железных и шоссейных дорог, элеваторов для приемки хлеба, его хранения и переработки, технологические операции старались механизировать. Я любил выезжать на целинные земли во время уборки урожая. Вот едешь на автомашине и, насколько хватает глаз, видишь бесконечные поля пшеницы. Когда она выбросит колос, засеянные просторы схожи с морской водой, особенно когда гуляют ветровые волны и возникает рябь. То там, то тут островками торчат машины с людьми. Когда в 1964 г., последнем году моей политической деятельности, я снова выезжал на целину, то переживал вершину личного счастья. Я проехал большие расстояния на автомобиле, затем передвигался поездом, опять пересаживался на машину и все ездил и ездил по полям. Видел прекрасный урожай, самый высокий за все годы освоения при мне целинных земель. Мы тогда произвели рекордные заготовки зерна для страны. И в каждом совхозе я интересовался урожайностью. Мелькали цифры от 12 до 16 центнеров с гектара. Для районов рискованного земледелия на всем их протяжении — отличный показатель. Подсчитано, что при высоком уровне механизации обработки полей 5 центнеров с га обеспечивали прибыльность. Новые земли оказались для нас просто кладом.

Был образован в Казахстане Целинный край с центром в Целинограде. Мы ему выделили все, что могли, для наилучшего обеспечения материальными средствами и капиталовложениями. На первых порах, когда нельзя было распылять средства, иначе не получалось. Союзное правительство непосредственно финансировало освоение целины. Если бы финансирование

шло через Казахстан, то ущемлялись бы интересы Целинного края в пользу других областей. Мы же старались оградить целину не только от республиканского, но и от союзного Госплана, чтобы выделяемые средства не отвлекались на другие нужды. В госпланах всегда возникает соблазн удовлетворить нужду за счет соседа. Мы преграждали этот путь растаскивания средств, целевым назначением выделяя их для целины.

А как шло дело в прочих местах? В Оренбуржье, Сибири, Поволжье тоже реализовывались планы расширения посевов. Правда, не все новые земли оказались под них пригодными. Кое-где распахали участки с неглубоким полезным слоем, которые вообще не следовало включать в оборот, так что налицо и промахи. Приходилось такие участки исключать из реестра пахотных земель, ища взамен более богатые. Пришлось нам также изыскивать новые способы обработки земель. Послали делегацию в Канаду для изучения опыта тамошних фермеров. Она привезла массу интересных сведений. Наши ученые, агрономы и техники создавали новые конструкции почвообрабатывающих орудий, приспособленных к условиям целинных земель. Требовались особые комбайны, более сложные, широкозахватные агрегаты. Потом поняли, что уборку следует производить раздельным способом, а не так, как делали на первых порах, когда проводили комбайнирование созревших полей и гибло много хлеба.

С древних времен крестьянин приспособился к ведению зернового хозяйства: он жал серпом или косил пшеницу, вязал колосья, копнил, убранный хлеб проветривал, потом складывал его в скирды. Из скирд молотили даже зимой, получая сухое зерно. Часто пользовались овинами, в которых сушили еще не обмолоченные снопы. А что на целине? Когда там косили, а уж затем подбирали скошенные ряды и обмолачивали их комбайном, резко изменялось качество зерна. Оно тоже стало сухим, облегчилась борьба с долгоносиком, проклятым бичом зернового хозяйства. Зерно обмолачивалось только после просушки, когда оно некоторое время полежало скошенным в рядах, и долгоносик исчезал сам по себе. К конструкторам почвообрабатывающих и зерноуборочных машин предъявлялись более серьезные требования. Перед агрономами и селекционерами остро встала проблема сортов пшеницы. Селекционеры блестяще с ней справились, создав новые сорта, приспособленные к местным условиям и дававшие лучшие урожаи, чем завозившиеся из других районов.

Существенный недостаток земледелия, и не только на целине, а и во всей Сибири — трудности с яровыми посевами. Если бы там можно было сеять осенью озимые, то появились бы иные условия уборки. К сожалению, таких сортов полевых культур, которые выдерживали бы морозы и не вымерзали, у нас не имелось. Озимые созревают раньше яровых, поэтому при уборке нагрузка на технику распределяется равномернее. Так что же делать? Лишь будущее покажет. Яровые пшеницы в наших условиях везде по урожайности уступали озимым. Внедрить всюду озимые — вот главная задача! К 1964 г. на целине мы приобрели опыт выращивания разных культур. Казахи с давних времен умели сеять просо и получали высокие урожаи. На целине просо тоже производили при мне, но на небольших площадях. Там научились сеять горох, гречиху, сахарную свеклу и получали неплохие урожаи. Я уж не говорю о ячмене и овсе. Вообще же на целине предпочитали сеять пшеницу и горох как самые ценные в тех условиях культуры, к тому же горох имеет короткий период созревания и, как все бобовые, удобряет почву, в своей корневой системе — клубеньках накапливая азотистые вещества. Научились закладывать на целине сады и лесозащитные полосы, набрались опыта посева льна-кудряша, который идет не на волокно: из его семян получают масло. Провели опыты посева там кукурузы на силос, что открывало возможность широкого развития молочного и мясного животноводства. Наступало время вести земледелие на целине широким фронтом, не ограничиваясь монокультурой и повышая доходность сельского хозяйства. Перспектива представлялась мне хорошей, она подтверждала надежды, которые мы питали, приступая к освоению целины. Ее районы обещали стать со временем обжитыми и экономически выгодными.

После того как в Казахстане были освоены новые большие земельные площади, он приобрел для СССР новое значение. До освоения целины Белоруссия по количеству населения занимала третье место, теперь Казахстан оттеснил ее, а также занял второе место в стране по производству товарного зерна. РСФСР оставалась на первом месте, но она ведь не в счет, потому что вообще большому кораблю — большое плавание.

Некогда на Украине мы заготавливали около 600 млн. пудов зерна. Казахстан стал заготавливать до 700 млн. пудов и подходил к миллиарду. Это было нашей очередной мечтой. Не знаю, что показал учет за 1964 г., его проводили уже без меня, я находился на пенсии. Знаю только, что к октябрю того года заготовили около 900 млн. пудов и приближались к желанному миллиарду. Тот хлеб был самым дешевым. Казахстан как поставщик хлеба оттеснил и Украину.

Мой последний приезд на целинные земли состоялся во время уборки урожая в 1964 году. Мне вспоминались тогда стихи Некрасова: «Чудо я, Саша, видал: // Горсточку русских сослали // В страшную глушь за раскол, // Землю да волю им дали; // Год незаметно прошел — // Едут туда комиссары, // Глядь — уж деревня стоит, // Риги, сараи, амбары!.. // Так постепенно в полвека // Вырос огромный посад — // Воля и труд человека // Дивные дивы творят!». Некрасов радовался свершившемуся в Сибири за полвека. Что бы сказал он, наблюдая нынешний штурм целинных земель? Такое могли осуществить только советские люди, сознательно пошедшие на этот штурм. Потом им на помощь поехали и студенты для летнего строительства поселков и уборки урожая. Так что освоение целины и залежи продолжается. Длится то доброе дело, за которое мы взялись в начале 50-х годов.

Радовали мой глаз и целинные поселения. Опять вспоминаю избу с земляным полом, в которой я родился и провел детство. У нас в избе был и загон для скота, и курная печь. Когда горел огонь и варилась пища, в доме нельзя было находиться, дым выходил через дверь. В нынешних поселках создаются иные условия, хотя им еще далеко до того, чем пользуются люди в городе. А если сравнить жилищное строительство на целине и в Голодной степи Узбекистана, то это опять день и ночь. В Голодной степи мы строили сооружения уже на более высоком промышленном уровне, с применением техники и использованием французского опыта полива земель по железобетонным лоткам. Руководители Узбекистана сначала тоже пошли по старому пути. Как и на целинных землях, стали создавать колхозы, переселяя узбеков с гор. Потом и они перешли на совхозы. К тому же жители гор не имели опыта выращивания хлопка, что усугубляло положение. Потом я несколько раз побывал в Голодной степи. Посещение ее всегда сопровождалось чувством радости от прекрасной земли, показывающей чудеса. Там добились высоких урожаев хлопка, насадили сады и стали выращивать персики, яблоки, другие фрукты.

Я предложил строить там поселки городского типа из домов в три-четыре этажа со всеми удобствами: водопроводом, канализацией, газом, радио, телефоном, благоустроенными дорогами и тротуарами. Там стали возводить пекарни, рестораны, детские сады и ясли, сразу закладывая бытовые учреждения, необходимые для обслуживания человека. Люди, приходя в совхоз, обретали коммунальные удобства, нужные современному человеку: школу, больницу, клуб, кино и прочее. На целинных землях сделать это нам не удавалось, но не потому, что мы этого не понимали, а оттого, что нас лимитировали скромные материальные условия. В Голодной же степи имелось больше возможностей выделять средства на строительство. Кроме того, отдача от вложенных капиталов там оказалась невероятной. Статистики докладывали, что при урожае в 30 центнеров хлопка с гектара капиталовложения, затраченные на совхоз, окупаются сбором двух, от силы трех урожаев. Конечно, я говорю не о стоимости хлопка-сырца, за который платили совхозам, а о своей выгоде, которую получало государство при реализации готовой продукции. Сильное впечатление производили на меня поездки и в Туркмению, Таджикистан, Кир-

гизию, где организовывались подобные же хозяйства. Я не раз проводил совещания в Целинограде, посвященные итогам за прошлый год или подготовке к весенним полевым работам. Слушал выступления казахов, русских, украинцев, представителей многих народов, участвовавших в освоении целины. Встречался также с казаками-табунщиками и вспоминаю приятные минуты общения с ними.

С вводом целинных земель под посевы мы создали большие возможности заготовки товарного хлеба и все-таки желанного изобилия не добились. Имею в виду не только удовлетворение потребностей советских людей, но и запросы наших друзей из других социалистических стран. Не получился у нас и выход на международный рынок, с тем чтобы продавать хлеб на Запад и приобретать необходимую валюту. Выход на международный рынок стал бы свидетельством особого роста нашего сельскохозяйственного производства. Но, к сожалению, еще на слишком низком уровне велось и ведется наше сельское хозяйство. Мы получаем только третью долю того, что может давать наша земля. Это касается и старых, давно освоенных земель. Целина вела к отдаче с большим коэффициентом, но и его оказалось мало. Недоставало опыта, техники, минеральных удобрений, средств борьбы с вредителями, правильной селекционной работы. Тогда мы только-только приступали к разведению на целине крупного рогатого скота мясного и молочного направления. Там паслись большие стада овец для производства шерсти и баранины, бродили табуны лошадей, которые давали конину, но это мясо в СССР далеко не общеупотребительно. В Туркмении и Казахстане остаются неиспользуемые резервы разведения верблюдов. Корабль пустыни как-то выпал из поля партийного зрения. Я раз обратил внимание на одном из совещаний местных руководителей на это упущение. Они меня горячо поддержали, решив побыстрее восстановить верблюжье стадо. Верблюд, питаясь колючками, дает прекрасную шерсть, хорошее мясо и молоко, может удаляться от водопоя. Что получилось потом из обещаний? Не знаю.

В 1964 г. я подсчитал, что по всей стране мы можем заложить на государственные склады около 4 млрд. пудов товарного хлеба. Наши потребности исчислялись тогда двумя миллиардами пудов. Появлялась возможность создать полугодовые резервы. Этот прогноз основывался не на биологической урожайности, а по заготовкам, которые осенью 1964 г. уже завершались. Недавно увидел свет статистический сборник, из которого я попытался узнать, сколько же зерна было заготовлено в 1964 году. Нет этого! Все исчисляется за пятилетку, без разбивки по годам. Данные 1964 г. спрятаны. А основываясь на состоянии торговой сети, прихожу к умозаключению, что производство зерна сегодня далеко не удовлетворяет наших потребностей. Недостает также мяса, мясопродуктов, яиц, молочных изделий. За ними стоят очереди. Люди ищут лазейки как-то достать нужные им продукты, из провинции приезжают за ними в Москву. Даже крупные города, всегда служившие зеркалом, отражающим состояние сельского хозяйства, показывают сегодняшнюю действительность в непривлекательном виде.

Когда читаешь газеты с сообщениями о работе сельскохозяйственных органов, то отмечаешь успехи: выросло производство и зерна, и других сельскохозяйственных продуктов. А рынок этого не подтверждает. В чем же дело? Помню, как Сталин проделывал такие фокусы: определялась урожайность, а потом урожайность произвольно завышали. Тогда оплата труда МТС зависела от урожайности, и государство было заинтересовано в завышении. Колхоз, наоборот, был заинтересован в занижении урожайности: чем она ниже, тем меньше он уплатит за работу МТС. Метод государственного определения урожайности был гибким: что захотел, то и получил. Применялись метровки: считали, сколько на одном квадратном метре поля выросло стеблей, какое на них количество колосков, сколько зерен в каждом колоске, потом эти три исходных элемента принимались во внимание при расчете урожайности. Тут всегда возможны злоупотребления. Можно подсчитывать только колосья больших размеров, в них окажется больше

зерен. Все зависело от желания того, кто считал. Но даже если считать добросовестно, то это лишь биологическая урожайность, а не товарный хлеб. Такой метод годится для предварительного определения. Урожай еще надо собрать, потом привезти хлеб на государственные склады, только тогда он становится товарным. От определения биологической урожайности до коммерческого хлеба лежит дистанция огромного размера. Примешивается и политическая заинтересованность: если кому-то хочется блеснуть урожайностью, то пожалуйста! Вот и блещут сейчас наши руководители всяческими цифрами, а на магазинных полках пустота.

Я знаю, что за последние годы значительно выросло производство минеральных удобрений. В свое время мы поставили задачу производить концентрированные минеральные удобрения, чтобы в них было побольше полезных веществ и поменьше балласта. Требовались гранулы. Сейчас для своего дачного огорода я пользуюсь нитрофоской, которая содержит азот, фосфор и калий. А в соседнем колхозе, внося удобрения под посевы пшеницы, тоже пользуются нитрофоской. Следовательно, по выпуску минеральных удобрений мы выросли, и по количеству, и по качеству. Но должной отдачи не чувствуется. Значит, минеральные удобрения плохо используются. Центнер удобрений при грамотном их вложении и хороших семенах даст прибавку к урожаю с гектара в 3 центнера. При толковом использовании удобрений мы получили бы в СССР миллионы центнеров добавочной продукции. Однако ее нет. Проблема упирается в культуру применения и в организацию дела, примитивные во многих колхозах и совхозах.

В столичных магазинах достаточно только хлеба. Но ведь не хлебом единым жив человек, и не только в духовном смысле. Сухая ложка рот дерет. Хлеб без приварка превращается в насмешку, когда многие наши города и поселки сидят без продуктов. Эта проблема должна неотступно преследовать руководство страны.

Как нам поскорее выйти на широкую дорогу производства необходимых продуктов? У нас остались неосвоенными необъятные просторы заболоченных заросших кустарником земель. Конечно, я не говорю о лесе, лес изводить нельзя, эксплуатацию его богатств следует вести на разумной основе, чтобы вырубки постоянно восстанавливались, а в некоторых районах восстановление леса должно идти с опережением. Речь я веду сейчас о другом: много земель требуется приводить в порядок, мелиорировать и тоже вводить их в севообороты. Масса участков покрыта слоем торфа, остается кислой. Без известкования и дополнительных усилий на них ничего не вырастет. Здесь все упирается в капиталовложения и технику. Еще когда я работал, то высказывал такие соображения, но не широко. Тогда главной задачей стало освоение целинных земель, нельзя было распылять средства. Ныне, закончив одно, пора браться за другое.

У нас имеются также большие площади, которым необходима ирригация. Окупаемость поливных земель очень высока. Кроме того, полив создает устойчивость при получении сельскохозяйственных продуктов. Урожай перестает зависеть от погоды, командует сам человек. У нас имеются для полива достаточные средства: электростанции, и гидравлические, и тепловые с водохранилищами, разбросаны повсюду, машиностроение способно полностью обеспечить насосами для подачи воды, опыт же устройства ирригационных систем для правильного распределения воды у нас тоже большой. Я уж не говорю о будущем, когда мы научимся опреснять морскую воду в крупных размерах, чтобы использовать ее и для хозяйственных надобностей. Тут возникают заманчивые перспективы.

Сегодня в сельском хозяйстве СССР основное состоит в повышении продуктивности старопахотных земель, которые давно освоены. Урожай там очень низкие, по 8—10 центнеров зерна с гектара. А в Западной Европе получают по 30—40 центнеров. Вот еще одна наша мечта. Мы можем сказать, что тоже имеем районы с такой урожайностью, но правильнее их называть микрорайонами. Даже если бы мы подняли среднюю урожайность до 20 центнеров, то создали бы изобилие. Появились бы только

трудности сбыта и хранения такого количества зерна, но с изобилием легче справиться, чем с голодом. Здесь от правительства требуется мужество, как хирургу, вырезающему опухоль и тем самым освобождающему организм человека от болезнетворных тканей, чтобы дать ему возможность нормально развиваться. В целях подъема сельского хозяйства требуется хирургическое вмешательство в финансы, дабы получить средства для подъема деревни. Чтобы верблюд мог целым и невредимым дойти от Москвы до Владивостока, необходима решимость на государственном уровне ради перестройки всей нашей сельскохозяйственной политики.

Почему же мы отстаем от западных капиталистических стран в производстве сельскохозяйственных продуктов? Причина кроется в скверной организации дела. Еще в период моей деятельности я увидел в этом главный недостаток и пытался отыскать более хорошие организационные формы ведения хозяйства. Наши сельскохозяйственные органы часто работали вхолостую. Союзное министерство всем диктует, что сеять, когда сеять. Бюрократическая отчетность поглощает массу труда. Между тем за все почти 13 лет, что я работал на Украине, у меня ни разу не появилось потребности обратиться в союзное министерство за консультацией. Однако министерские указания мы получали регулярно, хотя они порой противоречили здравому смыслу. Республики и области сами обладают достаточным потенциалом для ведения дел и в детализированных указаниях из Центра не нуждаются. А аппарат просто должен как-то оправдать свое существование: стучать, писать, звонить, телеграфировать, посылать уполномоченных, плодить бумаги.

Микоян как заместитель Председателя Совета Министров СССР шефствовал над сахарной промышленностью. Украина была главным производителем сахара. В Министерстве пищевой промышленности сидел в качестве уполномоченного агроном Сторожук, знающий специалист по сахарной свекле. Он, бывало, часто приезжал к нам по этому вопросу, но когда ему вздумается. Я убежден, что телеграммы на Украину, которые подписывал Микоян насчет свеклы, составлял Сторожук. Вот получаем длинную телеграмму с указаниями, какие нужно проводить работы, а мы их уже закончили. Директивы были правильными, но о чем в них говорилось? Не пей сырой воды! Однако на каждую директиву следовало ответить. Когда же приезжал Сторожук, то его надо было принимать и с ним надо было беседовать. Он наставительно излагал свои взгляды. Потом уезжал. По СССР ездили миллионы сторожуков, им государство платило миллиарды рублей, и все впустую.

Я попытался потом принять какие-то меры, полагая, что союзное министерство сельского хозяйства в существующем виде никакой пользы не приносит, а лишь проедает народные средства. В министерство по делу обращались с мест лишь ради обеспечения тракторами, автомашинами, плугами, минеральными удобрениями и прочим. Но это не имеет никакого отношения к сельскохозяйственному производству. Тут технические средства его обеспечения. Настоящее министерство должно иметь небольшой аппарат, который будет намечать главную линию, следить за заграничными новинками и давать заказы на производство требуемого для сельского хозяйства. Не меньших нововведений просит селекционная наука. У нас был в ней ряд прекрасных достижений. Лукьяненко дал стране пшеницу «Безостая-1» с отменными хлебопекарными качествами и урожайностью, хорошие сорта пшеницы получили от селекционеров Ремесло и Кириченко, Мусийко вывел замечательную кукурузу «Одесская-1», Соколов из Днепропетровска тоже успешно ведет работу по кукурузе, их догоняют селекционеры из Воронежа, Пустовойт улучшил подсолнечник, всех и не перечислишь.

Но мы резко отстаем от Запада в селекции животноводства, птицеводства и свиноводства. Плохо обстоит у нас и с семеноводством в ряде соответствующих отраслей. Приехали как-то при мне в СССР голландские фермеры и в Курской области посетили мою родную Калиновку. Они расспрашивали, как колхозники выращивают картофель. Калиновцы по

сравнению с окружающими находились на довольно приличном уровне, получая около 200, а другой раз и за 200 центнеров картофеля с гектара. «И какое же количество картофеля вы высеваете?» — поинтересовались фермеры. «По две, две с половиной тонны семян на гектар», — отвечают. Те изумились. Голландским фермерам это показалось невероятным, и они рассказали, что высевают только 500 кг семян картофеля на гектар. Урожай же получают в 300 и более центнеров. Когда я был в Египте, то президент Насер говорил, что они покупают семена картофеля в Нидерландах, потом выращивают ранний картофель и продают его в Западную Германию и другие страны, потому что там охотно покупают ранний картофель.

Да, в Нидерландах семеноводство картофеля отлично поставлено. Специальные хозяйства занимаются им и обеспечивают остальных голландских фермеров стандартными клубнями определенного сорта и размера. Потом получается высокий урожай при крупных клубнях. У нас тоже имеются хорошие сорта картофеля, особенно «Лорх» и «Майская роза» с хорошими вкусовыми качествами. Мы располагаем большими хозяйствами по выращиванию спиртового картофеля с высоким содержанием крахмала, пригодного для переработки на винокуренных заводах. Но все это не поставлено на должном уровне, так, как на Западе. Достаточно напомнить, что в Московской области получают урожай картофеля до 70 центнеров с гектара. В нашей стране нет общей системы выращивания семян. И семена не ценятся колхозами и совхозами. Если же они используют специальный семенной материал, то потом он годами не меняется. Лишь отдельные хозяйства обновляют семена в нужные сроки.

Когда я вернулся с Украины в Москву, то решил посетить научно-исследовательский институт картофеля в Раменском районе. Научные сотрудники докладывали мне с большим пафосом о своих успехах. Я задал вопрос: «А какой урожай вы собираете в вашем хозяйстве?» Женщина, отвечавшая за картофель, сказала: «60 центнеров с гектара». Эта цифра меня просто убила. «Слушайте, товарищи, как же можно дальше терпеть работу такого института, — не сдержался я, — который на своих полях получает урожай в среднем по 60 центнеров, а соседние колхозы — до 120 центнеров? Кто же станет брать пример с такого института? Он подаст ужасный пример!» Женщина, бедняга, не ожидала моей реплики и растерялась, потом заплакала: «Мы вас ждали, радовались приезду, а Вы нам говорите такие слова!». «А что же мне говорить? Я не могу грешить против своей совести. Такой урожай — бич для сельского хозяйства страны, особенно в Московской области, которая держит огромные площади под посевами картофеля». Это происходило в 1950 году.

Несмотря на все последующие усилия со стороны партии и правительственных органов урожайность картофеля недалеко ушла от позорной цифры 70 центнеров с гектара. Конечно, имелись и рекордсмены. Еще в 1938 г. в Киевской области одна колхозница получила 500 ц картофеля и за это была награждена орденом Ленина. Но каких же трудов ей это стоило! Несмотря ни на какие награды, таких примеров имелось очень мало, они являлись исключением и получались в результате необычайно тяжелого труда и большого вложения навоза в почву. Или же рекорд достигался на крохотном участке. Вот колхозница Уткина из Новосибирской области получила около 100 ц картофеля с гектара, но на малой площади. А порою, я знаю, происходило надувательство: говорили об урожае, собранном с грядки, и потом его пересчитывали на гектар.

Почему же мы так отстаем от Запада? У нас скверно поставлено дело. Научно-исследовательские институты содержатся на государственном обеспечении и потому-то работают плохо, раз бюджет обеспечен независимо от успехов дела. Противники социализма делают вывод, что условия преобразования жизни на социалистических началах приводят к безответственности, снижают эффективность труда. Поэтому Советский Союз и не может выбраться из трясины, в которой находится. А как нам это опровергнуть? Мой помощник Шевченко как-то беседовал с крупнейшим селекционером Юрьевым, возглавлявшим научно-исследовательскую станцию близ Харь-

кова. Когда Шевченко зашел к нему в кабинет, тот сидел задумавшись. «Видимо, размышляете над какой-то проблемой?» — спросил Шевченко. Юрьев с грустью ответил: «У меня работает доктор сельскохозяйственных наук, но абсолютный бездельник, вот я и думаю, как от него избавиться, но ничего не могу придумать, потому что закон защищает его». Наши законы, предусматривающие защиту человека от плохих администраторов, недобросовестные люди оборачивают против нашей системы. И работа в научно-исследовательских институтах служит нередко кормушкой для трутней. Такие элементы облепляют институты, пожирается огромное количество государственных средств, а отдачи нет.

Главное, от чего мы страдаем, — несовершенное руководство сельским хозяйством. Мы по-прежнему находимся здесь в состоянии агитации: сплошные призывы в газетах, по радио и телевидению, на собраниях и в докладах. Это тоже нужно. Но откликаются на призывы только передовые люди. Чтобы труд занятых в сельском хозяйстве стал продуктивным, надо, чтобы оно велось на должном научном уровне, имело техническое обеспечение и четкую организацию дела. У нас этого нет. Наши партийные и сельскохозяйственные органы только планируют и призывают. Недавно по радио я слушал передачу об итогах совещания по сельскому хозяйству в Московской области. Выступал с докладом Конотоп. Я его давно знаю как умного человека. Помню его с тех пор, когда он работал на Коломенском заводе инженером, потом стал там секретарем заводской парторганизации, секретарем Коломенского райкома партии и так продвигался далее. Как политический деятель он соответствовал своим постам. Но, слушая его доклад, убедился еще раз, что наша номенклатурная организационная структура порочна. Ведь Конотоп — инженер. Можно ли себе представить, что о развитии угольной промышленности поручат докладывать секретарю парткома, не имеющему отраслевой подготовки? Как он расскажет о ведении горных работ?

Сельское хозяйство, как и любая другая отрасль, требует профессиональных знаний. Поэтому я и предложил создать производственные территориальные сельскохозяйственные управления, которыми будут руководить крупные специалисты, отвечающие не за общий уровень сельского хозяйства, а конкретно за каждый колхоз и совхоз: как там применяют технику, используют аграрные познания, вносят минеральные и бактериологические удобрения, применяют средства защиты растений. К сельскохозяйственному производству надо относиться так же, как к промышленному производству. Я, выезжая на периферию, всегда интересовался сельским хозяйством. Куда бы я ни приезжал, всегда мне докладывал о нем партийный руководитель, а председатель облисполкома или райисполкома находились в тени. Непосредственные специалисты по отраслям тоже оставались в тени, к ним обращались только за справкой. Да, в нашей системе партия занимает руководящее положение. Но тут политическое руководство, а делом должны командовать специалисты.

Еще одна сторона проблемы заключается в том, что в СССР выдающиеся достижения отдельных умельцев не становятся общим достоянием, о них пошумят и забудут. «Надо равняться на товарища Гиталова, — начали мы агитировать, когда Гиталов показал большие успехи как тракторист, — надо всем работать по-гиталовски!». Выступая на одном из собраний, Гиталов сам употребил такую же фразу. Думаю, он сделал это по молодости лет, слишком саморекламно. Но что же вы думаете? Что все трактористы, возделывавшие кукурузу, стали работать с его производительностью? Ничего подобного. Призыв остался призывом. Органом, повседневно занимающимся внедрением нового, как раз и должно быть сельскохозяйственное управление. Однако оно обязано не агитировать (пусть партия агитирует), а заинтересовать людей материальным поощрением хорошего труда. Или другой пример. В мое время на страницах наших газет часто мелькала фамилия тракториста Светличного, работавшего близ Краснодара. Я на месте познакомился с его работой. Он с напарником на полях сахарной свеклы достиг невероятных результатов, первым в СССР показав,

что сахарную свеклу можно возделывать без применения ручного труда. Светличный изучил технологию посева, обработки, уборки сахарной свеклы и применил механизацию. Он получал с гектара около 430 центнеров: сеял тракторной сеялкой, потом обрабатывал трактором без прорывки. На первых порах приходилось вручную производить разборку букетов, прореживая всходы. Сплошную строчку взошедшей свеклы он прорезал в поперечном направлении трактором, а оставшиеся кустики — вручную, оставляя необходимое количество растений. Потом там получили однострочковые семена, и ему удалось окончательно уйти от ручного труда. Он высевал однострочковые семена, затем обрабатывал посевы в двух направлениях. Даже в неблагоприятные годы урожай у него не опускался ниже 250 центнеров. При этом резко снизилась себестоимость свеклы, он затрачивал какие-то копейки. Я много раз хвалил его и призывал пользоваться его методом. А толку нет. Конечно, прежде всего потому, что людям не создают материальную заинтересованность.

Прогремел на всю страну и Кавун, председатель колхоза из Винницкой области, добившийся невероятного для СССР урожая гречихи. Он очень ровно вел хозяйство и получал хорошие урожаи из года в год. За гречихой у нас укрепилась дурная слава: считали, что эта культура плохо поддается агрономическим приемам. С давних времен она засевалась крестьянами в два-три срока: они гадали какой срок больше подойдет в эту весну, чтобы получить сносный урожай. А у Кавуна из года в год выходило по 23 центнера с гектара. Гречиха — наш северный рис, к тому же медонос. Мы повышали на нее заготовительные цены, но так и не смогли добиться приличных урожаев. Я предлагал внедрить метод Кавуна во всех гречишных районах Северной Украины и еще севернее. Так до реализации и не дошло дело. Никому, вроде бы, и не надо.

Третья причина — грабительская оплата, не по истинному труду. Как только мы перешли в деревне на колхозы и совхозы, у нас почти вывелся горох. Его трудно убирать, он не поддается механизированной уборке, требуется косить вручную. У Кавуна люди косили горох по старинке, но охотно, потому что им выдавалось соответствующее поощрение. Потом конструкторы выдали решение его уборки механизированным способом: скошенный горох закатывали в валки. Люба Ли, замечательная женщина из Узбекистана, вырастила кукурузу с силосной массой до 2000 центнеров с гектара. Я любовался ее посевами — буквально кладовой драгоценностей, потому что силосная культура — это и говядина, и молоко, и сливочное масло. Но как поддерживали материально тех, кто захотел стать ее последователями? А никак. Все пустили на голый энтузиазм. Между тем при урожае кукурузы в 1500 центнеров силосной массы дополнительно получается в початках восковой спелости минимум 50 центнеров зерна. Если все это переработать и засилосовать, появится деликатес для скота, и он отреагирует повышенной продуктивностью. Кто-нибудь постарался на местах выделить из дополнительных доходов в таких случаях их часть на оплату выдающегося труда?

В любой отрасли сельского хозяйства сверкают бриллианты народной инициативы, но они быстро тускнеют. Митинги, совещания и газеты тут не помогут. Необходим административный управленческий орган, который будет конкретно заниматься этим, и материально стимулируя людей, и организационно налаживая дело. Причем, повседневно, а не по ходу кампанейщины, как получилось у нас с кукурузой. Когда я сегодня встречаюсь с какими-то людьми и мы беседуем по текущим вопросам, то часто меня спрашивают, чем я занимаюсь? Отвечаю, что летом заполняю вакуум, в котором сейчас нахожусь, после бурной политической жизни работая на огороде. «И что Вы сеете?» — спрашивают. «Патиссоны». «А что это такое?». Поясняю. Начинается аханье. Люди не слышали о тарельчатых тыквах. «Да разве они у нас растут?». «Верно, — говорю, — я и сам только в третий раз буду их сеять, а прежде не знал, что они могут произрастать в Московской области. Вот уже два года выращиваю их и имею прекрасный деликатес к столу. В подмосковных условиях они удаются лучше огурцов».

«А что еще Вы сеете?». «Кукурузу». Тут реагируют по-разному, улыбаются, знают, что я заядлый кукурузник. «Да, и она растет в Московской области, но не у всех, у умного растет, у дурака — нет, она не терпит глупого обращения с собой. А тех, ко со знанием дела берется за нее, она обогащает», — заостряю я тему. Единственный бич, с которым мне приходится бороться, — грачи. Эти разбойники полюбили кукурузу, выклевывают зерна, клювами выдергивают всходы, а росток отламывают и бросают.

Несколько лет назад я специально ездил за Москву-реку полюбоваться посевами кукурузы в совхозе «Горки-II». Мне было приятно, уже находясь на положении пенсионера, видеть, какие там достигаются замечательные урожаи этой культуры: не ниже 700 центнеров зеленой массы с гектара. Они высевали сорт «Стерлинг», получая стебли высотой до трех метров. Я даже сфотографировался среди этих посевов. Но в целом по стране сейчас принижают достоинства этой кормовой культуры и перестают ее сеять в районах, где она не дает спелого зерна. На огородах в Курской губернии кукуруза росла с давних времен. Бабушка кормила меня пареной кукурузой, которая считалась лакомством. В Московской области после войны на огородах тоже росла скороспелая кукуруза. А я поставил вопрос о том, чтобы сделать кукурузу основной силосной культурой. Ведь нет равной ей по количеству кормовых единиц для наших зон. Селекционеры со временем сумеют вывести такие сорта, которые смогут вызревать и на зерно. Те сорта кукурузы, которые сейчас находятся на вооружении сельского хозяйства, не подходят СССР: они вызревают, но не высыхают. Нужны сушильные заводы для доводки кукурузы до определенной кондиции. В принципе же достаточно получать 600 центнеров силосной массы и научиться ее силосовать с добавками. Кукурузная масса тоже имеет свои недостатки, в ней мало белка. Если же примешивать к ней другие культуры, вносить минеральные добавки и вместе силосовать, то при кормлении скота расход силосной массы окажется меньше. Вот могучий рычаг подъема мясного животноводства.

Я никогда не скрывал, что остаюсь большим патриотом этой культуры. Все равно за ней будущее. Врагами кукурузы у нас были и лентяи, и глупцы, и умные колхозные председатели с агрономом. Они-то получают определенную ставку, им заработок обеспечен. Он может быть повышен в результате более продуктивного ведения хозяйства, но разница выйдет небольшой. И они взвешивают, стоит ли овчинка выделки? Проезжая по дорогам, я не раз видел посевы подсолнуха на силос, жалкие, бедные, больно на них смотреть. Однако их сеют, потому что хлопот меньше. Если кукурузу посеять, за ней придется больше ухаживать. Правда, и отдача иная. Но нет, лучше жить поспокойнее, по принципу «посеял, убрал, отчитался». Экономический эффект у нас не подвергается анализу, отсутствует сравнение и получается, что все кошки серые. Выделяются же те, кто лучше справился с полевыми работами на бумаге.

Один из примеров такого отношения к делу не забуду до гробовой доски. Вернувшись на работу в Москву, я как-то поехал в колхоз Егорьевского района. Секретарем райкома там была бывшая учительница. Я попросил ее отвезти меня в самый бедный колхоз. Приехали. Председателем правления выдвинули там человека из городских, но без специального образования. Одним словом, выдвиженца. «Какая культура наиболее выгодна для посева в вашем колхозе?» — спросил я его. «Овес», — отвечает. А по дороге туда я отметил, что у них песчаные земли, для овса малопригодные. «Разве овес дает высокие урожаи в вашем районе?» — допытывался я. «Нет, товарищ Хрущев, у нас урожаи очень низкие, но овес легко убирать». Такой цинизм! Отвечал коммунист, которого выдвинули ради подъема колхозного хозяйства. К сожалению, это у нас не исключение, а правило, довольно распространенное явление.

А как способствует делу Советское государство? Сплошь и рядом, мешает. Однажды с секретарем крайкома партии мы поехали в Сибири в хороший животноводческий совхоз. Подъезжая к нему, я обратил внимание на скошенные поля. Приехав в колхоз, получил записочку от рабочих,

что перед моим приездом там скосили рожь. Она уже налилась зерном, а ее скосили на силос, зерна теперь не будет, да и силос негодный, рожь-то уже переросшая. «Зачем Вы скосили рожь?» — спросил я директора. «Мне нужна силосная масса. У меня животноводческий совхоз». «Но если бы вы скосили раньше, то была бы силосная масса. К тому же рожь — не лучшая культура для силосования». Все безрезультатно. Захожу с другой стороны: «Какую культуру Вы считаете наиболее выгодной для посевов в ваших условиях?». «Могар». «Почему? Могар — бобовая кормовая культура. Не-плохая, но отчего она выгоднее других?». «Вовсе не выгоднее, но если мы поседем другие культуры, государство заберет урожай себе, а траву-могар государство не отбирает, все остается совхозу». Следовательно, наше государство воздействует на деревню не с позиций экономической выгоды, а как вымогатель. «Это свойственно социалистическому хозяйству, потому что оно не заинтересовано в прибылях», — возразят мне некоторые. Но тогда у нас ничего толкового и не получится. Без расчета на прибыль все провалим.

Возвращаясь к кукурузе. Она выводит нас к высоким удоям молока. До применения кукурузного силоса мы имели в среднем по СССР надой молока на корову до 1100 литров в год. Когда перешли на силос кукурузы в смеси с другими культурами, то в хороших хозяйствах стали получать до 4000 литров. Эти удои просто потрясли сознание людей. Раньше все грехи валили на бедную нашу коровушку, считая ее малоудойной. Оказалось, и она способна на чудеса, надо только ее как следует кормить. У крестьянина прежде корова содержалась впроголодь. Весной, чтобы она не подохла, раскрывали крыши сараев и скармливали ей гнилую солому. Откуда же было взяться молоку, если к весне оставался скелет, обтянутый кожей?

Некоторые люди сейчас кричат, что я смотрел на животноводство и на кормовые культуры только сквозь кукурузные очки. Вовсе нет, я стал большим сторонником кукурузы потому, что не было лучшей культуры. Я присягнул той из них, которая дает наибольший эффект от затраченного труда. Например, в Краснодарском крае пшеница приносит 50 центнеров с гектара. Если кукуруза дает там столько же, то глупо отдавать ей предпочтение, тем более, что пшеница ценнее, питательнее и менее трудоемка. Но под силос кукуруза останется непревзойденной. Когда я шефствовал над моей Калиновкой, там сеяли много клевера, коноплю, получали по 30 центнеров пшеницы. Кукурузу сеяли на зерно и имели до 50 центнеров, а на силос — до 700 центнеров с гектара. На ней там поднялось молочное животноводство. Значит, все решает климатическая зона и умение выбрать экономически целесообразную культуру.

А в наших условиях партийная печать стала навязывать кукурузу даже там, где не нужно. Проезжая по дорогам, я не раз с возмущением смотрел из окна машины на хилые посевы кукурузы, заросшей сорняками. А кукуруза не терпит засоренных полей. Отсюда и слабый результат. В таких случаях выгоднее сеять вико-овсяную смесь. В тех хозяйствах, где не умеют возделывать кукурузу, вико-овсяная смесь себя оправдала бы экономически. Но нет, всем навязывали одно и то же, убивая на корню местную инициативу. Верховодила отчетность: такая-то республика закончила сев, такая-то область закончила уборку, убрано столько-то гектаров. Однако гектар гектару рознь! Убрать комбайном урожай в 10 центнеров и в 50 центнеров — совсем не одно и то же. Мы по-прежнему находимся на низком уровне организации сельского хозяйства и не освободились от взглядов, что им может управлять каждый. Между тем сельское хозяйство — самое сложное производство, сложнее промышленности, ибо слишком многоотраслевое. Человек имеет дело с живыми организмами и находится в большой зависимости от природы и погоды. Такое хозяйство требует особого умения.

В США есть орган, который внедряет новые научные и производственные достижения в сельское хозяйство. Там сидят крупные специалисты, которые следят за появлением всего нового и продвигают его. У нас же процветает безответственная болтовня. Как пошло это со времен коллективизации, так и сохранилось.

Важно знать правду. А советская статистика отражает действительность, как кривое зеркало. Магазины же и желудки людей лучше статистического управления свидетельствуют об истинном положении дел. Многое вообще извращается. На местах вздувают цены на продукты против правильной их стоимости. Или еще: пойдешь в магазин, там картофель дешевле, но он хилый и грязный. А на рынке у частника втрое дороже, зато чистый и налитой. В свое время я потребовал, чтобы в магазинах торговали мытым картофелем и хозяйки получали бы его в чистом виде, как за границей. Какое-то время это решение выполнялось, потом все заглохло. Кое-кто скажет: «Хрущев на старости лет толкует о мелочах». Эти мелочи влияют на большую политику, на настроение людей. Если от кальсон не вовремя оторвется пуговица, она может испортить человеку жизнь. Маленький вопрос перерастет в большую проблему.

У нас для решения всех этих вопросов имеются два пути: либо предусмотреть производство всех видов товаров, продуктов и предложение услуг через государство, либо открыть ворота частнику. Да можно ли при социализме вообще обеспечить народ? Когда я в 30-е годы работал секретарем Московского парткома, а Бадаев был председателем кооперативного Центросоюза, Московское управление по торговле овощами и фруктами возглавлял Лукашов. Другие города СССР плохо обеспечивались ими, а Москва жила без нужды. Почему? Лукашов и Бадаев пользовались правом размещать заказы на овощи в хозяйствах разных областей и республик, имея своих агентов-заказчиков. Полтава выращивала морковь, соленые огурцы заказывали в Нежине, и так далее. Я вообще придаю исключительное значение организационному фактору. В этом заключается основная деятельность социалистических органов. Или же придется перейти к частнокапиталистической прибыли с частной собственностью. Ничего третьего нет. А у нас сейчас и ни то, и ни сё.

Можем ли мы в принципе полностью удовлетворять запросы людей? Конечно. Следует выделить на это больше средств, зажав расходы по военному ведомству. Нельзя, прикрываясь словами о защите Родины, не удовлетворять повседневных запросов человека. Нельзя придерживаться взглядов Мао Цзэдуна, который не хочет видеть в жизни ничего, кроме борьбы и революции. Революцию человек делает не ради нее, а чтобы лучше жилось... Вот сейчас я на положении вольного казака, ничем особенным не занимаюсь. Удел пенсионера — доживать свой век. Особенно тяжело тем пенсионерам, кто участвовал в бурной политической деятельности, как это выпало и на мою долю. А теперь я сижу на мели, но не ропщу. Таков удел любого, кто стареет. Зато я имею возможность оглянуться, сравнить, высказать свои соображения. Надеюсь, что они пригодятся.

(Продолжение следует)

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Очерки русской смуты

Генерал А. И. Деникин

Том пятый. Вооруженные силы Юга России

Глава XIX. *Взаимоотношения Юга с казачьими войсками: Донским, Терским, Астраханским*

Взаимоотношения Южной власти с казачьими областями до конца сохраняли те характерные особенности, которые мною неоднократно отмечались уже в «Очерках». Эти отношения не были одинаковыми. Самый состав правивших и влиятельных в политическом отношении кругов казачества предопределял их до известной степени: либералы на Дону, либералы и консерваторы на Тереке, социалисты на Кубани; автономисты на Дону, автономисты и централисты на Тереке и самостийники на Кубани.

Поэтому-то после ухода генерала Краснова трения с Доном потеряли прежнюю свою остроту; так же удовлетворительны, хотя и достаточно неопределенны, были в конце концов отношения с Терском; только кубанское правительство и Рада находились в постоянной оппозиции, вернее, непрекращающейся борьбе с командованием и правительством Юга. Можно было бы думать, что слишком тесное сожителство в скатеринодарский период и переплет власти являлись главным источником такого отношения... Но еще более сложный переплет существовал на Тереке и, с другой стороны, перенесение всех наших штабных и правительственных учреждений на территорию Дона не ухудшило отношений с последним и не улучшило их с Кубанью. Наоборот, освободившись от непосредственного воздействия командования, кубанские правители бросились очертя голову в роковую игру, в которой ставка была поставлена на «Вольную Кубань», а верный проигрыш ложился на «Белый Юг».

Могло ли быть иначе!

Эти отношения не были и постоянными... Периоды острой опасности, нависавшей временами над Доном и Терском, территории которых почти все время были театром войны¹ или находились в прифронтовой полосе, побуждали эти области к большей сговорчивости и укрепляли в них чувства благоразумия и осторожности.

Кубань же вся с 29 октября 1918 г. была освобождена от большевиков и представляла глубокий тыл, не испытывавший непосредственно в течение более года ни ужасов войны, ни гнетущего страха за свое существование. Стратеги из законодательной и краевой Рад переоценивали безопасность края и прочность положения Вооруженных сил Юга на линии Царицын-Курск-Киев, когда вели к окончательному разрыву с командованием.

Эти отношения, наконец, создавались и поддерживались, главным образом, верхами. Рядовое казачество оставалось более или менее безучастным к политичес-

Продолжение. См. Вопросы истории, 1990, №№ 3—12; 1991, №№ 1—12; 1992, №№ 1—9, 11—12; 1993, №№ 2, 4—12; 1994, №№ 1—11.

кой борьбе двух властей; и только к концу 1919 г. кубанским верхам удалось вывести свое казачество из равновесия. Маятник кубанских настроений сильно качнулся тогда влево и, не пристав к борту черноморских самостийников, остановился вовсе в роковом бессилии.

Все эти обстоятельства приводят к убеждению, что не только, или вернее не столько непреодолимые антагонизмы между диктатурой и народовластием, между централизмом и казачьей вольностью препятствовали органическому объединению действенных сил Юга, сколько люди и страсти.

Донской круг, избравший атаманом генерала Богаевского, заседал очень долго — целых четыре месяца². По-видимому, на длительность сессии влияло то обстоятельство, что северные округа были заняты большевиками и депутатам этих районов некуда было деваться. Обязавшись в дни борьбы с Красновым перед кругом, правящая партия вынуждена была мириться с его все усиливавшимся давлением: непрестанное вмешательство в дела управления, постоянные комиссии, бравшие на себя не только ревизию и контроль, но и руководство отдельными действиями донских министерств, парализовали зачастую их деятельность. Это обстоятельство становилось тем более тягостным, что состав Круга был довольно случайным и интеллектуально мало пригодным для разрешения государственных вопросов, вытекавших из суверенного бытия Дона. Председателю Круга — Харламову, опытному парламентария, не раз стоило больших усилий, чтобы удержать Круг от превращения в заурядный митинг.

На сером фоне Круга боролись и сводили счеты правые — «красновцы», кадеты и левые, представленные соответственно своими лидерами — Яновым, Харламовым и Агеевым. Специальные казачьи интересы густо окрашивали политическую идеологию всех групп. Кадеты были у руля, прочие группы в оппозиции. Непримиримые во всех других отношениях, оба фланга донской общественности сходились, однако, во враждебном отношении к главному командованию и правительству Юга, прибегая по отношению к нам к приемам чисто демагогическим. Весною, впрочем, когда судьба Дона зависела от помощи Добровольческой армии, их голоса притихли вовсе. Но летом — в апогее успехов Донского фронта — они сильно мutilовали Круг, причем Агеев вел кампанию против Особ. совещания и в печати, в формах необыкновенно резких. На этой же почве в угоду Кругу скользил иногда осторожно и командующий Донской армией, ген. Сидорин, объясняя, например, недочеты снабжения тем обстоятельством, что «ввиду реакционных выступлений Особого совещания, корабли с английским оружием и снаряжением задерживаются в Константинополе». Конечно, ничего подобного не было. Такие выступления командующего армией случались, впрочем, редко и, благодаря сдерживающему влиянию Харламова и умиротворяющему — атамана Богаевского, Круг не выходил из рамок лояльной оппозиции.

Приверженность к «демократическим лозунгам» составляла слабость казачьих политиков, покрывая иногда далеко не демократическую сущность, создавая легенды и неправильные противоположения иному режиму — «реакции» и диктатуры. Не в суд и не в осуждение донских деятелей, без сомнения немало потрудившихся для устройства родного края, но для восстановления исторического критерия я коснусь некоторых отрицательных сторон жизни Дона, присущих в той или другой степени и другим демократическим режимам.

По инициативе ген. Сидорина донской Круг решил «выявить свое демократическое лицо» и «сказать России... с чем и зачем мы идем». Эта мысль осуществлена была оглашением декларации от 1 июня 1919 года.

Декларация, не предрешая государственного устройства России — «единой свободной демократической страны», ставила, однако, непременным условием его «государственную автономию... с правом заключения областных политических, экономических и национальных союзов». Вручая судьбу России Учредительному Собранию, созванному по четырехчленной формуле, Дон у себя лишал права участия в управлении большую половину неказачьего населения. «Неотложной задачей строительства» России декларация ставила восстановление органов земского и городского управления, а в самой области почти за два года ее самостоятельного существования не было введено самоуправление; и такой, например, крупный центр, как Ростов — по существу столица Юга — испытывал перманентный кризис назначенного городского правления, хозяйственную разруху и гнет часто сменяв-

шихся «генерал-губернаторов», среди которых были персонажи анекдотического и криминального типа...

Декларация требовала для России «политических свобод» и либерального рабочего законодательства³, а практика донской власти применяла неутверждение уставов социалистических партий⁴, вынужденных уйти в подполье, и борьбу как с ними, так и с профессиональным движением, имея рабочую массу всегда в числе своих недругов.

Декларация считала «недопустимым решение земельного вопроса за пределами Войска в форме возвращения дореволюционных земельных отношений...» А донской аграрный закон, проводя отчуждение частновладельческих земель — и казачьих и «русских» — в земельный фонд войска и, оставляя за последним право собственности, обязался помочь малоземелью коренных крестьян (23% населения) и ничего не обещал другой четверти населения (24%) — «пришлому»⁵ крестьянству, на долю которого приходилось лишь 1,3 десятины наделной и купленной земли в среднем на хозяйство. Отчуждение или взимание солидной арендной платы стало реальным фактом с осени 1919 г., а наделение являлось вопросом более или менее отдаленного будущего, вызывая недоверие и возбуждение... Круг в октябрьской сессии торопился изъять из частного владения и недр, но в пользу Войска, не оговаривая несомненных общегосударственных прерогатив в этом вопросе.

Декларация «не допускала мысли о мести в отношении к широким массам, хотя бы и брошенным в братоубийственную бойню», а практика донских полков, наступавших на север, изобиловала эпизодами грабежа, насилия и разведения пленных. В то же время на Донской территории, в районах преимущественного расселения иногородних — Ростовском, Таганрогском и Донецком округах — крестьянские села стонали под бременем самоуправства, реквизиций, незаконных повинностей, поборов, чинимых местной администрацией. 18 августа 1919 г. задонские волости торжественно праздновали годовщину освобождения своего от большевиков, и закулисные руководители придали этим празднествам демонстративный характер прославления новой власти и крестьянско-казачьего единения. Тем удивительнее было слышать от делегации этих волостей, прибывшей ко мне в Таганрог, дышавшие страхом и волнением жалобы на горькое их житье.

Как вообще могло относиться казачество к иногородним, которых оно отождествляло с большевиками, можно судить по тому, что делалось в его среде. В конце марта в одном из закрытых заседаний Круга рассматривался вопрос о массовом явлении насилий, творимых в задонских станицах отступившими казаками верхних округов: «Иногда идет отряд всадников 300, бывают там и офицеры, тянут часто за собой пушку... обстреляют сначала станицу, потом начинают насилия над женщинами и девушками и грабеж...» По поводу предложения применить репрессивные меры из среды фронтовиков раздался предостерегающий голос: «...Вы хотите создать карательные отряды! Смотрите, как бы у нас не было в тылу войны... Часто денег не было за отсутствием аванса, ну и вынуждены были тащить».

Суровое время и жестокие нравы.

Как бы то ни было, факт непреложный: реакционный режим атамана Краснова, в расчете на казачью силу, игнорировал положение иногородних и в ответ вызвал враждебное с их стороны отношение; либеральный режим атамана Богаевского и демократические декларации правительства и Круга не привлекли неказачий «народ» ни к добровольному «боевому сотрудничеству», ни даже к дружественному расположению с казаками.

Наконец, казачье народоправство далеко не гарантировало от спекуляции, казнокрадства и взяточничества. И не то было самым скверным, что по поводу одной из панам, раскрытых в отделе продовольствия и интендантства, председатель ревизионной комиссии Мельников поведал Кругу: и брали, и берут.

А отношение общества к этой разъедавшей государственный строй язве: «За все время нашей работы — жаловался Мельников — несмотря на все мои печатные призывы, никто не пришел нам (комиссии) на помощь...»⁶

Свидетельствуют ли все эти отрицательные стороны о непригодности демократического режима вообще или отсутствии доброй воли в донских правителях? Отнюдь. Но они поддерживают достаточно ясно ряд бесспорных в моих глазах положений: самым демократическим декларациям — грош цена, самые благие намерения остаются праздными, когда встречают сильное сопротивление среды;

самые демократические формы правления не гарантируют от попрания свободы и права в те дни, когда эти ценности временно погасли в сознании народном, в те дни, когда право восстанавливается насилием, а насилие претворяется в право.

История казачьего народовправства являет самобытную черту, особенность «казачьего демократизма» — замкнутость его в сословных рамках и территориальных границах. Демократизм — более как источник прав, нежели обязанностей. И когда донской демагог Агаев требовал отнятия «помещичьих шарабанов», поломанных уже к тому времени революцией, Круг бурно рукоплескал. Но когда тот же Агаев предлагал распространить земельные права на «граждан Всевеликого войска Донского», Круг так же бурно протестовал ⁷.

Взаимоотношения Дона с правительством Юга с большим трудом и трениями, но все же мало-помалу приводили к известному объединению. Мы добились восстановления деятельности правительствующего сената на территории Дона и Вооруженных сил Юга, объединения денежной единицы, управления жел. дор. и санитарной части. Круг согласился на учреждение центрального банка — мероприятие, которое, впрочем, не было доведено до конца и, главное, не привело к справедливому распределению эмиссии, пределы которой находились в зависимости «от взаимного соглашения государственных образований...» К концу 1919 года уничтожены были «пограничные рогатки». Донская власть не нарушала сепаратными выступлениями единства в направлении внешней политики и т. д. и т. д.

Только в военном отношении все оставалось по-старому: Донская армия представляла из себя нечто вроде «иностранный — союзной». Главнокомандующему она подчинялась только в оперативном отношении; на ее организацию, службу, быт не распространялось мое влияние. Я не ведал также назначением лиц старшего командного состава, которое находилось всецело в руках донской власти.

Такое положение было глубоко ненормальным. Я не могу сказать, чтобы до новороссийской катастрофы Донское командование проявляло прямое неповиновение. Но оно оказывало иногда пассивное сопротивление, проводя свои стратегические комбинации и относя к форсе majeure уклонения от общей задачи. Так, в июне я не мог никак заставить Донское командование налечь на Камышин, а в октябре — на Воронежское направление и никогда я не мог быть уверенным, что предельное напряжение сил, средств и внимания обращено в том именно направлении, которое предудказано общей директивой; переброски донских частей в мой резерв и на другие фронты встречали большие затруднения ⁸; слушание частных начальников, как, например, ген. Мамонтова, повлекшее чрезвычайно серьезные последствия, оставалось безнаказанным.

Все это, наряду с понятным тяготением донских войск к преимущественной защите своих пепелищ, вносило в стратегию чуждые ей элементы, нарушавшие планомерный ход операций. «О, ужас! — говорил лидер донской оппозиции Агаев. — За Днепр посылаются войсковые части в то время, когда донцы напрягают до крайности свои силы в борьбе с большевиками, когда почти два округа заняты их бандами». С такой психологией, весьма распространенной, стратегия находилась в постоянной и острой коллизии.

Тем не менее Дон, как временное государственное образование, и Донская армия, невзирая на тягчайшие осложнения, проистекавшие от раздельного существования власти и командования, представляли весьма важный и объективно положительный фактор в истории борьбы Юга. Коэффициент духа — элемент переменный и трудно поддающийся исчислению. Но данные, характеризующие тяготу, поднятую войском в борьбе с большевиками, весьма красноречивы: в момент наивысшего напряжения, в октябре 1919 г. войско Донское выставило на фронт 48 тыс. бойцов, что составляло 32% всех Вооруженных сил Юга. И Донской атаман ген. Богаевский однажды после очередного столкновения «Добровольческого централизма» с «Донским сепаратизмом» не без основания писал мне: «Если бы Дон изменил матери России, я швырнул бы атаманский пернач в лицо своему преемнику, который повел бы мою родину на самоубийство, а сам ушел бы к Вам хоть рядовым в свой Партизанский полк. Не верьте сплетням и будьте справедливы к Дону: падая и подымаясь, борясь с огромными силами противника, он несет тяжкую службу Родине, и без него едва ли возможны были бы блестящие успехи доблестных Добровольцев...» ⁹.

Главные черты из жизни Терка и наших взаимоотношений изложены были

мною в IV томе. Они не подверглись существенному изменению до конца. На Терске более, чем в других казачьих землях, чувствовалась неразрывная и не ослабленная лихолетием связь с общерусской государственностью — в психологии казачества, в речах на Круге и правительственной деятельности. Терская власть почитала своей первой и важнейшей задачей интересы борьбы, полагая, что «только решительная победа над большевизмом и возрождение России создадут возможность восстановления мощи и родного войска, обескровленного и ослабленного гражданской борьбой»¹⁰.

Поэтому и в политике, и в области социальных и экономических отношений оно избегало радикальных мероприятий. Даже такой животрепещущий вопрос, как аграрный, в конце 1919 г. находился только еще в стадии «изучения земельного фонда... и выяснения площади частновладельческой и друг. земли, могущей быть предоставленной окрестному населению для использования угодий и распределения этой земли».

Терская область, ввиду непрекращающейся борьбы с чеченцами и ингушами, озабочена была численным увеличением казачества и привлечением в свою орбиту соседей — союзников. Так, в Терское войско включен был Кара-Ногайский народ; после продолжительных переговоров, при участии представителей главноначальствующего, терский Круг третьего созыва выразил принципиальное согласие на присоединение к войску «на равных правах» осетин и кабардинцев. Окончательные переговоры, не законченные благодаря разразившейся вскоре катастрофе, встречали, однако, большие затруднения ввиду требования осетин упразднить войсковой Круг и ввести взамен его «Краевую думу». Терцы не могли решиться на такое, по их мнению, обезличение войска.

Подобные требования предъявляли и иногородние. Съезд их, собравшийся в конце октября 1919 г. и состоявший преимущественно из крестьянских представителей, признал конституцию края, отнесся благожелательно к власти, но требовал уравнивания в правах, главным образом, земельных — чтобы создать «одну общую семью терских граждан»; требовал своего пропорционального участия как в Круге, так и в органах центрального и местного управлений. Съезд выразил готовность разделить с казаками все тяготы военной службы, но при этом высказал пожелание о создании особой терской «территориальной армии».

Более осторожно, чем к предложению горцев, отнеслось казачество к пожеланиям своих российских сограждан: поощряя вхождение иногородних в казачье сословие, терцы с большим предубеждением относились к «паритету». Города, наоборот, стремились всеми средствами эмансипироваться от казачьей власти, признавая компетенцию правительства Юга.

В результате двоевластия трения между Таганрогом и Пятигорском продолжались, в особенности по спорным вопросам управления Минераловодской группой и Грозненским районом. Но никогда эти трения не переходили границ. Атаман был всегда лоялен и никогда не принимал участия в выступлениях против власти Юга.

Терские дивизии и пластунские бригады входили в состав армий Юга и беспрекословно исполняли боевые задачи. Политические недоразумения кончались обыкновенно компромиссом. Этих отношений не могли испортить и кубанские сепаратисты, воздействовавшие всеми способами — в том числе посылкой специальной делегации Рады — на терское правительство и Круг, чтобы склонить Терек к разрыву с главным командованием. И даже к концу, когда нависали уже грозные тучи и «Верховный казачий круг», кипя страстями, выбирал новые пути казачества, терская фракция его сохраняла лояльные отношения к правительству Юга, исходя, прежде всего, из побуждений реальных: «Путь сепаратизма с самостоятельным управлением для Терска непригоден... говорил председатель терского правительства Абрамов... ввиду существующих там различных течений. Общую идею должно объединять неказачье лицо...» А депутат Баев прибавил: «Казачьи территории со всех сторон окружены землями Добровольческой армии¹¹. И если вы не пойдете с ней, то мы, Терцы, не пойдём на Дон, потому что у нас разыграются события, которые заставят нас у вас же просить помощи».

Исторический ход событий волей или неволей связал железной цепью государственные образования Юга, и ослабление, а тем более разрыв одного из звеньев не могли вызвать потрясение и гибель.

Астраханское казачье войско, фигурируя в официальной жизни Юга в лице

атамана и правительства, представляло до известной степени фикцию, так как в состав территории В. С. Ю. Р. входило разновременно лишь несколько казачьих станиц и часть калмыцкой степи.

1 июня 1917 г., в силу закона Временного правительства, Астраханский край получил новое устройство, будучи подразделен на четыре самостоятельных административных единицы — Астраханская губ., Астраханское войско, область Калмыков и область Киргизов Букеевской орды¹². В том же году состоялось вхождение астраханских калмыков в состав астраханского казачьего войска на условиях раздельного управления — двумя кругами, двумя «правительствами», объединенными казачьим атаманом, с калмыцким помощником. Большевицкий переворот нарушил нормальное развитие новых учреждений и внес в жизнь края исключительное, даже для большевистской практики, разрушение и жестокость: советский террор в Астрахани и в калмыцких степях — одна из наиболее кровавых страниц русского лихолетия.

Атаман, ген. Бирюков, был посажен в тюрьму, где и умер. Другие деятели, в том числе помощник атамана, ротмистр (именовавшийся полковником) князь Тундутов, председатель казачьего круга Ляхов, председатель калмыцкого круга и правительства «полковник» Криштофович¹³ нашли приют на Дону; несколько тысяч калмыков с семьями и скарбом потянулось также на освобожденную от большевиков территорию.

Кн. Тундутов — определенный авантюрист, хотя и обладавший весьма посредственным умственным развитием, объявил себя; как известно, Астраханским атаманом и стал формировать армию, не без успеха мистифицируя Берлин и Новочеркасск. С падением атамана Краснова и упразднением астраханского корпуса, части которого пошли на пополнение Вооруженных сил Юга¹⁴, Тундутов временно остался не у дел. В кубанской станице осели самодовлеющие астраханские власти, ведя между собой большие раздоры; с одной стороны — на почве разногласия между казаками и калмыками, с другой — от столкновения в калмыцкой среде представителей двух начал — «феодального»¹⁵ и «демократического»¹⁶. Особым постановлением соединенных «правительств» кн. Тундутов был лишен атаманского звания и, получив 20 тыс. рубл. «отступного», вначале примирился с фактом своего низложения. Но вскоре передумал и объявил о расторжении договора между астраханским казачеством и калмыками и об образовании из последних особого войска «Волжского», назвавшись его атаманом. Тундутов пробрался затем в Баку, спекулируя калмыцким народом в сношениях с Азербайджанским правительством и даже с агентами Кемаль-паши, добывая везде деньги и предаваясь широкому разгулу. В сентябре он вернулся в калмыцкие степи и стал подымать калмыков против вновь избранного «правительствами» атамана Ляхова. Чтобы положить конец всем этим выступлениям, волновавшим степь и вызывавшим дезертирство из калмыцких полков, в октябре 1919 г. я приказал выслать Тундутова и двух его сподвижников из пределов Сев. Кавказа¹⁷.

Ляхов и члены его «правительства» привлечены были к разработке положения об управлении Астраханским краем и к организации управления освобожденными калмыцкими округами.

Глава XX. Взаимоотношения Юга с Кубанью

Взаимоотношения, сложившиеся между властью Юга и Кубанью, вернее — правившей ею группой, я считаю одной из наиболее серьезных «внешних» причин неудачи движения.

Ближайшими поводами для междоусобной борьбы, поднятой кубанской «революционной демократией», совмещавшей «казачий» социализм с самостийностью, как я уже говорил в IV томе, служили вопросы о полной эмансипации Кубани от правительства Юга, о создании собственной армии, о пресловутой «экономической блокаде», вызванной кубанскими рогатками, и некоторые другие, тесно связанные с интересами противобольшевистской борьбы. В область внутренних отношений и местного законодательства мы по-прежнему не вмешивались вовсе.

Внешне эта борьба преподносилась общественному мнению как противоположение «казачьего демократизма» «монархической реакции»; на самом деле — она

представляла поход кубанской самостийности против национальной России вообще. При этом кубанские самостийники вкладывали в свои отношения к нам столько нетерпимости и злобы, что чувства эти исключали объективную возможность соглашения и совершенно заслоняли собою стимулы борьбы с другим врагом — советской властью. Можно сказать, что со времени полного освобождения Кубанского края самостийные круги, преобладавшие в составе законодательной Рады и третьего правительства (Курганского), все свои силы, всю свою энергию и кипучую деятельность направили исключительно в сторону «внутреннего врага», каким в глазах их была «Добровольческая армия».

14 июня в г. Ростове произошло прискорбное событие, вызвавшее обострение — еще большее — в наших отношениях. В этот день был убит председатель краевой Рады Рябовол. Следствие донских властей не обнаружило лиц, совершивших убийство. Так как покойный являлся одним из наиболее непримиримых противников власти Юга, то в смерти его кубанская Рада обвинила «Добровольцев». Событие это послужило поводом для больших политических демонстраций, организованных кубанским правительством и Радой. В изложении официозов, в воззваниях и речах преступление приписывалось «врагам народа, слугам реакции, монархистам», на которых обрушился гнев кубанских республиканцев. Некоторые речи и статьи расшифровывали, впрочем, эти «общие понятия», указывая прямо на Особое совещание как на «силу, стремящуюся отдать демократию в рабство», на Осваг, «длинными реакционными щупальцами охвативший Кубань»; на Добровольческую армию, «поющую Боже, Царя храни». Про армию кубанский официоз позволил себе сказать:

«...И только в демократических кругах с истинным негодованием относятся к свершившемуся факту и ждут возможным последствий. Говорят о возможности ухода кубанцев с фронта. Говорят и сами пугаются... Так как все отлично сознают, что на фронте — там, далеко — кубанцы, терцы, донцы, а Добровольцы ютятся в штабах, театрах и интендантствах».

Даже представитель Грузии, с которой по существу мы находились в состоянии войны, счел возможным в Екатеринодаре — ставке главнокомандующего воюющей стороны, с кафедры Рады грозить «неведомому» противнику: «Грузия хочет видеть рядом с собой доблестную соседку — Кубань... Она не может разговаривать с теми, кто идет завоевывать и подчинять, а не освобождать... Я уверен, что когда на Кубани настанет момент опасности для демократии и свободы, то демократия Грузии не платонически, а кровью своей докажет стремление защищать общность демократических интересов».

Грузия в качестве защиты Кубани!

Это официальное лицемерие встречено было бурными аплодисментами собрания, ослепленного навеянным чувством в ущерб логике и действительности.

В числе прочих мер законодательная Рада постановила¹⁸: 1) закрыть все газеты, поносившие Радую и покойного Рябовола, а редакторов их выслать из пределов края¹⁹; 2) закрыть все отделения Освага на кубанской территории, а агентов его выслать²⁰; 3) екатеринодарский гарнизон передать в надежные руки и составить его из «верных частей»; 4) все гарнизоны в крае должны состоять исключительно из кубанских и горских частей²¹; 5) разработать мероприятия против лиц, ведущих борьбу с кубанскими краевыми установлениями.

Эти последние мероприятия были особенно сложны ввиду отрицательного отношения к местной власти не только «Добровольческой армии», но и всей русской общественности, всей российской печати, кубанской «линейной» группы и большинства иногородних. Последние были настроены оппозиционно преимущественно в области социальных и экономических взаимоотношений; в станицах — в особенности, где неискренние демократические лозунги центра претворялись в «казачью диктатуру» и самосуд, где все натуральные повинности отбывались исключительно иногородним населением — принудительно и бесплатно. Только городской пролетариат, ведя борьбу с кубанской властью, в ее распри с командованием выражал обыкновенно свое сочувствие кубанцам. Но приемами довольно безобидными: резкими постановлениями профессиональных союзов, красными бантами, украшавшими их делегатов и т. п.

Начавшаяся на Кубани задолго до июня кампания против Южной власти приняла размеры угрожающие. Она не ограничилась отстаиванием областных

интересов; в программу кубанской «революционной демократии», в соответствии с практикой российских социалистов, входила «энергичная борьба со стремлением слуг царского режима, помещиков и капиталистов установить диктаторскую власть в освобожденных от большевиков местностях России, ибо эта власть есть первый твердый и верный шаг к установлению самодержавно-полицейского строя» ²².

Нахождение аппарата власти (отд. вн. дел) и краевых органов пропаганды («Коп»), поглощавших ежемесячно 4 миллиона руб., в руках самостийной группы давало ей реальную силу и широкие возможности. Способы борьбы были разнообразны: скрытая работа по свержению атамана и явная — по удалению лиц высшего управления, приверженных к Добровольческой армии; специальный подбор администрации, административное давление, перлюстрация корреспонденции; подкупы — деньгами, спиртом, назначениями, производством в первый офицерский чин и т. д., и т. д. Так же разнообразна была пропаганда. Каждое заседание Рады являлось поношением Южной власти и возбуждением против нее казаков. Официальная печать распространяла эти речи и проводила эти идеи прямыми выпадами и тенденциозным подбором материала, зачастую грубо вымышленного.

«Коп» разносил агитационную литературу в тысячах экземпляров по станицам, а в витрине этого учреждения, в Екатеринодаре, изо дня в день вывешивались кубанские газеты с подчеркнутыми местами, особенно оскорбительными для Добровольческой армии, с экземплярами «Известий» и «Красноармейца», описывавшими, например, с большим злорадством развал армии адм. Колчака или в самых радужных красках торжества «пролетарского праздника 1 мая» в советской России...

Лидеры самостийников — Омельченко, Гатагоу, Воропинов, Макаренко, Белоусов и многие другие по поручению Рады разъезжали по Кубани и на станичных сборах выясняли наши взаимоотношения в духе демагогии, затрагивавшей наиболее чувствительные места народной психики. Нет шпата, дорога мануфактура — виновата «блокада Кубани...» Дорог хлеб — потому что весь урожай 1919 года будет отдан главным командованием Англии (?) в уплату за снабжение... Кубанцы босы и голы (!), тогда как Добровольцы, даже пленные большевики, ходят в отличном английском обмундировании (!)... Особое совещание — это «тот коршун, который ждет лишь того времени, когда можно будет выклевать глаза Кубанскому краю и отнять у него землю и волю» (Макаренко). На фронте не хватает сил, ибо кубанцев заставляют проливать кровь в борьбе с «дружественными кубанцам горцами Дагестана и Чечни, с родственными им украинцами Петлюры». Иные агитаторы в своем толковании событий шли гораздо дальше, требуя от правительства снять с фронта кубанские части и поставить их сильными гарнизонами по Кубани, чтобы «заставить силою не желающих исполнять распоряжения Кубанской власти» (Воропинов). Или побуждали кубанских казаков оставить ряды Добровольческой армии, которая «является виновницей гражданской войны». Ибо, не преследуй она «целей насаждения монархизма, давно можно было бы окончить войну и примириться с большевиками, устроив в России народную республику» (Омельченко).

Под таким воздействием изо дня в день, на сытой и покойной Кубани среди казачества началось смущение. Часть станиц оставалась, впрочем, равнодушной к тому зрелищу, которое народный юмор определял фразой «паны дерутся»; другие, под влиянием агитации, выносили постановления — хвалебные по адресу печальников народных из законодательной Рады и враждебные по отношению к Добровольческой армии; третьи, наконец, требовали удаления из состава Рады и правительства «Воропиновых и Макаренков», которые «ведут к пережитому уже нами и напоминают прямо о действиях этих лиц в первой законодательной Раде перед большевизмом». Одновременно многие станицы присылали постановления об избрании меня почетным казаком. Съезд уполномоченных Лабинского отдела (конец июня) признал деятельность законодательной Рады вполне отвечающей чаяниям народным и послал приветствие Раде и... главнокомандующему.

Шел полный разброд в казачьих настроениях. Движение, вызванное кубанскими демагогами, оказалось, бессильным поднять казачью массу к активным действиям. Но значение его тем не менее было велико и губительно: всякий подъем в казачестве мало-помалу угасал и притом безвозвратно, цели борьбы затемнялись совершенно, понятие о долге заслонялось чувством самосохранения, находившим простое и доступное оправдание в речах и призывах «народных избранников». С фронта нача-

лось повальное дезертирство, не преследуемое кубанской властью. Дезертиры свободно проживали в станицах, увеличивали собою кадры «зеленых» или, наконец, находили покойный приют в екатеринодарских запасных частях — настоящей опричнине, которую путем соответственной обработки Рада готовила для своей защиты и к вооруженной борьбе против главного командования.

В то же время через головы полков, стоявших на грузинском фронте или дравшихся с войсками Петлюры, кубанская власть заключала договоры и союзы с Грузией (три экономических договора на поставку хлеба) и с Украиной; посылала делегации на Дон и на Терек, чтобы найти там поддержку в борьбе с главным командованием.

На русскую общественность произвело большое впечатление одно темное событие: председатель кубанского военно-окружного суда Лукин, первопоходник и приверженец Добровольческой армии, приезжал в Ростов с докладом по вопросу о росте украинско-сепаратистского движения на Кубани и о прибытии в Екатеринодар тайной петлюровской делегации. Через день по возвращении туда, 1 октября, Лукин был убит лицами, не обнаруженными кубанскими следственными органами.

Были ли все нападки самостийных кругов на политику и власти Юга голословными и необоснованными? К сожалению не всегда. Наши нестроения давали им не раз основания, скорее, впрочем, в масштабе общегосударственном, чем краевом. Основания, которые к тому же в азарте политической борьбы и в преломлении сквозь призму социалистическо-самостийной идеологии приобретали не раз преувеличенную и извращенную окраску. Давали ли мы поводы к обострению отношений? Помимо принципиального расхождения, наше не слишком почтительное отношение к людям, попавшим на роли народных избранников, законодателей и министров, вызывало обиды и уязвленные самолюбия. Атаман Филимонов этому обстоятельству приписывал даже исключительное значение в развитии кубанской фронды: «Протестантство Быча, Савицкого и друг. писал он мне 2 декабря 1919 г. -- выросло не столько на почве политической и партийной борьбы (какой там Савицкий партийный человек!), сколько под влиянием постоянно уязвляемого самолюбия во время Первого кубанского похода определенно презрительным отношением к ним чинов Добровольческой армии... Я был постоянным свидетелем бешенства их по поводу недостаточно внимательного отношения к «избранникам народа» с Вашей стороны и со стороны штаба Армии... Чувство мести, главным образом, толкнуло Быча и его сподвижников на преступную работу за границей».

Российская печать, органы «линейцев», иногда литература Освага, правда, в порядке необходимой самообороны, отвечали на нападки самостийников тоном столь же резким и страстным. Поношению подвергались и люди, и идеи. Я не ошибусь, вероятно, если среди многочисленных южных газет того времени назову лишь одну — «Утро Юга» Мякотина — которая в общей бурной газетной кампании, в критике кубанской власти сохраняла поучительный, но сдержанный тон.

Изверившись в возможность соглашения, я предлагал председателю Особого совещания условиться, по крайней мере, с атаманом и кубанским правительством о прекращении взаимной газетной травли. Атаман и сам признавал, что «направление деятельности красного отдела пропаганды с самого начала возникновения своего... вызывает недовольство (его) и отдельных членов правительства...» Принимал известные меры, временно умерявшие злобность официальной печати, но не надолго. Власть атамана была весьма ограничена — отчасти конституцией, отчасти тем обстоятельством, что группы «линейцев», к которым принадлежал и сам ген. Филимонов, проявлявший лояльность и умеренность, не были достаточно сплочены, организованы и сильны, чтобы составить должный противовес самостийникам. Отчасти, наконец, по личным свойствам самого атамана — человека по характеру весьма мирного. Поэтому, в течение более года своего атаманства генерал Филимонов балансировал с большим трудом между молотом и наковальней — между Радой и главным командованием. То сдерживал порывы демагогов, умиротворял настроения, сглаживал углы. То иногда, как например, в вопросе о создании Кубанской армии, был солидарен с самостийными кругами и весьма настойчив. Это было тем более непонятным, что с лета 1919 г. кубанские лидеры в своих бурных речах, уже не стесняясь, ставили целью создания Кубанской армии борьбу с главным командованием.

Положение становилось чрезвычайно тягостным. Ни одна из наших попыток

установления государственной связи не увенчалась успехом. Нам не было предъявлено к тому же ни одного контрпроекта со стороны кубанских правителей, если не считать неприкрытого пожелания — полного невмешательства главного командования в дела Кубани. Последнее было бы, быть может, и спасительным, но к сожалению невыполнимым: Кубань волею судьбы являлась нашим тылом, источником комплектования и питания Кавказской армии и связующим путем как с Северным Кавказом, так и с единственной нашей базой — Новороссийском. Кубанские части в октябре составляли все еще 12% Вооруженных сил Юга.

Нас сковывали цепи, которые рвать было невозможно. В конечном результате, к осени 1919 г. положение было таково: на Царицынском фронте стояла страшно поредевшая Кавказская (кубанская по составу) армия, сохранявшая еще, благодаря, главным образом, влиянию лояльного и национально-настроенного кубанского генералитета и офицерства, бодрость духа и дисциплину. Но с тыла, с Кубани, к армии не шло уже более на пополнение ни казаков, ни лошадей.

На мой взгляд совершенно безразлично: Верить ли искренности того лозунга, который в 1919 году проповедовала кубанская революционная демократия — «Единая Кубань в единой федеративной Российской республике»²³ — лозунга, обусловившего якобы внутреннюю распрю между «кубанским народоправством» и «реакцией» в образе Особого совещания... Верить ли признанию, сделанному теми же лицами в 1921 году²⁴, что целью их была всегда «государственная независимость Кубани», и, следовательно, борьба велась между кубанской самостийностью и национальной Россией... В обоих случаях борьба кубанских правителей на два фронта — против большевиков и Добровольческой армии — являлась заведомо непосильной и потому безумной.

Она губила и их, и нас.

И не без основания Бронштейн-Троцкий еще в сентябре 1919 г. избрал путь параллельный с кубанскими правителями. Он считал невыгодным «трогать Кубань», наступая от Царицына на Тихорецкую. Бронштейн предпочитал Харьковское направление, чтобы «отрезать Деникинские войска от Кубани, что дало бы временную опору кубанским самостийникам и временное замирение Кубани в ожидании развязки нашей борьбы с Деникинцами на Донце и на Украине».

И хотя отрезать Добровольцев от казаков большевикам не удалось, но работой самостийников «замирение» все-таки было достигнуто.

Глава XXI. Юго-восточный союз и Южно-русская конференция

В предыдущих книгах я очертил первые попытки южного казачества к объединению. По словам Харламова — это было «стихийное стремление... коренящееся в психологических особенностях казачества как отдельной бытовой группы русского народа... Оно есть не только эпизод прошлого, но имеет и будущее». Этой стихийности я не наблюдал: все попытки организации «казачьего государства» являлись по замыслу плодом интеллигентского творчества, отнюдь не народного.

Первый опыт создания Юго-восточного союза в 1917 г. прошел под знаком полного игнорирования мятущимся казачеством и своей областной выборной власти, и «союзной». Второй — проект «Донско-Кавказского союза» был совершенно искусственной, чисто политической комбинацией, которую проводил генерал Краснов в угоду германцам, видевшим в этой комбинации оплот против зарождавшегося Восточного фронта и одновременно против Добровольческой армии.

Весною 1919 г. Круги и Рада разновременно выразили пожелание о воссоздании союза. Но формы его и цели, в особенности сокровенные, были различны.

Инициативу созыва конференции взяло на себя кубанское правительство, пригласив на нее к 5 мая и Закавказские новообразования, и горские округа, подчиненные главному командованию. Расценивая подобный съезд как демонстрацию центробежных по преимуществу сил, я отнесся к нему резко отрицательно²⁵. О последовавших по этому поводу переговорах между казачьими деятелями сделан был доклад Донскому кругу²⁶ председателем его Харламовым, посетившим незадолго перед тем во главе делегации Кубань и Терек. Выяснилось, между прочим, тождество мнений донских и терских правителей с Особым совещанием в вопросе

о неприемлемости состава конференции. «В сущности — говорил Харламов — ни Филимонов, ни Сушков²⁷, да и вообще кубанское правительство, не верят в эту конференцию, но обязаны исполнить постановление Рады, проведенное черноморцами».

Время тогда было тяжелое. 10-я большевистская армия с Царицынского фронта подступала уже к Батайску, в тыл Ростова и северной группе наших войск. Поэтому Харламов советовал Кругу «направить все внимание на борьбу»... «было бы совершенно неудобно в данный момент идти резко против взгляда главного командования». Так же отнеслись к этому Терцы, и вопрос заглох.

Но через полтора месяца, когда фронт большевистской дрогнул, когда наши армии перешли в широкое наступление, и освобождение всей территории Дона стало вопросом ближайших дней, Донской круг, прерывая свои работы 1 июня, вновь подтвердил, что считает «неотложной задачей... заключение... Юго-восточного союза, в первую очередь с Терком и Кубанью, для укрепления экономической мощи края и утверждения кровью добытых автономных прав, при дружном боевом сотрудничестве с главным командованием Юга России в деле осуществления общих задач по воссозданию единой, великой Родины — России».

29 мая председателем Круга разослано было приглашение в Ростов представителям Кругов (Рады) и правительств трех казачьих войск на конференцию, которая и собралась там 11 июня.

Российская общественность и печать отнеслись к этому факту с единодушным и резким осуждением. Отражением тех взглядов, которые сложились тогда, может служить конспект «протеста», выработанный на соединенном заседании правлений Нац. центра и Совета Гос. об.²⁸, гласивший:

«а) Исторические заслуги казачества в деле собирания мощи России весьма велики.

б) В настоящей гражданской войне и борьбе с большевизмом казачество занимает первое место, как в деле защиты своего края, так и для восстановления единства и былой мощи России.

в) Эти великие заслуги казачества, а также особенности его быта и исторически сложившихся сословных преимуществ, дают ему право на самостоятельное устройство своей внутренней жизни и отводят ему почетное место при разрешении вопросов об окончательном устройстве Русского государства.

г) Идея организации Юго-Восточного союза, как государственного объединения, которое должно быть противопоставлено охваченной большевизмом России, имела в свое время известное значение.

д) Ныне, когда восстанавливается единство России, причем представителем ее является в Сибири Верховный правитель России — Колчак, а на Юге — Добровольческая армия, сплотившая все антибольшевистские силы и ныне победоноснодвигающаяся к Москве, возобновление вопроса о создании Южно-русского союза не только не оправдывается современной обстановкой, но и политически вредно, так как препятствует воссозданию единой государственности.

е) Стремиться ныне к созданию новых государственных образований значит бессознательно содействовать намерениям Германии и ставить себе целью расчленение России».

К этому протесту предложено было присоединиться и Союзу возрождения. Последний, избегая общения с Гос. об., отказался; но в повременной печати появился ряд статей Мякотина, обстоятельно доказывавших, что «называть формы и порядки управления, существующие сейчас в казачьих областях, демократическими значит — пользоваться весьма неточной терминологией». И что «объединение казачьих областей в один союз едва ли может дать прочный оплот правам и интересам демократии²⁹. А вместе с тем, раз такой союз возникнет, он неизбежно будет помехой для общегосударственной власти и, если даже признает ее, неминуемо явится ее конкурентом и будет затруднять ее действия». Мякотин призывал, поэтому, казачество к объединению «с властью адмирала Колчака».

Что касается более левых группировок, то, будучи принципиальными противниками «сословных организаций», они, тем не менее, не желая оказывать хотя бы косвенной моральной поддержки Южной власти, хранили молчание.

Возмущение российских кругов было направлено не по надлежащему адресу. Взгляд на предполагаемый союз исключительно как на противовес общегосударст-

венной власти проводили ярко и настойчиво одни лишь самостийные кубанские группы. И только под флагом казачьего объединения возможно было привлечение официального представительства Кубани к переговорам о создании общей власти. Дон и Терек, в лице своих ответственных представителей, и примыкавшие к ним астраханские делегаты держались иных взглядов. На конференции к.-д. 29 июня Харламов заявил:

«Пункт 7 резолюции, говорящей об отношении партии к краевым правительствам отвечает моему *credo*; своим острием он направлен против кубанских самостийников. Они начинают сдавать свои неприступные позиции, и положение улучшается. На конференции в Ростове мы определенно заявили, что федерализм неприменим к России. Это — книжная, надуманная яхема, и процесс объединения идет мимо нее. Поэтому нам ясно учесть: идти с ним или против него. Я знаю, что кубанский атаман и большинство краевого правительства со мною, они не федералисты. Деникин нашему взгляду вполне сочувствует. С Терека получены известия от Баскакова, что все идет успешно. Переговоры между государственными образованиями и командованием не должны пугать: это не договор и не сговор, а только форма, обстановка для безусловного подчинения. Мы хотим лишь областной автономии, которая, обслуживая нас, принесет пользу и общему делу».

Эти взгляды, которым не чужды были также генералы Богаевский и Сидорин, нашли отражение и на конференции, хотя далеко не в такой решительной форме, как у Харламова. Кубанская делегация, возглавленная Рябоволом, оказалась, поэтому, в положении меньшинства, заранее обреченного на изоляцию. И, если верить сведениям, появившимся после крушения Юга и ставящим убийство Рябовола в виду одной из вольных контрразведок, то акт этот, кроме своей моральной неприглядности, был вместе с тем нецелесообразен политически, создав чрезвычайные затруднения для главного командования.

Кубанская делегация, отправившаяся на похороны Рябовола в Екатеринодар, не возвращались. Конференция, прождав напрасно три дня, приступила опять к своим занятиям, приняв 20 июня постановление: «Признать безотлагательную необходимость организации временной общегосударственной власти на Юге России на основе представительства от государственных образований Юга России и главного командования В. С. Ю. Р.».

Кубанские представители — Шахим-Гирей (председатель) и И. Макаренко — по прямому проводу из Екатеринодара настойчиво, но безуспешно убеждали конференцию в том, что «переговоры с ген. Деникиным преждевременны». И 21 июня делегация конференции в составе Харламова, Баскакова ³⁰ и Каклюгина ³¹, во время проезда моего через Ростов познакомила меня с ходом работ и принятыми постановлениями. При этом установлено было полное единомыслие наше относительно идеи построения общерусской власти: Верховный правитель (адм. Колчак) и его полномочный представитель на Юге — главнокомандующий, палата областных и губернских представителей, общее правительство, автономия казачьих войск.

Это неожиданное для многих и в том числе для кубанцев превращение конференции о казачьем союзе — в конференцию об организации южно-русской власти представлялось тогда огромным шагом вперед в области устроения Юга и консолидации сил его в борьбе с большевиками. По существу же, 21 июня 1919 г., после 8 месяцев бесплодных исканий, многовластия и тяжелого внутреннего разлада, мы вернули вопрос об Южной власти к тому исходному положению, в котором он находился 16 октября 1918 г., когда я и Особое совещание предложили казакам проект конституции, отвергнутый Кубанью.

Кубанская делегация выразила «чувства крайнего сожаления, что Кубань была поставлена перед совершившимся фактом». Но, после горячих прений и настойчивых убеждений прибывшей в Екатеринодар донской делегации, кубанцы решили принять участие в дальнейших работах конференции, при обязательном, однако, условии, чтобы «продолжение переговоров с ген. Деникиным состоялось лишь после того, как представители Дона, Кубани и Терека примут необходимые решения по основным вопросам».

Эта вторая подготовительная стадия работ конференции, собиравшейся в Екатеринодаре, Ессентуках и Новороссийске и прерывавшейся продолжительными поездками делегатов для доклада своим представительным учреждениям, длилась, 2 1/2 месяца. Трижды главы делегаций являлись ко мне в Таганрог для обмена мнениями

и решения спорных вопросов. В середине июля состоялись два совместных с моими представителями заседания конференции для выяснения основных положений будущей конституции, не приведшие к полному соглашению. После этого до начала сентября продолжались работы казачьей конференции и ее комиссий по выработке положений о Высшем Совете, правительстве и казачьей автономии. И по окончании этих работ, со 2-го сентября конференция вступила в третью стадию своей деятельности — окончательного конструирования государственной власти, совместно с представителями главного командования.

Совершенно исключительное положение занимала во всех этих переговорах кубанская делегация, парализовавшая деятельность конференции всеми мерами, начиная с постоянных перерывов, побуждавших делегатов остальных войск продолжать занятия без кубанцев. Обстоятельство — тем более серьезное, что решения принимались не персональным голосованием, а по государственным образованиям. Неумеренность отстаиваемых кубанцами положений, явно ведущая к разрыву, вызывала не раз возмущение среди донцов и терцев. Саботаж принимал оттенок анекдотический, когда, например, И. Макаренко, с упорством раскольникового начетчика по целым часам доказывал, что в редакции «Положения» — «правителем Юга России является главнокомандующий...» — слово «является» необходимо заменить словом «почитается», ибо первое «противоречит конституции Кубани». На почве всех этих недоразумений произошел раскол и внутри самой кубанской делегации. И когда все же к началу августа выразилось явно настроение конференции к полному соглашению с главным командованием, законодательная Рада на бурных заседаниях своих (1—5 августа) постановила прямо вопрос об отозвании своих делегатов с конференции.

Голоса умеренной части собрания — в том числе атамана, обрисовавшего возможность полной изолированности Кубани в политическом и экономическом отношениях, на этот раз перевесили. Рада 25 голосами, при воздержавшихся черкесах³² и большей части «черноморцев», санкционировала дальнейшее участие делегатов в конференции, мотивируя это решение тем, что все равно «результаты работ ее подлежат утверждению органов законодательной власти». Ввиду такого постановления председатель и члены делегации — Шахим-Гирей, И. Макаренко и Белый сложили свои полномочия. Рада согласилась на освобождение Шахим-Гирея и не приняла отказа других. И Макаренко стал председателем, а вместо Шахим-Гирея был назначен другой черкес — Гатогоу — демагог еще больший и такой же враг соглашения.

О политических течениях, наблюдавшихся в то время в Раде, один из членов кубанской делегации, Скобцов, говорил: «Их два: одно — то, которое желает вывести Кубань на широкую российскую дорогу, т. е. на путь, предложенный Харламовым — участия в строительстве Южно-русской власти; второе — топтание на месте со взглядами, обращенными на юго-запад, т. е. на Украину, где ожидается устройство «Кубанско-украинского союза». Эти группы выжидают событий, в зависимости от которых пойдут или по пути строительства России, или за Украину».

Разрыв был пока предотвращен. Но все обстоятельства, сопровождавшие заседание Рады, давали почву для глубочайших сомнений в возможность при сложившихся на Кубани настроениях благополучного исхода конференции.

Но и помимо кубанской обструкции было немало серьезных мотивов расхождения.

Обе стороны — и мы, и казачество, недостаточно считаясь с требованиями момента, проявляли чрезвычайную осторожность и осмотрительность в отношении будущего. Мы стремились к тому, чтобы создать нормальные взаимоотношения казачества не только по отношению к временной власти В. С. Ю. Р., но и к России, не растрачивая государственных прав и не создавая опасных прецедентов для будущей общерусской власти. Казачество, наоборот, стремилось закрепить за собой тахитим прав и «вольностей», именно в целях создания исторического прецедента, находя период безвременья наиболее подходящим для этой цели. В этом же стремлении кубанские делегаты требовали настоятельно предварительного заключения казачьего союза, чтобы во всеоружии силы ставить свои требования другой стороне. Притом — непременно «с запросом». Эта черточка казачьей психологии весьма своеобразно проявлялась на Донском кругу, где слышались речи: «надо настаивать на федерации, тогда получим автономию; не то, говоря об автономии, получим... генерал-губернатора».

«Торг» шел четыре месяца.

Государствоведы Особого совещания стояли твердо на том положении, что «русское государство, как единое целое, восстановлено с момента признания в нем единой Верховной власти в лице адмирала Колчака»; и определяли поэтому порядок вхождения казачьих земель в общегосударственный строй односторонним актом власти Верховного правителя, осуществляемой через главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России. Казачество держалось иной точки зрения, требуя учредительного съезда и союзного договора, октроируемого законодательными учреждениями всех договаривающихся сторон. Казачью точку зрения весьма ярко выразил донской атаман, ген. Богаевский в своей приветственной речи членам конференции:

— «Дон сам откажется от части своих временных суверенных прав в пользу будущей государственной власти, но его достоинство и заслуги в упорной борьбе с большевизмом не позволят ему принять как подарок признание его внутренней автономии. Волею судеб она есть и будет».

Принцип октроирования свыше в предстоящем образовании власти имел, между тем, далеко не одно лишь принципиальное значение. Ибо на первых же порах на конференции встал остро вопрос о признании адм. Колчака, к которому донцы отнеслись неопределенно, терцы и особенно кубанцы вполне отрицательно. Официальными мотивами такого отношения были: тяжелое положение к тому времени Восточного фронта, «недостаточная солидность базы, на которую опирается адмирал», форма правления его, «далекая от народоправства», «отсутствие гарантий сохранения демократических установлений на Юге» и т. д.

Пойти на такой шаг — игнорирования признанной мною Верховной власти, я очевидно не мог.

Мы проводили идею полной концентрации власти, в виде диктатуры, признавая такую форму правления единственно возможной в небывало тяжелых условиях гражданской войны... Казачество, допуская единоличную власть главнокомандующего, добивалось «гарантий», превращавших «единство» в федерацию, диктатуру — в чистейший парламентаризм. Оно требовало права образования союзов государственно-правового значения и автономных армий; учреждения законодательной палаты вместо законосовещательной; назначения председателя правительства по соглашению со «съездом»; права палаты выражать недоверие правительству; искусственно создаваемого численного преобладания в Совете казачьих представителей и т. д.

Помимо принципиального отрицания нами юридической зависимости правительства от предварительного органа в период борьбы, такой порядок, после признания Верховной власти адм. Колчака, не мог бы быть осуществлен иначе, как путем переворота. И я поставил перед конференцией вопрос о законосовещательных функциях палаты в ультимативной форме. Точно также, после опыта одной автономной армии, создавать таких три, значило бы идти не к объединению, а к расчленению и ставило бы в еще более тяжелое положение главное командование. Поэтому нашим представителям дано было указание: «Автономные армии не допускаются. Единая армия и единое законодательство (военное), считающееся с особыми условиями исторически сложившегося казачьего быта».

Интересно, что восточное казачество (Сибирь), пережив период «атаманства»³³, также не оставляло притязаний на особую роль в государственном управлении. Казачья конференция требовала: 1) учредить министерство по казачьим делам, с министром, избираемым казачьим Кругом (конференцией); 2) этот министр должен управлять ведомством при участии Круга; 3) ни один закон, касающийся казачества, не может быть проведен без рассмотрения Круга; 4) казачьими войсками должны командовать выборные походные атаманы... «Прочитав этот проект в целом — говорит омский министр Гинс — можно было впасть в отчаяние безнадежности, до такой степени ясны были в нем личные стремления и политиканство...»

Возвращаясь к Южной конференции.

С меньшими трениями проходили у нас вопросы о казачьей автономии, в особенности в области экономических отношений. Представители командования блюли интересы государственные, казачьи представители стремились к возможно широкому обеспечению своих «вольностей» и своих богатств. Обе стороны вносили в переговоры ригоризм и большую страстность.

В такой сложной работе, оторванной от реальной жизни и не считавшейся с темпом быстро текущих событий — огромных и страшных, прошло целых шесть месяцев. Принципиальные вопросы, обеспечивающие полноту единоличной власти, удалось отстоять; в остальных — обе стороны пошли на уступки. И в конце декабря Дон и Терек пришли к полному соглашению с командованием о конструкции Южной государственной власти. Кубань же вновь воздержалась, а по станциям «Коп» рассылал многозначительные разъяснения:

«Так что же казачество?.. Отвергнет ли оно мысль о диктатуре? Станет ли оно на защиту трудового народа, над которым уже вьются арканы, закидываемые помещиками, движущимися вместе с Особым совещанием при Добрармии?»

«Или его опять, как встарь, новоиспеченные цари и их лакеи обманут и приспят, опять обратят в опричников, в палачей свободы и народа?»

«Или, быть может, казакам, ушедшим далеко в глубь России, просто не дадут увидеть родной Край, как не дали увидеть ближайшую судьбу родного народа и родного Края Н. С. Рябоволу?»³⁴.

Принципиальное соглашение с Доном и Терекком было достигнуто как раз накануне общей эвакуации Ростова и Новочеркасска, перевернувшей вверх дном все предположения и вкорне изменившей взаимоотношения наши с казачеством.

Глава XXII. Кубанское действо

К октябрю положение на Кубани окончательно запуталось.

Парижская кубанская делегация, при молчаливом соучастии правительства и законодательной Рады, объявила об отторжении Кубанской области от России... Кубанские пограничные рогатки до крайности затрудняли торговый оборот и продовольственный вопрос Юга, в частности душили голодом Черноморскую губ... Саботаж кубанцами конференции ставил под сомнение возможность лояльного разрешения вопроса о создании общей власти... Правительственная агитация побуждала казаков к прямым действиям против главного командования.

После чрезвычайных усилий кубанского военного начальства пошли, наконец, пополнения на фронт. Полки, сведенные в сентябре до ничтожного состава в 70–80 шашек, увеличились до 250–300. Но положение от этого не улучшилось: «На фронте оставалась лучшая часть казаков, в станицах засели (ушедшие в тыл) шкурники и грабители,— писал командующий Кавказской армией...³⁵. Ныне... (они), в виде пополнений, вновь вернулись в части и вернулись развращенные теми, в чьих задачах разложить и ослабить Армию. Усилия самостийников за последнее время направлялись на наиболее стойкие отделы — линейцев, и пополнения из этих отделов наиболее развращены».

Атаману Филимонову хорошо была известна закулисная деятельность самостийников. По его определению «игра их была рассчитана сначала на Петлюру, а потом на неудачи Добров. армии и адмирала Колчака... Когда в мае сибирские войска стали подвигаться к Волге, наши самостийники приготовились сложить оружие... И вновь зашевелились после неудачи за Волгой и в связи со слухами о движении рабочих за границей... В последние месяцы, чувствуя, что зарвались, они решились на последнюю попытку — захватить власть на Кубани»³⁶. Для начала было выражено законодательной Радой недоверие походному атаману, генералу Науменко, по вопросу об отдельной кубанской армии, и Науменко вынужден был выйти в отставку (середина сентября). Предположено было в ближайшее время свергнуть и Филимонова. На пост кубанского атамана намечался Л. Быч, председателем правительства Воропинов, в состав кабинета — полковники Гончаров, Роговец и т. д. — весь крайний сектор кубанских самостийников.

Но ген. Филимонов продолжал относиться к положению с большим оптимизмом на том основании, что «значение на Кубани самостийников преувеличивается» и что «течение (это) никогда не имело корней в массах кубанского населения, а фабриковалось в г. Екатеринодаре в небольших и малозначащих партийных и радянских кругах». «Я всегда знал — писал он — что дело их давно осуждено на уничтожение»³⁷. Поэтому, атаман отвергал советы многих лиц — выступить активно против самостийной группы.

Не отрицая отсутствия почвенности в самостийном течении, я не мог, однако,

не считаться с тем, что эти «малозначащие» круги, не встречая должного отпора, в течение двух лет разлагали казачество, парализовали власть атамана и фактически правили и Радами и Кубанью. И никаких объективных данных к перемене такого положения не было.

Объехав ряд станиц, генерал Филимонов имел возможность убедиться лично, что настроение в них крайне нервное: «с одной стороны муссируются слухи, вызывающие враждебное отношение к Добровольческой армии, с другой — говорят о предстоящих чрезвычайных выступлениях самостийных групп». Ген. Филимонов решил, поэтому, обратиться к «голосу кубанского казачества», созвав на 15 октября чрезвычайную краевую Раду.

Обе стороны — и черноморцы и линейцы — стали деятельно готовиться к решительной борьбе.

По горькому опыту предыдущей сессии Рады я не возлагал на нее никаких решительно надежд. Наоборот — мог ожидать лишь новых потрясений. Особенно в отношении армии. И потому решил принять чрезвычайные меры.

В начале октября в Таганрог прибыл ген. Врангель. Очертив ему политическую обстановку, я указал на необходимость покончить с тем злокачественным нарывом, который мутит кубанскую жизнь. По словам Врангеля, он, на основании армейских настроений, пришел к тому же убеждению и ехал ко мне с тем же предложением.

Выполнение этой задачи я возложил на него, как на командующего Кавказской армией. Ген. Врангель должен был переговорить со старшими кубанскими начальниками и представителями «линейской» группы и сосредоточить в район Екатеринодара ко времени открытия краевой Рады надежные войска, чтобы затем действовать в зависимости от обстоятельств. Во избежание каких-либо ненужных эксцессов, не оправдываемых государственными интересами, я командировал в помощь ген. Врангелю, в качестве советника по части политической, начальника отделов законов и пропаганды К. Н. Соколова. Они приступили к действиям.

«Группой членов Рады — как докладывал за сим ген. Врангель — составлен был проект изменения кубанской конституции, который предположено было внести на утверждение краевой Рады». Сущность этого проекта, обсуждавшегося затем бароном Врангелем совместно с проф. Соколовым, заключалась в том, чтобы, не посягая на автономию края, придать выборному атаману действительную власть, сохранив ответственность его перед краевой Радой. В общем схема управления представлялась в следующем виде:

1. Высшая власть в крае — краевая Рада.
2. Исполнительная (отчасти и законодательная) власть — атаман и назначенное им правительство.
3. Законодательная Рада упраздняется.
4. Краевая Рада созывается и распускается атаманом ежегодно. На время созыва Рады вся власть принадлежит ей.
5. Необходимость создания отдельной кубанской армии отвергается.

Вместе с тем, принимавшие участие в составлении новой конституции кубанские деятели предъявили главному командованию ряд пожеланий, одобренных бар. Врангелем, главным образом, экономического и военно-служебного порядка. Среди них было, между прочим, одно бесспорное — урегулирование долгов нашего интендантства кубанским органам продовольствия и другое — «об установлении права Войска на получение определенной части захваченной Кавказской армией военной добычи». Это требование я отклонил, считая, что оно осложнит до чрезвычайности положение вопроса, вызовет обиду и соревнование и выльется в конце концов в организованный грабеж. Точно так же я отклонил требование привлечения иногородних на службу в кубанские части, ввиду тех тяжелых отношений, которые существовали между двумя группами населения Кубани.

После ознакомления с настроением своих частей, ген. Врангель несколько колебался, не имея уверенности «в стойкости их, в случае разрешения внутренних вопросов оружием» и опасаясь «бури на Дону»³⁸. Поэтому, он указывал находившемуся в Екатеринодаре ген. Покровскому, на которого возложено было им непосредственное выполнение задачи, «принять все меры к недопущению...вооруженного выступления, арестов и т. д...» «Предъявляя известные требования, можно опереться на Армию, но используя это оружие лишь как «Дамоклов меч», отнюдь не нанося им удары». Барон Врангель надеялся «на благоразумие одной части Рады

и на достаточность военной угрозы для другой». «По сведениям моим — писал он — призрак военного переворота уже пугает кубанских Мирабо...»

Эти надежды не оправдались. Около 50 членов Рады линейцев не прибыло вовсе, что еще более нарушило соотношение сил, и с первого же дня Рада, подчинившись вполне влиянию самостийной группы, приняла ярко враждебную нам позицию. Идеи борьбы с большевиками и устройства края отошли на задний план; весь пафос радян сосредоточился на борьбе с властью Юга.

После носившего демонстративный характер чествования памяти Рябовола, в Раде оглашено было письмо донского демагога Агеева, прославлявшее казачество и необычайно резкое в отношении «классовой диктатуры», «политики помещичьего шарабана и карет с графскими и баронскими гербами». Это письмо, чтение которого сопровождалось бурными аплодисментами, в десятках тысяч экземпляров было распространено затем по Кубани. Естественным послесловием к нему была речь престарелого депутата Щербины, говорившего: Прочь же с дороги темные силы! Кубанцы идут по битому пути демократизма и своих исторических заветов!..

На третий день сессии, 26 октября, Рада, вопреки мотивированным протестам атамана и линейской группы и не допустив обсуждения кандидатур, избрала «заместителем» председателя Рады ³⁹ И. Макаренко ⁴⁰, лидера самостийников, человека чрезвычайно озлобленного против Южной власти и страдавшего анекдотическим самомнением. За несколько дней перед тем он с кафедры законодательной Рады бросил тяжкое оскорбление кубанским войскам: Кубань не родила до сих пор ни одного порядочного генерала!

И, агитируя в кубанских станицах, сообщал им «радостную весть»: Идет батько Махно и несет свободу.

Избрание это являлось только вызовом, так как И. Макаренко был абсолютно не терпим в глазах меньшинства — линейцев, да и в своих же кругах считался человеком «бестактным и политически ограниченным».

Атмосфера в Раде сгущалась все более. Неизменный вопрос об отдельной Кубанской армии всколыхнул вновь страсти и вызвал разъяснения атамана, что им сделано в этом отношении все возможное, но законное желание его и Рады встретило непреодолимые затруднения со стороны главнокомандующего, не сдержавшего данных Кубани обещаний.

«Объективные» доклады Шахим-Гирея об общей политике Особого совещания, Иваниса — о «блокаде Кубани», Тимошенко — об «истинных виновниках голодания Кавказской армии», которыми он считал наши ведомства продовольствия и снабжения, накаливали атмосферу до крайних пределов.

С весны 1919 г. Терско-Дагестанский край пылал в огне восстаний. В Чечне и Дагестане, то затихая, то вновь разгораясь, шла кровавая изнурительная борьба между Вооруженными силами Юга и горцами этих округов, поддержанными большевиками, Азербайджаном и Грузией и руководимыми самозванным «горским правительством» (меджлисом). Борьба — ослаблявшая противобольшевистский фронт и угрожавшая подчас самому бытию Терского казачества.

И Терский атаман 14 октября писал мне: «...Чаша народного терпения переполнена... В то время, как казачья и Добровольческая русская кровь льется за освобождение Родины, мобилизованные, снабженные русским оружием, чеченцы и ингуши массами дезертируют и, пользуясь отсутствием на местах мужского населения, занимаются грабежами, разбоями, убийствами и поднимают открытые восстания».

Чтобы лишить эту борьбу характера узкой племенной розни (исторические счеты терцев с горцами), Терский атаман настаивал всегда на оставлении на горском фронте Добровольческих и кубанских частей.

Вот в это-то время широко распространился в печати «Договор дружбы между правительствами Кубани и республикой союза горцев Кавказа» ⁴¹. В нем, между прочим, заключались следующие статьи:

«1. Правительство Кубани и Правительство Республики Горских народов Кавказа настоящим торжественным актом взаимно признают государственный суверенитет и полную политическую независимость Кубани и Союза Горских народов Кавказа.

3. Договаривающиеся стороны обязуются не предпринимать ни самостоятельно, ни в форме соучастия с кем бы то ни было никаких мер, клонящихся к уничтожению или умалению суверенных прав Кубани и Республики Союза Горских народов Кавказа.

4. Войсковые части одной из договаривающихся сторон могут переходить на территорию другой стороны не иначе, как по просьбе или с согласия правительства этой стороны. Войска одной стороны, находящиеся на территории другой, поступают в подчинение этой последней».

Договор этот предусматривал, следовательно, отторжение от Терско-Дагестанского края горских областей, гибель Каспийской русской военной флотилии, которая была бы отрезана от Армии, и передачу кубанских частей Северного Кавказа на сторону и даже в подчинение «меджлису».

Такая постановка вопроса выходила далеко за пределы областных интересов, если не фактически, то морально нанося удар общегосударственному делу и армии и внося смуту в ряды кубанцев, защищавших русское дело на Северном Кавказе. Это была последняя капля, переполнившая чашу долготерпения.

Я запросил Кубанского атамана, действительно ли существует такой договор, и получил ответ, что атаману и правительству ничего неизвестно по этому поводу, но «по объяснению Султан-Шахим-Гирея, договор был заключен и подписан Калабуховым и другими, как проект, подлежащий утверждению законодательной Рады, на случай, если бы Антанта признала власть большевиков» ⁴².

Это искусственное и наивное оправдание, намечавшее к тому же оставление Кубанью Добровольческой армии и Терека в самую трудную минуту международных осложнений, не могло иметь никакого значения. И 25 октября я отдал приказ ⁴³:

«В июле текущего года между правительством Кубани и меджлисом горских народов заключен договор, в основу которого положена измена России и передача кубанских казачьих войск Северного Кавказа в распоряжение меджлиса, чем обрекается на гибель Терское войско. Договор подписан Бычем, Савицким, Калабуховым и Намитковым с одной стороны и Чермоевым, Гайдаровым, Хадзагаровым и Бамматом с другой. Приказываю при появлении этих лиц на территории Вооруженных сил Юга России немедленно предать их военно-полевому суду за измену».

В то время в пределах Вооруженных сил Юга находился один только Калабухов.

27 октября на вечернем заседании Рады атаман огласил мой приказ, который, по словам отчетов, «произвел огромное впечатление». Правительство особым постановлением довело до сведения атамана и Рады, что делегация «превысила свои полномочия». Вместе с тем, за подписью ген. Филимонова и Курганского (председателя правительства) послана была мне телеграмма, в которой, между прочим, говорилось:

«Если названные лица действительно подписали от имени Краевого правительства договор с меджлисом горских народов, о чем Краевому правительству по сие время официально неизвестно, то вопрос о превышении названными лицами данных им полномочий подлежит суждению Краевого правительства, а существо договора — суждению Кубанской краевой Рады, на рассмотрение которой в данный момент и вносится. Во всяком случае, упомянутые лица являются дипломатическими представителями Кубани и, как таковые, пользуются неприкосновенностью, почему, в случае совершения ими незаконных действий, могут подлежать суду только Кубанской Краевой власти, их делегировавшей».

Невзирая на настояния атамана — рассмотреть немедленно по существу этот вопрос во избежание роковых последствий, краевая Рада только 1 ноября имела суждение о нем и постановила: «не касаясь существа вопроса о договоре, протестовать самым решительным и энергичным образом против означенного приказа ген. Деникина и требовать срочной его отмены...» Сам атаман настойчиво просил Раду «сегодня же послать делегатов и убедить Донцов и Терцев вместе с нами настаивать перед ген. Деникиным на отмене приказа».

Рада отказалась осудить парижскую делегацию, и тем был окончательно определен дальнейший ход событий.

Продолжались заседания, отмеченные крайней напряженностью, бурными выступлениями и... нескрываемой тревогой. Атаман, между тем, «вместе с той частью Рады, которая (его) поддерживала, выработали особый план борьбы»: «мы решили предоставить представителям оппозиции высказаться до логического конца и тем самым открыть свои карты...» «Я находил — писал мне атаман впоследствии — предпочтительным предоставление уродливому явлению естественно рассосаться или быть осужденным самим населением, для чего нужно... только время».

Будто все это происходило в дни глубокого мира и покойной, безмятежной, тихо текущей жизни.

По мере развивавшихся событий барон Врангель терял надежду на мирный исход конфликта. 27 октября он писал ген. Лукомскому⁴⁴: «К сожалению избрание председателем Рады И. Макаренко заставляет признать, что обнаглевшие самоистийники окончательно закусили удила... Я сделаю все, но ход событий заставляет предвидеть возможность такого порядка вещей, когда отказ от военного вмешательства будет признанием слабости, а это, по моему убеждению, равносильно гибели».

30-го он телеграфировал атаману, что оскорбительные выражения, допущенные председателем Рады по адресу старших начальников, и присутствие в ней лиц, объявленных изменниками, лишает его возможности воспользоваться приглашением — посетить Раду.

Ген. Врангель остановился в Кисловодске, связавшись прямым проводом с Екатеринодаром, где находился ген. Покровский и прибывшая с Царицынского фронта кубанская бригада. По представлению барона Врангеля я включил в тыловой район Кавказской армии всю Кубанскую область, после чего он назначил «командующим войсками тыла» генерала Покровского. Это обстоятельство вызвало новую бурю в Раде, но, вместе с тем, еще большую растерянность и тревогу, так как Покровский пользовался репутацией человека весьма решительного и жестокого. Вероятно, и сам барон Врангель, передоверив выполнение задачи Покровскому, опасался несколько его решительности, потому что 29 октября по аппарату говорил генералу Науменко:

— «Ежели вы полагаете присутствие ген. Покровского в Екатеринодаре нежелательным, то я могу снестись с Таганрогом и просить об его вызове или вызвать его сюда».

Рада волновалась, атаман призывал к осторожности, И. Макаренко требовал отменить немедленно все приказы военных начальников, изгнать генерала Покровского из пределов Кубани и обратиться к населению с призывом — «Отечество в опасности», подняв казаков на защиту Кубанского края.

29—30 октября ген. Врангель через проф. Соколова докладывал мне политическую обстановку в Екатеринодаре, оценивая шансы на успех выступления в «50%». Сообразно этому, он предлагал на мое усмотрение одну из следующих комбинаций, не имевших между собой никакой внутренней связи и отражавших лишь личные побуждения командующего армией: 1) уехать ему в армию, предоставив Покровскому свободу действий; 2) уехать, потребовав от Покровского «невмешательства во внутренние дела Кубани»; 3) произвести под его, ген. Врангеля, руководством выступление и 4) предоставить ген. Покровскому принять меры по его усмотрению и затем выступить самому ген. Врангелю в Раде...

Ген. Покровский иначе расценивал обстановку, что видно из телеграфного доклада генерала Науменко барону Врангелю: «Вчера (1 ноября) говорил с Покровским. У него все организовано и он безусловно уверен».

Я не видел причин, чтобы иметь исполнителей или останавливаться на полдороге, вполне разделяя первоначальное мнение ген. Врангеля, что в такой момент «отказ от военного вмешательства будет признаком слабости, что равносильно гибели». И потому 31 октября я послал барону телеграмму:

«Приказываю Вам немедленно привести в исполнение приказание мое № 016729 и принять по Вашему усмотрению все меры к прекращению преступной агитации в Екатеринодаре, входящем в Ваш армейский район». № 014598.

В тот же день бар. Врангель послал нарочным соответствующее приказание ген. Покровскому, которое должно было быть вручено последнему «по подаче Войсковым атаманом в отставку, что ему одновременно с сим дан совет сделать». Атаман совета не принял.

5 ноября ген. Покровский предъявил Раде ультимативное требование о выдаче Калабухова и о «прекращении травли Добровольческой армии».

Атаман убеждал Раду подчиниться этим требованиям. На этой почве произошло бурное столкновение между ним и Макаренко, который потребовал свержения атамана и передачи власти президиуму Рады. Последовавшим голосованием, однако, выражено было доверие атаману, после чего Макаренко заявил, что «ввиду такого непонятного поведения Рады он вынужден сложить с себя полномочия»,

и исчез. Утром 6-го ген. Покровский повторил свое требование, прибавив к нему выдачу 12 главарей самостоятельной группы, указав предельным сроком исполнения полдень, к какому времени назначен был «парад» екатеринодарского гарнизона... ⁴⁵.

Рада подчинилась всем предъявленным требованиям. Указанные Покровским лица добровольно явились в атаманский дворец, где и были арестованы. Калабухов был предан военно-полевому суду и по приговору его повешен в ночь на 7 ноября. На другой день барон Врангель выступил в Раде, встретившей его шумными овациями. Рада выслушала долгую речь ген. Врангеля с тою и впоследствии не могла простить и себе и ему этого унижения.

Депутация Рады поздней ночью принята была мною в Ростове на вокзале, ходатайствуя о судьбе арестованных и свидетельствуя о готовности кубанцев вести борьбу до конца в полном единении с Добровольческой армией.

Не удовлетворение, а глубокую скорбь вызвали во мне их «покаянные» речи. Вынужденный в силу государственной необходимости на применение суровых мер, я знал, что удар по кубанским демагогам косвенно отзовется на самосознании кубанского казачества, имевшего большие заслуги и неповинного в политической игре — казачества, с которым нас связывали лучшие страницы боевой страды, к которому я относился с глубочайшей симпатией.

Но иного выхода не было. Одиннадцать арестованных членов Рады я приказал выслать за границу. Скрывшийся И. Макаренко, после нескольких недель скитаний по хуторам и плавням, получив от ставки через третьих лиц гарантию безопасности, вернулся в Екатеринодар. Он явился к начальнику нашего военного управления и поведал о том, что много пережил, передумал за это время и решил совершенно отойти от политической деятельности. Обещание свое выполнил.

Поднять против командования Донцов и Терцев кубанским послам не удалось. 7 ноября я посетил заседание Донского круга и в большой, почти трехчасовой речи развернул перед ним картину военно-политического положения противобольшевистских фронтов — тяжелого и грозного. Основы и мотивы нашей внешней политики. Историю взаимоотношений с казачеством и распри с Кубанью. Круг слушал с глубоким вниманием и отзывчивостью. Создавшееся на круге настроение побудило кубанских послов покинуть в тот же день Новочеркасск, не дожидаясь ответа Круга. Ответ последовал лишь 11-го, составлен был в примирительных тонах и заканчивался пожеланием, чтобы «происшедшие на Кубани печальные события не отразились на работе Рады, которая в целом должна быть выше всяких подозрений». Агеев — заместитель председателя Круга — под влиянием этих настроений сложил свои полномочия и отбыл для лечения в Грузию.

На Тереке кубанские послы встретили еще менее сочувствия, и председатель терского правительства в заседании Круга 19 ноября при общем одобрении говорил о «злокачественном нарыве», который «к сожалению был вскрыт другой силой, а не самими кубанцами».

В большинстве российских организаций и печати действия Южной власти в кубанском вопросе встретили полное сочувствие.

В ближайшие дни Рада вынесла ряд резолюций — об единении с Добровольческой армией, о скорейшем создании Южно-русской власти, о лишении полномочий парижской делегации. Поручила финансово-экономической комиссии пересмотреть экономическую политику края, в частности вопрос о таможенных рогатках ⁴⁶.

Вместе с тем Рада изменила основные положения кубанской конституции:

1. Законодательная Рада упраздняется и функции ее переходят к Краевой Раде.
2. Для избрания атамана учреждается особая атаманская Рада (временно эти функции несет Краевая Рада).

3. Правительство ответственно перед Краевой Радой.

4. Войсковому атаману, в случае несогласия с вотумом недоверия правительству, принадлежит право роспуска Краевой Рады. Рада нового состава должна быть собрана не позднее двух месяцев. Повторенный ею вотум недоверия правительству влечет за собой его отставку.

5. Положение об управлении Кубанским краем не может быть изменено правительством в порядке 57-й статьи.

10 ноября сложил свои полномочия кубанский атаман, ген. Филимонов, невзирая на настойчивые просьбы Рады. Он объяснил свой отказ тем обстоятельством, что с изменением конституции атаманские права расширяются до пределов,

превышающих определенные Радой при его выборах; что, как показали все предшествующие события, он не объединяет все слои населения края.

В письме своем ко мне он приводил другие мотивы: «В событиях последних дней на Кубани для меня лично оказалось самым тяжелым — это переданное мне через третьих лиц Ваше мнение о неприемлемости моего пребывания на посту Кубанского атамана... Являясь убежденным и последовательным сторонником идеи воссоздания России, я ни одной минуты не мыслил возможности работать без Вашего сочувствия и доброжелательства; поэтому, как только я узнал, что этих условий в настоящее время нет, я немедленно, несмотря на единодушное доверие Рады, сложил с себя полномочия...»

Главное действующее лицо екатеринодарских событий, ген. Покровский предъявил свои права на атаманскую булаву.

Барон Врангель называл имена двух кандидатов — Науменко и Покровского. Я считал дальнейшее вмешательство в компетенцию Рады ненужным и ответил, что, «не зная обстановки на Кубани, воздерживаюсь от участия в этом деле...»

Покровский был настойчив. 11 ноября по аппарату между ним и ген. Врангелем происходил разговор:

Ген. Покровский: «Отставка Александра Петровича ⁴⁷ воспринята в окончательной форме. До восьми часов были заседания в отделах, обсуждались кандидатуры, выдвинуты: Науменко, Улагай, Филимонов, Успенский. Меня боятся... Полагаю, что нужно применить форс-мажор».

Ген. Врангель: «...У Улагая шансов никаких нет, да, кроме того, он на это дело не пойдет. Филимонов здесь совсем неприемлем, и главнокомандующий разрешил мне определенно об этом сказать. Все решится между Вами и Науменко. В это дело теперь нам вмешиваться не следует».

Рада избрала атаманом генерала Н. М. Успенского, большого доброжелателя Добровольческой армии, и своим председателем Скобцова. Формирование кабинета поручено было Сушкову, стоявшему ранее уже во главе правительства в начале 1919 года.

Новый атаман, после своего избрания, заявил Раде: «Я считаю долгом заявить, что я, как гражданин и кубанский казак, глубоко оскорблен и потрясен событиями последних дней. Надеюсь на вашу мощную поддержку; опираясь на вас, я сделаю так, что события, имевшие место в прошедшем, не будут иметь места в будущем. Я сделаю так, чтобы никакие посторонние силы не мешали строить нашу жизнь так, как нам угодно».

Хотя в этом заявлении слышалось осуждение, но это была скорее дань чувству обиды, затаенному Радой. «Посторонние силы» не посягали более на «свободу народа», а политика атамана направлена была на борьбу с большевиками и на объединение с командованием.

Власть, таким образом, перешла к «линейской группе». И хотя «Коп» и другие правительственные органы продолжали еще по инерции свою деятельность, восстанавливавшую казаков против власти Юга, хотя оставшиеся самостийники не оставили, но перенесли в подполье свою «политическую работу» и в частности агитацию в пользу дезертирства и зеленоармейства, но кубанское казачество отнеслось к происшедшим событиям спокойно. И можно было думать, что укрепление новой власти остановит тот процесс разложения, который в течение более года точил организм Кубани, поражая день за днем, шаг за шагом ее армию.

Но судьба судила иначе.

Через месяц Н. М. Успенский, обходивший часто лазареты, заразился сыпным тифом и вскоре умер во цвете лет и сил. В конце декабря собралась вновь Краевая Рада для выбора атамана. Обстоятельства в это время были для нас несравненно хуже: Вооруженные силы Юга потерпели неудачу и, оставив Украину и север Донской области, ушли за Дон. Падало обаяние силы и, вместе с ним, авторитет Южной власти.

Это сразу почувствовалось в Раде. Она отменила все изменения кубанской конституции и постановления свои в ноябрьские дни и вернула к власти самостийников. Атаманом был избран ген. Букретов, лицо еврейского происхождения, чуждое кубанскому войску, не имевшее перед ним никаких заслуг и состоявшее перед тем под следствием по обвинению в злоупотреблениях в продовольственном деле. Был он избран исключительно по признаку враждебности к главному командова-

нию ⁴⁸. Председателем своим Рада избрала Тимошенко, председателем правительства стал Иванис. Оба самостийники и демагоги.

«Кубанское действо» признается многими причиной последовавшего затем развала кубанских корпусов, отразившегося фатально на положении общего фронта.

Я представляю себе взаимную связь явлений иначе: Вследствие причин весьма разнообразных, на Кубани создавалась почва, гибельная для дела противобольшевистской борьбы и весьма благоприятная для того «замирения», о котором говорил Троцкий-Бронштейн.

В ноябре я сделал попытку остановить течение этого процесса.

Попытка не увенчалась успехом. Потому ли, что меры были слишком суровы или что операция запоздала?

Вернее второе. Ибо «Рада Ивана Макаренки» несомненно довела бы ход разложения кубанских войск до его естественного конца — только более быстрым темпом и с большим внешним эффектом.

(Продолжение следует)

Примечания автора

1. На Кавказе — постоянные восстания горцев.
2. Февраль — июнь.
3. Тезисы его те же, что в декларации правительства Юга.
4. Центром деятельности соц.-дем. был Харьков, а соц.-рев. — Екатеринодар.
5. Поселенцы, осевшие на Дону после освобождения крестьян (с 1861 г.).
6. Доклад Кругу в заседании 25 октября 1919 г.
7. Заседание 30 мая 1919 г. Агеев разъяснял, что при редактировании этой статьи под термином «граждане» комиссия разумела «тех тружеников (агрономов, учителей, врачей и проч.) — не казаков и не коренных крестьян — которые всю свою жизнь прослужили Дону и под старость хотели бы приобрести участок земли для ведения на нем хозяйства.
8. Бывали и такие случаи: На запрос штаба главнокомандующего — какая дивизия поставлена, согласно приказу, в его резерв, ген. Сидорин ответил: «7-я б р и г а д а, временно находящаяся в бою». (29 июня 1919 г.).
9. Письмо от 2 октября 1919 г.
10. Из программы правительства. Ноябрь 1919 г.
11. Напоминаю, что в то время нередко даже в официальных документах термин «Добр. армия» включал понятие о вооруженной силе и об Южной власти.
12. Приблизительный состав населения: 1 миллион «русских», 35 тыс. астр. казаков, 225 тыс. калмыков и 400 тыс. киргизов.
13. Гражданское лицо, возведенное Тундутовым в ранг полковника.
14. В том числе Астрах. конная дивизия, преимущественно из калмыков.
15. Кн. Тундутов и Довукин-Очиров.
16. Баянов и Тюмень.
17. После падения Юга Тундутов, в качестве «светского и духовного главы калмыцкого народа», мистифицировал Константинополь и Будапешт, окончив свою карьеру переходом в советскую Россию.
18. Заседания 14 и 19 июня.
19. Насколько помню, были высланы только Лутковский (бывш. редактор «Двуглавого орла») и Востоков (издатель листовок).
20. Распоряжение правительства по этому поводу было отменено атаманом, причем вместо официальных репрессий начался неофициальный бойкот, по существу парализовавший деятельность учреждения.
21. Добровольческие части, по условиям дислокации, конечно, остались на Кубани: запасные, формирующие части, войсковые школы и т. д.
22. «Программа и тактика кубанской объединенной группы федералистов-республиканцев».
23. «Программа и тактика кубанской объединенной группы федералистов-республиканцев».
24. Конференция в Праге.
25. См. т. IV, гл. 7-я.
26. Закрытое заседание Круга 19 апреля 1919 г.

27. Председатель кубанского правительства.
28. 20 июня 1919 г.
29. Вопрос об иногородних.
30. Делегат Терека, бывш. проф. Военной академии.
31. Управляющий отд. вн. дел на Дону.
32. Черкесский народ всегда был лоялен; но малоинтеллигентные представители его голосовали покорно по указанию Шахим-Гирея и Гатогоу.
33. Самовластие целого ряда крупных и мелких «атаманов».
34. Брошюра «Казачи». Подзаголовок: «Издание отдела пропаганды Кубанского краевого правительства». Вызванное требованием командования распоряжения атамана об изъятии ее из обращения фактически выполнено не было.
35. Письмо на имя ген. Покровского.
36. Из письма ген. Филимонова ко мне от 2 декабря 1919 г.
37. Idem.
38. Из письма к ген. Покровскому от 21 октября.
39. «Бессменным председателем» постановлено было считать покойного Рябовола.
40. Совместившего незаконно должности председ. Рады и государственного контролера.
41. Появился впервые в грузинской газете, что вызвало большое озлобление законодательной Рады против грузинского правительства.
42. Сам Калабухов разъяснял в печати, что этот договор заключен «по праву, данному делегации чрезвычайной Радой».
43. Приказ-телеграмма, № 016729.
44. Все доклады по этому делу барон направлял на имя предс. Особого сов., ген. Лукомского.
45. Куб. бригада, военное училище и конвойные сотни. Дрейер, а за ним Скобцов говорят о «сформированном главным командованием офицерском отряде полк. Карташова». Это неверно. Дав определенную задачу, я не вмешивался в исполнение.
46. Комиссия эта, подсчитав кубанские провенансы, нашла, что «открытие границ не выгодно даже с Доном» и в середине декабря постановила «признать невозможным безоговорочное установление свободной торговли... и необходимым сохранение вмешательства краевой власти в хозяйственно-экономические отношения населения».
47. Генерал Филимонов.
48. См. т. III, гл. XXVII.

«Майские беспорядки» 1915 г. в Москве

Ю. И. Кирьянов

Советская историография обычно проходила мимо событий 26—30 мая 1915 г. в Москве, не укладывающихся в привычные представления о классовой борьбе, — так называемого немецкого погрома. Считалось достаточным упомянуть лишь о том, что подсказывал искусственно ограниченный материал источников — в данном случае резолюция группы рабочих, представленная в городскую думу, прокламации московских социал-демократов и некоторые воспоминания рабочих — участников событий.

Однако в этих документах давалась тенденциозная, связанная с пропагандистскими задачами оценка происшедшего: «Никакого участия, ни активного, ни пассивного, мы не принимали», — говорилось в резолюции рабочих. «Мы... будем протестовать против таких фактов, а также против той незаслуженной клеветы, которая кладется на нас нашими старательными якобы спасителями отечества, и требуем опровергнуть официально, что не рабочие участвовали в погроме, а подонки общества и студенты-академисты, чиновники — вот эта тепленькая компания и работала под наблюдением чинов полиции»; виновников нужно искать «не в душных корпусах фабрик и заводов, среди мозолистых рук измученных пролетариев, которые никогда не способны на такие грязные дела, а нужно искать в кабинетах наших сановников»; «пока не будет налицо гарантий политической свободы, как-то: свободы собраний, союзов, печати и т. п... пока не будут разбиты эти ржавые цепи, в которые закован русский измученный и голодный народ, русское правительство будет увлекать народ на разные авантюры и сеять между национальностями вражду, как-то: еврейские погромы, а теперь немецкие, для того, чтобы отвлечь внимание русского народа от его насущных задач».

В подготовленной к выпуску социал-демократической группой портных листовке (3 июня) отмечалось, что «кошмарные погромы, организованные и руководимые черной сотней, провокаторами, покровительствуемые полицией, забросали отвратительной грязью погромщиков русских рабочих и их освободительное движение». Предвидя голод и бунт, капиталисты захотели «вину свалить на немцев... Бейте их, а не нас. Оборванцы Хитрова рынка, согнанные полицией, которым все равно, что делать, возбужденные бабы, а за ними и мужья их, рабочие, на потеху русских купцов стали громить».

Оценки, приведенные в этих и некоторых других материалах, исходивших от рабочих организаций, переключались затем в литературу, например, в многотомную «Историю Москвы»: «Майское выступление 1915 г. говорило о том, что рабочий

класс Москвы снова набирает силы... Чтобы отвлечь внимание трудящихся масс от революционной борьбы, московские военные власти в лице главноначальствующего Юсупова и градоначальника Адрианова 28—29 мая 1915 г. организовали с помощью черносотенцев, «хитровцев»... немецкий погром; московские власти рассчитывали путем разжигания шовинизма отвлечь рабочий класс от революционной борьбы и добиться поддержки рабочим классом войны»; революционные рабочие отмежевались от «этой грязной провокации»¹. Подобные характеристики обычно сопровождались цитированием работы В. И. Ленина и Г. Е. Зиновьева «Социализм и война»: «Единственным классом в России, которому не удалось привить заразы шовинизма, является пролетариат. Отдельные эксцессы в начале войны коснулись лишь самых темных слоев рабочих. Участие рабочих в московских безобразиях против немцев сильно преувеличено»².

Тот же подход в несколько измененном виде можно встретить и в некоторых других работах. В сборнике «Стачки в России в 1914 — феврале 1917 г. Хроника» имеется указание на девять стачек (с участием 1,5 тыс. рабочих), которые якобы выражали протест против «немецкого погрома»³. Между тем ознакомление с документами, на которые сделана ссылка⁴, свидетельствует о неправомерности такого утверждения: указанные стачки и выступления, как и многие другие, были порождены волной антинемецких настроений.

Но преобладает в литературе фигура полного умолчания⁵. Даже в «Истории Великого Октября» И. И. Минца⁶, содержащей специальные разделы «Германское влияние в царской России накануне войны: позиции Германии в русской промышленности и торговле» и «Ослабление позиций германского империализма в России», не говоря о главах, посвященных рабочему движению, нет упоминаний о майских «беспорядках» 1915 г. в Москве.

Таким образом, получалось, что масштабы антинемецких выступлений в мае 1915 г. якобы раздуты, что рабочие в них если и участвовали, то лишь своими «темными» слоями, основной же «ударной силой» в них были черносотенцы и хитрованцы, что это движение не являлось отражением патриотических настроений участвовавших в них рабочих и т. д. Факт, однако, состоит в том, что в начале войны довольно широкие слои рабочих были захвачены настроениями против «внутреннего немца» и «немецкого засилья», имевшими свои причины и поводы (придирчивое отношение к рабочим, проявления непатриотичности представителями фабричной администрации из числа немцев и австрийцев и пр.). Фабричная инспекция и полиция неоднократно фиксировали стачки рабочих, единственным требованием в которых было: требование удалить с предприятия немцев и австрийцев из числа служащих⁷. В форме погромов магазинов в Москве подобные настроения получали свое выражение уже с октября 1914 года⁸.

В дальнейшем подобные настроения усиливались. В одном из перлюстрированных писем из Петрограда от 29 апреля 1915 г. в связи со взрывом на Охтенском пороховом заводе сообщалось: «Рабочие страшно взволнованы. Некоторые прямо говорят, что бросят работать, если правительство не уберет долой всех немцев из города и не оградит завод от шпионов и предателей, которые всюду снуют у нас безнаказанно. Конечно, раз у нас с самого трона до последнего сапожника всюду понатыканы немцы, которые имеют наглость открыто сочувствовать германцам и открыто ликуют при известии об их победах, то у нас еще в будущем возможны всякие взрывы, поджоги и пр. Рабочие это отлично понимают и имеют основание волноваться»⁹.

Помимо патриотизма, ущемленного известиями о поражениях русской армии на фронте в апреле — мае 1915 г., почвой для роста погромных настроений служило и нарастание хозяйственной разрухи, рост дороговизны, спекуляции товарами первой необходимости. «Явление это, — указывалось в циркуляре Департамента полиции губернаторам и градоначальникам от 12 апреля 1915 г., — особо тяжело отразилось на беднейших классах населения, недовольство коих уже стало проявляться в некоторых местностях в виде попыток к устройству уличных беспорядков и погромов торговых помещений купцов, подозреваемых в умышленном повышении цен»¹⁰.

Некоторые обстоятельства превращали Москву в центр общественного и оппозиционного движения. В отличие от Петрограда она не находилась на военном положении. Здесь намечались и были позднее проведены различного рода съезды,

нежелательные с точки зрения правительства и местной администрации. Москва — «это вулкан политических страстей, настроений, конъюнктур и организаций, вулкан, пока еще не действующий, но глухое клочкотание его уже слышно», — писал жандармский полковник В. Ф. Модль 6 мая ¹¹. И вполне понятно, власти изыскивали способы пресечения «разгула» неугодных правительству настроений и повод, чтобы ввести в Москве военное положение, подчинить печать военной цензуре и т. п.

Источником напряженности являлось и существование разногласий в «высших сферах» по вопросу о перспективах и целесообразности дальнейшего участия России в войне против Германии. К группировке наиболее решительных сторонников продолжения войны принадлежал князь Ф. Ф. Юсупов, назначенный в начале мая главноначальствующим Москвы. В донесении одного из осведомителей Московского охранного отделения от 30 мая сообщалось, что Юсупов, «как ставленник великого князя» (Николая Николаевича, являвшегося верховным главнокомандующим), слыл в Москве «представителем партии германофобов и, организуя погром, мог смело рассчитывать, что последняя возможность для германофилов заключить сепаратный мир будет вырвана и что русским не останется ничего более, как продолжать войну до последнего солдата» ¹².

В целом создававшаяся атмосфера требовала «разрядки», и события в виде погрома предприятий, магазинов, принадлежавших немцам и австрийцам, в известном смысле могли стать такой «разрядкой», укрепляющей позиции «партии продолжения войны» и выпускающей пар социального недовольства, отводя удар как от местной администрации и правительства, так и от русских предпринимателей.

Полицейские документы свидетельствуют о том, что накануне событий у рабочих (или каких-то их групп) все более развивалось сознание «полной безнаказанности» за участие в ожидаемом погроме, чему способствовала молва о том, что после посещения Юсуповым одного из заводов и его конфиденциального разговора с представителями от рабочих администрация предприятия вынуждена была пойти навстречу требованиям рабочих и уволить ряд служащих, впрочем, «совершенно ничего не имеющих с германским происхождением и среди них даже чисто русских, но лишь заслуживающих своей твердостью нерасположение рабочих масс» ¹³. Как пишет член сенатской комиссии Н. П. Харламов, Юсупов расспрашивал рабочих, «много ли у них на фабриках служащих-немцев и кого из них они желают выселить из Москвы» ¹⁴.

Как доносила полицейская агентура, «по мнению многих... организованность и полная уверенность в безопасности [для них] всего, что они делают», чувствовавшаяся «во всех действиях громивших», подкреплена была тем, что «главари манифестации ходили со списками предприятий, подлежащих уничтожению». В другом сообщении осведомителя говорилось: «Со стороны мелких коммерсантов и учащих-ся указания делаются на то, что полиция подготовила погром, были разосланы агенты для возбуждения толпы и даже якобы было организовано самое начало погрома, как, например, у «Скорохода», когда в один из магазинов Товарищества «Скороход» «явились трое неизвестных и потребовали документы и удаления двух заведующих-немцев. Но когда оказалось, что документы в порядке и что немцы еще раньше сменены, то пришедшие звонили в 5-е сыскное отделение, докладывая, что все в порядке, после чего отвели толпу и сами ушли» ¹⁵.

Выступления против немцев в Москве начались с прекращения работ на ряде предприятий и требования удалить администраторов-немцев. Уже 26 мая не вышли на работу все рабочие (около 1,5 тыс.) ситценабивной фабрики Гюбнера. Около 9 часов, собравшись во дворе, рабочие предъявили требование «об удалении с фабрики всех служащих там немцев» ¹⁶. Стачки сопровождались шествиями, которые во многих случаях заканчивались разгромом магазинов, зданий предприятий и даже квартир немецких и австрийских подданных.

Ход событий можно представить себе по донесению московского градоначальника от 10 июля 1915 г. «На почве раздражения [из-за] применяемого германцами и австрийцами способа ведения войны ¹⁷, а также в связи с возникшими на Прохоровской мануфактуре острожелудочными заболеваниями, которые народная молва приписывала отравлению питьевой воды немцами, возникли серьезные беспорядки». В числе таких эксцессов было возмущение швейниц-надомниц, принявших (при получении работы в одном из комитетов) заведующую за немку, которая якобы «отняла у них работу», передав ее австрийской фирме, и к тому же произносила

оскорбительные для армии выражения. На фабрике Гюбнера рабочие, прекратив работу, потребовали удавить с фабрики всех лиц германского происхождения.

27 мая манифестации охватили большую часть московских окраин; к вечеру толпа, насчитывавшая 8—10 тыс. человек, ворвалась во двор, а затем и в контору фабрики Циндель, где убила управляющего, пытавшегося оказать сопротивление. Та же толпа произвела беспорядки на фабрике Шрадера и других фабриках и заводах, причем были убиты еще четыре человека и избито несколько полицейских.

28 мая, по данным градоначальника, забастовали все рабочие Москвы «и начался в центральных частях города погром немецких магазинов, постепенно охвативший почти весь город». В погроме вначале «принимали участие и немногие интеллигентные лица, причем имущество разбиваемых магазинов и контор уничтожалось без расхищения, но к вечеру и настроение толпы и состав ее значительно изменились, начался грабеж, в котором немалое участие приняли женщины и подростки; во многих случаях ограбленные помещения поджигались. Разбитие водочной фабрики Шустера и винных погребов еще более озверило толпу, которая начала уже врываться в частные квартиры, разыскивая немцев и уничтожая их имущество. Поджоги, грабежи, буйство продолжались всю ночь с 28 на 29 мая и только утром этого дня погром был прекращен совместными усилиями полиции и войск, с применением оружия, так как в некоторых местах толпа проявила попытки строить баррикады».

В этот день в связи с совершенно определенной причиной не работали многие десятки тысяч человек (всего в Москве в это время насчитывалось более 200 тысяч фабрично-заводских и такое же число непромышленных рабочих). Это были стачечники — и активные и пассивные (которые не могли работать или из боязни расправы со стороны активных участников выступления, или вследствие разгрома их предприятий). В манифестациях и погромах участвовало, естественно, меньшее число рабочих и горожан. В погромах особенно заметную активность проявляли женщины и подростки (картина, весьма характерная для продовольственных беспорядков, что объяснялось опасением мужчин быть отправленными на фронт).

29 мая «движение» продолжалось. Его антинемецкая направленность была очевидной. По полицейским сообщениям о стачках на котельном заводе Бари, фабрике «Поставщик» и других предприятиях, «требований не предъявлено». В 10 часов 15 минут «толпа манифестантов» сделала попытку проникнуть на военно-обмундировочную фабрику «Поставщик», бывш. «Тиль», но не была допущена полицией. В типографии Сытина рабочие «с утра к работам не приступали. С 2 часов дня у них должно было быть собрание, на котором будет обсуждаться вопрос, чтобы к толпам манифестантов не присоединяться». В Сушевском участке «группы рабочих» громили дачи «исключительно немецкие, ломая обстановку», «разбивая стекла и т. д.»; в районе Петровского-Разумовского «толпа рабочих разделилась на две партии» и громила немецкие квартиры¹⁸. Только 30 мая полиция и войска восстановили порядок в городе.

Еще утром 28 мая движение перешагнуло городскую черту. По описанию начальника Московского губернского жандармского управления (ГЖУ), около трех тысяч рабочих Рябовской и Даниловской мануфактур прошли из города на фабрику товарищества Феррейна в Нижних Котлах, где «сняли» рабочих этой фабрики и учинили «беспорядки»; было выпито пять ведер винного спирта и похищено до 2 тыс. кусков мыла, около 10 пудов сахара, «попорчено много разного товара», а из квартиры заведующего фабрикой Авенариуса взяты «золотые и серебряные вещи, носильное платье, велосипед и много других вещей».

Затем эти же рабочие прибыли на Московский электрический завод в Верхних Котлах, где были похищены несколько плит меди, а из квартир ряда русских администраторов — личные вещи. После этого толпа, достигнув уже численности в пять тысяч человек, перешла на шелкокрутильную фабрику в Катуаре. Здесь во время переговоров с заведующим фабрикой П. Е. Цыгановым и заверений последнего о том, что на фабрике немцев нет, «из толпы раздались голоса: «Мы есть хотим». Цыганов выдал погромщикам 50 рублей, и они удалились».

С флагами и портретами царя «толпа разного люда» из Богородского участка г. Москвы пришла 29 мая в с. Ростокино. «К толпе этой присоединились местные крестьяне; все двинулись на фабрику Фермана, где разгромили и сожгли три жилых дома Фермана, причем большая часть имущества была расхищена». Затем эта же

толпа прошла в Свиблово, где разгромила квартиру фабриканта — саксонского подданного Фределя и в соседнем имении Рихтера — две дачи. «Вторая толпа, образовавшаяся в местности Лосиноостровское, частью из приехавших с разными поездами из Москвы и частью [из] местных крестьян и рабочих кирпичных заводов в числе около 4000, в 12-м часу дня, также с национальными флагами, портретом Государя императора, направилась в имение Вогау, находящееся при селце Неклюдово, где, разгромив и расхитив имущество, подожгла дом, четыре дачи, конюшню, надворные постройки и скотный двор, причем скот был угнан».

В этот же день в 9 часов утра из Москвы в с. Всехсвятское пришла «толпа мужчин и женщин в числе 2000 человек; во Всехсвятском к ним присоединилось разного люда до 1000 человек, после чего начали погром квартир и дач» как германских, так и русских подданных. Около 4 часов дня толпа перешла в Серебряный Бор, где была разгромлена дача А. А. Комина, но дальнейшее «буйство» было остановлено местной полицией.

29 мая в 12 часов дня «рабочие находящиеся в местности Спас-Сетунь фабрик: Московского акционерного общества шерстоткацкой мануфактуры около 700 чел., Гинзбурга — около 300 чел., Торгового дома Смирнова и К^о — около 150 чел. и Реддавей и К^о — около 700 чел., прекратив работы, собрались в означенной местности и с портретом Государя императора, Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, с флагами и пением «Боже, Царя храни», направилась по Можайскому шоссе». В с. Волынском под крики «Долой немцев» были разгромлены и подожжены дома и дачи Кнопов, а имущество расхищено. То же повторилось на Немчиновском посту с дачами В. А. Лемана и некоторых других лиц.

В то время как непосредственно в Москве «беспорядки» были прекращены 29 мая, в некоторых пригородах они продолжались и на следующий день. Как отмечалось в докладе начальника Московского ГЖУ, к утру 30 мая в местности Архангельское «образовалась толпа частью из местных крестьян и частью из рассеянных по лесам участников погрома 29 мая, которая направилась в имение бывшего германского подданного Марка, где разгромила и сожгла имение и пять дач, в том числе и дачу, на которой проживал шведский консул. Этот погром в пределах [Московского] уезда явился последним. Стянутые к этому времени из других уездов стражники прекратили дальнейшее развитие беспорядков»¹⁹.

События эти получили широкую огласку: о них сообщалось в газетах. Во время погромов пострадало немало иностранцев — подданных союзных или нейтральных государств. Было повреждено помещение Нидерландского консульства. МИД России получило 4 (17) ноту (памятную записку) французского посольства о том, что пострадало несколько французских граждан. Посол в Японии просил МИД прислать текст информации, чтобы поместить ее в токийских газетах и дать японской публике «правильное» представление о происшедшем²⁰. В Государственной думе был сделан запрос, и она предполагала обсудить вопрос о происшедших в Москве беспорядках.

30 мая были отстранены от должности два помощника московского градоначальника. 4 июня царским указом был уволен от должности градоначальник генерал А. А. Адрианов, 5 июня — неожиданно для многих отправлен в отставку министр внутренних дел Н. А. Маклаков. Рескрипт об его отставке содержал слова благодарности, вписанные царем. Тем не менее многим казалось очевидным, что поводом для столь неожиданного поворота в судьбе министра явились московские события²¹. 14 июня Юсупов в Ставке докладывал Николаю II о московских событиях, делая, правда, акцент на вопросе об отношении к иностранным подданным. Вскоре и он был отстранен от занимаемых должностей главноначальствующего и начальника Московского военного округа. По высочайшему повелению (8 июня) была создана сенатская комиссия во главе с Н. С. Крашенинниковым для выяснения причин и виновников случившегося с тем, чтобы «данные означенного расследования были доложены Его Императорскому Величеству». Согласно рапорту Крашенинникова, «поступки московского градоначальника» заключали в себе «признаки противозаконного бездействия власти по предотвращению и прекращению беспорядков, происшедших в г. Москве 27—29 мая 1915 г., т. е. в случаях, которые по своему и размерам беспорядков должны быть отнесены к числу особо важных».

В связи с возложенной на Крашенинникова обязанностью он передал Сенату

заключение своей комиссии «на предмет возбуждения против бывшего московского градоначальника Свиты Е.И.В. генерал-майора А. А. Адрианова уголовного преследования по признакам преступления, предусмотренного 339 и 2 частью 341 ст. ст. Уложения о наказаниях»²². Первый Департамент Сената единогласно постановил назначить над Адриановым предварительное следствие; постановление это было представлено «на благовоззрение Государя Императора», но «дальнейшего хода дело не получило»²³.

Давая объяснение причин своего бездействия и неиспользования военной силы против участников беспорядков и погромщиков, градоначальник Адрианов (организатор подавления одного из восстаний 1905 г.) говорил о прямых указаниях Юсупова и более ранних, апрельских аналогичных рекомендациях Маклакова. В циркуляре последнего губернаторам и градоначальникам по поводу уличных беспорядков в связи с вздорожанием съестных припасов от 14 апреля отмечалось: «Подобные беспорядки надлежит предупреждать и немедленно прекращать самыми решительными мерами, но при этом отнюдь не прибегать к действию оружием». Такая оговорка делалась во избежание недовольства солдат действующей армии применением огнестрельного оружия против мирного населения. Юсупов и Маклаков отрицали свою виновность. Первый говорил, что утверждение градоначальника не соответствует действительности, а второй указывал, что конкретные решения должны приниматься вне зависимости от рекомендаций общего характера.

Маклаков сразу же после случившегося, 31 мая, еще до своей отставки, разослал губернаторам и градоначальникам циркулярное письмо, в котором указывал на необходимость в дальнейшем без промедления пресекать подобного рода беспорядки и в этой связи предписывал не допускать каких-либо манифестаций, даже патриотического характера²⁴. Это распоряжение способствовало сбору сведений о настроениях и поведении населения и рабочих. Изучение их внушало властям тревогу.

Хотя принимались меры к недопущению беспорядков, подобных московским, тем не менее они отозвались в Астрахани. Вот как описывалось в частном письме то, что происходило там 9 сентября 1915 г.: «С 2-х часов дня начался погром магазинов лучших Рейнеке, Шмидта, потом кондитерской Шарау, магазинов Зингера, Иоффе, Арнольда и многих других. Наступившая темнота дала погромщикам возможность все бить, ломать и тащить. 10 сентября все магазины на Московской улице были забиты, а некоторые закрыты. Торговля продолжалась под охраной казаков. Во время погрома магазинов забраны в участок 63 мужчины, 20 женщин и 20 мальчиков с награбленными вещами. Мужчин (много татар) и женщин препроводили в тюремный замок, а мальчиков (зачинщиков) пока оставили при участке»²⁵. Хотя данное письмо несколько односторонне освещает события (пострадали также магазины, владельцами которых являлись и русские, евреи, армяне, персы), но сам факт разгрома немецких магазинов отмечен верно. В позднейшем докладе чиновников Министерства внутренних дел имеются разделы «Разгром мучников, преимущественно немцев» и «Разгром разных магазинов, в большинстве с иностранными фамилиями»²⁶.

Погромные настроения населения, включая и рабочих, были довольно широко распространены в различных городах. По агентурным данным (20 июня), уже после событий в чайных и трактирах Тверской части Москвы «между рабочими был такой разговор: по отношению бывшего погрома некоторые высказывали сожаление, что из-за немцев пострадали русские торговые предприятия и иностранцы не немецкого происхождения; некоторые высказывали порицание правительству и администрации за то, что в Москве еще есть много немцев и немецких предприятий, и высказывались, что если немцы будут и дальше находиться в Москве, то будет еще погром».

В донесении начальника Тверского ГЖУ от 9 июня 1915 г. говорилось: «Среди рабочих на фабриках Тверского района, особенно на Морозовской, происходит, пока в весьма скрытой форме, брожение на почве неудовольствия, что на некоторых из этих фабрик продолжают оставаться на службе немцы. Брожение это... легко может вылиться в немецкие погромы, могущие распространиться на город [Тверь] и окрестности». Сходные настроения рабочих были зафиксированы полицией на Сормовском заводе Нижегородской губ., предприятиях Ярославской губ., Трубочном заводе Столля Воронежской губернии.

Начальник Кронштадтской железной дороги 2 июня 1915 г. отмечал, что

«несмотря на предупреждение начальника военного округа о недопущении в Петрограде беспорядков, подобных бывшим в Москве, можно вскоре ожидать подобного и в Петрограде, т. к. рабочие массы возбуждены и все они крайне озлоблены против немцев, а правительство обвиняют в недостаточной энергии в борьбе с немецким засилием, дороговизной. Среди рабочих Выборгского района даже указывают на день, назначенный для беспорядков, которые предполагается начать под видом патриотической демонстрации»²⁷. Это сообщение как бы продолжает донесение начальника Новгородского ГЖУ от 17 июня 1915 г., рисующее более тревожную картину. В нем излагались разговоры, которые вели между собой нижние чины расквартированного в Новгороде 177 запасного пехотного батальона «против проживавших в России немцев» и против продолжавшего мириться с этим правительства. Разговоры шли «о предстоящем в Петрограде погроме немцев, так как войска на стороне погромщиков, который должен распространиться после этого на города России, и что таковой будет в Новгороде, и [если] им приказано будет стрелять, то они не исполнят сего приказания и вместо погромщиков убьют начальника гарнизона, губернатора и то начальство, которое примет меры к усмирению этого погрома».

Даже позднее «антинемецкие настроения» продолжали сохраняться. Среди требований 1600 рабочих верфи Путиловского завода в Петрограде, предъявленных 19 августа, было и такое: «...3) удалить германских и австрийских подданных, перешедших в русское подданство»²⁸.

Настроения против «внутренних немцев» были сильны и в других регионах и промышленных центрах. Харьковский губернатор докладывал управляющему Министерством внутренних дел 16 июня: «Беспорядки, возникшие в Москве на почве ненависти к подданным воюющих с нами держав и вообще к немцам, не могли пройти бесследно в таком крупном центре, как г. Харьков... Слухи о возможности погромов в г. Харькове упорно в обществе циркулируют. На самом большом к г. Харькове заводе, притом работающем на государственную оборону, Паровозостроительном, среди рабочих произошли секретные переговоры, не закончившиеся пока ничем определенным; так как одна часть рабочих высказывалась за своевременность выступления, другая часть, напротив, настаивала на правильном и спокойном продолжении работ. Харьковский городской голова точно так же докладывал мне о дошедших до него слухах относительно возможного в Харькове возникновения погромов... Нельзя вместе с тем не иметь в виду, что благоприятной почвой для таких выступлений может послужить заметное ныне вздорожание продуктов и предметов первой необходимости»²⁹. Тревожные сообщения поступали из других мест. Начальник жандармского управления Одессы доносил 10 июня: «Под влиянием московских событий наблюдается большое недовольство иностранцами, в особенности это имеет место на кожевенном заводе Радоконаки». Начальник Киевского ГЖУ сообщал в Департамент полиции: «Среди киевского общества циркулируют слухи, что 20 июня здесь должен состояться погром». Открытое возмущение рабочих немцами и австрийцами в составе администрации было отмечено в июне на Петровском металлургическом заводе в Енакиеве (Екатеринославской губернии)³⁰.

Начальник Самарского ГЖУ доносил 11 июня: «Вскоре после событий, происшедших в Москве, среди жителей г. Самары, а главным образом среди рабочего элемента, началось высказываться неудовольствие по поводу пребывания в г. Самаре некоторых германских подданных» и деятельности под старой фирмой макаронного завода, принадлежавшего ранее германскому консулу. Казанское ГЖУ сообщало 2 июня: «По городу ходят неясные слухи, неизвестно от кого исходящие, о том, что предполагается устроить погром немецких магазинов». По донесению Терского областного жандармского управления (8 июня), рабочие завода «Русский Грозненский стандарт» «бастовать не намерены, но если... «немцев» (в данном случае голландцев и швейцарцев.— Ю. К.) не уберут, то говорят, что расправятся с ними сами. Такое мнение всех рабочих завода, а агитаторов, возбуждающих рабочих против администрации, нет». Сведения о возможных погромах поступали в Департамент полиции из Архангельска, Владивостка, Сарапула и некоторых других мест.

К этому следует добавить заметное раздражение крестьян ряда губерний землевладельцами-немцами. Начальник Тверского ГЖУ доносил 10 июня: «Среди крестьянского населения Тверской губ. высказывается большое сочувствие бывшему

немецкому погрому в г. Москве, причем толкуют так: «Нужно было бы и у нас погромить всех немцев, а то от начальства не дождешься, когда их всех выселят».

Настроения против «внутреннего немца» (под которым в ряде случаев понимались вообще иностранцы) были весьма сильны и широко распространены. Некоторые деятели администрации (товарищ министра внутренних дел В. Ф. Джунковский; Ф. Ф. Юсупов, М. В. Челноков и др.) имели определенные основания говорить, что происшедшие в Москве беспорядки приняли «в общем характер враждебного по отношению к немцам народного движения»³¹. Этому способствовали поражения на фронте, сообщения о применении немцами отравляющих веществ, о зверствах над пленными, о шпионаже в тылу, о взрыве на пороховом заводе в столице и др.³². Однако нельзя не видеть, что обострение антинемецких настроений происходило под влиянием заметного ухудшения экономического и продовольственного положения. Эта грань выступлений все время высвечивалась: в первый день женщины требовали работы, которой они лишились; в ходе выступлений участники погромов почти сразу же перешли от разгрома магазинов и других помещений на «идейной почве» к расхищению товаров и имущества.

На прямую связь антинемецких настроений с ростом дороговизны указывалось как в официальных документах, так и в перлюстрированных письмах. Житель Павловского посада следующим образом описывал события и объяснял их причины: «Громило под 100 000, прямо все улицы были заполнены товарами, и в Москве был сильный пожар, и эти магазины сперва разгромят, а потом жгли, а вот за что их, за дороговизну, и говорят, немцы под Кремль подрывались, хотели взорвать, и артезианские колодцы отравили... Перемышль неприятель у нас взял... Говорят наши 9 генералов его продали, а они, немцы, командовали в русской армии»³³.

Настроения, захватившие московских рабочих, удалось использовать сторонникам продолжения войны, в частности Юсупову, для подстрекания рабочих к выступлению. Не слишком скрываемое попустительское главона начальствующего Москвы и полиции (по крайней мере на раннем этапе) привело к непредвиденным организаторами формам, масштабам и результатам выступлений, которые их перепугали, озадачили и отбили желание повторить что-либо подобное в будущем.

Прибывший в Москву 1 июня член совета министра внутренних дел Н. П. Харламов вспоминал, что он был поражен видом улиц. «Можно было подумать, что город выдержал бомбардировку вильгельмовских армий. Были разгромлены не только почти все магазины, но даже разрушены некоторые дома, как оказалось затем, сгоревшие от учиненных во время погромов поджогов»³⁴. Это же отмечалось в перлюстрации. Известный на Юге деятель правых организаций И. И. Дудниченко, оказавшийся в это время в Москве, писал: «Что произошло на этих днях в Москве — пером не рассказать. Народ с дубиной пошел на немца, немца местного, коренного. К вечеру начался массовый грабеж и перестали отличать немецкие магазины от не немецких; пошли громить не из-за немцев, а для грабежа. Пьяная чернь принялась немцев жечь. Москва запылала пожарами. На одного разоренного немца приходится 10 разгромленных русских»³⁵.

За эти дни пострадали 475 германских и австрийских предприятий и 217 квартир и домов германских и австрийских подданных. Заодно досталось 489 русским с иностранными фамилиями и подданным других государств и 90 русским с русскими фамилиями³⁶. 28 мая было отмечено 150 пожаров. Согласно докладной записке московского городского головы М. В. Челнокова на имя председателя Совета министров от 4 июня 1915 г., убытки лишь по 352 предприятиям составили 31,4 млн руб., по 158 квартирам — 4,9 млн руб., и по домовладениям — 2,2 млн рублей. Сведения не удалось получить еще по 122 предприятиям и 59 квартирам, но полагали, что они понесли ущерб на 15 млн рублей; точно так же не указаны здесь убытки от пожаров, которых случилось свыше 60; приблизительную сумму этих убытков тоже нужно считать около 15 млн рублей. Таким образом, общая сумма ущерба составляла около 70 млн руб., при этом «денежные документы, деньги, векселя, дубликаты и пр. при определении убытков в счет не принимались». Сюда следует добавить еще потери от разрушений в Нижних и Верхних Котлах, Катуаре, Ростокине, Свиблове, Архангельском, Всехсвятском, Спас-Сетуни, находившихся за городской чертой, и др.

Некоторые источники содержат иные цифры, но тоже немалые. В рапорте сенатора Крашенинникова отмечалось, что за дни беспорядков в Москве было

разгромлено «732 отдельных помещения магазинов, складов, контор, квартир и пр на сумму, по определению потерпевших, в 50 604 764 рублей». Для сравнения, в время наиболее крупных «продовольственных погромов» в 1916 г. в Екатеринодаре Семипалатинске, Сормове ущерб оценивался в один-два миллиона рублей ³⁷. «Определить размеры экономических потрясений в торгово-промышленной жизни Москвы, а может быть, и России, от разгрома такого числа в большинстве случаев крупных торгово-промышленных предприятий,— писал Челноков,— в настоящее время не представляется возможным... Уничтожено счетоводство всех разгромленных фирм, погибли векселя и огромное количество товаров, в том числе склады аптекарских и химических товаров, кожи, обуви, машин, медицинских аппаратов съестных припасов и пр. и пр. Из числа разрушенных фирм целый ряд работал по заказам военного ведомства, Земского и Городского союзов и города Москвы».

По докладу Юсупова на имя министра внутренних дел от 31 мая, во время беспорядков погибло 16 человек, из них семь было убито солдатами, а остальные погибли вследствие падений при пожарах. Ранено было 28 человек, из них 1 получили ожоги. Были ранены два офицера, среди чинов полиции ранен 21 человек и 50 получили переломы, а также незначительные поранения. Из 105 конных городских пострадала почти треть (32 человека). «Русские ведомости» писали, что на 28 мая в Москве было арестовано несколько сот лиц, «прикосновенных к происходившим в Москве в последние дни погромам и к расхищению имущества» ³⁸. Вместе с тем полиция отмечала, что в этот день большинство задержанных уличенных в грабеже, «было освобождено буйствующей толпой».

«Майские события» не лишены сходства с уже начавшимися и затем принявшими широкий и опасный характер выступлениями на почве дороговизны и отсутствия предметов первой необходимости. Это была весьма своеобразная форма социального протеста. Правда, по наблюдениям полиции, в это время «враждебного правительству характера действия толпы не имели, сцены разрушения нередко сопровождались пением гимна «Спаси, Господи...»

Самым массовым участником событий были рабочие и работницы и члены их семей (подростки прежде всего). Это были рабочие различных производств (текстильного, металлического, резинового, кирпичного и др.). С определенностью можно сказать, что в выступлениях не принимали участия «сознательные» рабочие. Представители же «средних» и «низших» слоев рабочих в той или иной мере участвовали.

Кроме рабочих, в погромах были замечены представители средних городских слоев — какая-то часть интеллигенции, студентов, мелких служащих, чиновников а также низшие чины военных (прапорщики). По свидетельству Адрианова, «в погроме приняла участие чуть ли не половина московского населения», действовали заодно и отставной генерал, и инженеры, и студенты, и дамы общества и т. д., «сочувствующих погрому было, пожалуй, три четверти всего населения Москвы». Когда Юсупов в 1 час ночи 29 мая подъехал к генерал-губернаторскому дому на Тверской, то увидел толпу. «Тут были,— отмечал он,— старики и старухи, подростки, дети, студенты, солдаты, прилично одетые дамы и женщины престолярства». Настроение толпы «не было вызывающе-враждебным. Скорее она была в каком-то веселом, праздничном настроении».

По поводу состава «грабителей», которых он видел 29 мая (уже днем), Юсупов писал, что это были «люди всякого возраста и разных сословий, не исключая к стыду сказать, и интеллигентных лиц». Из 50 магазинов, по словам Юсупова только им самим было выдворено несколько тысяч грабителей ³⁹. В некоторых пунктах погрома, по полицейским данным, толпой будто бы руководили: на Мясницкой — прапорщик, которому, когда он показался в окне разгромленного магазина, толпа устроила овацию; у Красных ворот — «другой прапорщик (форма похожая на летчика) советовал толпе разгромить немецкий магазин» ⁴⁰.

Полицейские документы указывают и на роль черни, обитателей Хитрового рынка. В одном из них говорилось о «черни», выразившей «сожаление о том, что начальство сегодня громить не велит... Дало один денек, и будет». Под «черню» в полицейских документах нередко понимались группы из различных социальных слоев, включая и рабочих, а не только «хитрованцы». По этим же данным, среди погромщиков было немало пьяных (были разгромлены винный магазин Шустова винные склады) ⁴¹.

В упомянутой резолюции группы рабочих, направленной в городскую думу, отрицалась какая-либо причастность к событиям рабочих. На самом деле основной костяк участников беспорядков составляли именно рабочие промышленных предприятий. Это подтверждается не только полицейскими документами, но и воспоминаниями рабочих, написанными в начале 20-х годов. Правда, полиция отмечала, что «огромное большинство рабочих, устроивших это движение... не принимало участия в расхищении имущества», что «форменный грабеж» — дело рук «подонков населения». То же засвидетельствовали печать, администрация города. По данным Петроградского телеграфного агентства, «как только толпа начала грабить и дошла до крайних пределов бесчинства», рабочие «разошлись по домам». Юсупов также обратил внимание на то, что «после разгрома магазинов, когда начались грабежи, рабочие удалились»⁴². Однако определенные группы рабочих продолжали это занятие и в дальнейшем.

Трудно определить общее число участников, но, по-видимому, в течение двух дней их насчитывалось свыше 100 тысяч. Как известно, фабричная инспекция не регистрировала эти события, хотя такого же характера стачки второй половины 1914 г. ею были зафиксированы и учтены. Основные сведения относительно размаха движения имеются в полицейских документах, но по вопросу о численности погромщиков и в них содержатся лишь отрывочные данные. В донесении московского градоначальника от 10 июля отмечалось, что «27 мая манифестации охватили большую часть московских окраин» и к вечеру толпа в 8—10 тыс. человек ворвалась во двор и затем в контору фабрики Циндель. 28 мая «забастовали все рабочие Москвы и начался в центральных частях города погром немецких магазинов, постепенно охвативший почти весь город».

В докладной записке министру внутренних дел от 28 июня Юсупов делал попытку свалить ответственность за бесчинства на каких-то злонамеренных организаторов и самих же немцев: «События были организованы заранее. Во главе толп, производивших бесчинства, были замечены лица, руководившие беспорядками и указывавшие те магазины, которые намечались к разгрому. Конечно, социал-демократы и революционеры (социалисты-революционеры? — Ю. К.) также приложили свою руку к этому делу, а по некоторым данным, можно думать, что этому немало содействовали и немцы. Я даже уверен, что немцы были вдохновителями московских беспорядков. Злонамеренные лица сумели поднять толпу и преступно использовать ее патриотическое настроение, постепенно взвинченное бестактным поведением остававшихся в течение 10 месяцев в Москве германских и австрийских подданных». В докладной же записке Челнокова председателю Совета министров от 4 июня отмечалось: «Погромы совершались спокойно, по какому-то определенному плану; во главе погромщиков стояли руководители, имевшие у себя списки магазинов и квартир; в некоторых случаях эти начальствующие сносились с кем-то по телефону, наводили справки в списках, проверяли торговые документы, паспорта, домовые книги и пр. Первое время грабежа не наблюдалось — имущество уничтожалось, но вскоре поддерживаемая кем-то дисциплина в толпе нарушилась и начались грабежи. Погромы приняли особенно дикий характер, когда громилы подошли к винным складам»⁴³.

В литературе можно встретить указания на партийную принадлежность организаторов происшедшего. Социал-демократы сразу же заклеили позором подобного рода выступления и отмежевались от них. Небезызвестный агент Московской охраны А. С. Романов («Пелагея») 31 мая доносил: «События... явились для социал-демократических кругов полной неожиданностью и отношение таковых к этим событиям определенно отрицательное». В воспоминаниях рабочих также отмечалось, что социал-демократы, несмотря на свое отрицательное отношение к погрому, оказать какое-либо воздействие на массы не могли. «Сознательный рабочий» завода «Богатырь» В. Фокин вспоминал, что он в своем отделе «хотел было начать агитацию, убедить [товарищей] в том, что мы ничего не достигнем; я говорил: «[Требовать] выслать немцев из Москвы можно, но уничтожать и грабить имущество не следует. Но меня не послушали». «Не было никакой возможности остановить толпу, — свидетельствовал рабочий одного из предприятий Лефортовского района Ш. Ибрагимов, — и многим партийным товарищам пришлось, опустив руки, смотреть на страшную картину разгрома, в результате которой остались тысячи безработных»⁴⁴. Возможно, имелся в виду именно такую позицию

«сознательных рабочих», начальник Московского охранного отделения писал 29 мая: «По агентурным указаниям, со стороны отдельных агитаторов (видимо, главным образом, деятели РСДРП) были попытки обратить эти волнения в революционные выступления против правительства, но попытки эти успеха не имели, разбились о внутреннее сознание несвоевременности всякого противоправительственного движения в настоящее тяжелое время борьбы» с Германией ⁴⁵.

По одной из получивших распространение версий, в публике была уверенность, что все дело организовано «двуглавцами» — представителями местных патриотических сообществ, выступавшими за ликвидацию «немецкого засилья». Иногда прямо назывались представители правых организаций, черносотенцы. На это указывали социалистическая печать, социал-демократические листовки, а после 1917 г. — авторы некоторых воспоминаний ⁴⁶. Между тем, по собранным полицией сведениям, интеллигенция, объединенная в Земском и Городском союзах и вокруг «Русских ведомостей», считала, что инициатором и организатором погрома являлся главным образом Юсупов. «Двуглавцы» же «не могли принять в нем деятельного участия будто бы уже по одному тому, что Германская империя и Пруссия будут полезны русским в борьбе с революцией, как единственный оплот монархизма в Европе, что разграбление фирм и убийства немцев здесь совершенно вырывают почву из-под ног у лиц, жаждущих спасти твердыню монархизма» ⁴⁷.

Руководители местных правых организаций отрицали причастность к московским беспорядкам. Один из «известных деятелей правых организаций» В. Г. Орлов, находившийся в Крыму в момент беспорядков, заявил представителям печати, что он «удручен происшедшим и категорически заявляет, что члены патриотических обществ и партий, всецело сочувствуя всемерной борьбе с немецким засильем», осуждают погром, «коего никогда не были и никогда не могли быть участниками, ибо выше всего ставят законный порядок и повиновение власти предержащей». Руководитель другой правой организации С. А. Кельцев намеревался вместе с единомышленниками оказать помощь собиранию сведений, доставляемых сенатору Крашенинникову, занимавшемуся расследованием дела о погроме в Москве ⁴⁸.

В печати, а также в записках члена сенатской комиссии Харламова указывалось на причастность к погромной агитации и бесчинствам по крайней мере нескольких членов двух «патриотических обществ» — Национального союза и «За Родину» — Турчанинова и Тридентского. Турчанинов был назван председателем организованной при первом из названных обществ Комиссии по подготовке и проведению патриотических манифестаций. Оба общества имели «ярко антинемецкое направление» ⁴⁹. Издававшиеся ими газеты «Время» и «Вечерние известия» постоянно призывали к бойкоту товаров немецких магазинов. Московский отдел Национального союза издал в 1914 г. указатель «Германские и австрийские фирмы в Москве на 1914 г.». По всей видимости, эта брошюра и была использована в начале погрома.

Тем не менее, как отмечала одна из газет, хотя «возможно, что кто-то из неуравновешенных членов монархических организаций, увлеченный общим потоком, принимал участие в погроме, но несомненно, что эти организации не подготавливали погрома и не руководили им». Эта версия согласуется с распространенными в Москве слухами о том, что газеты «Время» и «Вечерние известия» «будто бы субсидировались фирмами Абрикосова и Сиу, которым представлялся весьма желательным бойкот товаров их серьезного конкурента — фирмы Эйнем» ⁵⁰. По мнению Харламова, хорошо знакомого с материалами сенатской комиссии, «правильной организации погрома [со стороны] той или другой политической партии или лиц не было. Очевидно, погром принял такие громадные размеры совершенно стихийно, не вызвав к тому же в своем начале никаких мер противодействия» ⁵¹.

В выигрыше от происшедшего, очевидно, оказалась партия продолжения войны. После такого «антинемецкого» выступления народных масс второй столицы невозможно было предпринимать шаги, направленные к сепаратному миру с Германией. Готовившийся специальный закон о ликвидации «немецкого засилья» появился, однако, лишь через полгода, в декабре. Возможно, что-то выиграли и русские (не пострадавшие) предприниматели в Москве, поскольку были потеснены или устранены их немецкие конкуренты. Но для населения, в том числе и для рабочих, стал более явственным призраком дороговизны и безработицы, как следствие разрушения некоторых предприятий ⁵².

Вместе с тем это специфическое в условиях войны с Германией национально-

социальное недовольство сулило властям непредвиденные и тревожные последствия. «Москва вся горит и идет революция,— читали в Департаменте полиции перлюстрированное письмо какого-то военнослужащего,— бьют магазины, и заводы, и фабрики немецкие. Нас туда выгнали на усмирение 12 бат., или три полка, весь город горит пожаром и побитый дотла, и заставляют нас стрелять. Это настоящая война». Автор другого письма, посланного из Москвы 7 июня, рассуждал: «Масса — чернь, смешанная отчасти и с рабочим населением, раздраженная и измученная тяжелыми условиями жизни, учинила погром... Был хаос. Но в этом хаосе совершенно ясно выдавалась острая струя голода по движению вперед, острая тоска по достижению лучшего, тяжелое недовольство против существующих условий жизни и наших неудач, виновников которых «голос народа» совершенно верно определяет. Власти учуяли это настроение, знали, чем оно грозит, и поспешили открыть клапан, дать ему выход и более выгодное направление»⁵³.

При усмирении разбушевавшегося населения полицией недовольство масс стало переходить с немцев на полицию. По свидетельству осведомителей, «вообще ночью [на 29 мая] заметна была перемена настроения, враждебно переменившегося в отношении полиции, и был замечен ряд мелких столкновений, которые на другой день и пришлось уже круче ликвидировать». Более того, отмечалась перемена настроения «от немцев к возбуждению вообще». Среди населения усиливалось недовольство действиями правительства и местных властей; считалось, что при известной расторопности с изданием закона о ликвидации «немецкого засилья», умелом использовании войск и полиции погром можно было предотвратить. «Достаточно было небольшого вмешательства и сопротивления погрому, и его бы не было». «Применение вооруженной силы, которое было сочтено за запоздалое, лишь озлобило массы и придало повсеместно разлитому напряженному состоянию какой-то оттенок революционности. Сознание, что, борясь с немцем, они борются уже с правительством, «состоящим из немцев», распространялось в народных кругах».

В некоторых высказываниях события связывались с перспективой антиправительственного движения. На Никольской, недалеко от склада Цинделя, выделялась группа, где «горячо ораторствовал загорелый, здоровый рабочий». Он, по сообщению осведомителей, обвинял во всем полицию и вообще указывал, что «если и действовать, так не немцев избивать, а вообще все перевернуть». Уходя, он назвался ленским рабочим и на ходу продолжал негодовать. Один студент обратился к нему и сказал: «Встречаю за все время погрома одного, который действительно правильно на все смотрит». «Это ничего, что с немцев начали, — воспроизводились разговоры в другом сообщении осведомителя, — доберутся и до всех, кому следует накласть». «С этого же и раньше начиналось», — слышались возгласы. В «публике» находили, что событиям «придается слишком значительный вес, и это у активно участвовавшей в погроме массы вызывает преувеличенное о себе представление»⁵⁴.

Беседуя с представителями Московского биржевого комитета (П. П. Рябушинским, С. Н. Третьяковым, Н. Д. Морозовым, Ю. И. Поплавским, А. И. Коноваловым и др.), Харламов вынес впечатление, что они «опасаются возобновления беспорядков. Настроены они были довольно панически и с тревогой говорили о возможности начала революционного рабочего движения, признаки которого видели в происходивших в это время (июнь — август 1915 г. — Ю. К.) кое-где забастовках, как например, в Костроме, а также и на некоторых фабриках Иваново-Вознесенского района. Намеки на начало такого движения и в Москве они видели в предъявленных рабочими разгромленных фабрик требованиях — уплатить им вперед трехмесячное содержание за время вынужденной остановки фабрик»⁵⁵.

«Тревожная значимость» происшедших в Москве событий улавливалась и политическими деятелями правого толка, а также рядом администраторов. Протоиерей И. И. Восторгов, возглавлявший перед войной одну из правых организаций в Москве, писал фрейлине А. А. Вырубовой в Царское Село 29 мая: «Движение народа проглядели и не приняли мер; оно теперь пойдет вширь и вглубь, и его пулями и нагайками одними не остановить. Движение это теперь не социалистическое, поэтому войска и полиция, как показал вчерашний день, могут становиться на сторону толпы... Толпа имела вчера определенный план в погромах: бить немцев, потом недобросовестных торговцев, потом евреев, но у всех на устах с самой большой ненавистью упоминается Ордынка (там жила вел. кн. Елизавета Федоровна, родная сестра царицы, немка по национальности.— Ю. К.)... Толпа говорит, что

если правительство нашим врагам покровительствует и порядка в жизни не обеспечивает, то мы-де сами с кем нужно расправимся»⁵⁶. Доклад начальника Московского охранного отделения полковника А. С. Мартынова от 5 июня содержит следующее заключение: «Такой взрыв может оказаться только репетицией для другого, настоящего и серьезного взрыва»; «неудачи на войне ускорят ход событий и выдвинут в жизнь такие силы, о которых сейчас трудно предполагать»⁵⁷. Юсупов докладывал министру внутренних дел, что если не будут приняты срочные и решительные меры к ликвидации «немецкого засилья», то «впоследствии, быть может, при наборе ратников ополчения II разряда, могут разыграться события уже не «патриотического», а в собственном смысле революционного характера, так как социал-демократы не спят, а мы, в свою очередь, лишь играем им в руку»⁵⁸.

Таким образом, инспирированный определенными кругами в «высших сферах» «немецкий погром» в мае 1915 г. превратился в одно из специфических звеньев не только национального, но и социального протеста в стране. Он имел в известном смысле продолжение в выступлениях на почве дороговизны и нехватки предметов первой необходимости и способствовал обострению отношения рабочих к полиции, местным властям и правительству.

Примечания

1. История Москвы. В 6 томах. Т. 5. М. 1955, с. 315—316.
2. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 26, с. 331.
3. Стачки в России в 1914 — феврале 1917 г. Хроника. М. 1989, с. 140.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 63, 1915 г., д. 1325, л. 278; д. 1327, л. 24—26.
5. Немногие из сохранившихся источников, впрочем, опубликованы. Это воспоминания рабочих (ФОКИН В. Мои воспоминания о партийной работе (в Москве) за 1915—1917 гг. В кн.: Путь к Октябрю. Вып. 3. М. 1923, с. 131; ИБРАГИМОВ Ш. Н. О Лефортовском районе. С 1905 до начала 1917. Там же. Вып. 5. М.-Л. 1926, с. 142) и некоторые документы (см.: МЕНИЦКИЙ И. Рабочее движение и социал-демократическое подполье Москвы в военные годы (1914—1917 гг.). М. 1923; его же. Революционное движение военных годов (1914—1917). Т. 1. М. 1925; Путь к Октябрю. Вып. 5, с. 142 — агентурные сведения полиции от 1 и 2 июня 1915 г.; История российских немцев в документах (1763—1992). М. 1992.
6. МИНЦ И. И. История Великого Октября. Т. 1. М. 1967, с. 71—77, 199—203.
7. Рабочее движение в годы войны. М.-Л. 1925, с. 20, 28.
8. Голос, Париж, 12.XI.1914. № 52; Наше слово, Париж, 4.XII.1915. № 257, с. 2; ХАРЛАМОВ Н. П. Записки бюрократа. Борьба с немецким засильем во время русско-германской войны в 1914—1916 гг. Российская государственная библиотека. Отдел рукописей (ОР РГБ), ф. 261, кор. 20, д. 6. Записки Харламова частично опубликованы: Родина, 1993, № 8—9.
9. ГАРФ, ф. ДП, перлюстрация, 1915 г., д. 1020, л. 830.
10. ГАРФ, ф. ДП, 4-е д-во, 1915 г., д. 130, л. 3 и об. См. также: Большевики в годы империалистической войны. 1914 — февраль 1917 г. Сб. док. М. 1939, с. 43.
11. ГАРФ, ф. ДП, перлюстрация, 1915 г., д. 1020, л. 875. См. также: МЕНИЦКИЙ И. Революционное движение военных годов, с. 420.
12. Цит. по МЕНИЦКИЙ И. И. Рабочее движение и социал-демократическое подполье, с. 119, 120.
13. ГАРФ, ф. 63, 1915 г., д. 1325, л. 521.
14. ОР РГБ, ф. 261, кор. 20, д. 6, л. 50 об.
15. МЕНИЦКИЙ И. Рабочее движение и социал-демократическое подполье, с. 121, 123.
16. ГАРФ, ф. 63, 1915 г., д. 1325, л. 279.
17. Вероятно, имеется в виду применение газов.
18. ГАРФ, ф. 63, 1915 г., д. 1325, л. 278; д. 1327, л. 24, 25.
19. ГАРФ, ДП, ОО, 1915 г., д. 246, л. 118—121. Доклад начальника Московского ГЖУ директору Департамента полиции, 2 июня 1915 г.
20. Там же, д. 246, прод., л. 22 об., 68, 92—93, 107, 110.
21. Соболевский А. (Москва) — Кулаковскому Ю. А., 16 июня (ГАРФ, ф. ДП, перлюстрация, 1915 г., д. 1023, л. 148); командующий I армией — Литвиновой Е. Ф. (Москва),

- 6 июня (там же, д. 1013, л. 45); Б. Б. (действующая армия) — Шарову С. И. (Москва), 10 июня (там же, л. 76).
22. ГАРФ, ф. ДП, ОО, 1915 г., д. 246, прод., л. 24, 196.
 23. Воспоминания В. Ф. Джунковского. ГАРФ, ф. 826, оп. 1, д. 56, л. 333.
 24. ГАРФ, ф. ДП, ОО, 1915 г., д. 246, л. 45.
 25. Пальмов П. (Астрахань) — Пальмову Н. Н. (Киев). ГАРФ, ф. ДП, перлюстрация, 1915 г., д. 1014, л. 717.
 26. Там же, 4-е д-во, 1915 г., л. 4, ч. 3, т. 2, л. 2 и об.
 27. ГАРФ, ф. 63, 1912 г., д. 191, т. 5, л. 322; ф. ДП, 4 д-во, 1915 г., д. 73, ч. 2, л. 16; д. 165, л. 5 об., 13, 24; ф. ДП, ОО, 1915 г., д. 247, л. 6 и об., 20.
 28. ГАРФ, ф. ДП, ОО, 1915 г., д. 247, л. 20; ф. ДП, 4-е д-во, 1915 г., д. 108, ч. 61, лит. А, л. 14, 15; д. 61, ч. 10, т. 4, лит. А, л. 53 и об.
 29. ГАРФ, ф. ДП, 4-е д-во, оп. 124, д. 83, ч. 2, л. 19.
 30. ГАРФ, ф. ДП, ОО, 1915 г., д. 247, л. 18, 27, 61, 63; Государственный архив Днепропетровской обл., ф. 2, л. 3117, л. 44, 121 об., 225, 230.
 31. ГАРФ, ф. ДП, ОО, 1915 г., д. 246, прод., л. 93, 127; д. 247, л. 14, 9, 16; ф. ДП, 4-е д-во, 1915 г., д. 73, ч. 2, л. 17.
 32. ГАРФ, ф. ДП, ОО, 1915 г., д. 247, л. 12 и об. Донесение помощника начальника Харьковского ГЖУ от 1 июня 1915 г.
 33. Там же, д. 165, т. 3, л. 173. Фрейлина Ес Величества Анна Вырубова. Дневник. М. 1993, с. 112—113.
 34. ОР РГБ, ф. 261, кор. 20, д. 6, л. 45 об.
 35. ГАРФ, ф. ДП, перлюстрация, 1915 г., д. 1042, л. 17 об. 18.
 36. Вестник Европы, 1915, № 7, с. 386.
 37. ГАРФ, ф. ДП, ОО, 1915 г., д. 246, прод., л. 6—7 об., 37, 196; Утро России, 12.I.1916; Биржевые ведомости (Утренний вып.), 10.VI.1915.
 38. ГАРФ, ф. ДП, ОО, 1915 г., д. 246, прод., л. 8; д. 246, л. 49 об., 96; Русские ведомости, 3.VI.1915.
 39. ГАРФ, ф. ДП, ОО, 1915 г., д. 246, прод., л. 117 и об., 195, 206 и об.; ф. ДП, 4 д-во, 1915 г., д. 107, ч. 42, л. 8 об. 9; Утро России, 4.XII.1915.
 40. МЕНИЦКИЙ И. Рабочее движение и социал-демократическое подполье, с. 123.
 41. Там же, с. 118—121, 123; ГАРФ, ф. 63, 1915 г., д. 1327, л. 24; ф. ДП, перлюстрация, 1915 г., д. 1042, л. 17 об. 18; Вестник Европы, 1915, № 7, с. 386.
 42. МЕНИЦКИЙ И. Рабочее движение и социал-демократическое подполье, с. 119, 123—125; Русское слово, 31.V.1915; ГАРФ, ф. ДП, ОО, 1915 г., д. 246, л. 44; д. 246, прод., л. 206 об.
 43. ГАРФ, ф. ДП, 4 д-во, 1915 г., д. 108, ч. 42, л. 8 об.—9; ф. ДП, ОО, 1915 г., д. 246, прод., л. 6 об., 206 об.
 44. МЕНИЦКИЙ И. Рабочее движение и социал-демократическое подполье, с. 119; ИБРАГИМОВ Ш. Н. Ук. соч., с. 142—143; ФОКИН В. Ук. соч., с. 131.
 45. ГАРФ, ф. ДП, ОО, 1915 г., д. 246, л. 27.
 46. МЕНИЦКИЙ И. Рабочее движение и социал-демократическое подполье, с. 118, 126; ИБРАГИМОВ Ш. Н. Ук. соч., с. 142; Наше слово, Париж, 22.VIII.1915.
 47. МЕНИЦКИЙ И. Революционное движение военных годов, с. 442;
 48. ГАРФ, ф. ДП, ОО, 1915 г., д. 246, прод., л. 67; ф. ДП, перлюстр., 1915 г., д. 1027, л. 504; Союз русского народа. Сб. док. М.-Л. 1929, с. 185—210.
 49. ГАРФ, ф. ДП, ОО, 1915 г., д. 246, л. 68—73в, д. 246, прод., л. 135—138; ОР РГБ, ф. 261, кор. 20, д. 6, л. 75 об.—76.
 50. День, 29.VI.1915; ГАРФ, ф. ДП, ОО, 1915 г., д. 246, прод., л. 96; ОР РГБ, ф. 261, кор. 20, д. 6, л. 78 об. — 79.
 51. ОР РГБ, ф. 261, кор. 20, д. 6, л. 77 об.
 52. МЕНИЦКИЙ И. Рабочее движение и социал-демократическое подполье, с. 122.
 53. ГАРФ, ф. ДП, ОО, 1915 г., д. 246, прод., л. 149; д. 9, ч. 68, лит. Б, л. 8.
 54. МЕНИЦКИЙ И. Рабочее движение и социал-демократическое подполье, с. 122—124.
 55. ОР РГБ, ф. 261, кор. 20, д. 6, л. 48 об. — 49.
 56. ГАРФ, ф. ДП, перлюстрация, 1915 г., д. 1042, л. 17—17 об.
 57. МЕНИЦКИЙ И. Революционное движение военных годов, с. 423, 424.
 58. ГАРФ, ф. ДП, ОО, 1915 г., д. 246, прод., л. 207 об.

Письма Екатерины II Г. А. Потемкину

В 1989 г. журнал «Вопросы истории» поместил (№№ 7—10, 12) письма Екатерины II Г. А. Потемкину периода его фавора. Поскольку тексты были переданы по корректуре 1930-х годов, представлялось любопытным найти подлинники. Значительная часть их оказалась в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), где в ходе поисков был обнаружен еще один фрагмент той же переписки ¹.

Документы эпистолярного комплекса, публикуемого ниже, освещают внешнюю политику России 80-х годов XVIII в., которая во время издания материалов личной канцелярии императрицы ², в отличие от ее интимных записок, не принадлежала к числу закрытых тем. То, что эти документы не увидели света в конце прошлого — начале нынешнего столетия, связано, по-видимому, с хранением их среди бумаг по истории дома Романовых, которые Николай I распорядился не распечатывать до особого повеления, последовавшего лишь в 1898 году. Но и тогда подготовка этих писем и записок к печати остановилась на стадии копирования. Возможно, их предполагали включить в состав «Дипломатической переписки», публикация которой, доведенная до 1777 г. ³, не могла продолжаться после закрытия в 1917 г. Русского исторического общества. Так или иначе, копии, сделанные под руководством Я. Л. Барскова и в настоящее время подшитые к подлинникам ⁴, не были выверены и прокомментированы (во всяком случае, комментариев к ним не удалось найти ни в РГАДА, ни в фонде Барскова в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки).

В советский период названные материалы были доступны ученым, но использовались редко, поскольку содержащиеся в них факты в главных чертах известны по другим источникам. Прежде всего это касается писем за август — сентябрь 1787 г. (№№ 1—8), повествующих о начале, сразу после возвращения Екатерины II из путешествия в созданную Потемкиным новую Россию, войны с Турцией. О событиях и результатах «времен Очаковских и покоренья Крыма», которые волновали умы их свидетелей, потом воспринимались как должное или снисходительно порицались, написано немало ⁵.

Общепризнана неизбежность войны 1787—1791 гг. ввиду, с одной стороны, нежелания Порты мириться с радикальным изменением соотношения сил в бассейне Черного моря, с другой, — стремления России отстоять условия Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г., вытекающих из него соглашений и планов дальнейшего разрешения Восточного вопроса (именно с этими планами связано обсуждение в письме от 6 сентября возможных в процессе предполагаемого распада Османской империи уступок союзнику — Священной Римской империи). Исследователи отмечали и неблагоприятную для России внешнюю обстановку лета 1787 г., и неурожай в ряде губерний, и особую трудность защиты Причерноморья и Приазовья при незавершенности строительства крепостей и флота.

О роли Потемкина как командующего Екатеринославской армией, а с 1789 г. — всеми русскими войсками историки и публицисты спорят до сих пор, причем в последнее время возобладала тенденция оправдания всей его многократно клеймившейся деятельности, в том числе и военной ⁶. Однако считать ли русско-турецкую войну 1787—1791 гг. «суворовской» или «потемкинской», нельзя сомневаться в отчаянии князя Таврического на ее начальном этапе (вплоть до готовности оставить Крым, а самому сдать командование возглавлявшему Украинскую армию нелюбимому им фельдмаршалу П. А. Румянцеву и уйти в отставку). Не менее известна проявленная тогда Екатериной твердость духа вместе с подчеркнутой гордостью и уверенностью в неоспоримом превосходстве своей державы, которые она всегда проявляла во всем, что касалось международных отношений.

Тем не менее публикуемые письма представляют интерес для современного читателя, поскольку дают возможность непосредственно наблюдать, как разворачивалась скрытая от посторонних глаз пружина большой политики. Политики, воплощавшейся в громких победах, новых городах и тысячах безымянных жертв, но делавшейся в первую очередь людьми, чья личность во всей яркости и противоречиях отразилась в нескольких собственноручных письмах императрицы к верноподданному, который уже перестал быть фаворитом, но до самой своей смерти оставался сподвижником и другом.

Следующие за письмами о русско-турецкой войне не датированные Екатериной записки по времени возникновения, содержанию и значению весьма различны. Ошибочно помеченная (по-видимому, при разборе документации Потемкина в конце XVIII в.) 1785 г. записка (№ 9) включает информацию об исполненном Екатериной 28 июня 1783 г. намерении назначить генерал-кригс-комиссаром (главным интендантом армии) М. С. Потемкина (1749—1791) ⁷. Оставление занимаемой с 1781 г. должности шталмейстера (заведующим императорских конюшен вместо него стал В. М. Ребиндер) не повлекло отдаления М. С. Потемкина от двора, и он до конца оставался одним из самых влиятельных членов «партии» сторонников своего могущественного родственника и покровителя.

Две последующие записки (№ 10—11) отражают начало с 1782 г. активной политики России в Закавказье, сперва подчиненной задаче присоединения Крыма, а после признания этого акта Турцией 28 декабря 1783 г. — обеспечению безопасности новых границ России от ирано-турецкой агрессии. Поддержка идеи армянских патриотов о восстановлении Армянского царства вместе с установлением протектората над грузинскими владениями и «горскими народами» была важным звеном этой политики, в выработке и проведении которой Г. А. Потемкину принадлежала ведущая роль. Его ближайшим помощником и доверенным лицом стал его троюродный брат, генерал-поручик П. С. Потемкин (1743—1796) ⁸, назначенный 6 сентября 1782 г. командующим Моздокской укрепленной линией.

Огромный комплекс материалов разных архивов о действиях Потемкиных в большинстве своем не опубликован, а детальные исследования сложнейших обстоятельств внутреннего и международного положения региона немногочисленны ⁹. Поэтому трудно точно определить время распоряжения Екатерины (№ 10) по рапортам командира Апшеронского полка П. И. Аршеневского (? - 1803) о характерных для всей политики Турции в период между двумя войнами попытках поднять Кавказ против России. Ясно лишь, что оно состоялось после назначения П. С. Потемкина (скорее всего, уже и после поступления — при его непосредственном участии — Восточной Грузии в 1783 г. под российское покровительство).

Записку о Фет-Алихане (в разных документах именуемом также Фехт-Алиханом и Фатали-ханом), «гавани» и «армянских народах» (№ 11) можно датировать более определенно. Принцип «армян... ласкать и питать благое в них расположение» был неизменным в русской дипломатии, которая при этом неоднократно меняла отношение к борющемуся за объединение земель Азербайджана дербентскому и кубинскому владельцу Фет-Алихану (1736—1789). Однако высказывание намерения его наказать вместе с решением «учредить» новую «гавань», подтверждением покровительства армянам и указанием на пребывание Г. А. Потемкина в Петербурге позволяет со значительной степенью вероятности отнести данную записку к концу марта — началу апреля 1783 г. (послание армянских архиереев и меликов с изъявлениями преданности российскому двору и просьбами о присылке войск подписано 3 марта; остановленный благодаря действиям П. С. Потемкина в марте поход

Фет-Алихана на Карабах повлек все же за собой серьезные разорения, причем тогда же было перехвачено письмо к нему алцихского Сулейман-паши, которое считали доказательством его протурецких настроений; в марте была составлена и первая карта Ахтиарской гавани, где в июне началось строительство севастопольского порта; Г. А. Потемкин выехал из Петербурга в Нарву в первую неделю апреля).

Записка о мерах на случай вооруженного конфликта на китайской границе (№ 12) примыкает к секретному рескрипту Г. А. Потемкину от 26 июня 1785 г. о поручении ему организации обороны Сибири ¹⁰. Прерванная тогда торговля восстановилась только через семь лет, почти одновременно с оправданием иркутского и колыванского генерал-губернатора И. В. Якоби (1726—1803), дело по обвинению которого в стремлении втянуть Россию в войну с Китаем, служебных злоупотреблениях и неуважении к Сенату известно по воспоминаниям Г. Р. Державина.

Закрывающее комплекс письмо на французском языке касается малоизученного эпизода русско-шведских отношений по окончании войны 1788—1790 гг. — планов встреч Густава III с Екатериной или Потемкиным для обсуждения условий заключения союзного договора. Планы эти возникли не ранее прибытия уполномоченного России генерал-майора П. А. фон дер Палена (1745—1826) (более всего известного руководящей ролью в свержении Павла I) в Стокгольм в октябре 1790 г. и оставались в силе до начала апреля 1791 г., когда идея прямых переговоров со шведским королем была окончательно отвергнута. Несмотря на нереализованность стремления Густава III упрочить лично восстановление «дружбы» с русской императрицей ¹¹ союз между Россией и Швецией был заключен 8 октября 1791 г. и стал первой попыткой создания коалиции европейских держав против революционной Франции.

Все перечисленные документы публикуются в том порядке, как они были расположены при систематизации екатерининских бумаг в начале XX в., — опущена лишь копия фрагмента письма о политике в Польше от 1 ноября 1790 г. с примечаниями Потемкина, поскольку это письмо уже печаталось в полном объеме ¹².

Текст передается с сохранением орфографии и пунктуации подлинника, своеобразие которых следует объяснить не только нетвердостью Екатерины в русском языке, но и общепринятым в ее время правописанием «по слуху», без учета грамматических норм (к тому же не вполне еще устоявшихся). Авторские исправления и вставки не оговариваются. Даты во вступительной статье, тексте и примечаниях приводятся по старому стилю.

Вступительная статья, примечания и подготовка публикации М. В. БАБИЧ

Примечания

1. РГАДА, ф. 1. Секретные пакеты, ед. хр. 54, Письма имп. Екатерины II кн. Гр. Ал. Потемкину (всего 144), л. 1—142 об.; ед. хр. 47. Письма Екатерины II Г. А. Потемкину, л. 1—29 об.
2. Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве Министерства иностранных дел. — Сборник Русского исторического общества (Сб. РИО). Т. 7, 10, 13, 27, 42. СПб. 1871—1885.
3. Дипломатическая переписка императрицы Екатерины II. — Сб. РИО. Т. 48, 51, 57, 67, 87, 97, 118, 135, 145. СПб. 1885—1914.
4. РГАДА, ф. 1, ед. хр. 47, л. 30—64.
5. О предпосылках и ходе второй русско-турецкой войны, а также о содержании упоминаемых в письмах дипломатических документов см. прежде всего: ГРИГОРОВИЧ Н. Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени. Т. 1. СПб. 1879. — Сб. РИО. Т. 26; ПЕТРОВ А. Н. Вторая турецкая война в царствование императрицы Екатерины II, 1787—1791 гг. Т. 1—2. СПб. 1880; СЕМЕНОВА И. В. Россия и освободительная борьба молдавского народа против османского ига в конце XVIII в. Кишинев. 1976.
6. См. ШАХМАГОНОВ Н. Ф. От Очакова до Измаила. М. 1991; ЛОПАТИН В. С. Суворов и Потемкин. М. 1992.

Бабич Марина Виленовна — кандидат исторических наук, Российский государственный архив древних актов.

7. См. о том же в ее письме Г. А. Потемкину от 30 мая 1783 г.— Сб. РИО. Т. 27. СПб. 1880, с. 260—261.
8. Кроме военно-административной и дипломатической деятельности на Кавказе, он известен участием в подавлении и расследовании причин «пугачевщины», переводами Ж.-Ж. Руссо, драмами и стихами, а также неизданными сочинениями «Описание кавказских горцев» и «История Пугачевского бунта».
9. ДУБРОВИН Н. Братья Потемкины на Кавказе.— Русский вестник, 1878, № 11—12; МАРКОВА О. П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. М. 1966; ИОАННЕСЯН А. Р. Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия. Ереван. 1990.
10. Сб. РИО. Т. 27, с. 352.
11. См. письмо Екатерины Г. А. Потемкину от 4 апреля 1791 г. (Сб. РИО. Т. 42. СПб. 1885, с. 149); ГРОТ Я. К. Екатерина II и Густав III. СПб. 1877.
12. РГАДА, ф. 1, ед. хр. 47, л. 19—23 об.; Императрица Екатерина II и кн. Потемкин: Подлинная их переписка (из сборника П. С. Лебедева).— Русская старина, 1876, т. 17, № 12.

№ 1

Друг мой княз Григорие Александрович письмо твое от 4. августа я получила третьеводни, я с недели назад суда приехала в город и пока вы в Кременчуге праздновали мое благополучное возвращение я праздновала здесь дня Преображение, слушила обедня в полковую церковь, обедала с офицерами и пила здоровья подполковников обще с подкомандующими при чем не оставила и говорить о том что я еду и видела и как старшей отличается аки генерал губернатор ¹. Я здорова и все те кой са мною приехали. Здесь с моего приезда то есть месяц целой все дожди идут и кроме одново дня мы теплую погоду ниже издали здесь не видали, облака непрестанно самые густые и погода пасмурное такова СанктПетербургская каникула, я почти живу в Эрмитаже ² и там погоду оставляю быть погодою. Желая тебя счастливаго успеха в сеяние лесов и сажании сады, зделав сие, даш тем местам точно то чеве им не достает, уменьшишь зноя солнечного, и притяниш дождя. О прииски ключей также внимала я с удовольствием, *cela s'appelle faire du bien a la contrée vous lui doné ce quelle n'a pas* ³. Пажалуи быть здаров, поберегись от фрухтов *et ne vous exposé pas trop a la chaleur* ⁴. По писмам цареградским видно что турки пошаливают. Кажется будьто агличане хотять воспользоваться французским недостатком в денгах и для того замешались крепко в голландския дела. Спасибо тебя что ты милова Саша ⁵ любиш он честной и благородной человек.

Пращай друг мой быть здаров. Катя ⁶ приехали суда.

Августа 12.7.1787. из города Святого Петра что на берега Невския, и которой ужасно как хорош но в дурном весьма климате построен.

РГАДА, ф. 1, ед. хр. 47, л. 1—2.

№ 2

Письмы твой, друг мой княз Григории Александрович, от 4. августа до рук моих доставлены, я весьма сожалею что ты сверх заботь нынешних и при оных занемог было, пажалуи поберегись и вспомни о сем мой прозбы. Я с первым цареградским курьером ожидаю из двух приключение одно, или бешеннаго визиря и рейс эфендии сменять либо воину объявять ⁷. О смене министерство кажется интересь французской требует чтоб посол того двора старался а как сам султан мир а не воину хочет то сие вероятнее еще. На большое письмо, сочинен и большой ответь, естли думаеш что смена консула Селунскаго ⁸ надобно то под видом отпуска на времо призвать его можно оттудова. Пращай мой друг быть здаров. Мы все здоровы, а Саша весьма любезен.

Августа 19.7.1787.

Там же, л. 3.

Друг мой сердечной княз Григорий Александрович радуюсь что ты оправился, но притом весьма желею что в Херсоне болезни умножились здесь говорить будто не единого здорового неть, и все болны поносом. Вы бы запаслись в Херсоне и в те места где поносы пшеном сарачинским ⁹, еты поносы кроме пшеном сарачинским ни чем не уимете. Вспомните что татары турки, персияны, итальянцы и все обитатели теплых мест пшено сарачинское употребляют, когда оно будет дешево тогда все будут покупать, а больных и даром накормить можно. Сверх того при сем кушанье больным вы б приказали дать по рюмке вина крепкого виноградного. Как сии мысли мне на ум пришли то я за долг почла вам оных сообщить, и надеюсь что оне не останутся без пользы. Естлиб можно было я б к вам на почту переслала здешние дожди, с десятого июля что я суда приехала по сегодня ежедневные дожди, и мы почти дней ясных и теплых не видали с Петрова дни.

Все сие писано было тотчас по получение вашего письма от 14. августа а вчерась вечеру пришедши из оперы Февей ¹⁰, я получила известие присланные от консула Селунского от 11 и 14 августа из которых явствует что сам молдавски господар ему велел сказать что война объявленна и чтоб он и со всеми рускими ехал в России; *et come pour ne me pas tromper je mettrai les choses au pis* ¹¹, то есть почту воину за объявленна дондеже не получу иных вестей, хотя и сия высылка Селунского быти может само по себе понеже о отзыва его домагались и говорили что вышлют его, прочее же похоже на вестей молдавские и волошские кой иногда бывали ложны, *mais ceux ci serendent parrois Sont avoir le cachet de la verité* ¹². И так мысли мой единственно обращани к ополчению, и я начела со вчерашнаго вечера в уме сравнивать состояние мое тепер в 1787. с той в котором находился при объявлении войны в ноебря 1768. года. Тогда мы воину ожидали чрез год, полки были по всей империи по квартерам, глубокая осень на дворе, пригтовлении никакия не начеты, доходы гораздо менее теперишного, татары на носу и кочевья степных до Тору и Бахмута в января оне въехали в Елисаветградском округе. План войны был составлен тако что оборона обращенна была в наступление, две армии были посланны одна служила к обороне империи, пока другая шла к Хотину, когда Молдавия и по дунаиские места заняты были, в первой и второй компании, тогда вторая взяла Бендер и заняла Крым, флот наряжен был в Средиземное море, и малой корпус в Грузию.

Тепер граница наша по Бугу и по Кубань, Херсонь построен, Крым область империи, знатной флот в Севастополе, корпусь войск в Тавриде, армии знатныя уже на самой границу, и оне посильнее нежели были армии оборонительные и наступательные 1768. года, даи Боже чтоб за деньгами не стало, в чем всячески тепер старатся буду и надеюсь иметь успеха. Я ведаю, что весьма желательно было чтоб мира еще года два протянут можно было дабы крепосты Херсонская и Севастопольская паспеть могли, такожде и армия и флот приходить могли в то состояние в которое желалось их видеть, но что же делать естли пузырь лопнул прежде времени. Я помню что при самом заключении мире Канарджиском мудрецы сумневались о ратификации визирской и султанской а потом лжепредсказании от них были что не протянется далее двух летъ, а вместо того четвертонадесятое лето начелось было.

Естли война турки объявили то чаю флотъ в Очакове оставили чтоб построенных кораблей в Херсон не пропускать в Севастополь. Бude же сие не зделали то чаю на будущей год в Днепровскую устье на якоря стать им не так лехко будет как нынешней. Надеюсь на твое горячее попечение что Севастопольскую гавань и флотъ сохранишь невредимо чрез зиму, флотъ в гавань всегда в опасности, правда что Севастополь не Чесма. Признаюсь что мне одно только страшить, что есть язва, для самага Бога я тебя прошу возми в свои три губернии, в армии и во флотъ, все возможные меры заблаговременно чтоб зло сие паки к нам не вкралось слабостию, я знаю что и в самом Царяграде язва тепер не слышать, но как оно у них никогда не пересекается, то воиски оное с собою развозять.

Пришли ко мне и то для меня единой план как ты думаешь воину вести чтоб я знала и потому могла размерить поступки и возможности по твоему же мнению в прошлом 1786 тебя рескрипт дань и уведоми мне о всем подобно дабы я всякого бреда могла всегда заблаговременно здесь унимать и пресечь. Кажется французы тепер имеют доброй повод туркам отказать всякую подмогу понеже противу их

домогательства о сохранение мира война объявленна. Посмотрим что цесарь зделает он по трактату обязан чрез три месяца воину объявить туркам. Прусаки и шведы поддувалчики но первой чаю диверсию не зделает а последней едва ли может, разве гишпанцы денги дадут что почти невероятно, и чужими денгами воевать не много зделаеш. К графу Солтыкову ¹³ писано чтоб ехал в армию. Пращай мой друг быть здоров, у насъ все здорово, а в моей голове война бродит как моладая пива в бочку, и Саша в крайной заботе и старается успокоить мою безпокойную головушку. Посоль цесарской еще курьера не имеет. Фиц Герберт уехал, Сегюр и Линье хотели ехать во вторник но Линье как услышит о войне то едва не поскачет ли получа дозволение цесаря к тебя ¹⁴. Я думаю у тебя на пальцах ногтей не осталось всех стрыз. Adieu mon ami.

Августа 24.7:1787.

Настоящая причина война есть и пребудет тот что туркам хочется переделатъ трактаты первой Канарджиской второй конвенцию о Крыме третии комерческой быть может что тотчасъ по объявлении войны оне старатся будутъ обратить все дело в негоцияция ¹⁵, оне поступали равным образом в 1768. Но буде мой министр в Семибашни ¹⁶ посажен как тогда то им по тому же и примсру ответствовать надлежит, что достоинства двора российскаго не дозволяет подавать слух никаким мирным предложениям дондеже министр сей державе не возвращен ей.

Еще пришло мне на мысли кой часъ подтверждение о войны получу отправит повелении к Штакельберху ¹⁷ чтоб он начель негосияцию с поляками о союзе.

Буде за поддлинно война объявлена то необходимо будет в военном совете посадит людей, дабы многим зажимать рта иметь кому говорить за пользу дел и для того думаю посадит во оном графа Вал: Пушкина ген: Ник: Солтыкова, гр: Брюса, гр: Воронцова, гр: Шувалова, Стрекалова и Заводовского ¹⁸. Сии последние знают все производство прошедшей войны.

Генерала прокурора выписываю от вод Царицынских. Иных же окроме выше-писанных я никою здесь не имею и не знаю.

Там же, л. 5---9 об.

№ 4

Друг мой княз Григорий Александровичъ собственноручное твое письмо от 21 августа я сего утра получила. из котораго я усмотрела подтверждении молдавских известии о объявление войны. Благодарю тебя весьма что ты передомною не скрыл опасное положение в которой находился, и Бог от человека не болес требует как в его возможности; но руской Бог всегда был есть и будет велик, я несумненная надежда полагаю на Бога всемогущего и надеюсь на испытанное твое усердие что колико можеш все способы своего ума употребиш ко истреблению зла и препятствия родов разных с моей же стороны не пропущу не единого случая подать помощи везде тут где оныя от меня потребна будет. Рескрутской набор с пяти сотъ двух уже от меня приказан, и прибавлять двойное число в оставшия полки в России велю и всячески тебя прошу и впред с тою же доверенностию ко мне отписать о настоящем положении дел, я знаю что в трудных и опасных случаях унывать не должно и пребываю как и всегда к тебе дружно и доброжелательна.

Августа 29.7:1787

Екатерина

Там же, л. 10-- 10 об.

№ 5

Друг мой сердечной княз Григорий Александровичъ, пущее и главная моя тепер забота и безпокойство о твоём здоровье о котором Бога усердно молю, пажалуи уведоми мне чаще каков ты, лишь бы тебя Бог возвратил здоровье то я надежна что мой друг и любимец будет каков моя об нем мнение и какова и моя к нему и доверенность. Твое письмо от 22 августа я вчерась получила и вижу из онаго что тобою все возможные меры взяты хотя и стремление всю неприятельская тепер идьет к тебя, и как ты считал что от 22 августа чрез пятнацат дни войски наши подоидут то от сегодня чрез четири дни я считаю что оне будут где им быть нужно. Что больных много в Херсоне о том я весьма сожалею. Руской Бог велик авос либо и Бугская граница останится без вреда. Я к фелдмаршалу Румянцеву приказала заготовит рескрипт а к тебя отправлена будет копия с онаго. Рескрутской набор уже приказано как я к тебе писала. Посоль получил вчерась курьера и объявил вице

канцлеру что император признает казусь Федорись ¹⁹, и готов выполнит свой обязательства и послал повелении своим войскам ити к границам турецким, при сем прилагаю копию с императорского письма ко мне.

Тепер я все бдение мое устремляю к тому чтоб тебя никто и ничем помеху не сделал ниже единым словом, и быть уверен что я тебя равномерно защищать и оберегать намерен как ты меня от неприятеля, и что я касательно тебя так щикотлива что даже де изречения и слова размеряю и вешу на веси так как я отроду еще не делала, и как ты мне даш несумненно опыты свой ревности и верности во всяком случае то быть уверен что и ты от меня имеешь ожидать во всяком случае несумненные знаки дружбы и прямо дружеского подкрепление. Бог да укрепить телесные твой силы, ты же мой друг употребиш дарования твоего духа и ума к пользе империи и дел моих и да увидать языцы каков воспитанник и любимец мой, и да будет он в славе попечителен, и в благополучие не горд, но точно таков как я его видеть желаю. Ты может быть будешь смеяться сим моим изречением и скажешь что оне излишни, а я тебя на то скажу пусть излишни, с кем говорить излишнее естли не с другом. Пращай друг сердечной будешь здоров и я буду спокоина.

Сен. 2.7:1787.

Естьлиб я была тепер в Севастополе то бы я села с Воиновичем ²⁰ на том корабля на котором я находилась в бытее моем в тот порт, его роля блистательна быть может естли Бог их благословит как я от сердца желаю щастьем и смыслом и храбростью. Adieu mon ami.

Там же, л. 11—12 об.

№ 6

Друг мой княз Григорий Александрович. Письмы твои от 28. августа я вчерашней день получила. Не страшить мне состояние дел наших ибо все возможное делается, не страшить мне и сила неприятельская руководимо французами, понеже из опытов известно мне, колико коварства те были уже опрокинути раз, но страшить мне единственно твоя болезнь, день из ночь не выходишь из мысли мой, и мучусь тем заочно ни вись как. Бога прошу и молю да сохранить тебя живо и невредимо, а колико ты мне и империи нужен ты сам знаешь, прошу тебя всячески приложит весь свой смысл к избежание того что здоровье твоему быть может вредно и к употреблению того что тебя может возвратит силы и прекратить немочи. Сказав сие и полагая надежду на Бога которой мне в нужде никогда не оставил, приступлю к ответу по твоим письмам.

Ведай Боже слышать чтоб ты дошел до такой телесной болезни слабости чтоб ты принужден был здавать команду графу Петру Александровичу Румянцову как ты о том ко мне пишеш но естли бы случай таковой несчастный состоялся, либо по делам находиш то за необходимо нужное, что сим о сем перепишись с ним, а в запась я к нему написать велю чтоб он принел команду тогда когда от тебя о том получит предложение. Касательно хлеба которой пишеш что везде скудно, мне пришло на ум послать сегодня курьера к генералу поручику де Бальмена ²¹ который отправился уже отселе в Курск, где по известием значится что с миллиона четвертей в продаже, а у него уже и приказание есть тысячи десятка пять закупат чтоб он де Бальмен тебя да и фелдмаршалу Румянцову дал знать сколько у него закуплено и где тот хлеб чтоб вы из того могли самы судит, удобно ли тот хлеб к вам обратит, и не получите ли от того себя пособие.

Пишеш ты ко мне то чево естественно выходит из теперишного положение нашего, то есть что до лета наступательно действовать нельза, но до тех пор что войски в границы и не переидут оныя мы почитатся не инако можем как в оборонительном состоянии, и так еще времo довольно имеем установит тово что делать надлежит когда Бог велить оборонительное состояние переменить в наступательное, ты уже известен что цесар ко мне пишет что он признал казусь Федорись что войски его получили приказании ити к границам, и что посоль его здесь додал словесное изяснение о сем и о том чево им желается знать от насъ. По сему дружественном поступке императорского, я велела принести к себе все касательныя до сего союза бумаги от 1781 года до нынешнаго дня.

Из оных явствует первое что император не ожидав нине от насъ реквизиции ²² уже решился деистовавать противу турок. Второе сие быв зделано по силе секретнаго артикула мая 24, 7: 1781 г. Уже сепаратной мирной договор либо перемирия место иметь не может. Третье: буде по сему общему делу иная держава наступатель-

но действовала против которого императорского двора тогда koliko можно силами обоюдными отражат оное, не давая однако в опасности собственныя границы каждой. Четвертое в письме императора ко мне от 13. ное: 1782. г. он признает приобретение Отчакова с землею и несколько островов в Архипелаге за дело не подлежащее затруднению, а себя выговаривает Хотин с округом для закрытие Галиции да Буковину и часть Валахии до Ольты. Пятое: в записки твоей по сим делам нахожу я следующие изречения «что касается до сих военных как их обращат на действие, в сем затруднении не будет.

Ежели император обратит на турков только сорок тысяч, сего будет довольно. Пусть он вспомнит с чем мы воевали, за таким отделением много еще останется у него против прусскаго короля.

Что берет он в Валахии, ето точно то, что вы назначили. Хотин уступить можно, ибо он уже вокруг почти обрязан». Шестое: в моем письме к императору от 4 генваря 1783. года, написано тако «L'armée d'observation que Y.M.J. aura en Bohème et en Moravie suffira je m'assure de ce coté la, et j'aurai soin d'entretenir les corps de troupes dans mes provinces voisines de la Suède et de Pologne en les portant au point d'assurer non seulement mes frontieres, mais aussi d'etre prêts a agir en cas de besoin, ce qui suffira je pense, pour tenir en respect ceux qui pourroient etre tenter de s'opposer aux succès communs» ²³.

Седьмое: в рескрипте к князю Галицину ²⁴ в Вене от 8. генваря 1783. году написано что взаимныя обязательства особливо же секретной артикул с доброю верою исполним, поколику силы наши в продолжении турецкой войны, хотя уже в оборонительную тогда превращаемой, дозволит нам могут.. и что ожидаем откровенного сообщения мысли его вел: дабы единообразной план учредит. NB сии мысли не были присланы.

Восьмое: в рескрипте к послу князю Галицину от 8. июня 1783. года написано: «что на случай открытия у нас с Портою войны, и на всякой другой подобной, охотно предоставляем мы готовность нашу воити с его вел: в ближайшее и точное определение как пропорциональных на обе стороны приобретении так и запасных операционных планов, и что ожидаем от двора его сообщения проекта постановляемой о том конвенции».

Десятое: в твоей записке 1784. года при случае умножение войск, упоминается о корпусе котораго ввести надлежит в Польше в соседстве новых приобретении короля прусскаго. Сию краткую самую выпись друг мой сердечной я нарочно сделала для тебя чтоб ты на одном листе имел перед глазами то что в больших пуках написано дабы насъ не могли попрекать что чево проронили или пропустили.

Еще пришло мне на ум к тебя писать, и требовать твой мысли, ты знаешь что Муловски нарежен обходить Кап де Бон Эсперанс и посхатъ к Камчатке ²⁵ вместо того не лутче ли будет под видом той экспедиции оборотит его деятельно в Красной море на Меку и Медыне незаметна делает туркам пакости, я отезд его уже под рукою оставил а естли ты мысли мой похвалиш то отправлю его заподлинно и он не будет знать куда едит дондеже доедит до Кап де бон Эсперанс, прашай Бог с тобою.

Сен. 6, 7: 1787.

Там же, л. 13—16 об.

№ 7

Друг мой княз Григории Александровичъ с великим нетерпением ожидаю известие о твоём здравии, и о том что у нас делается, и есть ли посреди хлопотъ тебя смсю чем трудит то прошу тебя прислать суда архитектора Неелова с планами Бакчисарайскими ханскаго дома ²⁶, я чаю что вам в нем тепер нужно мало а мне он надобен, прашай мой друг я молю Бога чтоб тебя дал здравья да силы телесныя и душевныя и успехов тма на море и на суши.

Сен. 9, 7: 1787.

Там же, л. 17.

№ 8

Проздравляю тебя мой друг княз Григории Александрович с доброю обороною фрегата Скорого и бота Битюга, естли по сему сметь судить то о успехе Марка Воиновича за верно полагать можно ²⁷, Бога прошу да поможет тебя и всем. Adieu mon ami.

15. сентября. 1787 ²⁸.

Там же, л. 18.

№ 9

Пожалуй быть здоров и весел, я принуждена буду по причины болезни ген: кригс-комиссара к его должности определит другого лишь тепер ищу для себя шталмейстера. Прощай друг мой.

1785 года.

Там же, л. 24.

№ 10

Репорты Аршеневского о присяги горских и татарских народов султану надобно сообщит графу Остерманну дабы сообщаны были Булгакову ибо ему служит будут новым орудием в доказательство каверзы Порты. Павлу же Сергеевичу о подлинности сего прикажите разведат и буде правда то во взаимство положим меры кой дело не испортят но к развязке приведут.

Надеюсь не оставишь гене: пору: Потемкина снабдит нужным по его прозбам.

Там же, л. 25.

№ 11

1. Фет Алихана наказать. 2. Гаван устроит и учредит на что какия издержки надобно о том зделав смета и доложится сколько и когда нужно и надобно будет отпустит велю. 3. Армянские народы обнадежит покровительства российской императрице и с ними содержат связи. 4. О вчерашнем говоренном между нами записку ожидаю нетерпеливо.

Там же, л. 26.

№ 12

По полученному сегодня репорта от Якобии китаицы закрыли торг на Кахты ²⁸ с пушечною палбою что принимать надлежит на некоторой род объявление войны. Чего подтверждает и сказание китайского купца.

Я думаю что излишне будет 1. Собрать братских казаков и оных распределит где вам способнее окажется по ту сторону Байкала я как их подкрепит о сем помышлять. 2. Подумать о обороне Нерчинских заводов. 3. Каменогорскую крепость приводит на первой случай в лучшую оборонительную состояние равномерно и Коливанские пограничные места. 4. А как все сие распорядит и снабдит войсками на первой случай прошу мне представит скарся.

Там же, л. 27.

№ 13

Lettre Besborodka vous dira l'état des choses avec la Suède. Je vous ai dit mes reflexions sur la lettre de von der Pahlen, cette entrevue proposée entre vous et le roy de Suède, je la regarderai come utile parceque assurement vous retrancherés de ses idées tout ce qui seroit trop honoreux à la Russie, je serai aussi bien aise qu'elle m'épargna le peine de l'entrevue qu'il a proposei entre lui et moi au mois de May, il faudroit encore l'empêcher de vouloir venir ici, pour cela j'ai soumi un argument a ce qu'il me semble, car on pourroit faire entendre a ses entours, qu'on est obligée de deconseillera S.M.J. pareille voyage, parceque quoique l'imperatrice de Russie a effacé de son esprit en signant la Paix tout souvenir de la conduit passé du roy, il n'en est pas de meme de la nation Russe et particulièrement du petit peuple de Petersbourg chezs qui la perfidie et l'ingratitude n'est pas un merite et qui croit le roy dans le cas d'e avoir eu ²⁹. Je ne disputerai pas sur les termes on pourra les adoucir, ce n'est qu'une première idée ³⁰.

Там же, л. 28.

Примечания

1. Екатерина, объявившая себя вскоре после коронации полковником Преображенского полка, нередко присутствовала на полковых праздниках, которые отмечались ежегодно 6 августа, в день Преображения. Спасо-Преображенский собор, заложенный Елизаветой Петровной 8 июня 1743 г. в ознаменование возведения ее на престол ротой того же полка, в конце XVIII — начале XX в. являлся собором всей гвардии и сохранился до настоящего времени. Потемкин, об успехах которого в качестве Екатеринославского, Таврического

- и Харьковского генерал-губернатора императрица рассказывала преображенцам, был пожалован подполковником Преображенского полка 17 марта 1774 года. Другими его подполковниками в 1787 г. были граф А. Г. Орлов-Чесменский (1737—1808) и князь Ю. В. Долгорукий (1740—1830), который и исполнял обязанности полкового командира.
2. Имеются в виду примыкающие к Зимнему дворцу корпуса, получившие свое название как место отдыха императрицы (от фр. *ermitage* — место уединения). Кроме собраний произведений искусства, здесь в конце XVIII в. располагались библиотеки и жилые комнаты.
 3. «это называется делать добро стране, вы даёте ей то, чего у нее нет» (фр.).
 4. «и не подвергайте себя слишком действию зноя» (фр.).
 5. А. М. Дмитриев-Мамонов (1758—1803), граф — фаворит Екатерины в 1786—1789 гг., отличался невмешательством в государственные дела и любовью к театру, для которого написал несколько пьес. Был представлен императрице Потемкиным как преданный ему человек и сохранял эту репутацию вплоть до своего «падения».
 6. Е. В. Скавронская (урожденная Энгельгардт, во втором браке графиня Литта, 1761—1829) — племянница Потемкина, состоявшая одно время с ним в связи, с 1786 г. статс-дама. Императрица питала к ней привязанность и «содержала ее в отменной милости» (Сиятельные жены: биографии и родословная статс-дам и фрейлин русского двора. По спискам П. Ф. Карабанова. СПб. 1992, с. 10).
 7. В России тогда уже знали о заявленной Портой 15 июля 1787 г. претензии на вассалитет картли-кахетинского царя Ираклия II и других ультимативных ее требованиях. Однако Екатерина и Потемкин еще надеялись на затягивание переговоров о них и на возможность смещения путем подкупа приближенных к султану Абдул-Гамиду I самых активных сторонников реванша — главы правительства (великого везира) Юсуф-паши и министра иностранных дел (рейс-эффенди) Фейзи-Сулеймана.
 8. Секунд-майор И. Л. Селунский (по некоторым данным, бывший турецкий подданный) был назначен вице-консулом в Яссах в 1784 г. при учреждении этого поста с целью контроля за соблюдением предусмотренных Кючук-Кайнарджийским договором «выгод» в пользу Молдавии, укрепления в этом княжестве влияния России и информирования ее о политике Константинополя. В жалобах турецкого правительства с начала 1787 г. на действия Селунского (в том числе на массовую переправу через русскую границу подданных Порты и спасение смещенного ею молдавского господаря Александра II Маврокордато) посол Я. И. Булгаков видел доказательство стремления «к нам придраться и завести ссору». Пункт ультиматума 15 июля об отзыве Селунского Екатерина согласилась удовлетворить (что нашло также отражение в ее рескрипте Потемкину от 19 августа 1787 г.).
 9. Сарачинским (также сарацинским, или сорочинским: от «сорочинин» — араб, мусульманин) пшеном в России называли рис.
 10. Либретто комической оперы на сюжет своей «Сказки о царевиче Февее» (написанной в 1782 г. для внука — великого князя Александра Павловича) Екатерина сочинила в начале 1786 г. и затем нередко ссылалась на «Февея» в своей переписке. Первые представления оперы состоялись весной 1786 г. в Каменном и Эрмитажном театрах. Наиболее полное издание текста: Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей. Т. 2. СПб. 1901).
 11. «и чтобы мне не ошибиться, я предположу худшее» (фр.).
 12. «но данные, между тем, возможно, несут на себе печать истины» (фр.).
 13. И. П. Салтыков (1730—1805), граф — участник Семилетней, 1-й и 2-й русско-турецких и русско-шведской войн (в последней с 1790 г. в качестве главнокомандующего). Считался скорее талантливым военным администратором, чем блестящим полководцем. В 1787 г., числясь при Украинской армии в звании генерал-аншефа, исполнял должность генерал-губернатора Владимирского и Костромского наместничеств.
 14. А. Фиц-герберт (1753—1839), барон — английский дипломат, после заключения Версальского мира 1783 г. между державами — участниками войны за независимость в Северной Америке — чрезвычайный посланник в России (1783—1787).
Л.-Ф. де Сегюр д'Агессо (1753—1830), граф — французский политический деятель и писатель, в качестве посла в России (1783—1789) отстаивал интересы своей страны и в то же время добился расположения екатерининского двора, о котором оставил пространные «Записки», содержащие в том числе описание путешествия в Крым и впечатления о личности и деятельности князя Тавриды.
К. -И. (Ш.-Ж.) де Линь (1735—1814), князь («принц») — выходец из бельгийской аристократии, австрийский военный деятель, друг «цесаря» Иосифа II, корреспондент Вольтера и Руссо, всех «просвещенных монархов» своего времени, писатель; в 1787 г. участвовал

в Таврическом путешествии по приглашению императрицы, доверенность которой сохранил и впоследствии; с Потемкиным подружился во время пребывания в 1787—1788 гг. в качестве австрийского комиссара (по насмешливому замечанию Екатерины, «военного шпиона») при его главной квартире, куда выехал 19 октября 1787 года.

15. То есть переговоры (от фр. *négotiation*).
16. Семибашенный замок — крепость византийских времен в Константинополе, служившая главной государственной тюрьмой Османской империи, куда заключались свергнутые султаны, другие высокопоставленные лица, в том числе и послы держав, с которыми Порты разрывала дипломатические отношения. Екатерина упоминает своего посла А. М. Обрескова (1718—1787), заключенного в «Семибашни» при начале войны 1768—1774 годов. Находившийся в Константинополе с 1781 г. чрезвычайный посланник и полномочный министр Я. И. Булгаков (1743—1809) был арестован после отклонения ультиматума об отказе России от Крыма 5 августа 1787 г. и провел в замке 825 дней.
17. О. М. фон Штакельберг (1736—1800), барон — русский дипломат. В 1772 г., в частности, добился признания декларации о первом разделе Польши и оставался затем послом в Варшаве до 1790 г., когда под давлением Потемкина был заменен Булгаковым. Несмотря на это русско-польский союз, которого Потемкин настойчиво добивался с начала 1780-х годов, так и не был заключен.
18. Имеется в виду Совет при высочайшем дворе, который имел статус высшего государственного учреждения, где виднейшие сановники в 1768—1801 гг. обсуждали предлагаемые монархами вопросы внешней и частично внутренней политики. К лету 1787 г. в Совете регулярно присутствовал князь А. А. Вяземский (1727—1796, генерал-прокурор), граф А. А. Безбородко (1747—1799, статс-секретарь и фактический руководитель Коллегии иностранных дел) и граф И. А. Остерман (1725—1811, вице-канцлер). Новые назначения в Совет, оформленные именным указом от 31 августа, свидетельствуют о начавшем уже ощущаться «недостатке людей» в высших эшелонах власти, на который жаловалась Екатерина в последние годы царствования. Так, она не без оснований придерживалась довольно низкого мнения о военных талантах генерал-аншефов графов В. П. Мусина-Пушкина (1735—1804) и Я. А. Брюса (1732—1791), тем не менее занявших важные посты в связи с начавшейся вскоре войной со Швецией. Сенатор и президент Коммерц-коллегии граф А. Р. Воронцов (1741—1805), способности которого ценила императрица, был, однако, всегда оппозиционно настроен. Статс-секретарь С. Ф. Стрекалов (1728—1805), не отличался инициативой и активностью, писатель, меценат и переводчик граф А. П. Шувалов (1744—1789) ранее не занимал высоких постов, а бывший фаворит П. В. Завадовский (1739—1812) выдвинулся как государственный деятель позднес, уже при Александре I. С наибольшим уважением Екатерина II относилась к генерал-аншефу Н. И. Салтыкову (1736—1816), но и он известен больше как воспитатель великих князей Александра и Константина Павловичей.
19. То есть обстоятельства, возникновение которых обязывает Священную Римскую империю выступить, согласно договоренностям с Россией, в войне на ее стороне (от лат. *casus foederis* — случай союза). В отличие от многих влиятельных лиц в Вене и Петербурге цесарский чрезвычайный посол (в 1779—1797 гг.) граф Л. фон Кобенцль (1735—1809) был горячим сторонником объединения русско-австрийских усилий в борьбе против Турции.
20. И. И. Войнович (1750—1807), граф — с 1783 г. командир первого черноморского линкора, в 1785 г. — эскадры в Севастополе, в 1787 г. произведен в контр-адмиралы, в конце 1789 — начале 1790 г. командовал Черноморским флотом, но смещен за пассивные действия.
21. А. Б. де Бальмен (?—1791) — боевой генерал и военный администратор, ценимый Екатериной и Потемкиным за энергичные действия в Крыму в 1782—1784 гг., с 1784 г. — директор Сухопутного шляхетского корпуса, с 1786 г. — Орловский и Курский генерал-губернатор.
22. То есть просьбы, требования (от фр. *réquisition*).
23. «Обзервационный корпус, который В. и. в. будете иметь в Богемии и Моравии, будет достаточен, я уверена в этом, и я позабочусь усилить воинские части в моих провинциях, соседних со Швецией и Польшей, доведя их до такого состояния, чтобы обеспечить не только мои границы, но и быть готовыми предпринять в случае необходимости то, что будет нужно, я думаю, чтобы держать в страхе тех, кто мог бы дерзнуть воспротивиться общему успеху» (фр.).
24. Д. М. Голицын (1721—1793), князь — чрезвычайный и полномочный посол при венском дворе в 1761—1792 годах.
25. Имеется в виду проект исследования берегов русских владений в Северной Америке. Однако экспедиция не состоялась из-за гибели Г. Муловского в сражении у о-ва Эланд 15 июля 1789 года.

26. Речь идет об И. В. Неелове (1745-1793), создавшем в 1788 г. Новый флигель (будущий Лицей), ряд других царскосельских зданий и сооружений, или, что менее вероятно, тоже работавшем в Царском Селе его брате П. В. Неелове (1769-- 1848). Упомянутые в письме планы Бахчисарайского дворца, где Екатерина останавливалась в мае 1787 г., в возведении сколько-нибудь известных построек использованы не были.
27. Нападением турок на русские сторожевые суда, стоявшие на рейде Кинбурна, 20 августа 1787 г. Турция начала войну с Россией. Атака была отражена, экспедиция же Севастопольской эскадры к Варне закончилась неудачей: 8 сентября ее застигла буря, один из двух линейных кораблей был занесен к Константинополю и попал в плен, а один из трех фрегатов затонул, остальные суда вернулись в Севастополь.
28. Кяхта — город у современной российско-монгольской границы, в XVIII в. центр разменной торговли между Россией и Китаем.
29. Имеется в виду радушный прием, оказанный Густаву III при посещении Петербурга летом 1777 г., и его планы летом 1788 г. взять город (по некоторым данным, даже сжечь его, опрокинув памятник Петру Великому).
30. «Письмо Безбородко расскажет вам о положении вещей со Швецией. Я вам высказала свои мысли по письму фон дер Палена, этой встречи, предположенной между вами и шведским королем, на мой взгляд, она была бы полезной, поскольку, несомненно, вы отклонили бы все те его идеи, которые будут слишком почетны для России, я буду также очень рада, что она избавляет меня от тяжести встречи, которую он предложил мне в мае месяце, нужно было бы еще воспрепятствовать его намерению приехать сюда, для чего я, кажется, придумала средство, так как можно бы было дать понять его окружению, что следует отговорить Е. В. от подобной поездки, потому что хотя русская императрица стерла из своей памяти, подписывая мир, всякое воспоминание о прошлом поведении короля, оно не стерлось из памяти русского народа и особенно петербургского простонародья, у которого вероломство и неблагодарность не являются добродетелями и которое полагает, что король в известных случаях их проявил. Я не буду спорить о выражениях, их можно смягчить, это не более чем первое, пришедшее на мысль» (фр.).

Марфа Борецкая

А. В. Петров

Кто из нас, будучи в новгородском Детинце, не останавливался перед памятником Тысячелетию России? Созданный в середине XIX в. по замыслу М. О. Микешина, он представляет собой уникальную попытку выразить и запечатлеть в едином художественном образе всю отечественную историю, создав обобщенный символ исторических судеб России. На северной стороне горельефного фриза, опоясывающего памятник, видна композиция «Военные люди и герои». Среди них, рядом с покорителем Западной Сибири Ермаком, скорбленная фигура новгородской посадницы Марфы Борецкой. У ее ног разбитый вечевой колокол. Она плачет. Встает вопрос: зачем она здесь? Чем заслужила право находиться в таком окружении?

Еще в начале XIX в. Н. М. Карамзин, по убеждению которого «Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спаслась мудрым самодержавием», тем не менее, говоря словами А. И. Герцена, «возлагал иммортеля на могилу Новгородской республики» и в повести «Марфа Посадница» отдал должное доблестям «последней гражданки новгородской». Однако тот же Карамзин писал об Иване Третьем, что «Иоанн был достоин сокрушить утлую вольность Новгородскую, ибо хотел твердого блага всей России». Однако к самым истокам российской исторической науки восходит и та мысль, что падение волховской столицы вовсе не было необходимой жертвой, принесенной во имя блага России. Таким было мнение многих декабристов. А в понимании Герцена московская централизация являлась лишь одним и вовсе не лучшим средством спасения будущей России: «Москва спасла Россию, задушив все, что было свободного в русской жизни». Данный тезис пользовался популярностью в дореволюционной исторической литературе и публицистике¹. Он резко контрастирует с выводом, сформулированным еще историографией XIX в., но получившим развернутое обоснование в исследованиях современных ученых, которые разошлись с герценовским оптимизмом при оценке исторической ценности Новгородской вечевой республики². По их мнению, эта республика к XV в. уже изжила себя, а вечевая демократия выродилась в боярскую олигархию. Следовательно, никакими значимыми утратами вхождение Новгорода в состав единого Русского государства не сопровождалось, ибо он олицетворял собой более архаический этап истории, чем московско-владимирская монархия. Значит, ни к чему и вздохи по былой новгородской вольности. «Упрямая старуха Марфа Борецкая, стремившаяся передать Новгород под власть Литвы, мало похожа на романтическую героиню Карамзина»³. И все же исследователь, сегодня более свободный, чем вчера, от подчинения историографической розге, может увидеть в фигуре Марфы символ вечной проблемы роли народовластия.

Процесс феодализации, угрожая былому народовластию, вместе с тем сопровождался совершенствованием государственного строя Новгорода в общегородских интересах. И далеко не по одним ступеням боярской консолидации развивалась северная республика, что тоже

Петров Алексей Владимирович — кандидат исторических наук, старший преподаватель исторического факультета С.-Петербургского университета.

следует учитывать. В XIII в. уже определились особенности новгородского веча как органа непосредственной демократии. Оно являлось собранием местных общин (сторон и концов), в совокупности составляющих городскую общину Господина Великого Новгорода, а в моменты междоусобиц распадалось не на отдельных лиц, а на корпорации. Ходить на вече было не обязанностью, а правом, решение принималось только единогласно. Какой конец города в большем числе являлся на вечевую площадь, тот мог и перекричать других. Если же перекричать не удавалось и голоса противоречили друг другу, начиналась борьба составных частей Новгорода как федерации самоуправляющихся районов. Новгородская демократия, не оставлявшая места для реализации пожеланий меньшинства, представляла собой одновременно уникальный пример твердости прав последнего, вплоть до права на раскол. Главная же причина ожесточенности политической борьбы на берегах Волхова состояла в трудности согласия между вечевыми партиями, усугубляемой личным соперничеством ⁴.

Яблоком раздора служила, в частности, возникшая в XI в. должность выборного посадника. Частые смены посадников, отражавшие межрайонную борьбу, наполняют собой XII и XIII столетия. Признаки сдерживания этой борьбы видятся в том, что в XIII в. частым становится более длительное пребывание на посадничестве, а затухание общегородского соперничества утрачивает прямую зависимость от объединявших всех новгородцев конфликтов с приглашаемыми туда князьями. Сдерживание борьбы сказалось и в кратковременной (1211—1216 гг.) практике занятия посадничества сообразно старшинству. Однако внутренние споры и столкновения сохранялись еще долго. Отсюда — последующая регламентация посадничьей должности.

В конце XIII в. при посаднике появился территориально-представительный совет из бояр различной кончанской принадлежности и возник новый порядок занятия посадничества: на годичный срок из числа членов совета, хотя полной консолидации боярства не произошло. Следующий шаг был сделан в 1360-е годы: сформировалась коллегия из шести посадников, в которой были представлены все концы, причем Плотницкий располагал двойным представительством. В 1418—1419 гг. коллегия расширилась до 12 человек при достижении равновесия между территориями Новгорода. К 1423 г. коллегия увеличилась до 24 человек. И уже перед самой утратой независимости коллегия расширилась до 36 членов при тех же пропорциях представительства. Внутренней пружиной этих перемен «было последовательное движение боярства от соперничества боровшихся за власть группировок к консолидации бояр, принявшей в конечном счете форму олигархии» ⁵.

Эта боярская олигархия оставалась достаточно демократической, ибо новгородские бояре сохраняли связь со своими общинами и действовали не сами по себе, а еще и как представители городских концов. Политический строй Новгорода развивался ради общегородской заинтересованности в реформах, во имя согласия его частей. Чтобы умерить разлад, вносимый межрайонными спорами, выходом стало соблюдение принципа федерализма, которому подчиняли пути формирования городской администрации. То есть эволюция Новгорода была эволюцией древнерусской городской общины, изживавшей недостатки дофеодальной демократии со слабо выраженной регламентацией правительственных функций и приспособившейся к условиям феодализации. Такое внутривнутриполитическое развитие отнюдь не подтачивало жизненные силы республики и не приближало ее к краху, а стабилизировало ситуацию. Роковой удар по Новгороду был нанесен не изнутри, а извне.

В XV в. Новгород обязан был определиться. Оставаться в стороне от общерусского исторического процесса «северный страж Руси» не мог: он зависел от привозного хлеба, богател за счет транзитной торговли, нуждался в военной помощи князей и дипломатической поддержке; кроме того, сохранялась связь новгородской церкви с московской митрополией. Для новгородцев тогда вопрос стоял так: к кому примкнуть, к Москве или к Литве? Этническому сознанию новгородцев были еще присущи специфические черты, усиливавшие региональную окраску. Понимание принадлежности к великорусской народности еще не возобладало на берегах Волхова. Отсюда — и жестокости новгородских молодцев-ушкунников в их походах на низовские земли, а московских ратников — при сражениях в Новгородской волости. В политическом отношении Новгород был тесно связан с Суздалем, Владимиром, Тверью и Москвой. Но при вхождении в Московскую Русь Новгороду пришлось бы пожертвовать вечевой вольностью. Вот почему присоединение Новгорода к Москве сопровождалось драматическими коллизиями и почему там были сильны позиции пролитовской партии.

Надо сразу снять с лидеров этой партии нелепое обвинение в национальной измене. Новгород еще не успел стать Великороссией, Руси же в древнем смысле этого понятия не изменял. И Великое княжество Литовское, и Великое княжество Московское на 90% состояли тогда из восточнославянских земель, население которых считало Русью именно свое государст-

во, а не-обязательно Московию⁶. Недаром Н. И. Костомаров, описывая присоединение Новгорода к Москве, именовал названную партию патриотической. Когда во время московской осады города некто Упадыш, стремясь помочь москвичам, привел в негодность настенные пушки, его казнили, а местный книжник воскликнул: «Лучше бы тебе, Упадыш, не быть в утробе материнской, чем наречься предателем Новгорода!» Пролитовская партия четко заявила о себе после Яжелбицкого договора 1456 г. между Москвой и Новгородом, ставшего вехой на пути утраты новгородской независимости. Тогда усилились контакты новгородцев с великим князем Литовским и королем Польским Казимиром. Приезд в Новгород из Москвы Василия II Темного в 1460 г. подлил масла в огонь. Горожане даже готовили нападение на московского князя, но их удержал владыка Иона: «О безумные люди! Если вы великого князя убьете, чего вы добьетесь? Только большую беду Новгороду накличете».

Не заручившись поддержкой Литвы, трудно было надеяться на успех в споре с Москвой. 8 ноября 1470 г. в Новгород по приглашению веча приехал князь «из королевь руки» Михаил Олелькович. Литовское влияние возрастало, и время открытого разрыва с Москвой приближалось. За три дня до того умер архиепископ Иона. Новый владыка, Феофил, избранный на вече по жребию, должен был ехать к митрополиту для посвящения в сан. Но митрополитов на Руси было два — московский и киевский (униатствующий). Если бы жребий выпал другому кандидату, Пимену, тот непременно поехал бы в Киев, ибо был приверженцем пролитовской партии. Теперь же пролитовская партия не смогла защитить своего ставленника, когда спустя несколько дней Пимена взяли под стражу, подвергли пыткам, конфисковали его казну и еще оштрафовали, так как «лукавый чернец Помин» активно выражал недовольство случившимся.

А Феофил и его сторонники получили согласие великого князя на приезд в Москву, о чем уведомил вече вернувшийся новгородский посол Никита Ларионов: вот слова Ивана III — «что отчина моя Великий Новгород прислала ко мне бить челом... я ее, князь великий, жалую, и... нареченному Феофилу велю быть к себе на Москву... без всяких зацепок, но по-прежнему обычаю, как было при отце моем... и при деде, и при прадеде моем и при прежде бывших всех великих князьях, род которых наследую, Володимирских и Новагорода Великого и всея Руси». Тут-то посадница Марфа, ее сыновья Дмитрий и Федор вместе с их приверженцами стали кричать: «Не хотим за великого князя Московского, ни зваться отчиной его. Мы вольные люди, Великий Новгород. А Московский князь великие и многие обиды и неправды над нами чинит. Но хотим за короля Польского и великого князя Литовского Казимира». Новгород «возмается»: одни стояли за Москву, другие — за Литву. Споры переросли в драки, однако большинство высказывалось за Казимира.

В памятнике московской литературы той поры под названием «Словеса избрана от святых писаний о правде, о смиренномудрии» Марфе приписывается даже желание выйти замуж за литовского пана и с его помощью «владеть от лица короля всей Новугородскою землею». Эту ориентацию не поколебали новые послания Ивана III и митрополита Филиппа в марте 1471 года. Именно к тому времени относится договор Новгорода с Казимиром, согласно которому роль новгородского князя отбиралась от великого князя Московского и передавалась великому князю Литовскому, а новгородская «старина и пошлина» не нарушались. Подчеркивалось требование «веры греческой и православной нашей не отнимать» и «римских церквей... не строить». Казимир обязывался в случае любой военной угрозы Новгороду «сесть на коня за Великий Новгород со всей своей радюю».

Любой, взявшийся за рассказ о Марфе Борецкой, с досадой должен будет признать, что на фоне тех исторических событий, в центре которых она оказалась, личность Марфы остается крайне бледной из-за недостатка сведений о ней⁷. Отметим все же некоторые колоритные подробности. Двор Марфы, стоявший в Неревском конце Софийской стороны, отличался красотой и богатством, заслужив у летописца прозвание «чудного». Там находился как бы патриотический клуб, объединявший борцов за вечевые вольности и руководителей пролитовской партии. Кроме семьи Борецких членами клуба являлись многие видные представители новгородской аристократии. Имея в виду именно этот двор, возгласил соловецкий игумен Зосима: «Придут дни, когда живущие во дворе этом не оставят в нем следов своих, и затворятся двери дома сего, и двор их будет пуст». Зосима приезжал в Новгород по делам обители и просил, чтобы ей подарили весь остров на Соловках. А влиятельная Марфа, настроенная против, не допустила Зосиму пред свои очи. Вскоре преподобный сделал страшное предсказание: сидя на пиру, как повествует его «Житие», он неожиданно задрожал от ужаса, заплакал и более не притрагивался к угощениям, вдруг увидев, что у четырех бояр не было голов (тех самых бояр, которых после победы над новгородцами Иван III велел обезглавить).

Были и другие «предзнаменования» конца независимости: буря сломала крест на

Св. Софии, на владычьих надгробьях Мартирьевской паперти выступила кровь, на Хутины сами собой зазвонили колокола, на иконе в женском монастыре из глаз Богородицы потекли слезы и заплакал образ Николы Чудотворца в Микитиной улице. Затем развернулась война, обильно пролилась русская кровь. Новгородцы потерпели сокрушительное поражение. От Казимира же помощи не дождались. Новгород воевал настолько бестолково, что некоторые историки писали просто о нежелании тамошнего народа воевать с Москвою. Необходимо уточнение: ратники, набранные с «области новгородской» и не бывшие членами городской общины, действительно, не преисполнились энтузиазма, ибо городская община их эксплуатировала как коллективный феодал. А при московских порядках посадские люди и селяне были равноправны, платя подати в государственную казну. Зато новгородцам-горожанам было что терять, и они сражались с мужеством обреченных.

В решающей битве 1471 г. на Шелони попал в плен сын Марфы Дмитрий Исаакович. Вместе с другими знатными пленными он был предан казни. К рядовым же новгородцам великий князь отнесся милостиво и отпустил их с миром по своим домам. После Шелони «были в Новгороде молва великая и мятеж большой, и умножилась ложь неприязненная». Марфа, потерпевшая политическое поражение и потерявшая сына, не была сломлена и продолжала отстаивать свою правоту. «И разделились люди, одни хотели за князя, а другие за короля за Литовского». Тут промосковская партия использовала сословное расслоение новгородцев и обратилась к городскому плебсу, хотя руководители этой партии тоже были аристократами. Они подкупили группу «худых мужиков-вечников», Упадыша и его единомышленников, чтобы те заколотили железом пушки на городской стене. Вскоре Новгород вынужден был просить мира у Ивана III.

Результатом переговоров стал Коростынский договор 1471 г.: Новгород признал Великого князя Московского своим господином, а себя — его отчиной и обязался порвать с Литвой, выбранного же на вече владыку «кроме московского митрополита нигде не ставить». Усиливалась также судебная власть великого князя в Новгороде. Но уже через несколько лет местные патриоты опять стали самой влиятельной силой на берегах Волхова, возобновил свою деятельность клуб во дворе Марфы. Ее второй сын Федор, посадник Василий Ананьич и около двух десятков бояр «наехали» на дворы своих противников на Славковой и Микитиной улицах, учинили там грабежи, избиения и даже убийства. Теперь промосковская партия могла надеяться только на великого князя. И раньше случалось, что в Новгороде резко страдало политическое меньшинство, но никогда там не существовало такого меньшинства, за которым не стояла бы ни какая-то определенная территория, ни какое-то конкретное сословие.

Осенью 1475 г. Иван III с московскими боярами приехал в Новгород чинить суд и расправу. Он «оправил» жалобщиков, организаторов же наездов и грабежей «обвинил». Виновных присудили к штрафу в 1,5 тыс. руб., посадник Василий Ананьич и Федор Борецкий были взяты под стражу. Как ни просили владыка Феофил и посадники за ряд осужденных, Иван III не внял их словам. Спустя четыре дня едва не вспыхнуло восстание, всю ночь был «пополох» по городу. Тут Иван III пошел навстречу ходатайству владыки и отпустил из-под стражи часть арестованных. Самодержец покинул Новгород 23 января 1476 г., достигнув миром целей похода. В те дни Новгород впервые реально почувствовал власть руки «государя всея Руси». Близился конец его независимости. Теперь промосковская партия решила нанести упреждающий удар, и в Москву отправилось посольство, относительно которого так и не выяснили, кто его посылал и с каким поручением. Поехали подвойский Назар и вечевой дьяк Захар. В своем челобитье они называли Великого князя Московского государем, что явилось новостью, ибо истари новгородцы именовали князей господами. Иван III ухватился за государево звание, и московские послы сразу же отправились в Новгород спросить, какого там хотят государства и должен ли оставаться в городе какой-либо еще суд кроме государева, для которого освободят Ярославов двор и тиуны его сядут по всем улицам?

В Новгороде опять учинился метаж. Для вечевского большинства было очевидно, из чьих рук раскручивается веревка, чтобы опутать старинные вольности. «С тем не посылали!» — кричали на вече. Разбушевавшиеся новгородцы обвиняли посадника Василия Никифорова: «Переветник! Ты был у великого князя и целовал ему крест за нас». Потом Василия, не слушая его оправданий, изрубили в куски топорами. Некоторых бояр тоже убили, а других заставили присягнуть на верность Новгороду. Великокняжеских же послов новгородцы продержали шесть недель и с честью отпустили. Но ответ был дан Москве однозначный: держите нас по старине, господами вас считаем, а государями не зовем, кто же без нашего ведома сделает иначе, заслуживает казни. Иван III пришел к митрополиту и обвинил новгородцев в клятвреступлении: «Я не хотел у них государства, сами о том прислали, а теперь запираются и меня ложью укоряют».

Начался новый поход на Новгород. Еще в пути московского войска некоторые новгородские бояре явились к великому князю с челобитьями о принятии на службу. В 30 верстах от города прибыли полномочные представители волховской столицы владыка Феофил с посадниками и жителями. Они назвали Ивана III «господином государем», не отказываясь от прежнего стиля отношений, но и соглашаясь на новое. Однако Ивану того было мало: «Коли захочет Великий Новгород бить нам челом, так он знает, как это сделать!» Войско постепенно охватывало город со всех сторон. Среди осажденных опять вспыхнул раздор. Сторонники мира с Москвой взяли верх. В московский лагерь приехал владыка с просьбой, чтобы «пожалова» великий князь свою отчину, и вторично услышал: «Захочет наша отчина бить челом, так она знает, как это сделать». Повторное посольство привезло признание: да, посылали мы Назара и Захара в Москву всем Новгородом и велели звать великого князя государем, а потом отказались от этого. «Коли признали вы вину свою передо мною,— отвечал им Иван III,— так объявляю вам: хочу у вас такого же государства, как на Москве!». Послы, уйдя, вернулись с очередными уступками, но Иван настаивал, пусть мое будет государство в Новгороде, и не указывайте мне, как его строить. Новгородцы прикинулись простачками: мы и не указываем, мы не знаем низовского обычая, какое государство великий князь у себя в Москве держит? «А государство наше таково,— заявил им самодержец,— вечевому колоколу в Новгороде не быть, посаднику не быть, а государство все нам держать; волостями, селами нам владеть, как владеем в Низовской земле, чтоб было на чем быть нам в нашей отчине, а которые земли наши за вами, и вы их нам отдайте; вывода не бойтесь, в боярские вотчины не вступимся, а суду быть по старине, как в земле суд стоит».

Через шесть дней после этого ультиматума, 14 декабря 1477 г., новгородцы приняли условия Москвы. Робко просили лишь, чтобы Иван поцеловал крест Новгороду, но и в этом им было отказано. Не договорно-правовым было Московское государство. Как отметил В. О. Ключевский, Московское государство давило частное существование, отличаясь «тягловым, неправовым характером внутреннего управления и общественного состава... Сословия различались не правами, а повинностями, между ними распределенными»; в этом государстве гражданин «превратился в солдата или работника, чтобы под руководством командира оборонять Отечество или на него работать»⁸. Московский князь щедро жаловал вассалов кормлениями и вотчинами, располагая обширным фондом земель, но зато заставлял их принимать обычай, согласно которому «служба копьем и головой» являлась безусловным долгом. Ее несли, не спрашивая платы и бессрочно. Так прежнее московское исключение становилось общерусским правилом. В этом — одна из причин того, что Россия с ее открытыми со всех сторон для нашествий границами не была стерта с лица земли.

Ни Иван, ни бояре его, ни наместники крест Новгороду не целовали. Новгородцы же принесли присягу. Перед отъездом из города государь велел схватить Марфу с внуком Василием и еще нескольких новгородцев. Имение арестованных отписал на себя, а их отправил в Москву. Туда же повезли вечевой колокол и потом подняли на одной из кремлевских колоколен. Что дальше случилось с посадницей, мы можем только догадываться. По некоторым сведениям, она умерла монахиней в нижегородском монастыре.

Примечания

1. КАРАМЗИН Н. М. История государства Российского. Т. X—XII. Тула. 1990, с. 500; т. IV—VI, с. 462—463; ГЕРЦЕН А. И. Соч. Т. III. М. 1956, с. 403—404; ХОРОШЕВ А. С. Отечественная историография о падении Новгородской вечевой республики. В кн. Русский город. Вып. 8. М. 1986.
2. ЧЕРЕПНИН Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М. 1960; БЕРНАДСКИЙ В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.—Л. 1961; ЯНИН В. Л. Новгородские посадники. М. 1962; АЛЕКСЕЕВ Ю. Г. «К Москве хотим». Л. 1991, и др.
3. АЛЕКСЕЕВ Ю. Г. Ук. соч., с. 150.
4. АЛЕКСЕЕВ Ю. Г. Псковская Судная грамота и ее время. Л. 1980, с. 25, 219—220, 227—230; ФРОЯНОВ И. Я., ДВОРНИЧЕНКО А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л. 1988.
5. ЯНИН В. Л. Новгородские акты XII—XV вв. М. 1991, с. 10, 77—78.
6. ДУМИН С. В. Другая Русь. В кн. История Отечества: люди, идеи, решения. М. 1991.
7. КОСТОМАРОВ Н. И. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. Т. I. СПб. 1886, с. 154, 174; СОЛОВЬЕВ С. М. История России с древнейших времен. Т. 5—7, кн. III. М. 1989, с. 25.
8. КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Сочинения. Т. II. М. 1988, с. 372.

Страница истории французского Сопротивления

М. Ц. Арзаканян

Вторая мировая война таит в себе еще массу загадок. Не составляет исключения и история Франции 1939—1945 годов. Пожалуй, самые ее драматические страницы связаны с движением Сопротивления. На эту тему уже написано много книг. Однако совершенно по-новому на нее стало возможным посмотреть, когда перед исследователями открылись засекреченные фонды архивов, и в первую очередь дела Коминтерна в Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ).

Сегодня уже ни для кого не секрет, что Коминтерн имел широкую информацию о том, что происходило на территории Франции в годы войны. Сведения такого рода шли разными каналами. Отдельные материалы прибывали как с дипломатической почтой, скажем, через Англию, где находились советские официальные представители, так и особыми курьерами. С последними пакеты доставлялись подчас еще медленнее, чем окольным путем через Лондон. Они проделывали долгий, порой извилистый путь по разным странам, передавались из рук в руки, пока не достигали Москвы.

Но главным источником информации во время войны становится шифрованная радиопереписка. Коминтерн имел свои каналы. В силу обстоятельств военного времени они часто прерывались или не содержали достаточного количества сведений. В таком случае на помощь приходили другие каналы — Народного комиссариата иностранных дел (через посла СССР при союзных правительствах в Лондоне А. Е. Богомолова и его «куратора» в Москве, заместителя наркома В. Г. Деканозова), Народного комиссариата внутренних дел (через начальника иностранного отдела П. М. Фитина) и, наконец, Государственного разведывательного управления (ГРУ). Таким образом одна информация дополняла другую. Председатель Коминтерна Г. Димитров и секретарь, занимавшийся французскими вопросами, сам француз, А. Марти почти постоянно имели все сведения. Но только «почти»: в информационной сети случались и провалы.

Эпизод, который будет ниже воссоздан, связан с одним из самых известных сюжетов в истории Франции военного времени — отправкой в Лондон, к Ш. де Голлю, представителей различных течений движения Сопротивления. Благодаря ставшим доступными документам Коминтерна можно теперь представить картину отъезда к де Голлю делегата Французской компартии (ФКП) Ф. Гренье. Даже при наличии мемуаров основных участников и архивных документов эта похожая на авантюру история являет собой причудливый клубок, в котором переплелись имена, даты, порой противоречивые сведения.

Итак, 1942 год. Уже давно де Голль, глава «Свободной Франции» (затем — «Сражающаяся Франция»), находящийся в Лондоне, начал получать сведения о все ширившемся на его

Арзаканян Марина Цолаковна — кандидат исторических наук, Институт всеобщей истории РАН.

родине движении Сопротивления. Обладая большим политическим чутьем, генерал решил взять под контроль эту действенную силу и, если в дальнейшем понадобится, опереться на нее в своей борьбе против вишистского правительства и немецких оккупантов. Еще в 1940 г. при «Свободной Франции» было создано Центральное бюро осведомления и действия («разведывательные службы», находившиеся под контролем англичан). Через него на территорию Франции засылались агенты, которые сначала только собирали всевозможные сведения, но затем стали налаживать контакты с различными патриотическими группами.

В 1942 г. де Голль стал проявлять стремление к личным встречам с известными деятелями Сопротивления, представлявшими различные направления. Самой внушительной силой во Франции, борющейся против оккупантов, были коммунисты. Де Голль хотел, чтобы делегат компартии также приехал к нему в Лондон. Однако для начала еще надо было разыскать коммунистов в их глубоком подполье и наладить с ними постоянную связь. Такая миссия выпала на долю одного из самых известных деголлевских агентов, уже не раз проделавшего путь Англия-Франция-Англия, Ж. Рено, известного под псевдонимом полковника Реми.

К какому именно времени относятся первые контакты между голлистами и коммунистами, а также между какими действующими лицами они были установлены, до сих пор нельзя судить с точностью. Известно, что сначала Реми мог выйти на представителей франтиреров и партизан (ФТП), организации, объединявшей в своих рядах вооруженные отряды бойцов за освобождение Франции и контролируемой компартией. В одних из своих многочисленных мемуаров Реми упоминает о том, что весной 1942 г. познакомился с неким Жозефом¹. Им был ни кто иной как известный деятель Сопротивления коммунист Ж. Бофис (он же Марсо, полковник Дрюмон, Веркутр, Барнье-Бернар).

О своих встречах с Реми пишет в своих воспоминаниях и руководитель ФТП Жан Жером². Его подлинное имя — М. Фейнтюш. Он был выходцем из Польши, но уже в 30-е годы переехал в Бельгию и Францию. Фейнтюш стал членом компартии и известным связующим агентом Коминтерна. В архиве сохранилось его личное дело³. В нем есть автобиографии, написанные Фейнтюшем. Из них явствует, что он жил на территории Франции порой на нелегальном положении и под псевдонимами: Жан, Жюль, Леблан и Марек⁴. А во время войны, как пишет Фейнтюш в своих мемуарах, он был сначала Жаном, затем Жаном Мишелем, потом стал Роже, после — Жеромом и, наконец, превратился в знаменитого Жана Жерома. Под этим именем он был известен многим борцам Сопротивления, а впоследствии оставил себе его на всю жизнь⁵.

Жозеф и Жан Жером работали вместе и имели прямые выходы на главу компартии Ж. Дюкло (подпольная кличка — Лео). В распоряжении Дюкло имелся канал связи с Коминтерном. Под своими шифровками Дюкло всегда подписывался «Ив». А инструкции он получал от самого председателя Коминтерна Димитрова (Поля), М. Тореза, жившего в Москве в строжайшей конспирации (он всегда подписывался в шифровках Штерном или Жаном) и от секретаря Коминтерна, официального представителя Франции в Москве А. Марти (Андре).

Жозеф и Жан Жером, скорее всего, имели сами прямые каналы связи с ГРУ. Такой вывод напрашивается после прочтения справки о положении в оккупированной Франции, хранящейся в делах Коминтерна. Она на русском языке, датирована 22 апреля 1942 г. и не имеет подписи автора. Но на ней обозначено, что текст проверен (значит, был переведен) капитаном-лейтенантом Овчинниковым. Это и наводит на мысль, что Коминтерн получил эту справку через ГРУ.

Очень интересен параграф, посвященный связям голлистов с компартией: «Партия в контакте с голлистами. Сотрудничество с ними принимает все более и более широкие формы. Партия старается расширять голлистические акции и соответствующими лозунгами намечать политические перспективы. Несмотря на это для партии еще не ясен вопрос о том, каким образом должно осуществляться сотрудничество на практике, чтобы партия, идя рука об руку с голлистами, поддерживая их движение, сумела сохранить и расширить влияние в массах, свое идейное руководство этим движением. Иными словами, для партии существует опасность оказаться в какой-нибудь момент в хвосте голлистов»⁶.

Так как в справке говорится об апреле 1942 г., то совершенно очевидно, что речь может идти только о контактах Жана Жерома и Жозефа с Реми. Никаких других связей у представителя де Голля с коммунистами в то время еще не было. Поэтому и сведения, содержащиеся в справке, могли прийти в Москву только от тех же лиц.

Связи коммунистов с Реми постепенно приобретают более или менее регулярный характер. Вполне вероятно, что с лета 1942 г. они становятся постоянными. Об их существовании в это время пишут в своих мемуарах и Дюкло и Гренье⁷. Дюкло упоминает об этом предельно лаконично. А вот Гренье указывает, что он впервые узнал о наличии контактов

с представителем де Голля от Жозефа и Жана Мишеля (один из ранних псевдонимов Фейнтюша-Жана Жерома). Встречи происходили в Париже, у сада Трокадеро, в квартире доктора Декона, который имел постоянную связь с Жаном Жеромом. Об этом поведали в воспоминаниях Реми и Гренье ⁸.

Решающие события наступили осенью 1942 года. Реми твердо заявил Жозефу, что де Голль ждет в Лондоне представителя компартии. Ему был дан ответ, что руководство ФКП обсудит этот вопрос, а пока надо ждать ⁹. О намерениях главы «Сражающейся Франции» вне всякого сомнения был оповещен Дюкло. И он, вероятнее всего, запросил Москву. Но, к сожалению, никаких следов его «запроса» в архиве Коминтерна обнаружить не удалось. Реми несколько раз напоминал Жозефу о просьбе де Голля. Тот ему неизменно отвечал, что решение еще не принято. Хотя можно предположить, что руководство ФКП уже начало думать о кандидатуре делегата в Лондон.

Коммунисты склонялись к тому, чтобы отправить туда Гренье. Сам он пишет в своих мемуарах, что осенью 1942 г. Жозеф рассказал ему о планах де Голля, а Жан Мишель (Жан Жером) заявил, что вскоре Гренье будет лично представлен полковнику Реми ¹⁰.

Гренье еще в молодости вступил в ряды компартии. Перед войной он уже был депутатом от ФКП в парламенте. До сих пор его современники отзываются о нем с большой теплотой. Это был добрый, искренний человек, верящий в идеалы коммунистического движения и самоотверженно выполняющий партийные задания. В 1940 г., после объявления ФКП вне закона, Гренье был арестован. Сначала он попал в лагерь, потом сидел в двух разных тюрьмах, а позднее был отправлен в концлагерь Шатобриан неподалеку от Нанта. Оттуда летом 1941 г. он бежал, с трудом добрался до Парижа, восстановил связи с товарищами по партии, сразу включился в подпольную работу и продолжал жить во французской столице вместе с женой на нелегальном положении под псевдонимом «Жюльен». Семья Гренье, естественно, не имела продовольственных карточек. Средства к существованию она получала только через связного по партии.

В январе 1942 г. тот не вышел на связь. Впоследствии Гренье узнал, что его и еще многих товарищей из их сети арестовали. А главное, что партийное руководство подумало, что и сам Гренье оказался в их числе. В результате он с женой остался совсем без денег. Такая ситуация длилась четыре месяца. Перебивались кое-как и с невероятными ухищрениями доставали какие-то продукты. Гренье вспоминает: «Я очень исхудал. Достаточно мне было пройти десять минут по улице, как у меня начиналось головокружение» ¹¹. Помог счастливый случай: жена Гренье, Андреа, встретила на улице бывшую секретаршу мужа — связи с партией были восстановлены. Супруги понемногу пришли в себя и тут же вновь включились в работу.

Когда состоялась первая встреча Реми и Гренье, установить с точностью невозможно. Гренье пишет, что это произошло через достаточный промежуток времени после высадки американских войск в Северной Африке (которая была проведена 9 ноября). Реми утверждает, что их свидание было намечено на первую неделю после Рождества, отмечаемого 25 декабря. Но главное, что в декабре уже определила свою четкую позицию Москва.

После высадки американцев и оккупации немцами в ответ на это территории всей Франции 25 ноября собрался на заседание Исполком Коминтерна во главе с Димитровым. На нем было принято решение в связи со сложившейся ситуацией разработать новые конкретные задачи для ФКП. Подготовить проект поручили Торезу и Марти. В нем указывалось: «Коммунистическая партия должна согласовать деятельность уже организованных национальных сил, установить и поддерживать непосредственный контакт с де Голлем» ¹². А 8 декабря к Дюкло из Москвы уходит шифровка за подписью Поля, Штерна и Андре (Димитрова, Тереза и Марти): «Учитывая новую ситуацию, считаем необходимым, чтобы вы послали представителя в Лондон при де Голле» ¹³.

Итак, вопрос был решен. Выбор уже на месте, во Франции, окончательно пал на Гренье. Незадолго до отъезда, опять-таки нельзя сказать, когда именно, будущий представитель ФКП при де Голле ездил на встречу с руководством партии — Ж. Дюкло и Б. Фрашоном. Гренье так описал начало их свидания: «У меня перехватывало дыхание и я не мог говорить: ведь передо мною стояли два человека, в чьих руках в конечном счете сосредоточивались все нити огромной организации... благодаря которой столько мужчин и женщин, презирая тюрьмы, пытки, изгнание и смерть, продолжали вести неутомимую борьбу, требовавшую все новых и новых смельчаков... я увидел перед собою двух руководителей, за головы которых гестапо сулило огромное вознаграждение» ¹⁴.

Вполне возможно, что эта встреча состоялась после того, как из Москвы была прислана вторая шифровка, датированная 31 декабря. В ней подчеркивалось: «Советуем вашему делегату при де Голле быть чрезвычайно осторожным со всех точек зрения: политической, ор-

ганизационной, связи с вами и личной. Выберите делегата умного и твердого. При приезде ваш делегат должен увидеть советского представителя при де Голле Богомолова, который даст ему полезные советы»¹⁵.

«Доставить» Гренье в Лондон должен был сам Реми. Он предупредил делегата-коммуниста, чтобы тот не брал с собой никакого багажа. Однако самый важный багаж — документы ФКП — тот все-таки привез и получил их наверняка от Дюкло. Эти бумаги хранятся в архиве Коминтерна с пометкой, что получены из Лондона, от Гренье. Среди них есть предварительное соглашение между представителями компартии и «Сражающейся Францией». Оно датировано 28 ноября (на экземпляре Реми). Тот разрешил опубликовать его в 1972 г. А. Ногересусу во втором томе «Истории Сопротивления во Франции»¹⁶.

В архиве Коминтерна есть два экземпляра — на французском и на русском языках. На французском варианте обозначено — «середина ноября». Реми утверждает в воспоминаниях, что этот документ ему дал еще Жозеф до встречи с делегатом компартии. Гренье же об этом вообще ничего не пишет.

И вот, 8 января 1943 г. путешествие началось¹⁷. Гренье должен был ждать Реми вечером на парижском вокзале Монпарнас. Они собирались отправиться поездом на Кемпер — город на юге полуострова Бретань. Каково же было удивление худого, изможденного, обеспокоенного предстоящей ему миссией, строго подчинявшегося инструкции (никакого багажа!) Гренье, когда он увидел Реми! Тот шел уверенной походкой, разодетый, в сопровождении нескольких молодых людей, тащивших за ним тяжелые вещи. Гренье просто обомлел. Он особенно удивился большому серому пакету полтора метров высотой. Контролер вообще запретил грузить в вагон эту вещь. Но попутчики Реми все же как-то смогли проташить ее. Когда поезд тронулся, Гренье осмелился спросить Реми, что это такое. И тот ему спокойно ответил, что это горшок с азалией, который он везет в Лондон госпоже де Голль.

На следующий день в Кемпере путешественники наняли носильщика, доставившего их вещи в гостиницу, а сами великолепно позавтракали в хорошем ресторане. Гренье после своей тяжелой жизни в подполье с ужасом констатировал, что Реми за один завтрак заплатил такую сумму, на которую он с женой в Париже жил бы месяц. Днем посланник компартии и представитель Де Голля сели в автобус и отправились в Понт-Авен, небольшой городок на атлантическом побережье. Опять возникли трудности с азалией. Ее пришлось привязать на крыше. Автобус был набит до отказа, и стояла страшная духота. Обессиленному Гренье стало плохо. Реми страшно перепугался. Открыли окно. Бедного делегата быстро привели в чувство и усадили на освободившееся место.

В Понт-Авен прибыли вечером. Остановились в маленьком домике, где Реми все хорошо знали. Он спросил у хозяйки, где большой пакет, привезенный в прошлый раз. Тут же притащили какой-то мешок. Внутри что-то позвякивало. Гренье, конечно, поинтересовался, что это. «Дело вот в чем, старик, — ответил Реми, — в Сражающейся Франции служит много французов, которые давным-давно не видели французских духов. Вот я и везу им этот подарок». На сей раз Гренье просто вышел из себя. Он, повысив голос, твердо заявил: «Довольно одной азалии... парижские духи останутся в Понт-Авене». Нехотя Реми согласился.

Утром, когда едва рассвело, двоих мужчин взял на борт небольшой рыболовецкий катер. С него они должны были в открытом море пересечь на английское судно. Но в этот день поднялся сильный шторм, дул шквальный ветер. Поэтому французский катер не смог доплыть до цели к назначенному часу. Пришлось вернуться в Понт-Авен. Оба путешественника были даже рады этому. Все время, проведенное в море, Гренье мучился от морской болезни, а Реми что-то попало в глаз, и он тоже не находил себе места. На следующий день все повторилось сначала. Но на этот раз удалось добраться до английского судна. Когда французский катер оказывался на гребне волны, все, кто должен был перебраться на соседнее судно, сильно отталкивались и прыгали прямо в объятия английских матросов. Последней «перепрыгнула» азалия. И вот, через несколько часов — английский порт Фалмут, долгожданный конец мучительного переезда.

Реми сразу же уехал в Лондон. А Гренье отвезли на уединенную виллу в лесу. Там он пробыл, видимо, дней десять, под надзором хозяина. Такую процедуру проходили все приезжавшие из оккупированных стран. В это время английские разведывательные службы наводили о них справки по своим каналам. «Отсидев» в лесу сколько положено, Гренье явился в Лондон и был принят де Голлем в его резиденции на Карлтон-Гарденс, 4. Делегат компартии рассказал генералу о движении Сопротивления и его нуждах, а сам получил от него задание приступить к работе по пропаганде.

Следуя инструкции, которая была дана в шифровке Дюкло, делегат компартии посетил А. Е. Богомолова. Но здесь произошло недоразумение. Посол явно не был оповещен о приезде

Гренье и поэтому доложил о случившемся в Москву Деканозову. А тот, в свою очередь, немедленно, 3 февраля 1943 г. сообщил Димитрову в Коминтерн:

«В Лондоне к нашему послу тов. Богомолу явился Фердинанд Гренье, назвавшийся уполномоченным Национального Комитета Французской Коммунистической партии для связи с де Голлем. Он рассказал, что Центральный Комитет Французской Компартии получил от де Голля предложение о создании постоянной связи. Дюклю, Торез и др. якобы решили послать его — Гренье. По сообщению т. Богомолу, Гренье 41 год, рыжеватый, лысый, нос длинный, глаза карие, выглядит старше своих лет... Находится в Лондоне около месяца. В Национальном Комитете ему дали работу по пропаганде внутри Франции. Просьба сообщить, что Вам известно о Гренье и о его связи с де Голлем»¹⁸.

На следующий день Димитров отвечает Деканозову: «Тов. Гренье нам хорошо известен. Он бывший депутат Компартии Франции и председатель французского общества «Друзей Советского Союза». Честный и преданный товарищ. Он был послан ЦК Компартии Франции в качестве ее представителя при Национальном Комитете де Голля. Учитывая плохое окружение де Голля, ему было дано, с нашего согласия, поручение время от времени просить у Богомолу необходимую информацию, чтобы лучше мог ориентироваться в лондонской обстановке»¹⁹. Таким образом небольшой инцидент был быстро исчерпан.

26 февраля, наконец, сам Гренье пишет в Москву, Марти. В архиве Коминтерна это письмо сохранилось. Подлинник написан рукой Гренье на бланках «Сражающейся Франции». «Несмотря на тридцать истекших, очень трудных месяцев и суровые лишения, — указывает делегат ФКП, — со мной, как сказал доктор, ничего серьезного нет: побольше еды и все будет... х-а-р-а-ш-о! Но ...как хорошо держались наши мужчины перед врагом! Девять месяцев я прожил с нашими несчастными товарищами в Шатобриане, и я никогда не устану говорить о том, сколько же доброты было в них и как стойко они себя вели»²⁰.

В Лондоне делегат ФКП продолжал неустанно трудиться во благо движения Сопротивления. Его доброта и порядочность сразу же были отмечены. Недаром де Голль в конце 1943 г., когда начались переговоры с коммунистами о вхождении их в будущее Временное правительство, сказал, что в первую очередь желал бы в нем видеть Гренье.

Примечания

1. RÉMY. On m'appelait Rémy. II. De l'espoir à la Libération. P. 1967, p. 223.
2. JÉRÔME J. La part des Hommes. P. 1983, p. 281—282.
3. РЦХИДНИ, ф. 495, оп. 270, л. 1242.
4. Там же.
5. JÉRÔME J. Op. cit. p. 288.
6. РЦХИДНИ, ф. 495, оп. 74, л. 526.
7. ДЮКЛО Ж. Мемуары. I. 1896—1945. М. 1985, с. 371; ГРЕНЬЕ Ф. Вот как это было. М. 1960, с. 105.
8. ГРЕНЬЕ Ф. Ук. соч., с. 105; RÉMY. Op. cit., p. 226—227.
9. RÉMY. Op. cit., p. 225.
10. ГРЕНЬЕ Ф. Ук. соч., с. 105.
11. Там же.
12. РЦХИДНИ, ф. 495, оп. 18, л. 1338.
13. Там же, оп. 184, исх. № 1534.
14. ГРЕНЬЕ Ф. Ук. соч., с. 110.
15. РЦХИДНИ, ф. 495, оп. 184, исх. № 1601.
16. NOGUÈRES H. L'Histoire de la Résistance. T. 2. P. 1972, p. 651—653.
17. Далее текст изложен по: ГРЕНЬЕ Ф. Ук. соч., с. 113—118; RÉMY. Op. cit., p. 244—258.
18. РЦХИДНИ, ф. 495, оп. 74, л. 532.
19. Там же.
20. Там же, ф. 517, оп. 1, л. 1969.

Книга исторических сенсаций. М. Раритет. 1993. 240 с.

Этот альманах содержит неизвестные и малоизвестные материалы: мемуары, исторические очерки, занимательные факты и сообщения, забытые художественные произведения на исторические темы. Рассчитанный на массового читателя некоторыми своими материалами он может быть полезен и профессиональными историкам.

Представляет интерес подборка материалов об Октябрьской революции, в частности мемуары одного из кадетских лидеров В. Д. Набокова (отца известного писателя). Автор — соратник П. Н. Милюкова в 1922 г. принял на себя, будучи в эмиграции, пулю террориста-монархиста, предназначенную Милюкову. «Свидетельство В. Д. Набокова,— справедливо указывают составители,— это не только исповедь противника большевизма, но и наблюдения вдумчивого аналитика, объективного исследователя, тонкого психолога» (с. 30). Рядом с мемуарами Набокова и письмами Милюкова (также представляющими интерес для историков) в книге публикуются материалы из газет разных направлений: буржуазных, меньшевистских, большевистских, вышедших 25 октября 1917 г., а также большевистские листовки 1917—1918 годов.

В разделе «Из недр архивов» читатель познакомится с донесениями наполеоновского разведчика де Лонгерю, который, пользуясь дипломатическим прикрытием (он был адъютантом французского посла в России Ж.-А. Лористона), в течение года собирал сведения о будущем противнике и составил краткие характеристики 58 русских генералов (включая М. И. Кутузова) и многих полков русской армии. Его оценки, кстати, весьма высокие, подтвердили события 1812 года. В этом же разделе помещен материал о чекисте-террористе, начальнике службы «ДР» (диверсия и террор) генерал-лейтенанте П. А. Судоплатове, на счету которого организация убийства Л. Д. Троцкого, Евгения Коновальца (которого лично «убрал» Судоплатов) и многих других известных и малоизвестных политических и религиозных деятелей.

Обзоры «Открытия историков» и «О чем спорят историки» содержат факты из еще не опубликованной книги «Репрессированные цифры: Всесоюзная перепись населения 1937 г.» (авторы ее член-корреспондент РАН Ю. А. Поляков, В. Б. Жиромская и И. Н. Киселев). «Шесть миллионов погибших...— вот цена насильственной коллективизации и раскулачивания, голода 1932—1933 годов, массовых

репрессий. Еще два миллиона бежало за пределы страны (в основном из Средней Азии и Казахстана)» (с. 182). В. Н. Земсков, проанализировав коллекцию документов ГУЛАГа, пришел к выводу, что в 1934 г. в этой системе насчитывалось 700 тыс., а в 1953 г.— 2,5 млн. человек (с. 182).

В книге уделено место также научной полемике. В рубрике «О чем спорят историки» идет речь о месте и роли П. А. Столыпина, а также о революционных традициях в истории России.

Материалы, публикуемые в рубрике «Царский престол» раскрывают некоторые новые для современного читателя грани жизни российских монархов. К ним относятся рассуждения Екатерины II — «как нужно писать историю России» (с. 80—81). Достаточно актуально звучат слова императрицы: «современные истории Государей подобны памятникам, которые воздвигали им при жизни их. Смотри на эти памятники, не знаешь украшению ли они города посвящены или заслугам?» (с. 80). Любопытны и исторические анекдоты о Екатерине II, дающие представления о необычных гранях ее характера, душевных склонностях, оригинальности ума. Мало кто знает о том, что первой русской поэтессой была императрица Елизавета Петровна.

Составители альманаха знакомят читателя с фрагментами рукописи «Курс истории СССР», написанной М. Булгаковым, принявшим участие в конкурсе на учебник по истории СССР в 1936 году (с. 74—78).

С горькой иронией читается сегодня секретная служебная записка «О некоторых тенденциозных публикациях югославских издательств в 1984—1985 годах», направленная в МИД из советского посольства в Белграде в мае 1985 г. (с. 28). Среди этих публикаций упоминаются книги крупнейшего специалиста по истории нашей страны Х. Э. Карра «Русская революция» и двухтомный труд итальянского ученого Дж. Боффа «История Советского Союза».

При подготовке последующих выпусков альманаха следовало бы снабдить некоторые публикации комментариями (например, статью историка-эмигранта М. Каратеева «О русском мирополитии»), по всем публикациям указывать источники, откуда взяты те или иные сведения.

В. Г. КОСАЧЕВ

Эта книга — первая биография Л. Б. Красина, написанная западным исследователем и вообще первая научная биография этого деятеля российской социал-демократии, а затем и заметной фигуры в первом советском правительстве.

Две первые книги американского историка Тимоти О'Коннора были посвящены Г. В. Чичерину и А. В. Луначарскому. В отличие от работы о Луначарском, которую О'Коннор выстраивает вокруг одной проблемы — советской политики в области культуры и места интеллигенции в этом процессе, рецензируемая книга выдержана в строго хронологическом порядке, раскрывает весь жизненный путь Красина на широком историческом фоне.

О'Коннор попытался значительно расширить круг уже известных источников о Красине, привлечь новые документы, неизвестные или недоступные ранее нашим исследователям мемуарные свидетельства из архивных фондов Нью-Йорка, Стэнфорда и Амстердама. Особый интерес представляют письма из семейных архивов Красина в Лондоне и Москве, а также интервью автора с дочерьми Красина — Людмилой и Тамарой. К сожалению, автор не смог (или не захотел?) использовать ряд работ советских историков о различных периодах в истории революционного движения в России.

В предисловии к русскому изданию О'Коннор справедливо призывает к бесстрастной и трезвой оценке прошлого и его наследия. Тем более странным и даже парадоксальным выглядит отсутствие в списке литературы сочинений В. И. Ленина, его писем и записок, адресованных Красину, хотя в главах, посвященных 20-м годам, имеются ссылки на отдельные тома Полного собрания сочинений Ленина (с. 127, 161, 174). Главам о дореволюционном периоде существенно недостает такого источника, как «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями».

О'Коннор неоднократно обращается к довольно острым и неоднозначным сюжетам, касающимся взаимоотношений между Красиным и Лениным, не располагая, однако, всей совокупностью опубликованных источников, что, как представляется, обедняет исследование. В главе «Красин против Ленина. Крах большевистского Центра» О'Коннор уделяет много места истории наследства Н. П. Шмита (с. 105—109). Однако при этом не использованы материалы «Ленинского сборника XXXVIII», где впервые были опубликованы 66 документов, связанных с этим наследством.

Фактологическую основу глав о дореволюционном периоде, составляют прежде всего воспоминания самого Красина и его ближайших соратников. Наиболее часто автор упоминает сборник воспоминаний, статей и документов, подготовленный кружком друзей Красина сразу после его кончины. Душой кружка и составителем этого издания, вместе с М. Лядовым, была С. М. Познер, которая

на протяжении всей книги почему-то фигурирует как мужчина.

В примечаниях встречаются ссылки на один и тот же источник, сделанные по разным изданиям (например, «Автобиографические заметки» Красина). Своеобразна манера автора отказываться от цитирования. Собственно «голоса» Красина, его друзей и оппонентов, отрывков из документов нет в повествовании.

Вопросов к автору возникает много, начиная с заглавия книги. Как его следует понимать? Союз «и» здесь как бы отстраняет, если не противопоставляет Красина большевикам. Но судьба его, как он сам ее понимал, исключая годы реакции и до 1918 г., находилась в русле большевизма.

В книге много неточностей, часть которых можно, очевидно, объяснить неадекватностью перевода книги (то же относится и к отказу от цитирования). Широко известная столовая в Технологическом институте именуется «студенческим кафе» (с. 9). О'Коннор пишет, что братьев Красиных в среде петербургского студенчества называли сибирские «дикари» (с. 11). Сам Леонид Борисович вспоминает: «ходил слух о каких-то упрямых сибиряках... Эти «дикие люди» возбуждали любопытство»¹. Далее автор пишет: «Братья Красины начали изучать «Капитал» Маркса весной 1887 г., именно тогда сибирские «дикари» решили, что пора «припасть к источнику» (с. 13). Но Леонид Борисович поступил в институт только осенью 1887 г., а его брат Герман годом позже. В письме от 11 декабря 1889 г. Красин пишет: «По части чтения нами за этот год сделано много — прочли почти всего Маркса». О'Коннор без какой-либо аргументации предлагает считать первой российской социал-демократической организацией Рабочий союз после объединения центрального рабочего кружка со студенческим кружком «к весне 1890—1891 (?) гг.», а не Петербургский Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

Третья глава «Между большевизмом и меньшевизмом», начинается с повествования о жизни Красина в Баку. Это пересказ воспоминаний самого Леонида Борисовича, но весьма неточный. Красин пишет: «У Надежды Константиновны Ульяновой, в ее женеваской «картотеке», мы, бакинцы, были известны под названием «лошадей»². У О'Коннора фигурируют «кони» (с. 47).

В главе «Наследство Шмита и победа Ленина» О'Коннор выстраивает свою версию этой непростой истории, тенденциозно оценивая ее участников. Ему определенно не нравится Виктор Таратута, и он по сути дела ставит его на одну доску с Житомирским — агентом охраны (с. 109). О'Коннор выдвигает обвинение и против А. М. Игнатьева, человека, по просьбе Красина согласившегося на фиктивный брак, дабы наследство Шмита поступило в кассу партии. Без всяких оснований О'Кон-

нор утверждает: «Игнатъев за услуги получил солидную сумму и с комфортом жил за границей» (с. 109). А вот что пишет об этом участник событий Н. Е. Буренин: «Для видимости для Александра Михайловича [Игнатъева] была снята и хорошо обставлена квартира в четыре-пять комнат... Фактически Александр Михайлович жил в каком-то захламленном доме, в комнатухе на седьмом этаже»³.

Встречаются в книге и другие несуразности. Например, на стр. 54 читаем: в Выборге «наряду с другой революционной литературой печатали газету «Петербургский рабочий». Не существовало такой газеты! В Выборге выходили газеты «Пролетарий» и «Вперед».

О'Коннор пишет, что в середине сентября 1905 г. Красин переехал в Петербург, получив место инженера в бельгийской электрической компании «Общество 1886 года», занимавшейся прокладкой кабелей для городского транспорта, а поселился из любви к природе в деревне Куоккала (с. 71). На самом же деле Красин работал в «Обществе электрического освещения 1886 года», которое никакого отношения к бельгийской компании не имело. Куоккала в это время становится своеобразным штабом большевистского Центра, где жили Ленин, А. А. Богданов, а позже и Н. А. Рожков, редактировавший там «Известия ЦК РСДРП». Не «любовь к природе», а относительная безопасность от ищейек царской охранки заставляла лидеров революционных партий России поселиться на финской территории, но вблизи от русской границы.

Более чем странно толкование О'Коннором ареста Красина в Куоккале, попытки его освобождения, а затем и выхода из Выборгской тюрьмы (с. 99—101). Ни на чем не основано утверждение, будто обвинительное заключение пришло с опозданием на один день, когда Красин был уже далеко (с. 101 и 118). Такого аргумента вообще не существовало. Формального обвинения против Красина выдвинуто не было и Департаменту полиции ничего

не оставалось, как дать ему разрешение на возвращение в Россию⁴.

Много места уделяет в книге размышлениям о взаимоотношениях Красина и Ленина, и внимание акцентируется на тех эпизодах, когда между ними возникали конфликты, наступали обострения. О'Коннор, очевидно, не знает о встрече Ленина с Красиным в конце мая 1917 г., которую организовала А. М. Коллонтай в Царском Селе, где Леонид Борисович ведал всем энергетическим хозяйством и жил там с семьей⁵.

Отношение самого Красина к революционным событиям в России весной 1917 г. лучше всего передает его стихотворение «Призыв», опубликованное 19 мая 1917 г. в большевистской «Правде». «К знаменам, братья по труду!» и «Рабочих стран всех единенье!» — вот два тезиса, вокруг которых построено все стихотворение. О'Коннор же опускает этот штрих из жизни Красина.

Заканчивая повествования о Красине, автор выделяет специальную главку «Кульť Ленина». Речь идет здесь о ключевой роли Красина в создании культа Ленина. Сам О'Коннор признается, что объяснить этот феномен он не в состоянии: «К сожалению, имевшиеся в нашем распоряжении источники не позволяют дать исчерпывающий и убедительный ответ» (с. 254). Впрочем и сам Красин, наверное, затруднился бы ответить, почему он так был предан Ленину, его идеям.

Г. С. УСЫСКИН

Примечания

1. КРАСИН Л. Б. Дела давно минувших дней. М. 1934, с. 9.
2. Там же, с. 35.
3. БУРЕНИН Н. Е. Гамятные годы. Л. 1961, с. 175.
4. ГАРФ, ф. 102, дп. 00, 1911, д. 202, лл. 1, 14.
5. КОЛЛОНТАЙ А. М. Из моей жизни и работы. М. 1974, с. 262—263.

Deutsch-russische Wirtschaftsbeziehungen 1906—1914. Dokumente. Berlin. Akademie-Verlag. 1991. 480 S.

Немецко-русские экономические отношения в 1906—1914 гг. Документы.

Публикация документов, подготовленная известным немецким историком Хайнцом Лемке, автором многочисленных работ по истории русско-германских экономических и дипломатических отношений (в настоящее время он работает над исследованием о рейхсканцлере Б. Бюлове), привлечет внимание специалистов. Издание включает множество доселе неизвестных документов, хранящихся в архивах ФРГ и России. Оно охватывает период с мая 1906 г., когда вступил в силу новый торговый договор между Россией и Германией, до начала пер-

вой мировой войны. В общей сложности сборник насчитывает 402 документа из Политического архива Министерства иностранных дел в Бонне, Потсдамского отделения Федерального архива, Архива внешней политики Российской империи в Москве, Российского государственного исторического архива в Петербурге.

Как подчеркивает в своем предисловии Лемке, он «старался опубликовать возможно большее число документов без всяких купюр» (с. 19). Однако в ряде случаев он был вынужден ступить от

этого принципа. Купюры делались в основном за счет того, что напрямую не было связано с тематикой сборника. При отборе документов особое внимание уделялось ключевым проблемам германо-российских экономических отношений, в частности, проблеме займов (с. 19). Документы расположены в хронологической последовательности.

Как явствует из публикуемых материалов, в частности, донесений германского вице-консула в России О. Траутманна, германское правительство отлично представляло себе, что «Россия является исключительно важной для Германии страной с точки зрения внешнеторговых интересов». Характеризуя Российскую империю накануне первой мировой войны, германские консульские круги отмечали, что торговые возможности России зависят от хорошего или плохого в данном году урожая. «Можно сказать, что от урожая в России зависит все», — докладывали они своему правительству. Крупный промышленный прорыв России накануне войны, считали они смог осуществиться не в последнюю очередь благодаря хорошему урожаю. Одновременно германские дипломаты подчеркивали, что в России «государство поддерживает промышленность с особой заботой и любовью» (с. 21—33).

Германские консульские круги имели постоянные контакты с представителями российских предпринимательских союзов, от которых и получали необходимую информацию. В частности, от главы Петербургского биржевого комитета А. Прозорова, от российского нефтепромышленника Э. Нобеля, одного из руководителей объединения российских заводчиков и фабрикантов. Важная информация поступала также от живших в России немецких торговцев, предпринимателей и инженеров, имевших как германское, так и российское подданство (с. 11).

В то же время из документов видно, что посещавшие Россию «чисто немецкие» промышленники и предприниматели отнюдь не спешили вводить в детали своих переговоров с российскими коллегами германских внешнеполитических представителей в России. Официальные представители Берлина сообщали, что «германские деловые люди сторонились контактов с консульствами, и эти последние ничего не знали об их переговорах с русскими чиновниками и фирмами» (с. 10). В декабре 1907 г. генеральный консул в Москве В. Кольхас сообщал рейхсканцлеру Б. Бюлову: «Официальные представительства в России находятся в весьма сложном положении, будучи практически не способны похлопотать за того или иного немецкого претендента. Люди, которые ведут переговоры, как правило, вводятся в дело и информируются прежде всего через банковские и промышленные каналы, причем до такой степени, что они не нуждаются в принципе в каких-либо советах по официальной линии. Это происходит в подо-

бных гешефтах прежде всего из-за боязни конкуренции, и связано поэтому с секретностью переговоров и возможно большей тайной вплоть до заключения сделки; кроме того, нельзя сбрасывать со счетов и национальные особенности и национальное мироощущение русских, которые могут не заключить то или иное соглашение именно потому, что знают, что официальные круги Германии в нем заинтересованы» (с. 139—140).

Несколько позднее генеральный консул Германии в Петербурге М. Бирманн сообщал тому же адресату: «Часто случается так, что германские фирмы или объединения посылают сюда лиц с целью сбора информации по тем или иным деловым и экономическим проблемам или же для заключения какого-либо соглашения, а генеральный консул узнает об этом лишь от третьих лиц, либо из газетных статей» (с. 146).

Публикуемые Лемке документы подтверждают до настоящего времени оспариваемую некоторыми историками точку зрения американского историка В. Кирхнера о том, что германские предпринимательские круги в своей практической деятельности, как правило, дистанцировались от правительственных кругов Германии, не в последнюю очередь и по той простой причине, что «от правительства и правительственных кругов Германии германские промышленники мало что ожидали»¹.

Представляют немалый интерес характеристики, которые давались германскими консульскими кругами российским промышленникам и банкирам. Как подчеркивал, например, в своих донесениях консул Бирманн, несмотря на то, что в среде российских предпринимателей получили распространение националистические тенденции и даже «антигерманские настроения», они практически не влияли на экономические соглашения. Основную роль для русских, сообщал он, играли «цены, условия платежей и качественная сторона предлагаемых сделок» (с. 11).

В последние годы в исследованиях японских авторов о российско-германских экономических связях было показано, что накануне первой мировой войны традиционно мощный прежде русский экспорт зерна в Германию начал неуклонно сокращаться, поскольку Россия стала вытесняться здесь США и Аргентиной. Да и растущий накануне войны экспорт германской пшеницы, конечно, не способствовал развитию партнерства двух стран. В японской историографии высказывалась и та точка зрения, что когда Россия в своих отношениях с Германией начинала претендовать на нечто большее, чем быть источником сырья и природных ресурсов, взаимоотношения между двумя странами приобретали конфликтный характер².

Однако публикуемые в сборнике материалы склоняют скорее к мнению, высказанному вице-консулом Германии в России Траутманном в декабре 1911 г.: «В столь грандиозном деловом обмене,

каким является германо-российский, ни одна из стран-партнеров не в состоянии стать ни рабом, ни эксплуататором другой» (с. 22). Более того, публикуемые Лемке новые документы весьма наглядно свидетельствуют об относительной независимости германских и российских предпринимателей от политических институтов и официальных кругов своих стран, как и о явном стремлении деловых людей развивать долговременные и взаимовыгодные экономические отношения.

Россия и Германия были естественными партнерами. Характерно, что когда между ними началась война, одними из первых, кто пытался вос-

становить мирные отношения, были именно российские и германские предприниматели.

И. А. ДЬЯКОНОВА

Примечания

1. См. KIRCHNER W. Die deutsche Industrie und Industrialisierung Russlands 1815—1914. St Katharinen. 1986, S. 294.
2. Хокусэй ронсю: 1984, № 24, с. 45—69; Нидзю сэйкитэкисэкайно кэйсэй, 1994, с. 207—241.

Б. В. ПОСПЕЛОВ. *Отношения Японии со странами АТР: социально-идеологические аспекты.* М. Наука. Восточная литература. 1993. 287 с.

Монография главного научного сотрудника Института Дальнего Востока РАН, доктора исторических наук Б. В. Поспелова является попыткой рассмотреть процессы принятия внешнеполитических решений и их реализацию в отношениях Японии со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) под специфическим углом зрения: автор исследует влияние культурно-исторических и социально-идеологических факторов, традиций японской культуры, особенностей социальной психологии японцев на внешнюю политику Токио. В книге показано, как японская общественность воспринимала политику своей страны в АТР и как она реагировала на ситуацию, в нем складывающуюся. Автор был в известной степени подготовлен к выполнению поставленной задачи, т. к. значительный задел в указанной области был им сделан уже в предшествующие годы¹. В монографии рассматриваются в основном процессы, развивавшиеся в социально-идеологической сфере внешней политики Японии в 70—80-е годы, однако нередко он обращается и к более ранним периодам новейшей истории этой страны, а иногда делает экскурсы и в феодальную эпоху. Это позволяет глубже понять исторические корни современного японского менталитета.

Большая часть книги посвящена проблемам взаимоотношений Японии с Китаем и Южной Кореей. Отчасти такой подход продиктован самой логикой развития внешней политики Японии. Но главное все же заключается в том, что именно с 70—80-х годов эта страна начинает уделять все большее внимание другим государствам и субрегионам АТР, в частности Юго-Восточной Азии (ЮВА), переживающей в последние десятилетия заметный экономический подъем, кстати не без массивного финансового и технологического содействия Японии. По прогнозам некоторых экспертов, к концу столетия общий валовой национальный продукт этих стран и США может почти сравняться. Отсюда и пристальный интерес Японии к странам юго-во-

сточной части АТР. К сожалению, в книге этот мотив оказался несколько приглушенным.

Поспелов рассматривает идеологическую стратегию Токио в АТР в общем контексте международно-политической жизни этого региона. Он справедливо подчеркивает фундаментальную роль США в формировании японского внешнеполитического курса на Дальнем Востоке и немаловажное значение американской социологии, оказавшей сильное идеологическое влияние на общественную мысль и общественное мнение Японии. Интересно, что идеи, призванные обосновать лидирующую роль Японии в этом регионе, разрабатывались в 70—80-е годы не только в японской, но и в американской социально-политической науке. Автор считает, что появление в США и Японии указанных доктрин и концепций отражало «стремление этих государств к координации своей политики» (с. 16).

Думается, в этой констатации грозяется взвешенность и объективность подхода к оценке механизма действия центробежной и центростремительной тенденций в системе двусторонних отношений. Нет оснований недооценивать влияние сказанное на Японию стратегической линией Вашингтона, взявшего курс на выдвижение японской социально-экономической и политической структуры в качестве эталона модернизации для развивающихся обществ. «Это облегчило японской стороне,— заключает Поспелов,— экономическое проникновение в соседние страны. Такой характер японо-американского партнерства способствовал усилению в японском обществе проамериканских настроений» (с. 274).

Общеизвестно, что немалое влияние на внутреннюю и внешнюю политику Японии в рассматриваемый период оказала система взглядов, получивших в стране название концепции «интернационализации Японии». В 80-е годы ее основным содержанием стало утверждение ведущей роли японской социально-экономической системы

в международной экономике. В одном правительственном издании заявлялось, что «Япония представляет собой экономическое сообщество, которое может служить примером и которого нет нигде в мире» (с. 51). Японские политологи подчеркивали, что речь фактически ведется не об адаптации самой Японии к международному экономическому порядку, «а об изменениях мировой экономики на основе передвижки ее стержневой оси в сторону Японии» (там же).

Таким образом, указывает автор, под влиянием экономических и научно-технологических достижений в Японии стали формироваться «техницистские концепции ее лидирующей роли в регионе» и не только в нем. Страна наряду с США была объявлена некоторыми теоретиками носителем «новой мировой цивилизации и двигателем технического прогресса, а ее социально-экономическая структура — высшим достижением организации общества и производственного процесса». Все эти обстоятельства, пишет Пospelов, породили в стране своеобразный социально-идеологический феномен — «экономический национализм» (с. 273—274).

Эта идеология оказывает существенное влияние на общественное мнение страны и, соответственно, на ее внешнюю политику. Вместе с тем на массовое сознание японцев продолжают воздействовать и традиционные идеологические доктрины. Некоторые из них восходят к довоенному периоду, другие — к еще более отдаленным эпохам, третьи вдохновляются идеями, содержащимися в концепции «конфуцианской культурной сферы» в Восточной Азии.

Последняя концепция стала предметом специального рассмотрения в книге. С конца 80-х годов в Японии активно ведутся комплексные исследования проблемы «конфуцианской культурной сферы» в Восточной Азии (имеются в виду Япония, Тайвань, Южная Корея, Гонконг, Сингапур, а также китайская эмиграция — хуацяо — в страны ЮВА). В основе впечатляющего динамизма «конфуцианской культурной сферы» лежат, как считают японские идеологи, морально-этическая и экономическая система конфуцианства и «иероглифическая культура» в целом. Протестантская этика, лежащая в основе западной капиталистической модернизации, не срабатывает на Востоке. Ее социальная эффективность и популярность в развивающихся странах АТР падают. И наоборот, все более популярной и действенной оказывается такая черта конфуцианской культуры, как «общественный порядок, основанный на коллективизме семейного типа», который и составляет общую социальную базу государства сферы «иероглифической культуры».

Стержневым содержанием идеологии «иероглифической культуры» является объяснение быст-

рого экономического роста Японии и других стран региона их приверженностью основным принципам конфуцианской этики. Среди них наиболее существенны: гармонический характер социальных связей, коллективизм и взаимопомощь в межличностных отношениях, стремление к учебе и принцип просветительства, пронизывающий все общественные группы, включая государство, сохранение моделей поведения, основанных на моральных нормах конфуцианского учения, которое рассматривается отнюдь не как вера, а как кодекс поведения (с. 88). Описывая господствующее направление в общественном мнении Японии, автор не оставляет без внимания и критические по отношению к официальным доктринам течения, отмечая националистическую направленность ее внешнеполитической идеологии и практики в АТР.

Интернационализация всех форм международной жизни, отмечает Пospelов, ведет к повсеместному росту гуманистического мироощущения и расширению сферы демократического мышления. «Этот процесс выразился в движении ряда течений культурологической и внешнеполитической мысли от ориентации на национальные формы и институты и отстаивания приоритетного значения принципа японской исключительности в сторону универсализации представлений и усвоении единых для мирового сообщества интеллектуальных и нравственных начал» (с. 275). Думается, автор обратил внимание на очень важную тенденцию в интеллектуальной жизни современной Японии, которая, в случае ее развития и стабилизации повысит конструктивный потенциал японской политики в АТР и будет способствовать демократизации международной жизни в регионе.

Как пионерская работа, в которой осуществлен синтез традиционного исторического анализа с политологическим подходом, монография Пospelова несет на себе отпечаток некоторой методологической незавершенности. Историки-международники вправе бросить автору упрек в недостаточном внимании к документальной стороне исследования. Теоретики-политологи могут высказать недовольство тем, что в книге не задействована какая-то часть современного понятийного аппарата их науки. Но все же это будут частные претензии, в целом же книга удалась.

А. А. МУРАДЯН

Примечания

1. См. ПОСПЕЛОВ Б. В. Очерки философии и социологии современной Японии. М. 1974; его же. Идеологические течения современной Японии. М. 1988.

Место кайзера Вильгельма II в немецкой истории

В последние годы интерес к личности последнего германского кайзера заметно возрос. Стало очевидным, что изучение немецкого общества на рубеже XIX—XX вв. невозможно без всестороннего исследования роли последнего германского императора, которое могли осуществить только историки, свободные от монархического синдрома.

В 60—70-е годы либеральный исследователь Ф. Фишер дал мощный импульс объективному изучению причин и роли Германии в развязывании первой мировой войны. Несколько позже составитель рецензируемого издания профессор университета в Сассексе (Англия) Дж. Рёль постарался побудить историков заняться более объективным изучением роли Вильгельма II в немецкой истории. Именно Рёль откликнулся в 1983 г. на публикацию «Баденского архива» программной статьей, в которой поставил под сомнение укоренившийся в немецкой историографии тезис о негативной роли Вильгельма II во время его правления. Ныне Рёль — лучший знаток вильгельмовской эпохи. Первый из трех томов подготавливаемой им биографии кайзера свидетельствует о фундаментальности этого труда ¹.

Появлению рассматриваемого сборника предшествовал международный коллоквиум, на котором была предпринята попытка определить место и роль Вильгельма II в германской истории. В нем приняли участие историки из Германии, Швейцарии, Англии, США, Австрии. Проблемы, получившие отражение на страницах сборника, сгруппированы по четырем темам. Первая: «Вильгельм II и система личного правления: структуры, границы, последствия» включает статьи историков разных школ и направлений. Центральной является статья И. Хол (США). Она помогает понять причины многолетнюю табу на изучение деятельности Вильгельма II немецкими историками, признававшими полезным личный режим кайзера, как институт, воплощавший единство Германии (с. 8).

Вторая тема — «К функции и проявлению идеи кайзера в вильгельмовском обществе». Б. Зёземанн, анализируя отношение ведущих политических и экономических кругов Берлина к кайзеру во время первой мировой войны, приходит к выводу о падении в этот период престижа как Вильгельма II, так и династии Гогенцоллернов вообще. Одновременно зарождался миф о фельдмаршале Гинденбурге, как о «фюрере» нации. В этом Зёземанн пытается обнаружить вильгельмовские истоки «принципа фюрера» — элементы «непрерывности» прусско-германской истории (с. 167—168). Новейшие исследования истории Веймарской республики достаточно убедительно подтверждают этот тезис.

Одним из дискуссионных в западной историог-

рафии остается вопрос о целях германского военно-морского строительства. Этой проблеме посвящен третий раздел сборника. Ф. Бергхан, известный фундаментальным исследованием о плане А. Тирпица, обращает внимание на то, что несколько поколений немецких историков старались скрыть подлинные цели создания «флота победы». Исследования Фишера и его сторонников поколебали миф о якобы оборонительной политике кайзеровской Германии. Однако ортодоксальная линия в немецкой историографии неожиданно получила «подкрепление» в трудах ряда авторитетных историков, а в 80-е годы в работах Н. Штюмера, концепция которого практически повторяет уже высказанную в 60-е годы К. Хильдебрандом идею, будто «германская мировая политика и строительство флота преследовали цель иммунизировать существующее (общество) против бациллы индустриально-экономического изменения» (с. 180—181).

Дискуссионным остается и вопрос о генезисе концепций «мировой державы» и «мировой политики». П. Винцен считает, что генезис «германской мировой политики» до сих пор убедительно не раскрыт (с. 205). Винцен пытается установить, в какой степени идентифицировалась личность Вильгельма II с этой концепцией. Предпринятые этим историком архивные изыскания позволили ему представить убедительную картину всемирно-политических амбиций кайзеровской Германии. Первые контуры «германской мировой политики» были очерчены будущим канцлером Б. Бюловым и морским министром А. Тирпицем во время их встречи 19 и 21 августа 1897 г., и ключевым при этом был вопрос о строительстве флота.

Винцен кое в чем пересмотрел утверждения о традиционной будто бы враждебности Вильгельма II в отношении Великобритании. В отличие от Бюлова, кайзер делал ставку на германо-английский военный союз (с. 215) и высказывался за согласие и близкие контакты с Англией. Винцен считает, что в основе стремления кайзера к тесной кооперации с Англией «в конечном счете лежала мечта о германо-британском заокеанском кондоминиуме, которая могла принять конкретные формы» (с. 217). Документы, представленные Винценом, изображают кайзера (в отличие от Бюлова, Тирпица, большей части образованного немецкого бюргерства) вплоть до начала первой мировой войны чуждым идее ликвидации английского морского могущества.

Очередной попытке выявить роль Вильгельма II в германо-американских отношениях посвящена статья Р. Фибиг-фон Газе. В 1986 г. ученик А. Хильгрубера Р. Поммерин опубликовал монографию «Кайзер и Америка». В том же году Фибиг-фон Газе подготовила солидное исследование «Латинс-

кая Америка как центр конфликтов в германо-американских отношениях. 1890—1903». В статье, также основанной на первоклассных источниках, доминирует новый подход. Фибиг-фон Газе ставит под сомнение концепцию Поммерина, исходившего из якобы имевшихся тогда у берлинских руководителей намерений «гармонизировать» германо-американские отношения. Опираясь на многочисленные источники, автор высказывает более убедительную концепцию. По ее мнению, германская политика «гармонизации» служила исключительно тому, чтобы ограничить английское влияние в США и воспрепятствовать еще большему их сближению (с. 225). В экономическом плане шансов на «гармонизацию» практически не существовало.

Приведенные Фибиг-фон Газе материалы свидетельствуют и о том, что германо-американские отношения обострялись и в связи с существовавшими в германском обществе настроениями антисоциализма, антипарламентаризма, антисемитизма и англофобии. Антиамериканизм дополнил этот букет. Потенциал последнего проявился в деятельности созданного в 1904 г. Центрально-европейского союза, лидер которого Ю. Вольф поставил своей целью политико-экономическое объединение Центральной Европы против США. Военно-морское строительство, «германская мировая политика» неизбежно вели к обострению отношений Германии с США. Решающим же очагом этой напряженности стала Латинская Америка, особенно чувствительная область американской внешней политики. Вильгельм II еще в 1897 г. назвал германо-американский спор из-за латиноамериканского рынка «началом войны не на жизнь, а на смерть».

Кайзер неоднократно призывал к созданию мощного германского флота, способного защитить немецкие интересы от угрозы со стороны США (с. 239). Германские лидеры использовали шумиху вокруг доктрины Монро для того, чтобы добиться принятия второго закона о военно-морском строительстве. Одновременно с антиамериканской пропагандистской кампанией шла разработка военно-морским командованием детального плана войны против США. Целью войны провозглашалась отмена доктрины Монро и захват Пуэрто-Рико для создания «защитного вала» против реализации этой доктрины. Замечание Фибиг-фон Газе о необходимости в большей степени учитывать фактор Америки при оценке вильгельмовской внешней политики представляется вполне обоснованным (с. 223).

Заключительная тема сборника — кайзер, за-

хват власти национал-социалистами и «разрушение антисемитизма» в Германии от Вагнера до Гитлера.

Статьи В. Гуче («Монархическая стратегия реставрации и фашизм. К вопросу о роли Вильгельма II в борьбе националистических и реваншистских сил против Веймарской республики») и Г. Зелински («Кайзер Вильгельм II, «дело-идея» Р. Вагнера и «мировая борьба») посвящены взаимоотношениям свергнутого кайзера с монархистами и реваншистами разных мастей. В Голландии он использовал свое немалое еще влияние для собирания антидемократических сил, выступавших за реставрацию монархии. В Утрехтском архиве Гуче обнаружил огромное количество телеграмм и писем отдельных лиц и организаций, в том числе и нацистов, направленных Вильгельму II в связи с его 70-летием в 1929 г. и содержащих выражение преданности и надежды на восстановление власти Гогенцоллернов (с. 288). Хотя социальная база монархической реставрации и была слабой, но для непрочной веймарской демократии подрывная деятельность монархистов была все же чувствительным фактором.

Уже с 1927 г. Вильгельм II и его соратники с возрастающей настойчивостью проводили линию на сотрудничество с нацистами. Приход Гитлера к власти приветствовался Вильгельмом II, но иллюзией оказались его надежды вернуть себе трон. 26 сентября 1933 г. Гитлер заявил, что немецкий народ еще не созрел для короны, а месяц спустя добавил, что монархия недостаточно сурова, чтобы покончить с коммунизмом и еврейством (с. 294). Гуче подчеркивает, что экс-кайзер несет свою долю ответственности за установление в Германии открытой террористической диктатуры и за последующую катастрофу ее во второй мировой войны (с. 294—295).

Зелински пишет, что Вильгельм II поддерживал призывы композитора Вагнера к уничтожению евреев и считает, что существует прямая идейная преемственность от Вагнера через Вильгельма II к Гитлеру (с. 302).

Подходы, концепции и обширный фактический материал делают рецензируемое издание важным этапом в изучении истории Германии.

А. В. ГОСТЕНКОВ

Примечания

1. См. Die Zeit, 8.X.1993.

А. Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ. *Европейский город (Средние века — раннее Новое время). Введение в современную урбанистику*. М. ИНИОН. 1993. 272 с.

Книга кандидата исторических наук А. Л. Ястребицкой помогает составить представление о современных течениях в зарубежной историографии по проблемам урбанистики. Как показано в этой книге, для современной историографии средневекового города характерен отказ от монизма. Кажется, ушли в прошлое дебаты о том, из чего произошел город — сохранившегося античного муниципия, епископской или графской резиденции, союза германских купцов или поселения бедных ремесленников. Европейские средневековые города могли иметь различную предысторию, но существенна сама одновременность их возникновения, роста и становления в XI—XII вв., когда сложилась особая ситуация, вызвавшая к жизни спонтанную урбанизацию. Существует много объяснений причин этого явления, но ни одно из них не стало пока общепринятым.

Автор рассматривает подходы современных историков к определению сущности города, его специфике и роли в средневековом обществе. Можно считать укоренившимся веберовское определение западного города, в котором подчеркнута правовая обособленность и «внутренняя связь» городских элементов. Приводимое Ястребицкой возражение насчет того, что такой крупнейший город средневековья как Константинополь не имел собственного права, говорит лишь о том, что он еще не был городом в западном смысле слова, как и Византия не стала средневековым обществом западноевропейского типа.

Современные историки-урбанисты, похоже, уходят от ответа на вопрос о месте города в средневековой социальной системе. Есть элементы полемики между французским социологом-структуралистом И. Барелем (называвшим городскую систему «союзником системы феодальной») и Ж. Ле Гоффом. Последний опирается на авторитет историков, участвовавших в написании коллективной «Истории городской Франции», и прослеживает симбиоз «феодализма» и «города». Вероятно, только после того, как будет завершено переосмысление понятия «феодализм» (или «сеньориального строя»), снова вспыхнут споры о месте в нем города. Пока же большинство медиевистов склонны концентрировать свое внимание на интеграции города в окружающей среде, а не подчеркивать его сущностные отличия.

Характеризуя современное состояние средневековой урбанистики, можно вслед за Ястребицкой выделить следующее ее особенности. Присущее ей еще в первой половине XX в. стремление к глобальной, всеобъемлющей истории реализуется ныне на единственно возможном уровне — в локальных исследованиях. Отход от монокаузальности при объяснении причин возникновения городов во все не означает отказа от изучения их генезиса.

Привлечение данных археологии, топонимии, картографии позволило предложить различные типологии предгородских образований. Особый вклад в эту работу внесли восточноевропейские историки.

Для современной историографии характерна, по мнению автора, переоценка роли сеньоров в жизни городов. Их влияние чувствовалось не только на ранних, но и на поздних этапах развития средневекового города. «Коммунальные революции» представляются скорее исключением, чем правилом. И даже знаменитая формула «городской воздух делает свободным» трактуется многими как частный случай феодального иммунитета. Повышенное внимание к «вертикальным» связям в средневековом городе вполне закономерно, как реакция на «романтическую», «антифеодальную» концепцию историков-урбанистов. Однако это не должно заслонять изучения специфически городских «горизонтальных» связей.

Городская специфика изучалась историками 50—60-х годов на примере коллективных представлений их жителей. Горожанам было свойственно новое восприятие времени; понятие риска и погоня за прибылью причудливым образом сочетались у них с чувством меры и стремлением к праведной жизни. Историки, пишет Ястребицкая, почти единодушно отмечали нарастающую рационализацию жизни горожан, особые формы их религиозности. На 60—70-е годы приходится расцвет историко-демографических исследований. От споров по поводу исчисления городского населения и продолжительности жизни горожан историки постепенно перешли к истории семьи и к тому, что в англосаксонской литературе получило название «gender history». В результате этих работ удалось показать многообразие и сложность эволюции семейных отношений, социально-психологическую обусловленность отношений между полами.

В книге подчеркивается, что особой темой в «новой урбанистике» является история «малых городов». Они были обойдены вниманием предыдущих поколений историков, очевидно из-за скудости источников. Однако именно в них жило большинство средневековых горожан. Их развитие определяло степень и ритмы урбанизации европейских регионов. Большое значение имеет при этом изучение материала славянских земель. Подобные исследования, полагает Ястребицкая, помогут перейти от сопоставления отдельных примеров к комплексному исследованию средневекового урбанизма в его общеевропейском контексте.

Из книги видно, что современная урбанистика столкнулась с рядом новых вызовов. Впрочем, автор оставляет эти проблемы «за кадром», сосредоточиваясь в основном на итогах определенного историографического этапа. Между тем идеи М. Фуко, П. Рикера, Ф. Деррида вновь поставили

вопрос об исследовательском инструментарии историков-урбанистов, «Лингвистический поворот», «психоистория», «семиотизация истории» заставили многих исследователей усомниться в возможности изучения «объективных», надличностных структур, а то и в самом их существовании.

Хотя урбанистику этот кризис поразил в меньшей степени, чем другие области исторического знания, но и ей предстоит найти свой ответ на этот вызов. Вероятно, историки средневекового города будут искать новые пути сочленения «объективных» структур с внутренними культурно-психологическими мотивами деятельности горожан, вновь обратятся к проблемам соотношения общего и индивидуального, станут с большим вниманием относиться к эпистемологическим вопросам.

Впрочем, это далеко не первый кризис, переживаемый урбанистикой. И весьма уместно обращение автора к ранее неопубликованному «Введению» к монографии оригинального русского историка Н. П. Оттокара. Можно согласиться с оценкой его как одного из предшественников «новой исторической науки», «глобальной истории», хотя бы потому, что Оттокар, как и его более известный современник Л. П. Карсавин, обостренно воспринимал методологическую самоуспокоенность позитивистской историографии. Он выступал против химеры «коммунальных революций», против недооцен-

ки роли феодалов в городах, подчеркивал множественность конкретно-исторических вариантов городского развития.

И сейчас актуальны слова Оттокара о необходимости «преодолеть то неизбежно вырастающее между историком и изучаемой им действительностью средостение, которое складывается из привычных предпосылок, подходов, интересов и точек зрения», отказаться от веры в реальное существование социологических абстракций, расхожих исторических представлений, «дематериализующихся» при столкновении с конкретным материалом. Оказавшись в ситуации методологического кризиса, историк ухватывается за нить Ариадны, обращается к изучению многообразной реальности. Думается, что этот призыв найдет отклик у любого современного урбаниста.

Столь же неожиданно современными выглядят многие мысли немецких и французских историков 30—40-х годов. В этом и состоит значение историографических работ подобных рецензируемой книге,— не только давать представление о новейших достижениях историков и классифицировать их по школам и направлениям, но с позиций современности каждый раз открывать круг проблем, сохраняющих научную значимость.

П. Ю. УВАРОВ

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

О книге «1 августа 1914» и ее авторе

В дни беспредела на ниве отечественной историографии бурно проросли сорняки, заслоняющие цветы подлинной науки. Никаких сил не хватит для разбора упражнений сонма бывших адептов научного коммунизма или социалистической экономики, претендующих на оригинальные трактовки прошлого России. Иное дело, если на «открытия» делает заявку коллега вроде известного американиста, профессора Н. Н. Яковлева, пытающегося в очередном издании своей научно-популярной работы переоценить роль нашей страны в первой мировой войне на фоне кризиса в верхах¹. В приложении (мемуарного характера) он не без гордости объявляет крестным отцом книги бывшего председателя КГБ СССР Ю. В. Андропова. На признание подобного духовного родства ныне вряд ли многие отважатся. И потому воздадим должное автору за откровенность.

Соединение под одной обложкой исследования с фрагментами личных воспоминаний автора придает книге дополнительный интерес. Следуя его методу, попытаюсь, наряду с суждениями по затрагиваемым в книге вопросам, поделиться и своими наблюдениями, ибо некоторые существенные моменты он опустил или представил в неверном свете.

Воспоминания Яковлева заполнены сетованиями на гонения и травлю «умельцами» из международного отдела ЦК КПСС, акад. Г. А. Арбатовым, «Исааком Минцем», журналом «Вопросы истории», приютившим «оруженосца Минца — О. Ф. Соловьева». Попутно достается как русофобу и польскому масоноведу Л. Хассу. В полчище врагов автора входили Главное политуправление Советской армии и военно-морского флота, вкупе с главным цензором Генштаба генерал-майором Козловым и даже «Зоил», зам. главного редактора

газеты «День» В. Бондаренко (с. 287, 296—298, 311—312, 314 и др.).

Другой, казалось бы, «сломался» б под напором этого натиска. Яковлев же взбирался на вершины научного Олимпа. В 1962 г. защитил диссертацию, став в 34 года едва ли не самым молодым доктором наук по специальности «всеобщая история». При содействии директора Института США и Канады АН СССР Арбатова был утвержден заведующим одним из секторов этого научного учреждения. К началу 80-х годов Яковлев опубликовал свыше 20 книг², не считая брошюр и статей, как в СССР, так и за рубежом. Столь щедрая нива вдохновляла на новые свершения. Однажды Яковлев попросил своих покровителей посодействовать многотомному изданию его сочинений. При жизни ни одного советского историка ничего подобного не случилось, и этот демарш отклонили. Впрочем, избранные произведения Яковлева в одном томе издавались, вышел и трехтомник, включающий семь его работ. По необходимости ограничусь здесь краткими впечатлениями о его книгах в области американистики, не претендуя на глобальные выводы.

Яковлев и впрямь талантливый историк, обладающий даром облекать в занимательную форму, казалось бы, тривиальные и скучные сюжеты. В отличие от ряда других сочинений, включая и мои, его работы читаются с большим интересом. Но ведь вклад в науку определяется не одной формой изложения. Решающими факторами здесь являются широта охвата проблематики, глубина и новизна выводов, критическое использование самых разнообразных источников. С этих точек зрения книги Яковлева представляются добротной публицистикой, они несколько схематичны и поверхностны, о многом он не подозревает либо умалчивает. Скажем, в написанной им биографии

президента США Ф. Д. Рузвельта даже не упоминается о его принадлежности к масонству, о воспитании сыновей в духе орденских традиций³.

Отдельные работы Яковлева носят следы спешки, мешающей основательно покопаться в архивах. Среди источников преобладают мемуары и монографии зарубежных ученых. Слабо изучена пресса, включая масонскую. Сквозит пренебрежение к отечественной литературе. Принципиально новые моменты редки.

Наивна самореклама Яковлева по поводу его книги «ЦРУ против СССР», — события оправдывают, дескать, на каждом шагу его «пророчества», начиная с названия и кончая общим итогом: «Разве не были усилия ЦРУ и К^о направлены на распад СССР и победу в «холодной войне»» (с. 300). Все именно так и обстояло. Зачем же ломиться в открытую дверь, коли американцы никогда не скрывали даже в ряде официальных документов подобные намерения, о чем повествуют и десятки различных работ.

Что все-таки на деле представляет Яковлев, в чем подлинные причины его взлетов и нередких опал? К сожалению, сам он не дает на сей счет правдоподобных объяснений, умалчивая и о своей родословной, допустим из скромности. Не пора ли, наконец, напомнить, что отцом его был маршал Н. Д. Яковлев, начальник Главного артиллерийского управления, член партии с 1923 г. С 1941 г. он входил в число приближенных Сталина, о котором трогательно отзывается в своих мемуарах, ни словом ни обмолвившись при этом о расправах со многими командирами, его соратниками. Понятно, что на столь ответственном посту он сошелся на коротке с представителями партийной и государственной элиты, сблизился, в частности, с министром обороны СССР Д. Ф. Устиновым⁴. Эти факты, конечно, нисколько не умаляют крупных заслуг покойного маршала.

А сын его решил избрать другую жизненную стезю и поступил на факультет международных отношений МГУ, вскоре преобразованный в одноименный институт (МГИМО). Поначалу туда принимали одних мужчин с освобождением от военной службы. Как и Яковлев, я стал студентом второго набора. Только 10% из примерно 250 однокурсников являлись детьми довольно крупных военачальников, видных ученых, старых большевиков и прочих избранных. Значительным авторитетом пользовались недавние фронтовики-орденоносцы С. Романовский, Г. Епископосов, С. Иванов, В. Виноградов, А. Берков, Г. Арбатов и другие. Одни уже были в партии, остальные состояли в комсомоле. Из них обращал на себя внимание интересный блондин высокого роста, Ника Яковлев. Держался он со всеми равно, среди его приятелей запомнился своей эрудицией В. Лигский. В близких отношениях с ними находился Арбатов. Мои контакты с Яковлевым были тогда эпизодическими, поскольку у нас была разная страноведческая специализация.

По окончании МГИМО в 1949 г. Яковлев был направлен во II Европейский отдел МИД СССР (Великобритания и ее доминионы). Он успешно осваивал ответственную работу, состоял уже в КПСС, ценился начальством и коллегами. Но в начале карьеры его настиг тяжелейший удар судьбы. Почти одновременно с отцом он подвергся аресту по явно нелепым политическим обвинениям. Попутно пострадали его друзья. Редактора Издательства иностранной литературы Лигского бросили в застенки. Арбатова чуть не исключили из партии, и он ушел из того же издательства в один из журналов. Никто не сомневался, что они пострадали безвинно.

По собственному признанию, Яковлев находился на Лубянке в 1952—1953 годах и после смерти Сталина был выпущен из тюрьмы вместе с отцом по амнистии со снятием судимости. Вскоре он зашел ко мне на работу в МИД, где я был и.о.зав. отделом Архива внешней политики России. Осунувшийся, с наголо обритой головой, потухшим взором голубых глаз, он мало чем напоминал бывшего уверенного в себе студента. При разговоре в причины случившегося вдаваться он не стал, подчеркнув намерение всецело отдаться научной деятельности и попросил помочь с допуском к документам по истории США XIX века. После оказания ему нужного содействия он довольно быстро опубликовал какую-то статью, подарив ее оттиск мне с теплой надписью. Более мы не встречались, хотя от общих знакомых я знал о его сотрудничестве с КГБ, что в общем меня не удивляло.

Еще в царской охранке, помимо штатных секретных сотрудников, имелись добровольцы или «штучники», выполнявшие порой ответственные поручения. Аналогичными методами пользовалась и советская госбезопасность. А среди ее «штучников» оказался и Яковлев. Как он утверждает, подобный шаг являлся вынужденным вследствие грозившего ему ареста за связи с диссидентами. Полностью согласиться с таким объяснением нельзя. Ведь тогда за ложные доносы по политическим мотивам никого к уголовной ответственности не привлекали, а Яковлев заверяет о своей полной лояльности к властям и благонадежности. Скорее он руководствовался простым житейским расчетом: использовать спецорганы в интересах собственной научной карьеры.

Сперва Яковлев обратился к Устинову, которого знал с детства, тот посоветовал нанести визит «Юре» — Андропову, только что возглавившему КГБ (1967 г.). После светского разговора Яковлев пошел уже на деловую беседу к начальнику 5 Управления КГБ генералу Ф. Д. Бобкову (с. 288). Тот остро нуждался во внештатниках для выполнения задач по пресечению вольномыслия в стране на базе разложения интеллигенции. Доверительное сотрудничество продолжалось и после избрания Андропова в ноябре 1982 г. генеральным секретарем ЦК КПСС. Последний рисуется Яковлевым «политиком, по преимуществу мечтателем», в по-

вседневных делах «партизаном порядка и твердости» (с. 290). Подобная оценка, конечно, далека от действительности.

Если верить Яковлеву, общение с шефом КГБ сводилось к обмену мнениями, «просвещению» его насчет развития США, а тот поручал ему в основном писать увлекательные книги по истории этой страны. О менее достойных аспектах, вроде активного участия в зарубежной пропаганде по развенчанию диссидентов, при этом даже не упоминается. Явно нехотя приводится версия об известном, со слов А. Д. Сахарова, визите Яковлева к нему в Горький. Задание исходило от генсека с тем, чтобы склонить академика дать интервью по поводу его идеи о «ядерной зиме». Встреча эта закончилась пощечиной рьяному «штучнику» спецорганов, который незадолго до того называл выдающегося ученого агентом ЦРУ (с. 306).

К моменту первого издания книги «1 августа 1914» (начало 70-х годов) избранная им тематика была подробно разработана в трудах М. Н. Покровского, А. М. Панкратовой, А. Л. Сидорова, И. И. Минца, Э. Б. Генкиной, Э. Н. Бурджалова, Е. Д. Черменского, И. И. Ростунова, многих других историков. Почти никто из них букве марксизма не следовал, порой подвергался незаслуженной критике в партийной печати. Разумеется, сложная проблема была далеко не исчерпана, и ее рассмотрение продолжается. Любой профессионал до изучения подобных тем начал бы знакомиться с работами предшественников. Однако Яковлев таким подходом пренебрег.

Как-то Андропов в разговоре с ним проявил сильнейшее недовольство содержанием появившегося за рубежом романа А. И. Солженицына «Август четырнадцатого». И Яковлев восклицает: «История недоучек после публикации этой книги забавляла. Малая осведомленность автора в избранной теме изумляла. Но и марксисты-ленинцы, законодатели нашей идеологии, отупевшие от беззаботной номенклатурной жизни и безнаказанности, были совершенно непригодны сказать что-либо вразумительное по поводу острополюмического сочинения» (с. 290). Вроде Яковлеву и неизвестно, что менторы из ЦК и КГБ предпочитали линию на замалчивание сочинений Солженицына. К тому же любому непосвященному было весьма трудно раздобыть роман писателя-изгнанника. Тогда-то Андропов, вкупе с Бобковым, решили негласно предоставить Яковлеву «свободу творчества», и тот поспешил откликнуться. Поскольку Яковлев «выражал сильнейшее неудовольствие трактовкой истории России в канун судьбоносного 1917 г.», Бобков «дружески» посоветовал ему попробовать силы на данном поприще, включая масонскую тематику без «пережима» (с. 294). Быстро изготовленная рукопись «1 августа 1914» вышла из печати даже без намека, что то был ответ Солженицыну. Книга вызвала интерес, и «Молодая гвардия» поспешила одарить публику новым ее изданием в том же 1974 году.

Автору, естественно, не понадобилось корпеть над источниками и изучать огромную литературу. Он в сущности ограничился подбором цитат из давно вышедших сборников документов, приправив их выдержками из мемуаров, отдельных западных и единичных произведений советских историков. При этом делалась попытка подкрепить концепцию эмигранта Г. Каткова, явно переоценивающего роль масонства в событиях тех лет⁵. Царская Россия, по Яковлеву, обладала превосходной армией, великолепной артиллерией, выдающимися генералами. А систематические поражения с тяжелейшими потерями объяснялись отчасти слабой компетентностью властей, недостаточно развитой экономикой, а главное, сознательными, прямо-таки вредительскими кознями рвавшейся к власти буржуазии с ударным масонским авангардом. Собственно, это и стало «изюминкой» работы, хотя ничего по-крупному нового автор не привел. Впервые введенные им в научный оборот из архивов КГБ свидетельства члена Государственной думы Л. А. Велихова и бывшего левого кадеты, министра Временного правительства Н. В. Некрасова лишь подтверждали уже известное, к примеру, из мемуаров А. Ф. Керенского.

В книге переоценивалось значение частичных успехов русской армии, в первую очередь связанных с именем А. А. Брусилова, о котором автор пишет, прямо-таки заходясь от восторга. А ведь эти победы завершались массированными отступлениями, причем происходили на второстепенном участке фронта в противоборстве с австро-венгерскими силами, а отнюдь не в битвах с основным противником — немцами, у которых русская армия так и не выиграла ни одной сколько-нибудь серьезной баталии, а поражений терпела немало. Правда, ради объективности Яковлев оперирует и привычными данными о «гангренах» самодержавия, скандальных похождениях Распутина, деятельности черносотенцев. В то же время путем приведения «руководящих» цитат выпячивается роль большевиков.

Архитектоника и научный аппарат настоящего, третьего издания книги не претерпели значительных изменений с усилением, однако, филиппик в адрес буржуазии, наряду с подробным изложением показаний Некрасова в карательных органах, особенно на процессе 1940 г., когда его без вины приговорили к высшей мере наказания и моментально расстреляли. А Яковлев прямо-таки переполнен чувствами классовой ненависти. У него нет ни грана сострадания к узнику чекистов, он иронизирует и брюзжит по поводу заключения их следователя еще от 23 мая 1921 г., которое «проникнуто глубоким лиризмом» настолько, что не устоял и «железный Феликс», наложивший резолюцию: «Дело прекратить» (с. 270, 271). По логике Яковлева, лживого масона следовало без разговора поставить к стенке.

Упражнения Яковлева нанесли определенный

ущерб нашей исторической науке, в том числе объективному изучению деятельности российского масонства. Он не без восторга сообщает, как руками КГБ не допустил публикации резко критической рецензии Е. Д. Черменского, В. М. Шевырина и В. И. Бовыкина в журнале «Вопросы истории КПСС», умалчивая, правда, что так же поступили и с рецензией И. И. Минца в журнале «Коммунист». Но если бы подобные отклики на книгу Яковлева все же появились, кто посмел бы воспрепятствовать ему дать в печати отпор оппонентам? Он же избрал способ действия из-за кулис, чтобы предотвратить научную дискуссию, понимая слабость собственной аргументации. Мнению Минца он противопоставляет оценки таких «научных» авторитетов, как Андропов и Устинов, отзывавшихся об академике «с отвращением» (с. 298). Лжива и трактовка им статьи Минца в журнале «История СССР»⁶, как направленной специально против него в виде якобы «возмездия» за книгу «ЦРУ против СССР», вышедшую весной 1980 г., да еще скоординированную с происками против него Арбатова.

На самом деле статья Минца представляла собой вариант его доклада на Бюро Отделения истории АН СССР 30 октября 1979 г., называвшегося «Об освещении роли масонов в революциях в России». Точка зрения Яковлева подверглась в нем вполне корректной критике и не выпячивалась. Бюро Отделения истории рекомендовало переработать доклад в статью (что автором и было сделано) и опубликовать мою книгу по истории русского масонства (но ее выход в свет был сорван по настоянию КГБ). Никакого политического подтекста эта статья, конечно, не имела. В беседе же со мной он положительно отзывался о монографиях Яковлева по истории США и лишь сетовал, что он взялся за историю России без достаточного ее изучения и анализа. Итак, пострадавшей стороной Яковлев отнюдь не был.

Что же касается самой масонской проблематики, то она получила подробное освещение на страницах «Вопросов истории» в 1988—1990 г., когда с взаимно критическими мнениями выступил ряд исследователей. Последнюю же точку в давних спорах, думается, поставили архивы нашего эмигрантского масонства, оказавшиеся после войны в СССР как трофеи среди французских документов, вывезенных в свое время нацистами в Германию. Лидеры этого масонства составили для внутреннего пользования несколько тайных записок. В них, в частности, подтверждалось, что пресловутый центр «Великий Восток народов России» являлся маловлиятельной сугубо политической организацией с примерно 400 членами. Она не имела ничего общего с традиционным масонством, возникла вне связи с ним, действуя в рамках широко

известной в литературе радикальной буржуазной оппозиции царизму. Она не признавалась никакими зарубежными центрами ордена, которые воздерживались от каких-либо контактов с нею и, естественно, не обладала серьезным весом и влиянием на ход событий. Совершенно независимо действовали несколько разрозненных оккультистских лож без всякого касательства к политике⁷. Архивные материалы начисто опровергают взгляды Яковлева и иных авторов, преувеличивающих роль русских масонов в 1914—1917 годах.

На обороте титульного листа книги Яковлева, выпущенного православным издательством «Москвитянин», значится, что часть средств от реализации тиража «будет перечислена в фонд восстановления храма Христа Спасителя». По всей видимости автор эволюционировал от атеизма к христианству. Поэтому пожелаю ему в дальнейшем придерживаться духа и буквы евангельских истин: никоим образом «не нарушать безопасность и спокойствие ближнего», твердо соблюдать запрещение ссор, гнева, ненависти, зависти, жестокости «не клеветать на кого-либо, бесчестить и злословить, лгать и обманывать» не делать и не желать «худого и думать о худом, чтобы от худых мыслей и желаний не дойти до худых дел»⁸. Пусть же он прислушается к добрым заповедям, избавив себя и других от ненужных тревожений и дразг, а главное, прекратив нападки на ушедших в небытие ученых, в чем-то ранее не соглашавшихся с ним.

О. Ф. Соловьев
доктор исторических наук

Примечания

1. НИКОЛАЙ ЯКОВЛЕВ. 1 августа 1914. Изд. 3-е. Доп. М. 1993. Ссылки на эту книгу даются в тексте.
2. Главные из них: «ФДР — человек и политик», «Загадки Пёрл-Харбора», «Вашингтон», «Преступившие грань», «Под железной пятой» и др.
3. См. Dictionnaire de la franc-maçonnerie. Paris. 1987, p. 1038.
4. См. ЯКОВЛЕВ Н. Д. Об артиллерии и немного о себе. М. 1987.
5. KATKOV G. Russia 1917. Lnd. 1967. p. 133—134, 172—173, 554—555.
6. МИНЦ И. И. Метаморфозы масонской легенды.— История СССР, 1980, № 4.
7. См. Центр хранения историко-документальных коллекций, ф. 730, оп. 1, д. 172, лл. 27—35; д. 212, лл. 36—38.
8. Начатки христианского учения. СПб. 1911. Переиздание, Тверь. 1990, с. 39, 40.

Алфавитный указатель материалов, опубликованных в журнале в 1994 году

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

- «Дело» А. А. Богданова (Малиновского). № 9
Кронштадтская трагедия 1921 года
(Вступительная статья В. П. Наумова,
А. А. Косаковского) №№ 4—
7
Материалы февральско-мартовского
плenums ЦК ВКП(б) 1937 года . . . №№ 1, 2,
6, 8, 10,
12
Участие СССР в корейской войне (новые
документы). (Вступительная статья
Ю. Н. Семина, С. Н. Рубана) . . . №№ 11—
12
Шолохов и Сталин. Переписка начала 30-х
годов (Вступительная статья Ю. Г. Му-
рина) № 3

СТАТЬИ

- Артизов А. Н.— Судьба историков
школы М. Н. Покровского (середина
1930-х годов) № 7
Архипов И. Л.— Общественная психо-
логия петроградских обывателей
в 1917 году № 7
Бровкин В. Н.— Россия в гражданской
войне: власть и общественные силы № 5
Буганов В. И.— Российское дворянство № 1
Васильева О. Ю.— Русская право-
славная церковь в 1927—1943 годах № 4
Генис В. Л.— Рассказывание в Советс-
кой России № 1
Первая Конная армия: за кулисами
славы № 12
Давыдов А. Ю.— Мещочничество
и советская продовольственная дикта-
тура. 1918—1922 годы № 3
Даннинг Ч.— Была ли в России в на-
чале XVII века крестьянская война? № 9
Даркевич В. П.— Происхождение
и развитие городов древней Руси (X—
XIII вв.) № 10
Зеленин И. Е.— «Революция сверху»:
завершение и трагические последствия № 10
Зонтиков Н. А.— Иван Сусанин: леген-
ды и действительность № 11
Кириянов Ю. И.— Были ли антивоен-
ные стачки в России в 1914 году? . № 2
Кнышевский П. Н.— Государствен-
ный комитет обороны: методы моби-
лизации трудовых ресурсов . . . № 2

- Костырченко Г. В.— Кампания по
борьбе с космополитизмом в СССР № 8
Козырев А. В.— Внешняя политика
преображающейся России № 1
Лебина Н. Б.— Теневые стороны жиз-
ни советского города 20—30-х годов № 2
Лещиловская И. И.— Исторические
корни югославского конфликта . . № 5
Медушевский А. Н.— Конституци-
онная монархия в России № 8
Мэтьюз М.— Ограничения свободы
проживания и передвижения в России
(до 1932 года) № 4
Нольте Г.-Г.— Русские «крестьянские
войны» как восстания окраин . . . № 11
Файн Л. Е.— Советская кооперация
в тисках командно-административной
системы (20-е годы) № 9
Шелохаев В. В.— Либералы и массы
(1907—1914 гг.) № 12
Юхт А. И.— Денежная реформа Петра I № 3

- Актуальные проблемы теории истории.
Материалы «круглого стола» (12 ян-
варя 1994 г.) № 6

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- Анисимов Е. В.— Петр II № 8
Богданов А. П.— Федор Алексеевич № 7
Борисёнок Ю. А., Олейников
Д. И.— Михаил Александрович Баку-
нин № 3
Буганов В. И.— Екатерина I № 11
Вдовиченко Д. И.— Тургут Озал № 4
Вирмавирта Я.— Карл Густав
Эмиль Маннергейм № 1
Каменский А. Б.— Иван VI Антоно-
вич № 11
Лещиловская И. И.— Карагеоргий № 12
Парсаданова В. С.— Владислав Си-
корский № 9
Самошкин В. В.— Александр Степа-
нович Антонов № 2
Субботин В. А.— Христофор Колумб № 5
Чемерисская М. И.— Петр Яковле-
вич Чаадаев № 10

ВОСПОМИНАНИЯ

- Дубинин Ю. В.— Сто лет спустя . № 9
Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева №№ 1,
8, 10, 12

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- Искендеров А. А.— Российская монархия, реформы и революция . . . № № 1, 6

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- Деникин А. И.— Очерки русской смуты . . . № № 1—12

ВЛАСТЬ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

- «Дело» молодых историков (1957—1958 гг.) № 4

ИСТОРИКИ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

- Корнилов А. А.— Воспоминания. (Вступительная статья А. Д. Степанского) № № 2—5, 7—10

- Поляков Ю. А.— Апрель шестьдесят седьмого: страсти по Шульгину . . . № 3

ИСТОРИКИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

- Вернадский Г. В. «Соединение церквей» в исторической действительности (Вступительная статья Н. Е. Соницовой) № 7

- Кизеветтер А. А. К истории крестьянских движений в России (Вступительная статья М. Г. Вандалковской) . . . № 1

- Пушкарев С. Г. Донское казачество и Московское государство в XVII веке (Вступительная статья Г. В. Мелихова) № 11

- Ульянов Н. Комплекс Филофея (Вступительная статья В. И. Дурновцева) № 4

ПУБЛИКАЦИИ

- Азартные игры в СССР середины 20-х годов (Публикация А. Н. Чистикова) . . . № 2

- Древнеегипетская «Книга Мертвых» (Вступительная статья М. А. Чегодаева) № № 8—9

- Письма Н. И. Бухарина В. И. Ленину (1915 г.) (Вступление А. В. Черного) . . . № 3

- Письма Екатерины II Г. А. Потемкину (Вступительная статья М. В. Бабич) . . . № 12

- Поливанов А. А.— Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 г. 13 марта 1916 г.) (Публикация В. В. Поликарпова) . . . № № 2, 3, 5, 7, 8 11

СООБЩЕНИЯ

- Бугай Н. Ф.— Выселение советских корейцев с Дальнего Востока № 5

- Измозик В. С.— Временное правительство. Люди и судьбы № 6

- Кирьянов Ю. И.— «Майские беспорядки» 1915 года в Москве № 12

- Мартин А.— А. С. Стурдза и «Священный союз» (1815—1823 гг.) . . . № 11

- Михайлов Л. В.— Борьба с коррупцией в США (80-е годы) № 5

- Невежин В. А.— Метаморфозы советской пропаганды в 1939—1941 годах № 8

- Чхан Чхи Хёк — Российско-южнокорейские связи на рубеже XX и XXI веков № 4

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- Арзаканян М. Ц. Страница истории французского Сопротивления . . . № 12

- Арнаутова Ю. Е.— Колдовство и колдовские болезни в средние века . . . № 11

- Болховитинов Н. Н. Завещание Н. П. Резанова № 2

- Ванина Е. Ю.— Сикхизм № 8

- Воронцова Е. А.— Киевские пещеры (к итогам изучения) № 2

- Вязинин И. Н.— «Русы живут на островах» № 9

- Достовалов Ю. Н.— Российский посольский этикет XVI—XVII веков . . . № 4

- Ефремова Н. П. Старшая сестра Софьи Ковалевской № 6

- Закс А. Б.— Музееведческий центр России (1930—1960-е годы) № 10

- Зорин А. В.— Российско-Американская компания и тлинкиты в начале XIX века № 6

- Иванов Ю. В.— Убийство царской семьи и советско-польские отношения в 20-е годы № 8

- Ивонина Л. И.— Судьба Мазарини № 3

- Керов В. Л.— Братья свободного духа № 10

- Кирпичников А. Н.— Ледовое побоище 1242 г. (новое осмысление) . . . № 5

- Костырченко Г. В.— Отечественная авиация в 1918—1925 годах . . . № 3

- Костяшов Ю. В., Кретинин Г. В.— Российские студенты времен Петра I в Кёнигсберге № 3

- Кузьмина С. Б.— Владимир Иванович Истомин № 5

- Ланда Р. Г.— Мориски Испании . . . № 2

- Морозова Л. Е.— Гермоген, патриарх всея Руси № 2

- Петров А. В. — Марфа Борецкая . . . № 12
 Петросьян А. А. — Шотландский на-
 ставник Петра I и его «Дневник» . . . № 9
 Пузырев В. П. — Колымский затвор-
 ник № 9
 Райков А. В. — Субхас Чандра Бос . . . № 5
 Седов А. В. — Основатель нижегородс-
 кой фирмы Бугровых № 7
 Татаринов Ю. Б. — «Железная мас-
 ка» как жертва тайной дипломатии
 XVII века № 11
 Шевеленко А. Я. — Доктор Мариинс-
 кий и доктор Всеобъемлющий . . . № 9
 Янин В. Л. — Феноменальные находки
 Новгородской археологической экспе-
 диции в полевом сезоне 1993 года . . . № 4

ИСТОРИОГРАФИЯ

- Антонов В. А. — Дания и Россия в те-
 чение 500 лет № 11
 Берневега А. А. — Я. Дзенгелевский.
 Посольская изба в системе власти Ре-
 чи Посполитой во времена Владисла-
 ва IV № 7
 Борисёнок Ю. А. — Т. П. Виноградо-
 ва. Нижегородская интеллигенция: во-
 круг Н. А. Добролюбова № 8
 Вин Ю. Я. — Л. Женико. Сельские об-
 щины в Западной Европе в период сре-
 дневековья № 1
 Виноградов В. Н. — Русские и Россия
 глазами немцев. XIX век: от начала
 века до создания империи (1800—
 1871 гг.) № 1
 Волобуев П. В. — К. Ф. Шаццлло. Го-
 сударство и монополии в военной про-
 мышленности России (конец XIX в. —
 1914 г.) № 6
 Голубев А. В., Филиппов Б. А. —
 Л. Третьякевич. Епископ Мишель
 д'Эрбиньи и Россия. Дозкуменический
 подход к христианскому единству . . . № 3
 Гостенков А. В. — Место кайзера Ви-
 льгельма II в немецкой истории . . . № 12
 Гринев А. В. — Некоторые тенденции
 в отечественной историографии рос-
 сийской колонизации Аляски № 11
 Гусева И. Д. — Д. Маккулох. Трумэн
 Дегоев В. В. — Российская дипломатия
 в портретах № 1
 Денисенко М. Б. — Ю. Л. Бессмерт-
 ный. Жизнь и смерть в средние века.
 Очерки демографической истории
 Франции № 3
 Дмитриев М. В. — Немцы и Германия
 в восприятии русских. XVIII век: Про-
 свещение № 1
 Драгунов Г. П. — О. Грива. Швей-
 царские виноделы царя № 10
 Дробан А. Т. — А. Гарригу. Голосова-
 ние и добродетель. Как французы ста-
 ли избирателями № 3
 Дубовик В. А. — Ст. Калл. Хороня
 Ленина: революция в советской иде-
 ологии и внешней политике № 2
 Дьяков В. А. — А. Вежицкий. Споры
 о польской душе № 4
 Дьяконова И. А. — Немецко-русские
 экономические отношения в 1906—
 1914 гг. Документы № 12
 Емец В. А. — И. С. Рыбаченок. Союз
 с Францией во внешней политике Рос-
 сии в конце XIX в № 7
 Ерин М. Е. — Сталинград. Мифы и дей-
 ствительность сражения № 5
 Жиромская В. Б. — Г. Е. Корнилов.
 Уральское село и война: проблемы де-
 мографического развития № 9
 Жук С. И. — Современная историогра-
 фия ранней Америки: путь к «истори-
 ческому синтезу» № 2
 Задорожнюк Э. Г. — М. Рейман.
 Русская революция. 23 февраля — 25
 октября 1917 г.; М. Рейман. Ленин,
 Сталин, Горбачев. Преемственность
 и перерывы в советской истории . . . № 9
 Захарова Л. Г. — Петр Андреевич Зай-
 ончковский — ученый и учитель . . . № 5
 Иванов Ю. В. — Поляки в католичес-
 ком костеле в СССР № 2
 Ивонин Ю. Е. — Дж. Х. Уильямс. Ра-
 дикальная Реформация № 8
 Исхаков С. М. — «Белое движение: не-
 известные документы» № 7
 Карацуба И. В. — К. С. Леонард. Ре-
 форма и царубийство. Правление Пе-
 тра III в России № 9
 Козлова Н. В. — А. И. Аксенов. Очер-
 ки генеалогии уездного купечества
 XVIII в № 9
 Косачев В. Г. — Книга исторических
 сенсаций № 12
 Кругликова И. Т., Карпов С. П. —
 История Европы. С древнейших вре-
 мен до наших дней. В 8-ми томах. Т. 1.
 Древняя Европа; т. 2. Средневековая
 Европа № 11
 Мазуров А. Б. — И. Я. Фроянов. Мя-
 тежный Новгород. Очерки истории го-
 сударственности, социальной и поли-
 тической борьбы конца IX — начала
 XIII столетия № 4
 Мартынов А. С. — Л. С. Переломов.
 Конфуций: жизнь, учение, судьба . . . № 4
 Матузова В. И. — Спиритуалитет ры-
 царских орденов в средние века . . . № 11
 Мейендорф Иоани — А. В. Карта-
 шев — общественный деятель и цер-
 ковный историк № 1

- Мельников А. Б. — История Отечественной войны 1812 г. № 6
- Молок Ф. А. — Н. В. Коровичина. Агония соцмодернизации. Судьба двух поколений европейских наций № 5
- Мурадян А. А. — Я. Накасонэ, Я. Мураками, С. Сато, С. Насибэ. После «холодной войны» № 8
- Б. В. Поспелов. Отношения Японии со странами АТР: социально-идеологические аспекты № 12
- Неспин И. Г. — Великий князь Николай Михайлович историк № 10
- Нежинский Л. Н. — Т. В. Волокитина, Г. П. Мурашко, А. Ф. Носкова. Народная демократия: миф или реальность? Общественно-политические процессы в Восточной Европе 1944—1948 гг. № 7
- Николаев М. Г. — А. Н. Мерцалов, Л. А. Мерцалова. Сталинизм и война. Из непрочитанных страниц истории (1930—1990-е) № 10
- Неретина С. С. — Споры о главном. Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов» № 6
- Обичкина Е. О. — Документы истории Великой французской революции. Том второй № 5
- Орлов А. С. — А. Б. Каменский. «Под сению Екатерины...»; О. А. Омельченко. «Законная монархия» Екатерины Второй. Просвященный абсолютизм в России № 7
- Петров А. Ю. — М. С. Альперович. Россия и Новый Свет (последняя треть XVIII в.) № 10
- Пономаренко Л. В., Савичева Е. М. — Л. С. Васильев. История Востока № 3
- Рогов К. Е. — «Thesis» № 2
- Россия и современный мир № 3
- Г. В. Мелихов. Маньчжурия далекая и близкая № 5
- Секиринский С. С. — Н. В. Рязановский. История России № 11
- Сергеева Т. Д. — В. Б. Кобрин. Кому ты опасен, историк? № 3
- Степанский А. Д. — Политическая история России в партиях и лицах . . № 6
- Уваров П. Ю. — А. Л. Ястребичкая. Европейский город (Средние века раннее Новое время). Введение в современную урбанистику № 12
- Урибес Санчес Э., Емец В. А. — Проблемы социально-экономической истории России. К столетию со дня рождения Бориса Александровича Романова № 10
- Усыскин Г. С. — Т. Э. О'Коннор. Инженер революции: Л. Б. Красин и большевики. 1870—1926 № 12
- Федоров С. Е. — К. Хилл. Английская Библия и революция XVII века . . . № 9
- Федоровский Н. Т. — А. Э. Штекли. Утопии и социализм № 11
- Фрейдзон В. И. — И. Очак. Хорватско-русские связи. Вторая половина XIX — начало XX века № 4
- Харитонович Д. Э. — А. Я. Гуревич. Исторический синтез и школа «Анналов» № 11
- Цверава Г. К. — Р. Николаев. Деньги белой гвардии № 6
- Шарапов Ю. П. — Т. И. Калистратова. Институт истории ФОН МГУ — РАНИОН (1921—1929) № 5
- Шевардин В. Н. — К. Улихь. Утопия или альпийские грезы? Сообщения швейцарских путешественников о Советском Союзе 1917—1941 гг. № 2
- Шелохаев В. В. — С. А. Стспанов. Черная сотня в России. 1905—1914 гг. № 1
- С. С. Секиринский, Т. А. Филиппова. Родословная российской свободы . . № 9
- Шельский А. В. — А. А. Егоров. Жозеф Фуше: карьера оппортуниста . . № 1
- М. Дебрэ. Управлять иначе: воспоминания, 1962—1970 гг. № 8
- Шилобод М. И. — О. М. Вербицкая. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х — начало 60-х гг. № 2
- Шорин П. А. — Н. А. Соболева, В. А. Артамонов. Символы России № 8
- Шпотов Б. М. — А. В. Полетаев, И. М. Савельева. Циклы Кондратьева и развитие капитализма (опыт междисциплинарного исследования) № 4
- Языков Е. Ф. — Позитивный опыт сотрудничества с фондом Фулбрайта . . № 9
- К XVIII Международному конгрессу исторических наук № 11
- По страницам зарубежных журналов . . № 10
- ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ**
- Бацер М. И. — Вы читали Бокля? . . . № 1
- Васильев А. Ф. — Имелись ли объективные причины поражения Красной Армии в 1941 году? № 4
- Карнишин В. Ю. — О Гучкове № 1
- Конасов В. Б. — К вопросу о численности немецких военнопленных в СССР № 11
- Костяшов Ю. В. — Выселение немцев

из Калининградской области в после- военные годы	№ 6
Омельченко И. Л.— Необходимые уточнения	№ 5
Переяслов Н. В.— Как бежал из пле- на князь Игорь	№ 7
Седых М. В.— Трагическая участь кре- стьян села Кирсановка в 30-е годы. .	№ 9
Солнцева С. А.— Инвентарные книги музея как исторический источник .	№ 11
Соловьев О. Ф.— О книге «1 августа 1914» и ее авторе	№ 12

Точеный Д. С., Точеная Н. Г.— Ма- ленькая история в газетных вырезках	№ 6
Хитрина Н. Е.— К вопросу о двоевла- стии в России в 1917 г.	№ 9
Чхартишвили П. Ш.— Письма в поддержку П. Н. Милюкова накану- не его отставки	№ 2
Эбеджанс С. Г., Важнов М. Я.— Производственный феномен ГУЛАГа	№ 6
Энтин Дж.— Взгляд со стороны: о со- стоянии и перспективах российской ис- ториографии	№ 9

Contents

The Political Archives of the XXth Century. Materials of the February-March 1937 Plenary Meeting of the CC CPSU (B). The Participation of the USSR in the Korean War (New Documents). Articles: V. V. Shelokhaev. Liberals and Masses (1907—1914). V. L. Genis. The First Horse Army: Behind the Scenes of the Glory. Historical Profiles: I. I. Leschilovskaja. Karageorgij. Reminiscences: Memoirs of Nikita Sergeevich Khrushchev. History and Fates: A. I. Denikin. The Essays of the Troubled Time in Russia. Communications: Ju. I. Kirjanov. «The May Unrests» of 1915 in Moscow. Publications: Letters of Ekaterina the Second to G. A. Potemkin. People. Facts. Events. A. V. Petrov. Marfa Boretskaja. M. Ts. Arzakanjan. A Page From the History of the French Resistance. Historiography. Reviews on Books: The Book of Historical Sensations. T. E. O'Connor. The Engineer of Revolution. Deutsch-russische Wirtschaftsbeziehungen 1906—1914. Dokumente. Berlin. B. V. Pospelov. The Relations of Japan with the Countries of Asian-Pacific Region: Social-Ideological Aspects. Der Ort Kaiser Wilhelms II. in der deutschen Geschichte. München. A. L. Jastrebitskaja. The European Town. (In the Middle Ages-Early Modern Times). An Introduction into the Modern Urbanistics. Letters to the Editor. Index of Articles Published in 1994.

Учредители: Трудовой коллектив редакции журнала «Вопросы истории»
Российская Академия наук

Главный редактор: А. А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

Н. Н. Болховитинов, П. В. Волобуев, А. С. Гроссман, В. П. Данилов, В. А. Дьяков, И. Д. Ковальченко, В. И. Кузищин, Б. В. Левшин, А. П. Новосельцев, Р. Г. Пихоя, О. А. Ржешевский, И. В. Созин (заместитель главного редактора), К. И. Седов, А. Я. Шевеленко, В. В. Шелохаев, В. Л. Янин

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку

Вопросы истории» № 12, 1994

Адрес редакции: 103781, ГСП, Москва К-6, М. Путинковский пер. 1/2. Телефон: 209—96—21

Технический редактор Е. П. Лебедева

Сдано в набор 17.10.94. Подписано в печать 28.12.94. Формат 70х108/16. Бумага типографская. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,8. Бум. л. 6. Уч.-изд. 19,65. Тираж 17 500. Заказ № 204. Индекс 70145.

ТОО «Редакция журнала «Вопросы истории»

Полиграфическая фирма «Красный пролетарий». 103473, Москва, Краснопролетарская, 16.